

реальность фантастики

10-11 2008

Проза:

Антон Еганов
«Александрова печать»

Сергей Ёжиков
«Кластер упавшей звезды»

Сергей Герасимов
«Исчезающая мышь»

Михаил Бабкин
«Инициация»

Критика:

Яна Дубинянская
Возможность «Острова»

Лев Гурский

Телефон дьявола - 666-666

Подпишись на журнал **hi-Tech PRO** с июня по декабрь 2009 года и выиграй приз!

**Главный приз —
компьютер**

Партнер акции — компания АBBYY Украина
www.ABBYY.ua, store.ABBYY.ua

Призы —
электронные словари **АBBYY Lingvo**
и система распознавания **АBBYY FineReader**

Я оформляю подписку на **hi-Tech PRO** с DVD
с июня по декабрь 2009 года

— 196 гривен*

Для того чтобы ежемесячно получать журнал, необходимо:

- перечислить на счет ООО «СофтПресс» 196 гривен. Выполнить перевод можно в отделении любого банка.**
Р/с 26006000001001 АО «Индексбанк» г. Киева МФО 300614, ЗКПО 22909834
- выслать по адресу: 03005, а/я 5, Киев, ООО «СофтПресс» копию квитанции об оплате и заполненный купон.

Адрес

Ф.И.О. или организация

e-mail

Телефон

* — без НДС согл. п. 5.1.2

** — за перечисление денег банк возьмет небольшую плату

СОДЕРЖАНИЕ

№ 10-11 (62-63) 2008

Проза

1. Антон Еганов	/ АЛЕКСАНДРОВА ПЕЧАТЬ
«А потому, любезный ученик мой Квинт Геллий...»	6
2. Сергей Ёжиков	/ КЛАСТЕР УПАВШЕЙ ЗВЕЗДЫ
«Я тебе показывал свое любимое созвездие?..»	54
3. Кирилл Партыка	/ НА БЕРЕГУ
«Я глубоко втянул густой, одуряющий кофейный...»	82
4. Наталия Ипатова	/ ПОСОЛЬСТВО ПРИНЦА-ЛЕБЕДЯ
«Великий Фомор сидел в каменном кресле...»	102
5. Кристина Гаус	/ ПО ЭТУ СТОРОНУ МИРАЖЕЙ
«Я принадлежу к тем в общем-то нередким людям...»	121
6. Александр Шакилов,
Артем Белоглазов	/ ДЕРВИШ
«Аким К-28 сидел, привалившись к облицованной...»	135
7. Сергей Легеза	/ РАЗ, ДВА, ТРИ – ГОРИ!
«Крестоносцы... – повторил Какатеев совершенно...»	151
8. Сергей Герасимов	/ ИСЧЕЗАЮЩАЯ МЫШЬ
«Все мы хорошо знакомы со свойствами...»	165
9. Игорь Федоров	/ ДНЕВНИК
«Сам не знаю, кому и зачем я это пишу...»	176
10. Олег Мушинский	/ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ОСЕНИ
«В деревне Гегемонино было совершено преступление...»	187
11. Светлана Тяпина	/ GLORIA MUNDI
«Ты, Чародей великий и Чернокожничек известный...»	196
12. Антон Тудаков	/ МОМОСУКЕ И БЕЗГОЛОВЫЙ ПРИЗРАК
«В восьмой год эпохи Кэйтё бродил по дорогам...»	203
13. Владимир Рогач	/ LOVEЦ
«Олег не был профессиональным охотником в...»	210
14. Юлиана Линкс	/ ЛИШНЯЯ
«Сосны, сосенки мои. Многолетние красавицы...»	216
15. Анна Береза	/ ЖИЗНЬ СЕМЕНА ФЕДОТОВА,
ИЛИ АЛЛЕРГИЯ НА ЧЕРНЫХ КОШЕК
«От Федотова ушла жена...»	222
16. Дмитрий Лисовин	/ ПОЛОМКА
«генератор монстров до сих пор работает не так...»	227
17. Михаил Бабкин	/ ИНИЦИАЦИЯ
«Иван Петрович, сорока двух лет, холостой, нигде...»	231

Синопсис

18. Яна Дубинянская / ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ 233

НФ-очерк

19. Павел Амнуэль / И АКТЕР ЩУКИН В РОЛИ ЛЕНИНА... 244

Критика, публицистика, обзоры

20. / РЕЙТИНГ «F-ZONE» 250
 21. / РЕЦЕНЗИИ 255

Кинопортал

22. Яна Дубинянская / ВОЗМОЖНОСТЬ «ОСТРОВА» 259
 23. Лев Гурский / ТЕЛЕФОН ДЬЯВОЛА – 666-666 263

Новости Фэндомы

24. / OPUS MIXTUM 270

Места, где Вы всегда можете приобрести журнал «Реальность фантастики»:

Киев

Киоски «Пресса», «Факты», торговые точки «СН-Столичные новости», книжный рынок «Петровка», ТЦ «Интервал-Плаза» рядом со ст. метро «Либідська», бутик № 23, киоски и раскладки на ж/д вокзале.

Харьков

Газетный рынок, магазин «BOOKS».

Одесса

Киоски «Пресс-служба Одессы».

Крым

Киоски «Союзпечать» в г.г. Севастополь,

Симферополь и др. городах Крыма.

Донецк

Киоски «Союзпечать», магазин «Мир прессы», ул.Горького, 59-а.

Львов

Киоски «Торгпресса», «Интерпресс».

Луганск

Магазины и киоски «Луганскпечать».

Полтава

Киоски Полтавского почтамта.

Мариуполь

Киоски «Союзпечать».

Сеть магазинов «Буква» по Украине, киоски и раскладки в разных городах.

Призовая подписка «Реальность фантастики» круглый год!!!!

В призовом фонде:

***Книги фантастики всех направлений
Фэнтезийная и историческая миниатюра
Коллекционные карточные игры
Настольные игры***

Правила участия:

- ✓ Розыгрыш призов проводится среди подписчиков журнала «Реальность фантастики»
- ✓ Подписчик присылает копию подписной квитанции и контактные телефоны в редакцию журнала
- ✓ В розыгрыше принимают участие копии подписных квитанций в виде ксерокопий, присланных письмом по почте или факсом
- ✓ Розыгрыши проводятся в редакции журнала
- ✓ Розыгрыш проводится 20 числа каждого месяца с января по октябрь 2008 года
- ✓ Имена и фамилии победителей будут напечатаны в журнале «Реальность фантастики»

Призы выдаются при наличии документа, удостоверяющего личность, в магазине «МОДЕЛКИТС» в Киеве, по адресу:
ул. Красноармейская 143/2 рядом с метро "Лыбидская"
ТЦ "Интервал-Плаза", 1-й этаж, магазин №23.

***Подпишись на журнал в течение года!!!
Фантастические призы ждут тебя!***

АНТОН ЕГАНОВ

АЛЕКСАНДРОВА ПЕЧАТЬ

*Богам угодно было, дабы мы,
прожив долгое время среди людей,
снова вернулись на небеса, в прежнее наше обиталище.*

Ромул

*Коль преступить закон — то ради царства,
А в остальном его ты должен чтить.*

Эврипид, «Финикиянки»

*Аве, Цезарь, друг сердечный!
Ну заходи — давно жаждались!*

«Черный Обелиск»

Эпистола III

ПОТОМУ, ЛЮБЕЗНЫЙ УЧЕНИК МОЙ КВИНТ ГЕЛЛИЙ, «АВГУРИЙ», «ОРАКУЛОМ», если по-эллински, или попросту — «предсказанием» является всякое, что пребывает в мысли нашей ранним утром, в первый миг после пробуждения. Ибо не прервана еще в быстрое течение то мгновение непрочная нить связи нашей с высшим миром — миром Бессмертных.

Извлекаются авгурии и из начала любой работы или предприятия. Если в час, когда свершил ты первый шаг на новом пути или заложил первый камень нововозводимого здания, имеет место событие странное, необъяснимое и тем более настораживающее — оставь начинание до новых, благоприятных авгурий. Так, споткнувшись о порог дома, прерви задуманное путешествие. Также если, выходя из дома, услышишь крик или зовущий тебя голос — задумайся о целесообразности намеченного тобою. Если же на народных комициях полноправный римский гражданин подвергся припадку падучей, требуй безотлагательного роспуска собрания.

Также под прицелом внимания твоего обязаны пребывать мелкие, казалось бы, случайности, как-то: просыпанная соль, пролитое вино, непредвиденные звуки (к примеру, потрескивание кресла или урчание в животе), падение предметов, в особенности в храме или другом священном месте. В храм же опасайся войти с левой ноги. Все мнимые эти случайности предвещают, по воле Бессмертных, разного рода неприятности. Напротив, если светильник вдруг, ни с того, ни с сего, с шипением брызнет маслом — это знак чрезвычайно благоприятный.

Обращай, любезный ученик мой Квинт Геллий, самое пристальное внимание на такое недооцененное явление, как чихание. Ибо оно, как упоминает

еще Гомер в седьмой книге своей «Одиссеи», исходит из места священного, а именно — из головы, в коей средоточена вся сила человеческого понимания.

Если довелось тебе, выйдя из дому, встретить четвероногое животное, то имеешь ты дело с «педестами», кои есть вид авгурий древний и весьма действенный. Неприятностей ожидай, если встречены тобою собака, волк или лисица, в особенности если эта последняя перебежала тебе дорогу. Встреча с волком означает вероломство и людскую недобросовестность, если только встречена не волчица, с сосцов которой капает молоко. В таком случае означает это братоубийство, ибо Рем, как известно, повергнут был братом своим Ромулом.

В походе же внимательней всего следи за наконечниками копий и прочего оружия. Если на разящих оконечностях образуется вдруг пламя, то означает это скорейшую встречу с неприятелем. Когда пламя приобретает багровый оттенок, это возвестит о грядущей кровопролитной битве, если же огненные языки отдавать будут бледностью — сражение окончится трусливым бегством одного из противников.

Также в походе при утренней пробудке встретиться могут, прежде всех остальных, животные упряжные, пребывающие в связке друг с другом. Знак этот крайне неблагоприятный, и носит имя «ярмо», то есть армии всей, включая и полководца, уготовано пленение...

«Полный Авгурикон». Писано Гаем Гевелием Ностром, этрусской науки и прочих дивинаций знатоком, по воле богов в 630 году от основания Города.

1. Гай Юлий Цезарь, пожизненный диктатор. Рим, иды марта 709 года от основания Города.

Выдавали его лишь пальцы правой руки.

Пальцы Децима Альбина, сенатора, наместника Цизальпийской Галлии, а с недавних пор еще и заговорщика, сгибались-разгибались, словно разминаясь спросонья. Или готовясь вцепиться мне в горло.

Не дергайся у него пальцы, он сошел бы за мраморную колонну, подпирающую потолок атриума.

— Не ослышался ли я, диктатор Цезарь? — голосом Альбин владел, как искусный триарий — мечом-гладиусом. Ни дрожи, ни сомнений в голосе этом не было и в помине. — Ты и вправду не удостоишь своим присутствием Сенат?

А ведь он меня даже не боится, в сотый раз с досадой отметил я. И плевал он на смерть и публичный позор с Ростральной колонны. Для него самый сильный страх — если диктатор Цезарь и завтра будет восседать в курульном кресле и самовластно заправлять делами в Риме. Если выскользнет, как и в ошетинившейся копьями Александрии, из сегодняшней западни в Сенате...

Как захотелось расколоть каменную эту невозмутимость! Рыкнуть злобно: «Да ведь мне все известно, подлец и предатель Альбин!». Пусть ле-

тит в тартарары вся многоходовая интрига — я хочу видеть, как Железный Децим вытирает коленями мозаичный пол атриума моего дома!

— Да ведь диктатору Цезарю все известно, стойкий и бестрепетный Альбин, — начал я самым страшным из моих голосов. И повесил паузу — в точности как учил родосский ритор Аполлоний Молон.

Словно остановил сердце.

На его месте трусишка, вроде Цицерона, уже обделался бы прямо в нахрамленную тогу. Но Альбин — это вам не политическая гетера Марк Туллий! Он глядел твердо и даже с вызовом, и только вверх по мраморному его лицу медленно потек пурпур. Будто в прозрачную чашу наливали вино.

Я всеми исчадиями Гадеса проклял его выдержку. Выдержку, которой в бесчисленных стычках в Косматой Галлии столько раз восхищался.

Чаще — лишь спелыми бедрами его супруги Цецилии.

— Диктатору Цезарю прекрасно известно, Децим Альбин, — продолжил я, изгнав уже из голоса всяческий драматизм, — что ты хотел бы на ближайших выборах претендовать на консульство. Что ж, амбиции похвальные. Наместничая в Галлии по эту сторону Альп, ты проявил себя с наилучшей стороны, а я всегда утверждал: кто может управлять Галлией — управится и с Римом. Так что достойному мужу — достойную магистратуру. Пожалуй, диктатор Цезарь тебя поддержит.

В прозрачной чаше откупорилось отверстие, и пурпур на его лице начал неторопливо сползать вниз.

— Благодарю тебя, Цезарь, — Децим склонил голову, словно в знак признательности. — Ты, как всегда, прекрасно осведомлен обо всем, что делается и думается в Риме...

Ты даже не представляешь, Децим Альбин, *насколько* осведомлен...

— ...и уж тем более, Цезарь, тебе должно быть известно, что по твоей просьбе Сенат собрался в курии Помпея еще утром. И что отцы-сенаторы пребывают в недоумении и раздражении оттого, что диктатор, пусть и пожизненный, заставляет их ожидать столь неуважительно долго. Некоторые даже поговаривают, — Альбин понизил голос, — что проволочку эту устроил ты специально, дабы в очередной раз Сенат унижить...

Теперь я ясно видел, что под тогой у него притаился кинжал. А, возможно, и панцирь. К заседанию отцов Альбин подошел во всеоружии — в прямом смысле слова.

И, насколько мне известно, не он один...

— Недобрые предзнаменования останавливают диктатора Цезаря, — я извлек из богатой своей коллекции маску крайней озабоченности. — Кальпурнии этой ночью привиделось, что какие-то негодяи закалывают диктатора прямо в ее объятиях, а потом здесь, в этом доме, рушится крыша. Утром же двери в спальню настезь распахнул ветер — тоже примета не из приятных...

Что скажешь на это, гнусный заговорщик Децим Альбин? Ведь если вы не заколете меня, словно жертвенную овцу, сегодня в Сенате, завтра о замыслах ваших заговорит весь Рим!

Уже начинает говорить...

Пурпурное вино запнулось на уровне рта и вновь лениво потянулось вверх. Я явственно представил, как недовольно оно взбулькивает, проклинающая столь резкие перемены. И тут же пожалел об этом: опять на поверхность памяти выполз вчерашний ужин у Лепида. Вот виноградная мерзость, мысленно застонал я, а мерзость эта уже сочилась из тошнотного вечера и наполняла тело вязким и муторным...

— ...подумать... недоброжелатели... диктатор Цезарь... из-за матроньей прихоти... — выныривали из мутной жидкости слова Альбина и медленно приводили меня в чувство.

Его пальцы заходили быстрее, даже забегали. Подсказывали: сейчас, сейчас он не выдержит! Сейчас наместник Цизальпийской Галлии выхватит кинжал и прикончит ненавистного диктатора не в Сенате, как у них сговорено, а прямо здесь...

Я опомнился и заиграл отступление:

— Ты прав, Децим Альбин — Цезарь не должен, подобно мальчишке, по любому пустяку искать убежища под женской столой. И уж тем более не стоит откладывать заседание до того времени, пока Кальпурний случится видеть более благоприятные сны. Отправляйся же в курию Помпея и объяви отцам-сенаторам: диктатор велел готовить носилки и скоро прибудет!

Альбин кивнул — как лбом гвоздь вколотил. Скрипнул мраморной шеей, образцово выполнил «кругом» и звонким военным шагом, нисколько не пугаясь в складках тоги, вышествовал из атриума.

Я невольно пересчитал колонны — показалось, что по дому промаршировала одна из них. Потом откинулся на спинку катедры и занялся мыслью, не дававшей покоя все сегодняшнее утро.

В действительности этой ночью дражайшей моей супруге Кальпурнии, да продлит Юпитер ее дни, пригрезилось, будто я подарил ей ожерелье крупного британского жемчуга. О чем она, проснувшись, с предвкушением и сообщила.

А вот мне действительно явился Сон.

Я в императорском палудаменте взмываю над самыми высокими облаками. Полы плаща несут меня ввысь, как чудесные красные крылья. И когда облака сжимаются в белый кулачок, игриво грозящий мне снизу, из небесной тверди вдруг высовывается рука — в полторы моих. Она словно зовет к рукопожатию, и я радостно касаюсь ее ладонью. Твердь колышется, словно потревоженная ветром гладь реки, сквозь рябь проглядывает снежнобродое лицо, и я узнаю Громовержца...

И просыпаюсь.

О, боги, неужели это... знак? Гарантия, что сегодня в Сенате все *работает*?

И, словно в насмешку, в голове вновь, в четвертый или в пятый раз за утро, заворчалось острое, скрипучее, ржавое. Нахлынул вчерашний вечер — глупый, бессмысленный, а под конец еще и тошнотный...

...Перед глазами — триклиний Лепида, тесный от скопища гостей.

Я чаша за чашей вливаю в себя терпкое фалернское вино. Оно застилает глаза, стискивает язык, вяжет мысли, но я вливаю, вливаю, вливаю... Потом, обняв статную гречанку Лаиду, губами застывающего гипса вдохновенно плету о смерти, быстрой и внезапной. А Лепид, раскинувшись рядом на пол-стибадия, мычит по-коровьи, как у него в тускуланском поместье родилась однажды телка с двумя хвостами, и маленькие его лепидики таскали ее одновременно за оба, пока не оторвали...

До вчерашнего вечера я ни разу не бывал пьян.

Даже Катон, заклятый мой враг, однажды признал: «Цезарь первый, кто взялся за государственный переворот трезвым». Но вчера, в день накануне мартовских ид 709 года от основания Рима, мне впервые в жизни нестерпимо захотелось глушить фалернское чашами.

Глушить, пока в дурманящей стремнине не захлебнется страх...

Я зачерпнул из имплювия дождевой воды и стал жадно глотать. Потом смочил край туники и примостил на лоб. Ржавое чудище в голове несколько угомонилось, в атриуме посветлело и стало легче дышать, и лишь тончайшая истома не отпускала...

Хорошо, если это просто похмелье. А вдруг... *она? Та*, неотвратимая и беспощадная, которая является, когда *ей* вздумается, чаще — в важнейшие, решающие дни. *Та*, которую зовут черной немочью, приткой, Священной Болезнью или же просто падучей...

Неужели *она* явится и сегодня, чтобы разорвать с таким трудом и тщанием выплетенную сеть? Неужели... как тогда, при Тапсе, когда черные всадники Юбы катились на нас лавиной, а я в беспамятстве метался в преторской палатке, изо всех сил пытаюсь расколотить затылок о земляной пол? И хорошо еще, что уловил едкое *ее* дыхание вовремя и успел убраться. Уплестись в полубреду долой с растерянных солдатских глаз. Иначе не видать бы тем глазам победы, как мне — волос на лысой моей голове...

Какой изощренный позор — армия выиграла битву, пока полководец закатывал глаза и пускал слюни, да еще и наделал под себя! К счастью, никто из тех, кто это видел, до сих пор не проговорился.

К их счастью...

Влажная примочка отогнала, наконец-то, истома прочь. Я встал, вызвал управляющего и велел готовить носилки. Потом пересек атриум и приблизился к алтарю, от которого с интересом взирал на меня могучий бронзовый Громовержец. Он всегда и на все взирал с интересом — таким уж извьял его грек Леонид из Коринфа.

Мы долго глядели друг на друга — бронзовый взгляд против живого, бог против человека, глаза в глаза. Потом я взял его за руку, которую он навечно перед собой выставил, и стиснул холодную ладонь.

В точности как во Сне.

Эпистола V

...Именуется это явление, любезный ученик мой Квинт Геллий, «Фебовым факелом», и предвещает близкую, и не бескровную, смену правителя. Если же факел такой явился тебе на той стороне неба, в коей заходит солнце, то спеши сообщить согражданам, что смена эта принесет Городу неисчислимые бедствия.

Но наивернейшие гадания, из всех, производимых по небу, — так называемые «фулгации», или «манубии», суть — гадания по грому и молниям. Ибо явлениями этими посылает нам предупреждения сам Юпитер Сумманий, то есть Зарницеблещущий. Молниям и грому повиноваться должно безо всякого сомнения, как пример — не колеблясь, отменять назначенные и начатые уже комиции.

Основа же всяческой манубии, любезный ученик мой Квинт Геллий, — деление небосвода на шестнадцать равноправных частей. Для того, оставив предварительно восход по левую руку, посохом своим рассеки небеса на четыре одинаковых сектора, затем число секторов удвой, а в заключение — повтори удвоение еще раз.

Исходя из этого рассековения, значимость каждой молнии определяется тремя понятиями, а именно: сектором, где молния зародилась, сектором, в котором она иссякла, и цветом самой молнии. Существенную важность при этом имеет положение молнии относительно наблюдателя. Молнии, явившиеся слева, несут счастливое предзнаменование, пришедшие справа — дурное. Цвет же молнии указывает на расположение духа Зарницеблещущего, в коем была она выпущена. Так, красный оттенок указывает на гнев, зеленый — на недоверие, синий — на одобрение и благодушие...

«Полный Авгурикон». Писано Гаем Гевелием Ностром, этрусской науки и прочих дивинаций знатоком, по воле богов в 630 году от основания Города.

2. Секст Маций по прозвищу «Великий Авгур». Ватиканское предместье Рима, иды июня 693 года от основания Города.

Лицом он был более похож на недалекого лавочника, нежели на пропретора Дальней Испании.

В незапамятные те дни он зачесывал волосы с темени на лоб, чтобы скрыть неумолимо лезшую наружу плешь. Оттого чело его казалось низким и приплюснутым, отнюдь не прибавляя физиономии ума.

Что многочисленные его женщины в нем находили, я понял не сразу. Только когда столкнулся с ним взглядом.

Взгляд его хватал бронзовыми пальцами за горло, и сразу хотелось подчиняться. Власти, власти, власти! — требовали его глаза. Власти любой, без разницы, над кем или чем, но — больше, чем есть сейчас!

Немногие, наверное, могли сопротивляться этому взгляду...

...— Что привело тебя, Гай Юлий по прозвищу Цезарь?

Это был ритуал, который разыгрывали все мало-мальски сведущие в Ремесле авгуры. Даже те, которые не умели гадать иначе, как по смрадной бычьей печени, вороньему карканью и собственной фантазии. Те, к которым в среде *посвященных* пристало прозвище «предсказака». Те, которые за карьеру и словом не перемолвились с Ними...

Те — почти все...

...«Что привело тебя?..»

На самом деле я давно знал, что он явится, и явится именно ко мне. Ведь он считал себя великим, хоть и не сотворил еще ничего, достойного величия. Великим называли и меня.

Было за что.

...Он щурился от укусов солнечных лучей и молчал.

За спиной у него переминались с ноги на ногу четверо крепкоплечих атлантов. По повадкам — офицеры не выше центуриона. В непривычных гражданских тогах им было тесно. Поглядывали атланты с любопытством и немного с опаской.

О чем он спросит, я примерно представлял.

И давно держал наготове ответы, которые вполне бы его устроили. И уже прикидывал, ограничиться ли неминуемым всевластием в Риме или же выдать туманно и о грядущем его мировом величии. Прикидывал, на какое пророчество расщедрится он. Прикидывал, пока вновь не встретился с ним взглядом и не проник в непростые его глаза глубже.

Пока не увидел, *что* там прячется на самом деле.

Там, за вавилонскими стенами неумной жажды власти, как готовый к вылазке гарнизон, затаилась *она*.

Болезнь блаженных и диктаторов, пророков и царей.

Священная Болезнь.

Вот это было с Их стороны полнейшей неожиданностью! Все витиеватые заготовки из головы разом вылетели, как вспугнутая стая ворон. Да и были они теперь ни к чему — этот, оказывается, состоит у Них на давней и прочной примете.

А значит — *слышать* сегодня предстоит по-настоящему.

— Ты ведь знаешь, что мне нужно, Великий, — выдавил он, наконец. Слова выходили из него неохотно, по капле.

— Знаю, Гай Юлий по прозвищу Цезарь, — честно признался я. — Да об этом в Риме каждая собака знает.

— Вот серебро, — он протянул небольшой, но увесистый мешочек. — Если сбудется, получишь во много крат больше.

Я поклонился. Не из благодарности — из вежливости. После того, как со дна его глаз глянула *она*, монеты эти для меня ценность всякую потеряли. Монеты ведь платят за работу, а работать, оказывается, сегодня буду не я, а Они.

— Александр в моем возрасте уже не только покори́л мир, но и... помер. А я... — он с досадой опустил взгляд и воткнул его в землю. Я ждал, когда земля от взгляда этого задымится.

И тут до меня дошло, как тяжело ему было придти. Как его бесило, что о *своей* судьбе он узнает от какого-то в первый раз виданного авгуришки, в то время как там, наверху, кто-то запросто властен над тысячами...

Потом он оторвал глаза от земли. Решился — и пошел рубить воздух словами.

Так, что летели искры.

— Что же мне делать, Великий? Как выиграть эту битву? Каким маневром? На носу — выборы консулов. У Катона и его прихлебателей — превосходство явное, как в Сенате, так и среди всадников с плебеями. Плюс — деньги. А у меня — двадцать пять миллионов долга... — он стиснул зубы. — Они задавят меня на комициях, прямо на Марсовом поле, как беззащитного младенца! А тогда — все; конец, прах надеждам. Город не прощает неудачников...

— А не приходило ли тебе в голову, что Городу, быть может, консул Гай Юлий по прозвищу Цезарь и... не нужен? — прямо спросил я. — Что Город, простоявший семьсот без малого лет, запросто простоит столько же, Капитолий не уйдет под землю, а орел римский по-прежнему реять будет над ойкуменой, если история никогда не услышит такого имени? Твоего имени?

Все равно слова эти ничего не решали. Решали сейчас Они...

— Не твоего это ума, Великий! — он еле сдержался. — Твое дело — предвидеть, как мне повести себя, и что из этого выйдет!

— Если прибыл ты за советом в политике — ты ошибся адресом, Гай Юлий по прозвищу Цезарь! Советы хорошо дают на Римском Форуме, в особенности — бездельники-ардалионы, день и ночь заседающие под Рострами. Здесь же лишь покорно толкуют волю Бессмертных.

— Так толкуй же, Великий! — почти выкрикнул он. — Толкуй, не мешкай! Будешь толковать по полету птиц? По их кормлению? По внутренностям животных? По всему сразу? Я заплачу за все! За все, слышишь? Где твои птицы, авгуры?

На мгновение мне показалось, что *она* в его глазах всерьез изготовилась к вылазке.

— Сразу видно, что ранее ты имел дело лишь с теми, — я снисходительно усмехнулся, — кого мы, авгуры Истины, зовем не иначе, как «предсказателями». Птицы — не для тебя, Гай Юлий по прозвищу Цезарь! Они — для простаков, вроде Катона и его, как ты говоришь, прихлебателей. Для тебя же я *услышу* по-настоящему. Даже если, видят Бессмертные, не особо того и желаю.

И я *услышал*.

...Порешили Они все на редкость быстро, без лишних раздоров и споров. Почему-то мне показалось, что на этот случай все у Них было подготовлено заранее. И даже Первая не возразила ни разу, уж на что она знаменитая склочница. Неужто... тоже не устояла перед его взглядом? Об остальных и говорить нечего — были сговорчивыми и покладистыми, будто жертвенные барашки. Не часто услышишь у Них такое... Все больше грызутся, как в римском Сенате, и нет-нет — да и дойдет до драки...

Потом Посланец бесцветным, как обычно, голосом сообщил Их решение. — Если мало того, что имеешь — погляди в небо, Гай Юлий по прозвищу Цезарь, — почти голосом Посланца сказал я. — Видишь: коршун молодой сцепился с матерым орлом за право верховодить в вышине. Но где уж хилому и незрелому одолеть искушенного консула небес! Сыплются на землю черные перья, орошает дождем землю черная коршунова кровь. Еще мгновение — и орлиный клюв, подобный гладису, достанет до черного сердца. Еще мгновение — и грянется оземь бездыханное тело. Если...

— Что — если? — вдруг нетерпеливо закричал он. — Что? Что???

— Если не примчат младому на выручку два старших его соратника. Один коршун — славный воин, победитель многих битв, император небесных легионов. Другой — владетель несчетных гнезд и щедрых охотничьих угодий...

Я открыл глаза и увидел его лицо. Немногие, наверное, видели *такое* его лицо...

Небо над нами было чистым, как накрахмаленная тога.

Ни птички.

Он долго на меня смотрел. Потом повторил:

— Один — славный воин, другой — владетель несчетных гнезд и щедрых охотничьих угодий... Воин — это, конечно, Гней Помпей Толстый. Нет более в Риме славных воинов. Перевелись. Хотя и этот, между нами, квиритами, говоря... А вот кто же второй?.. Владетель гнезд... угодий... Неужто... Марк Красс Процентчик, скупивший в последние консульства половину доходных домов Рима? Неужто этот денежный сундук? Неужто... главнейший мой кредитор?

Он вдруг расхохотался. Жестко, отрывисто. Как проклекотал коршун.

— Объединиться с этими против орла республики... С мимами, шутами, ничтожествами... Против Катона и облезлых его птенцов... Вот уж бы не подумал...

Все-таки Они выдали ему совет. Политический совет. Ну да Их воля...

— Не врешь, Великий?

Я не обиделся на его слова. Не знаю, как Они...

— Они не врут, Гай Юлий по прозвищу Цезарь...

Эпистола VIII

...«Гаруспиции», или же, по-гречески, «иеромантия», — суть, любезный ученик мой Квинт Геллий, толкование знаков, читаемых на внутренних органах жертвенных животных. Очертания различных участков внутренностей, цвет и расположение потрохов могут дать опытному взгляду исчерпывающие сведения о прошлом, настоящем, равно как и о будущем.

Заметь, прежде всего, расположение селезенки, а именно — не вышло ли так, что поменялась она местами с печенью. Если же такое случилось, то имеешь ты дело со знамением чрезвычайной важности и редкости. В

таком случае следует в наискорейшее время ожидать чуда, которое повлияет на исход битвы, похода или даже целой войны.

При рассмотрении кишок первостепенное внимание обрати на их цвет. Если, к примеру, имеют они синеватый оттенок, то в Городе и провинциях ожидать стоит безбедного и урожайного консульства. Если же налились черным, да к тому же и завернуты на левую сторону, то неизбежен в Городе и подвластных территориях неурожай и даже голод.

Чрезвычайно показательным органом является сердце. Называют чудом, если орган этот отсутствует. Впрочем, если и содержится здесь чудесное, то о чудесах следует говорить скорее печальных, нежели благоприятных. В особенности, когда сердце не обнаружил ты у закланного жирного быка — тогда в самом скором времени вопрошающему о знамении следует опасаться потери рассудка и жизни, ведь и то, и другое исходит из сердца. А вот если на кончике этого органа заметил ты некоторое ожирение, то означает это непременно удачу и процветание в делах.

Основной же признак, любезный ученик мой Квинт Геллий, когда имеешь дело с легкими — если у органа этого наблюдается некоторый раскол или разрез, то все задуманное без колебаний перенеси на последующий день...

«Полный Авгурикон». Писано Гаем Гевелием Ностром, этрусской науки и прочих дивинаций знатоком, по воле богов в 630-м году от основания Города.

3. Гай Юлий Цезарь, пожизненный диктатор. Рим, иды марта 709 года от основания Города.

Снаружи поджидал тесный и давно опостылевший Рим.

Он надвинулся со всех сторон, завопил сотней пьяных ртов, задышал кислым сабинским вином и смрадом благовоний. Заерзал по мостовой тысячью сандалий. В напоминание о вчерашнем вечере стукнул в голову тяжелым ржавым копытом. Стало душно. Почудилось, что Священная дорога петлей затягивается на шее.

«Цезарь! Цезарь!» — вопили в восторге рты, словно на арену выпустили любимого гладиатора.

Я сделал над собой усилие и вернул с полдороги презрительно поползшую вперед нижнюю губу. Потом слепил на лице маску государственной значительности и важности. Слепил поспешно, вкривь-вкось, как незадачливый ремесленник, — сегодня не день тратиться на ничтожества. Такая маска и была нужна — грубая, угловатая, толстая, чтобы отгородиться от смрадной толпы наглухо. Чтобы смять крысиную эту когорту и протиснуться к носилкам.

Я прошествовал сквозь толпу с видом, будто увлекся нависшими впереди унылыми пропорциями храма Венеры Урбинской. У самых носилок запнулся — управляющий, грек Гиппархий, увяз в людском болоте позади, и некому было приставить к бортику полагающуюся лесенку.

Вот тут мерзкое скопище и проявило себя во всей красе!

Толпа отхаркнула из клоачных своих рядов двух скудоумных пеласгов. Одного я сразу узнал — это был Секст Дений Рур, сухощавый повеса, кичившийся происхождением своего патрицианского рода чуть не от гусей, спасших когда-то Рим. Родовое чванство не мешало ему, однако, наравне с плебеями кланчить у государства хлебные подачки и с утра до вечера осажать дом диктатора Цезаря в охоте за благосклонной того улыбкой.

Второй был неизвестный мне толстяк в измятой тоге, с плебейской рожей булочника или сапожника, похожий на опившегося цимлянским Бахуса.

Оба бросились к лесенке, чтобы поскорее приладить ее к носилкам, и сшиблись головами.

Шипя от боли, Бахус вцепился в верхнюю ступеньку, Дений Рур — в нижнюю, и оба стали рвать лесенку на себя. Ярости и отваги при этом они проявили столько, словно под градом стрел приставляли лестницу к вражеской крепостной стене.

Наконец подоспел Гиппархий (разрази тебя гром за твою медлительность!), с трудом переплывший эту клоаку, и отогнал обоих. Я взмолился по лесенке под балдахин и откинулся на подушки. Прежде чем задернуть занавеску, смилостивился над толпой и вполжеста ей махнул.

Среди этих плебеев (не по рождению — по духу, ибо патрициев здесь тоже хватало) сделалась радость, будто Сципион Африканский повторно спалил Карфаген.

«Цезарь! Диктатор Цезарь! Всемогущий диктатор Цезарь!», — вопили они и обнимались, лапая друг друга за несвежие тоги.

Я отгородился от вакханалии занавеской и приказал трогаться. Квадратноплечие Аквилон, Зефир, Эвр и Нот, рабы-нубийцы в пенулах из белой шерсти, подхватили носилки и повлекли меня в курию Помпея.

* * *

Всемогущий, горько усмехнулся я подхалимскому воплю толпы.

Всемогущ ли, скажем, паук, еще в календы расквартировавшийся в уголке моего атриума?

С точки зрения мухи, влипшей на днях в его паутину, — вне всякого сомнения. Но стоит Гиппархию или кому-то из домашних рабов поближе познакомиться с сандалией — и от паучьего всемогущества останется вонючее пятнышко на мозаичном полу.

Всемогущий... Когда-то я действительно полагал, что для всемогущества достаточно лишь правдами и неправдами заполучить консульскую власть. Став консулом, ощутил, что всемогущество мое по рукам и ногам спеленато okayмленными пурпуром тогами-латиклавиями отцов-сенаторов и народных трибунов.

Распеленаться казалось делом элементарным — институт диктаторства в Риме пока что никто не отменял. Достаточно лишь вложить в уста квиристов соответствующее пожелание. Подкрепленное — для верности — мечами двух-трех верных мне легионов.

И вот сейчас, оформив уже диктаторство пожизненно, разодрав столь мешавшие сенатские тоги в клочья, разогнав наиболее непокорных отцов по провинциальным городам и весям, проведя в народные трибуны людей, которые и за ухом ради народа не почешут, я по-прежнему не ощущаю себя всемогущим.

...Я владею половиной мира — и... ничем.

Тела всех этих Порциев, Фабиев, Туллиев в известной степени, быть может, мне и принадлежат, а вот что творится в их душах — разберет только Громовержец. Я запросто могу похлопотать им о свидании с Плутоном, но никакой властью не способен заставить их меня... полюбить, что ли.

По-настоящему не владею я даже этим распластанным в пыли стадом. Тот же Дений Рур наверняка шесть консульств назад верещал гетерым голоском: «Помпей! Всемогущий Помпей!» и пытался примостить Толстому Гнею лесенку под его кривые кавалерийские ноги...

Стадом владеет не консул Помпей или диктатор Цезарь.

Стадом владеет — консул Серебро, диктатор Сластолюбие, император Праздность!

...Всемогущий, скептически покачивал я головой в такт носилкам. Да что толпа — я не могу справиться даже с собственной лысиной!

Более того, сволочная плешь *диктует* мне, который сам — пожизненный *диктатор*, как надлежит выглядеть.

Если в молодые годы она заставляла перекидывать с темени на лоб резервные волосы, то сейчас, когда резервы иссякли окончательно, вынуждает бессменно таскать на голове этот веник из лавра. От которого, между прочим, по темени расползаются прыщи!

...А страх, окопавшийся в последние дни в моем не самом робком сердце? Страх, непотопляемый в чаше с фалернским? Страх, которому невозможно скомандовать «Отставить! Бегом из души марш!»...

...А Священная Болезнь, наглая и самовольная хозяйка тела и судьбы? Захватчица, которой плевать, что перед ней — самый могущественный правитель в ойкумене? Властительница, готовая дурманящей рукой перевернуть с ног на голову самую выверенную интригу?

...О Бессмертные, почему же так *ничтожно мало* власти?

* * *

Во времена, когда папаша мой прозябал проконсулом в Азии, а сам я не менее прозябал праздным ребенком в римском нашем доме, соратником моим по детским играм и шалостям оказался вдруг греческий мальчишка по имени Иолай. Отец его был модным лекарем и пользовал тогда в Городе чуть не всю местную знать.

Однажды Иолай принес под хитоном увесистую колоду дощечек. На дощечках какой-то искусник удивительно ловко выпарапал греческих бойцов-гоплитов — в головоподобных шлемах, с необъятными щитами и длинными, как руки судьбы, копьями-сариссами. На щит каждого из них нанес цифру — от единицы до десятки.

Иолай на заднем двореке шепотом (дощечки он втихую позаимствовал у отца, пока тот неторопливо, со вкусом абортировал некую знатную матрону) мне поведал: все это деревянное воинство есть ни что иное, как взрослая игра, именуемая «Стратегемы».

Суть ее лежала в следующем. Для начала битвы двое играющих получали по две случайные дощечки, причем сверху тылом, так что цифры на щитах были скрыты от обоих. Если играющий был готов перевернуть свои дощечки и подсчитать число, именуемое «фаланга», немедленно, он провозглашал: «Периклов жезл». Если же полагал, что неизвестной ему фаланги для выигрыша недостаточно, то словами «Александрова печать» требовал еще случайную дощечку, и так до тех пор, пока дело, рано или поздно, не доходило до Перикла.

Численность этих фаланг подсчитывалась витиевато до чрезмерности, словом — истинно в греческом духе.

Вначале играющий складывал все цифры подчиненных ему гоплитов. Затем от полученной суммы отнимал десятку — до тех пор, пока выходящая разница сама не становилась меньше десяти. Эта разница и была «фалангой». У кого она выходила многочисленнее, тот в битве и побеждал.

Таким образом, самая несметная «фаланга», которая только могла образоваться, равнялась девяти. Чтобы ее возглавить, необходимо было стать обладателем, скажем, двух дощечек с четверкой и пятеркой, двойкой и семеркой, девяткой и десяткой, или трех дощечек с двойкой, тройкой и четверкой, и так далее.

Коварство, содержащееся в таком методе рекрутирования, было уже не греческим, а восточным. Заключалось оно в том, что, к примеру, получив на двух дощечках в завязке битвы довольно боеспособную семерку, на третьей запросто можно было схлопотать тройку, что в сумме давало «пустую фалангу», или «фалангу» без гоплитов. Это, естественно, был полный и безоговорочный разгром. И подобных парфянских комбинаций в «Стратегемах» насчитывалось великое множество.

Несмотря на это, сочетание имени Александра Великого (а я ни на мгновение не сомневался, что речь — именно о нем!), который уже тогда был моим кумиром, с греческими гоплитами приводило меня в возбуждение поистине нечеловеческое. В то время как Перикл, с занудным его миролюбием и умеренностью, претил, да и до сих пор, признаться, претит мне донельзя.

Потому тактика была predetermined.

...Обычная картина нашего с Иолаем сражения в «Стратегемы» выглядела так.

Я расселся со стопкой подчиненных мне гоплитов и в азарте Александровой печатью сзываю на подмогу все новые и новые дощатые легионы. Бесчисленные новобранцы сливаются в плотоядной сумме с ветеранами, и я чувствую, что это выкашивает, рассеивает, губит мои полки безвозвратно. Но обезлюдившие фаланги — ничто, песчинка на Олимпе моих замыслов. Я вижу лишь одно: под мои знамена должно быть собрано все дощатое воинство, иначе не стоит и играть. И потому не могу сменить тактику.

Не могу и *не хочу*.

...Александрова печать! Александрова печать! Александрова печать!

Передо мной с недетской снисходительной усмешкой восседает Иолай. За время, что бились мы в «Стратагемы» (пока его отец не накрыл нас на том заднем дворике и не уволок Иолая, как упрямого осла, прочь, используя вместо уздечки ухо), количество его дощечек, наверное, ни разу не превысило двух. Что вовсе не мешало бессчетно громить мои «фаланги» в пух и прах.

И вот теперь, когда я далеко не мальчик, но умудренный и безвласый римский муж, мне кажется, что до сих пор сражаюсь с Иолаем в старые греческие «Стратагемы».

Кажется, что изо дня в день, усаживаясь на Форуме в курульное кресло, жадно твержу: «Александрова, Александрова, Александрова печать!».

Кажется, что тогдашняя тактика давно выползла за пределы тесного дворика и подчинила всю мою жизнь.

Только гоплиты с дощечек ожили и обратились в Порциев, Фабиев, Туллиев, отцов-сенаторов, коллегии авгуров, легионы римских воинов, орды варваров и лупанарии гетер.

...Но сегодня, в иды марта 709 года от основания Города, я выиграю решающую партию.

* * *

...Разворошить это осиное гнездо было проще простого.

Когда я за него принялся, оно и так уже тихо гудело, недовольное моей пожизненной диктатурой, бессменным консульством, титулами императора и отца отечества.

Редкими голосками гудели те отцы-сенаторы, которые не до конца еще потеряли остатки былой римской храбрости. Беспорядочно гудела молодежь, которой только и дай, что погудеть, не важно, за или против. И стройно, с ненавистью, как заправские осы, гудели выжившие в усобице помпеянцы. Благо таких, по милости Цезаря, сохранилось в Риме немало. Гудели — и затачивали ядовитые жала, чтобы со временем, когда случится оказия, пустить их в ход.

Поначалу я лишь хлопнул пару раз рядом с этим гнездом в ладоши, чтобы гул усилить.

Для этого объявил, что месяц квинтилий, в который мне пятьдесят шесть консульств назад посчастливилось родиться, отныне и во веки веков будет зваться «июль». Такого, помнится, не позволял себе даже Смердакожий Сулла. Интересно, надолго ли сохранят это название после моей смерти?

В беседах, особенно с теми, которые *гудели* (а известны они были мне наперечет), я дразнил их суждениями вроде «республика — ничто, пустое имя без тела и облика». И втихомолку потешался, когда они, багровея от злости, натужно всемогущему Цезарю кивали.

На ристалищах я завел отдельную ложу, чего в Риме не бывало, наверное, со времен Тарквиния Гордого. Мало того, что диктатор взирал на арену в неприличном отдалении от публики, так еще и расположена его скамья

была значительно выше остальных. Близость правителя и выдвинувшего его народа была продемонстрирована наглядно.

Почувствовав, что разрозненное гудение потихоньку сливается в единый стройный гул, я начал длинной палкой интриг ворошить это гнездо всерьез.

Отныне в Сенате я восседал исключительно в позолоченном кресле. Являлся туда не иначе, как в красных сапогах и с белой перевязью, что еще в энеевой Альба-Лонге служило символом наивысшей власти — царской.

Созвав с десятков скульпторов, я повелел изваять когорту моих статуй, которую клиенты во главе с Марком Антонием расквартировали во все в Городе пантеоны — почтительно позади Юпитера, но перед Янусом, Венерой и Марсом.

Статуи эти простояли в относительной скромности до ближайших календ, а потом вдруг оказались увенчаны царскими коронами. Это «вдруг» имело вполне конкретные имена и еще более конкретную цену, известную только мне и паре приближенных. Так же «вдруг» на одном из моих изваяний появилась надпись: «Этот, консулов изгнавши, стал царем, в конце концов». Стиль, конечно, был отнюдь не Гомеров, зато вполне действенен и понятен самому дремучему пролетарию.

Отцы-сенаторы, озабоченные таким развитием событий, явились ко мне чуть не во всем многосотенном составе.

Я принял их перед храмом Венеры-Прародительницы, от которой, как известно, и ведет начало род Юлиев. И старцы, сенаторствовавшие еще при Сулле и Марии, и отцы средних лет, из которых многие прошли со мной Галлию от Генавы до Алезии, и тем более варвары, зачисленные мною в Сенат для смеху, — все стояли перед диктатором Цезарем навтыжку, как сагаги-гастаты перед центурионом.

Я же — впервые — и не подумал подняться навстречу.

Отделался мелким кивком, будто явился не Сенат римский во всей красе, а личный цирюльник. Кивнул — и продолжил болтать с секретарем моим Корнелием Бальбом. Со много большим удовольствием я, признаться, поболтал бы с роскошногрудой женой его Поппеей, да и она против беседы с диктатором Цезарем обычно не возражала. Причем беседовать предпочитала в спальне, не стесняясь одеждами, кои, как известно, донельзя препятствуют раскованному выражению мыслей.

...Первым излечился от постигшего отцов онемения гордец и словесный рубака Гай Требаций. Он воскликнул что-то вроде: «Если Цезарь полагает, что чем меньше сенаторов будет сидеть в его присутствии, тем крепче станет республика, то пусть тогда, для блага государства, восседает остаток дней в одиночестве!». После чего развернулся и решительно зашагал прочь. Стройноногая супруга его, Гортензия, была столь же храбра и решительна на просторах своего ложа, сколь муж ее — на просторах римского Форума.

За Требацием, кто гордо и смело, кто — бормоча оправдания, а кто — равнодушно пожимая плечами, разошлись и остальные.

И вот когда я увидел, что они уже давятся ядом, что жала наточены и не терпят проткнуть мне сердце, я со всего размаху залепил в это гнездо калигой.

Я назначил заседание Сената на сегодня, иды марта 709-го года от основания Города. Повестка дня официально не оглашалась, но я очень постарался, чтобы с черного хода она доползла до каждого.

Представляю рожки отцов, друг другу негодуяюще перешептывающих: говорят, на заседании квиндецимвир Луций Аврелий Котта (жена которого, Курция, была столь жирна и противна, что у меня и мысли не возникало знакомиться с ней поближе) внесет проект о провозглашении диктатора Цезаря царем. Мол, где-то во тьме Сивилиных книг напроорочествовано, что парфян, изрядно в последние консульства потрепавших восточные наши границы и сожравших (не без моего, кстати, содействия) Красса Процентщика со легионы, может разбить только официально провозглашенный царь.

Потому, мол, уже и корона у лучших ювелиров заказана.

И последний, тончайший штрих стилосом на воске этой интриги — местом заседания я выбрал курию Помпея.

Что это для них, как не символ, не знак свыше, не сигнал в сотню букцин от Бессмертных: режь, коли треклятого узурпатора?! Брось продырявленный труп к ногам статуи Великого Гнея — истинного поборника республики и давних римских свобод! Вчера было рано, граждане квириты, а завтра будет поздно!

Расчет оказался безупречным.

Жала, числом двадцать три, изготовились вонзиться в мое тело.

Эпистола IX

...Но главным же предметом досмотра при гаруспациях, любезный ученик мой Квинт Геллий, является печень.

Почему же именно этот орган с давних времен избран «царем» иеромантий? Древние книги и знания говорят, что печень формой своей и строением в точности отражает мироустройство, аккумулирует в себе строение космоса, являясь, по сути своей, неким микрокосмом внутри существа, коему принадлежит, в том числе и внутри нас. Также орган этот, вне сомнения, является производителем чувств, которые нас одолевают. Потому способно по печени определять удачу или несчастье в делах семейных, равно как и продолжительность жизни.

К выбору этого органа отнесись со всевозможным тщанием. В отличие от органов прочих, принадлежность которых не имеет решающего значения, печень бери исключительно овечью, ибо животное это к верхам божественным приближено наиболее. Однако отбрось печень овцы вялой, покорной, а предпочтение отдай овце отчаянной, заклянью своему сопротивлявшейся. Не стоит даже и говорить, что овца, избранная для гаруспаций по печени, быть должна абсолютно здоровой.

Прежде всего, не лентяй, осмотри печень со всех ее сторон. Правая сторона отражает судьбу вопрошающего, левая — судьбу его тайных и явных врагов. Следовательно, развитие правой стороны, богатство со-

судов в этой части является знаком для вопрошающего благоприятным, развитие же левой — дурным и предостерегающим.

Следи также за щелями, кои разделяют печень на доли. Правая из них является дружественной, благоприятствующей, левая — враждебной. Чем тоньше и изящнее линия соответствующей щели, тем более благоприятный это знак для вопрошающего или его врагов. Щель же, идущая неправильно или искривленная сверх обычного, несет в себе знак дурной.

Наиболее же обильны знаменьями, любезный ученик мой Квинт Геллий, выдающиеся оконечности печени, особенно пирамидальный отросток на краю правой доли, именуемый «головкой». Отсутствие этой выпуклости означает смерть или сравнимые по прискорбности бедствия. Удвоение ее — борьбу двух сил, следовательно, раздоры и даже войну. Утолщение на вершине головки, подобное венцу — верный признак в этой войне победы. Если же головка как бы расколота щелью надвое, то ожидать следует переворота и изменений во всем устое жизни. Крупные размеры отростка предвещают вопрошающему удачу в делах и процветание, мелкие же — несчастье...

«Полный Авгурikon». Писано Гаем Гевелием Ностром, этрусской науки и прочих дивинаций знатоком, по воле богов в 630-м году от основания Города.

4. Секст Маций по прозвищу «Великий Авгур». Ватиканское предместье Рима, ноны января 704 года от основания Города.

За одиннадцать консульств, что я его не видел, лысина приобрела бесповоротное господство на его голове, и царила там подобно африканской пустыне.

Оттого в Галлии он днем и чуть ли не ночью не снимал шлема, называя это готовностью в любой момент принять бой. Сюда же, за Рубикон, на древнейшие земли Города, следовало ступать, разоружив легионы и приняв сенатопослушный вид.

Представляю, с каким неудовольствием он подчинился.

Пока подчинился.

Сопровождал его целый отряд — в гражданских одеждах. Но я бы не удивился, если б узнал, что эти осанистые молодцы составляют первую центурию первой когорты любимого его Десятого легиона.

Взгляд его за эти бурные и опасные консульства не переменялся ничуть. Взглянув в эти глаза, по-прежнему хотелось строиться в манипул, когорту, легион, держать на этот взгляд равнение и строевым шагом идти в атаку на любого врага.

Любого его врага.

О ней я даже не говорю — не было еще человека, которого она оставила бы по доброй воле.

Живого человека.

...- Я раздал Альпы серебра всем в Городе, начиная от трепливой проститутки Цицерона и кончая грязным пролетарием в канаве Большой Клоаки, — сказал он и потянулся поправить несуществующий шлем. — Всем,

кроме Марка Катона и тебя, Великий. Я дал бы и Катону, да к моему серебру он прикасаться не рискует. Боится, наверное, заразиться храбростью, решительностью и отвагой. И потому, Великий, единственным должником в Городе и окрестностях я полагаю тебя.

Я усмехнулся. Мешочек, всученный им при первой встрече, пролежал эти одиннадцать консульств в хижине и не полегчал ни на унцию.

Зачем я его хранил? Отчего не избавился от ненужного и неприятного его серебра?

Неужто... верил, что Они заберут *свою* плату?

— Итак, — между тем продолжал он, морщась от царапающего январского ветра, — я пришел, чтобы наконец-то заплатить по счетам. Со всеми набежавшими за эти консульства процентами.

— И наверняка... завести новые?

Он не ответил.

Отрывисто каркнул по-варварски. Конная его свита поднатужилась и произвела на свет двух бородатых галлов, похожих на медведей. Благородных одежд варвары, понятно, не ведали, и невежество свое облекли в косматые штаны и куртки. В лапах у них обреченно повисла амфора — афинской, по росписи судя, работы. Волокли они ее, как волокут на казнь потевшего чувства преступника.

Варвары приблизились и опрокинули амфору на землю. Из керамического горла белым горохом хлынул жемчуг. У ног моих в мгновение намело приличный жемчужный сугроб.

Опустошив амфору, галлы повергли ее рядом — что варварам до тонкого афинского меандра! Потом продемонстрировали шерстяные спины и закосолапили к свите. Конные сомкнулись за ними, как скалы-Симплегады за Язоновым кораблем.

— Надеюсь, возражать против серебра не земного, а морского ты не станешь? Не имеешь ничего против Слез Нереид? — поинтересовался он. — Впрочем, если британский жемчуг покажется тебе недостаточно крупным...

Я склонился над этим жемчужным Олимпом, за частицу которого многие в Городе отдали бы жизнь, и необязательно — свою. Взял белую горошину с самой вершины, повертел в пальцах. Была она чуть приплюснутая и лысая, как его голова.

— Возьму, пожалуй, эту. Сгодится... затыкать тараканы щели.

Он внимательно на меня посмотрел — словно собрался по памяти рисовать мой портрет.

— Хочешь сказать, Великий, что я ничего тебе не должен? Что тогда, одиннадцать консульств назад, ты *работал* лишь... из любви к высокому искусству авгурации?

Я примостил горошину обратно на верхушку жемчужного пика. Поправил, чтобы не скатилась. Удивляйся и этому, Плешивый...

— Оставь себе и ее, Гай Юлий по прозвищу Цезарь. Тебе ведь куда как нужнее! У тебя, знаю, дом в Городе большой, просторный, в три полных

этажа с балконами. С хижинкой моей тесной, где и двоим не улежся, и сравнить нельзя. А значит, и щелей у тебя побольше будет. Тараканьих и... прочих. Признайся: с тех пор, как обзавелся таким необъятным... хм, *домом*, каждая жемчужина на счету?

— В море меньше осталось, чем у меня в сундуках! — хвастливо выговорил он.

— А как полезут из всех щелей сразу? Хватит ли тогда — заткнуть всех?

— А не хватит заткнуть всех... римских тараканов Слезами Нерейд, — рука его зашарила по боку в поисках меча, — заткну их собственными!

Мгновение помолчал.

— Что ж, твой ответ мне ясен, Великий. Упрашивать не стану. Даже тебя.

Он вновь прокаркал по-варварски. Конские ворота его свиты опять распахнулись, и передо мной возникли все те же два галльских медведя. Они подняли с земли амфору — брезгливо, как труп поверженного врага. Потом горстями стали запихивать жемчуг обратно в глиняное нутро. Белые горошины выпрыгивали из неуклюжих медвежьих лап на землю — на радость январскому ветру.

Гай Юлий по прозвищу Цезарь смотрел на эту процедуру вполглаза, скрестив безразлично на груди руки. То, что ветер разыгрывал сейчас жемчужинами партию в кости, казалось, вовсе его не волновало.

Его волновало другое.

— А быть может, Великий, — медленно проговорил он, когда галлы поволокли амфору прочь, роняя на лысую зимнюю землю белые жемчужные капли, — быть может, я должен вовсе не тебе? Быть может, я должен... Им?

Вот ты и спросил, Плешивый...

Не счесть тех, кто спрашивал до тебя — Марий, Сулла, Катилина и легионы прочих, более мелких... Кто, как и ты, лишь намекал, а кто выкладывал прямо, не церемонясь: «Сколько стоит кусочек Бессмертного, Великий?»

Значит, ты тоже готов шагнуть за эту черту. Все вы готовы преступить черту.

И никак не желаете понять, что сделать это невозможно.

— Хочешь взять Громовержца в долю, Гай Юлий по прозвищу Цезарь? — прямо спросил я. — Упечь Первую в лавку, чтобы телесами и голосом завлекала прохожих? Приставить Вояку стеречь товар, а Посланника отправить на побегушки? Не ты первый...

— Что ты, Великий! И в мыслях никогда не держал! — натужно рассмеялся он, а глаза кричали: «А можно? Можно?? Можно???»

Вдруг лицо его стало белым — как британский жемчуг.

— Хватит на сегодня упражнений в риторике, — с усилием проговорил он. — Диалоги о занебесной области оставим Платону и прочим греческим умникам. Я эти умствования терпеть не могу.

Он притворил на мгновение глаза.

— Давай же к делу, Великий. Для тебя, как я убедился, в этой жизни секретов нет. Знаешь, стало быть, зачем я приехал?

— Опять хочешь ценного от Них совета — как добиться большей власти? — спросил я.

— Какой же совет может быть ценнее, нежели полученный от Них? — усмехнулся он, но испарина на лбу говорила, как непросто далась эта усмешка. — Особенно когда идет о власти, Великий...

— Что — мало, Гай Юлий по прозвищу Цезарь?

— Мало, — признался он. — Ох, мало... Как... воздуха сейчас...

Он рванул на груди застежку. Содрал плащ, бросил его на землю. Покачнулся — и опустился на землю сам.

— Что смотришь, Великий? Гадай! Предсказывай! — вполголоса скомандовал он, сгорбившись на скомканном плаще. — Или как там по-твоему — *услышь!*

...Жемчуг против его лица — темный нумидийский мрамор.

— Прежде чем начну, позволь задать вопрос?

Я был беспощаден.

— Задавай, — скривился он и поднес руку к виску. — Но только... скорее. Пока я еще могу отвечать...

— Зачем тебе власть, Гай Юлий по прозвищу Цезарь? Чтобы врагов своих от имени и якобы во благо государства казнить или бросать в тюрьмы?

— Мне хватит лишь *знания*, что власть у меня есть, и я *могу* казнить и бросать в тюрьмы.

— Почему в таком случае не удовлетворишься тем, что имеешь сейчас? Ведь власти у тебя — полная провинция, и тюрьмы твои в Галлии не пустыют? Да и консульства вкус давно уж ты изведаль...

— ...и столь же давно позабыл! Каков он — медовый, винный, яблочный? Не напомним ли? А что до Галлии, так ведь она — не Рим, Великий...

— А Рим — не вся еще ойкумена? А ойкумена...

— Не продолжай этот перечень, Великий. Порой мне кажется, что он длинен, как Гомеров список кораблей. Читаешь и днем, и бессонной ночью — и нет ему конца, и все увяз ты на середине...

Голос его становился тише, слова — тяжелее, язык — неповоротливее. *Она, она* неумолимо лезла наружу, и казалось, вот-вот заговорит его устами и задвигает его телом. Вклинится в разговор неудержимым своим монологом...

А к нему уже бежали.

Бойко перебирали косматыми лапами галльские медведи. Топали тоскующими по калигам ногами легионеры в гражданском. Смешно прыгал впереди этой встревоженной братии эллинского вида толстяк с пухлым мешочком в руке.

Допрыгав к нему, толстяк начал лихорадочно в мешочке рыться. Выудил какой-то сосудик, потряс, принялся, покрутил правильным греческим носом, определил сосудик обратно и выпростал из мешочка другой. Накапал несколько капель в плошку и сунул ему в лицо.

— Стойте... стойте все! — застонал вдруг Плешивый, и свита по-военному замерла; даже толстяк отпрыгнул со своей плошкой назад и вытя-

нулся. — Стой и ты, Иолай! Помнишь ли... Александрову печать? Она, она на меня давит...

...Я знал эту игру.

...Услышал бы Их и самый немудреный предсказака — так Они кричали.

Казалось, вот-вот забудут Они о жизни и о вечности, и даже о самом своем бессмертии, и ринутся в драку — не разнять. Вояка, к примеру, вцепится Первой в космы, Выпивоха плеснет Подводнику в лицо нектаром, а Дудочник обломает о рогатую башку Лесника священную свою дудку. Подобное, впрочем, случалось у Них нередко.

Сшиблись между собой обычные Их две партии. Ни дать, ни взять — наши оптиматы и популяры.

Первой верховодила, как и следует тому быть, Первая собственной персоной.

Сама она, правда, голос подавала нечасто — хватало, кому сделать это за нее. Но властная ее рука чувствовалась во всем. Громче же всех в этой партии мальчишеским своим голоском верещал Дудочник. Как обычно, поддакивала и Лучница — единоликая его сестрица. Раз за разом поплеывал крепкими словами Подводник, побухивала простонародным басом Посевница.

Второй предводительствовала Красотка.

Уж эта вопила — что обшчитанная торговка на Большом Велабре! Центурионским гласом аккомпанировал ей Вояка — давний и удачливейший из ее любовников. Ремесленник же, полуотставленный ее муж, всегда стоял за партию первую — потому что догадывался о шашнях ее с Воякой, да еще много о чем; впрочем, в Их усобицах он большей частью помалкивал. Вояке же извечно хромяющим языком вторил Выпивоха, раскатисто грохотал в защиту Красотки Подземник, по-козлиному подблеивал соратникам-однопартийцам Лесник.

Лишь двое из Них редко когда вмешивались в бесконечные эти склоки. Не припомню, по крайней мере, чтобы встали они за тех либо других открыто. Первым, само собой, был Громовержец. Вторым — Посланец, всегда и везде его, Громовержца, глаза, уши и вездесущая тень.

А вот прощелыга Дзулицый — наоборот: извечно умудрялся стоять за обе партии сразу. Изворачивался причем до того умело, что в каждой без колебаний держан был за своего. Чем в полный рост пользовался, насколько того не стеснясь...

— Что, что Они говорят??? — как на полном скаку кавалерия, врубился вдруг в раскаленную Их беседу он. Так, что напрочь заглушил даже горласто-центуриона-Вояку.

От неожиданности я принял это за вопль, неизменно сопровождающий триумфальное ее явление. И ошибся — она уже отступила, так и не втиснув в наш разговор веского своего слова.

— Единственное, чем Они сейчас увлечены, так это собственным криком. Потому, Гай Юлий по прозвищу Цезарь, говорить Им особо некогда...

Он вскинулся на смятом плаще. Покачнулся — и под цепким прицелом сотни глаз изможденно осел обратно. Даже отставив визит, помахав лишь приветственно издали, сил у него *она* вылакала — до доньшка.

— Неужто и вправду спорят? Как когда-то за Фивы, Трою, Лавиний?

Ты ведь хотел спросить не это, Плешивый...

— Неужто спорят... из-за меня?

— Порою договориться Им сложнее, нежели нам, смертным. И речь у Них в таких случаях почти всегда идет о нас...

— Так может, Великий, *истинные* Они как раз... *смертны*? — чуть не по сломам выговорил он. Я ощутил вдруг, как в ожидании ответа у него замерло сердце.

— Что полагаешь истиной, Гай Юлий по прозвищу Цезарь? И неужто взаправду уверен, что козявка, всколебнув одновздошный раздоришко Дня и Ночи, Неба и Океана, Жизни и Смерти, может вообразать себя истинным богом?

Он скривился — за отрезвляющую эту пощечину, схваченную на глазах свиты. Скривился, но возразить не посмел.

Тогда не посмел.

А Посланец диктовал уже Их волю — волю обеих партий, смолотую верховной волею Громовержца.

— Если мало того, что имеешь — решишь и метни за рекою жребий, Гай Юлий по прозвищу Цезарь. Войди в беспокойные воды, не гадая, сложится на римском берегу «венера» или выскочит злосчастная «собака». Пусть через реку вброд, не терзаясь, потеряешь ли только коня иль оставишь там собственную жизнь...

...— Пусть потеряю, — проговорил он, когда тишины набежало на целое консульство. — Пусть потеряю все... за Рубиконом...

Эпистола XII

...Превыше же всех гаданий, любезный ученик мой Квинт Геллий, стоят гадания по крику, полету и кормлению птиц, именуемые «ауспиции». И удивительно ли это, если и сам город наш основан по птицегаданию? И ничего в Риме не делается, ни малого, ни значительного, без непременно обращения к авгурам.

Естественным обоснованием такого порядка вещей является факт, что все без исключения птицы, будь то царственный орел или плебействующий воробей, являются вестниками Юпитера, а будущее узнаем мы именно от этого бога.

Хоть и Ромул еще гадал по коршунам, но это скорее исключение, чем правило. Первым же регулярным авгуром стал, как гласят анналы, некий Атт Навий, живший в Городе во времена царя Тарквиния Древнего. Навий этот происходил из семьи бедной и в детские годы вынужден был пасти чужих свиней. Вышло как-то, что одна из свиней потерялась, и он, отча-

явшись уже в поисках, дал обет: если пропажу отыщет — отдаст Юпитеру виноградную гроздь, самую крупную, какую найдет в винограднике. Свинья вскорости чудесным образом разыскалась, и мальчик этот, во исполнение обета, встал посередине виноградника и разделил его на четыре части. Три из них птицы, кружившие над виноградником в изобилии, отведали, а в четвертой обнаружил он гроздь поистине небывалой величины.

Как и водится у нас, любезный ученик мой Квинт Геллий, весть о чуде распространилась со скоростью невероятной, и с того дня все соседи стали обращаться к Атту Навию за всевозможными советами. Советы, что давал этот неоперившийся, но мудрый не по годам юнец, были настолько точны и рассудительны, что заинтересовался им сам Тарквиний. Чтобы проверить искушенность Навия в авгуриях, царь задал тому каверзный вопрос: может ли получиться то, о чем он только что подумал? Юнец, совершив все необходимые действия, ответил: может. Тогда коварный Тарквиний рассмеялся и сообщил, что мальчишка — лгуни и самозванец, а подумал он о том, может ли бритва перерезать камень. На что Навий, не утратив самообладания, заявил, что сейчас же выйдет на комиций и попытается это сделать. И вот свершилось так, что принесенный на комиций камень был на глазах царя и собравшегося народа легко перерезан простой бритвой. После чего Тарквиний сделал Навия царским авгуром, и тот предсказывал птицегаданиями до конца дней...

«Полный Авгурикон». Писано Гаем Гевелием Ностром, этрусской науки и прочих дивинаций знатоком, по воле богов в 630-м году от основания Города.

5. Гай Юлий Цезарь, пожизненный диктатор. Рим, иды марта 709 года от основания Города.

В небе висело не солнце — кровавым оттиском реяла ненасытная Александрова печать.

Аквилон, Зефир, Эвр и Нот несли меня в курию Помпея — к быстрой, внезапной и желанной смерти. Каждый шаг размашистого их аллюра, как капля в клепсидре, по законам Аристотелевой «Поэтики» близил жизнь к развязке. И вот теперь — знаю наверняка, когда, за что и даже от чьей руки покину наземный мир.

Публика заполнила ложи, приговор Бессмертных оглашен, кинжалы обнажены. Сердце играет последнюю дробь; осталась безделица — изобрести предсмертную речь.

Ведь император, пятикратно удостоенный триумфа, пожизненный диктатор величайшего из городов ойкумены, консул и отец отечества просто обязан перед кончиной заклеить убийц своих несмываемым позором. Пусть даже убийцы эти исполняют, хоть и неосознанно, его, диктатора, волю. Ведь реплике моей (о, как я втайне на это надеюсь!), как и гибели, жить предстоит в веках.

А бессмертная эта реплика, голову над которой ломаю с самых календ, складываться не желала никак. Все, рождаемое скудноволосой моей головой, на фоне роскошных афоризмов предшественников казалось блеклым и беспомощным. Проглядывалось лишь расплывчатое «Прислушайтесь, свободные квириты!» в прологе, далее же улегся глухой непроходимый туман. Хотя почему, собственно, «свободные», я понимал не вполне. То ли этим, прямо скажем, подзабытым в последние консульства словом хотелось подчеркнуть, что Рим — свободнейший из городов ойкумены, коль скоро остальные лежат, больше или меньше, под его властью. То ли подразумевалось «свободные отныне от власти диктатора Цезаря», что в моих устах звучало бы, по меньшей мере, странно. В общем, финальная речь топталась в смятении на «квиритах» и дальше отнюдь не спешила.

Хотелось, конечно, перед долгожданным свиданием с Бессмертными подвести красноречивый итог славной своей жизни. Перечислить, опуская ненужные подробности, что за эти пятьдесят шесть консульств успелось, а что — нет. Последнее, конечно же, исключительно по вине гнусных и беспринципных заговорщиков. Вот только опыт подсказывал: развить предметную мысль до столь необозримых пределов гнусные и беспринципные заговорщики попросту не позволят...

В тот самый момент, когда я мучительно выбирал между одинаково глупыми продолжениями вроде «На глазах ваших преступно лишают жизни лучшего из граждан...» и «Кровь римская вызывает о народном мщении...», шум за занавеской разогнал и так немногочисленные мысли к плутоновой матери.

Я потащил было на свет юпитеров маску гнева и ярости — кто, мол, смеет отвлекать диктатора Цезаря от громадьи державных размышлений? И тут же опознал, кто. По голосу, а еще скорее — по обостренной витиеватости речи.

Так сплестать слова в гордые узлы предложений мог в Городе только один человек. Я скомандовал нубийцам остановиться и откинул занавеску.

— Вечного тебе благоденствия и здоровья, о Ареса сын и Афродиты правнук, коего ратная и державная слава уж воспарили к наивысшей из вершин — олимпийской, и коего бесстрашные дерзания и свершения превзошли давно знатнейшие из подвигов, сотворенных смертными с самого того дня, как Пирра и Девкалион тяжкими трудами своими возвратили к обновленной жизни сгинувшее было безвозвратно в пучине наказующих вод человечество!.. — на поставленном выдохе продекламировал Артемидор Книдский, эллин-эмигрант и знаток литературы, автор эпически многословных поэм «Нумиторика» и «Апология Девятого Сфинкса» и первый актер собственного театра; воздвигся над мостовой он в характерной позе, рекомендуемой театральными трактатами для произнесения финального монолога. — Уделишь ли, о мудростью сравнимый лишь с Зевесом, горстку государственных своих мгновений, каждое из коих драгоценнее сотни моих жизней, ничтожному сочинителю, коего смиренные сандалины не смеют даже топтать пыль перед калигами того, который...

Он был давним моим осведомителем — одним из первых, со времен начального моего консульства. Впрочем, встав в Городе более-менее крепко на ноги, я почти перестал его использовать. А в *эту* интригу — так вообще вовлек людешек исключительно безликих и безымянных. К которым Артемидор, с дребезжащей его славой актера, стихотворца и лихого кутилы, отнюдь не принадлежал.

— Привет и тебе, о светоч и надежда Мельпомены, Талии, а равно и Полигимнии с Эрато, — в тон ему отвечивал я. — Диктатор Цезарь, коего... коим... тьфу! Словом, внимаю тебе, о первый из живущих ныне трагиков и стихотворцев, Артемидор из Книда!

На лице его растянулась глуповатая улыбка, и сделалось оно похожим на маску, символизирующую комедию. Вот бы поглядеть, какое выражение нарисовалось бы на его лице, доведись ему видеть все то, что не раз и не два вытворяли мы с женой его Ифигенией! Мне ужасно вдруг захотелось ему рассказать, как овладел я знойной его супругой в первый, но отнюдь не в последний раз — как раз в момент, когда он публично декламировал бесконечную свою «Апологию». Поведать в подробностях, как громко и протяжно она стонала в ответ на мои старания и как умело оказала одну изысканную греческую ласку, которую многие римские матроны проделывать стыдятся...

— Соблаговоли же, о справедливейший из правителей, принять у скромного пиита из Эллады сей папирус, и всенепременно изволь прочесть его до прибытия своего в курию Помпея. И коли сочтешь содержимое сего свитка достойным царственного своего внимания, заклинаю тебя всеми Бессмертными, Олимп населяющими, в особенности же Аресом славным, железоносным твоим покровителем, а также Великим Ромулом, власть коего ты по единственно верному праву унаследовал: не позабудь в каждодневных трудах возблагодарить Артемидора Книдского, коему...

— Как же тебя возблагодарить, о Артемидор из Книда, велеречивейший из эллинов? — прервал я причудливые меандры и лабиринты его словес.

— Ты ведаешь, несомненно, о наимилостивейший к искусству и людям, его сотворяющим, что именно бесценнее для меня золота, серебра и всевозможных камней, пылающих в объятьях солнечных подобно тому, как воспылала колесница Фаэтонова от молнии Зевесовой. Театр, и лишь театр один, для неискусного лицедея из Книда — и золото, и серебро, и пыльные камни. Повели же высочайшим эдиктом своим, сочтешь коли труд сей принесшим пользу тебе и государству, продолжить лицензию, позволяющую театру, мною возглавляемому, и далее радовать неприхотливыми трагедиями гордых квиритов, коей действие истекает в календы месяца, именем названного Майи, в травы и злаки жизнь вдыхающей, коя...

Я принял у него свиток. По толщине судя, в нем помещалась новая его трагедия — актах в пяти, с пародом, эксодом и эпилогом.

— Считаю, что театр твой может лицедействовать в Городе до... до греческих календ! — сегодня я запросто мог обещать ему хоть консульскую власть.

— Благодарю тебя, о щедрейший из покровителей муз, кои..., ...коиим..., ...коему...

Я задернул перед аттическим его носом занавеску и скомандовал нубийцам трогать. Примостился на подушках и развернул свиток.

«Довожу до сведения твоего, о заботливейший из отцов отечества, дланью Бессмертных Городу врученный диктатор Цезарь, что крови царственной алчущие изменщики, количеством двадцать три, а именно...». Далее Артемидор тем же эхило-софокловским штилем, обильно инкрустировав узорчатую свою речь всевозможными «коиими», «коиих» и «уж воспарили», излагал все подробности сенатского заговора. Завершали опус убийственные, как Геркулесова палица, проклятия на главы заговорщиков и столь ветвистая здравица Бессмертным, что только Они и могли продраться чрез нее до конца.

...Ты ожидал иного, о до небес восхваленный устами сего сладкоречивца Цезарь? Услугу за услугу — на том сладким речам и конец. И где денется преданность и любовь к диктатору — покровителю столь диковинной в суровом Риме забавы, как греческий театр...

Я мстительно изодрал папирус в мельчайшие кусочки. Обрывки всех этих «коиих» поверженно пали на пуховое ложе. Попытался было припомнить, на чем прервались мысли при явлении этого протагонистишки. Но тут носилки вдруг остановились, и я понял, что прибыл. Ветроногие Аквилон, Зефир, Эвр и Нот домчали меня к курии Помпея не медленнее истинных сыновей Эола.

...За занавеской знакомо бесновалась толпа.

Она преследовала меня по всему Городу. Она тянула засаленные руки к полам моей тоги. Она театрально, не хуже Артемидора, вздевала длани к небу. Она ликовала, как свора собак при виде хозяина: вот он ты — законный и справедливый диктатор Цезарь, величайший из правителей Рима! Какое счастье, что можем лицезреть тебя в добром здравии и полноте незаменимых для государства сил!

Самое гадкое, что в точности так же будет она ликовать, когда вскорости мое исколотое сенаторскими кинжалами тело с позором поволокут по улицам и закоулкам Города: вот он ты — бывший кровавый узурпатор Цезарь, мерзейший из всех, кто когда-либо всходил в Риме в курульное кресло! Какое счастье, что можем лицезреть тебя бездыханным, смердящим и неспособным уже и на малейшую государственную подлость!..

..А ведь они и вправду полагают, что я наслаждаюсь их обожающими криками. Да если бы я хоть каплю ценил восторженные эти вопли, разве гнался бы за неведомой и недоступной властью? Разве бы надо мной нависала, грозя расплющить в лепешку, неодолимая Александрова печать? Да я восседал бы в курульном кресле от календ до нон и слушал хвалебные эти выкрики, словно сладчайшие из од!

...Вот тут и пожалел, что нет теперь рядом верных телохранителей-испанцев.

Разметать напоследок эту кишашую пороками мусорную кучу, устроить ей кровопускание! О, с каким воодушевлением исполнили бы этот приказ бравые мои иберийцы! Еще бы — на законных основаниях нацедить несколько амфор ненавистной римской крови!

Но испанцы были уже не мои — еще в календы марта я приказал расформировать иберийскую когорту личной охраны и передал смолистоволосых рубак в распоряжение городского эдила. Не забыв, конечно же, в *нужной* компании обмолвиться: так ли необходимо водить за собой отряд варваров с мечами? Ведь смерть, если уж захочет, достигнет правителя любого, хоть пребывает он под защитой и целого легиона. Да и потом: лучше единожды умереть, чем ожидать беспрестанно смерти...

...Я изготовился уже нырнуть в зловонную людскую жижу и прикидывал обреченно, какую маску натянуть в этот раз. Или, быть может, порадовать «свободных квиритов» подобающей при их виде гримасой презрения, брезгливости, ненависти?

И тут, к счастью квиритов и своему, я заметил нынешнего консула и верного Цезарева пса Марка Антония.

Не заметить его было невозможно, как невозможно, проплывая мимо Александрии, обойти взглядом маяк с острова Фарос. Над толпой, обернутая в сенаторскую тогу, на целую голову возвышалась добрая осадная башня.

На что Бессмертные голову эту предназначили, я не понимал никогда — тугодум Марк мог прекрасно обходиться и без нее. В каком-то смысле именно ему, а не рыхлотелому краснобаю Марку Туллию, пошло бы прозвище «Цицерон» — мозги, обитавшие в циклопической этой башке, размерами уж никак не превышали горошины. К тому же злосчастная горошина с пугающей регулярностью орошалась фалернским, цекубским, на худой конец — радостью плебеев цимлянским. Супруга же его Лавиния была бездарнейшим в любовных кувырканиях существом — на ложе Венеры страстностью дебелия эта матрона не превосходила дорической колонны.

— Да... хранят... тебя... Бессмертные... диктатор... Цезарь! — прогрохотал Марк Антоний, и грохот этот сглотнул самые отчаянные вопли толпы.

Шевельнул он, вроде бы, только пальцами — по крайней мере, так издали показалось мне. Но толпа, похоже, ощутила нечто иное. В мгновение разъехалась она на две половины, как плоть от меча. А Антоний шагал уже сквозь образовавшийся проход, как шагал, наверное, Полифем среди тучных своих стад...

Он промаршировал к носилкам, по-армейски остановился на «раз, два», взглянул преданно из-под облаков и вытянул лесенку. Повертел ее в руках — показалось, что эта нехрупкая, в общем-то, конструкция, легко выносившая солдатскую мою поступь, хрустнет сейчас в его ручищах пополам. Наконец ему удалось пристроить ее надлежащим образом.

— Снизойди... на... римскую... мостовую... диктатор... Цезарь... и... пусть... мостовая... эта... пред... курией... Помпеевой... явится... явится...- свое претендующее на красноречивость пожелание он, по тугоумному обыкновению, закончить не сумел — это вам не златоязыкий Артемидор.

От него назойливо перло одуряющей помесью фалернского и цимлянского. Марк Антоний, невзирая на непозднее еще время, успел в деталях изучить дно не одного кубка.

О нет, только не этот запах, только не мутный перегар вчерашнего вечера и утренней сегодняшней немочи...

Я задержал дыхание и молча, даже не ответив на приветствие, скатился на мостовую. Устремился в не успевший затянуться проход, Антониеву дорожку, проложенную Марком в толпе. Сам Марк громыхал позади калигами, весившими, наверное, не менее таланта каждая. Толпа опасно притихла; в полной почти тишине, лишь под мерные литавры Марковых калиг, я прошествовал к курии.

— Да... станет... диктатор... Цезарь... сегодняшнее... твоё... посещение... Сената... тем... краугольным... камнем... который... который... — монотонно баянил сзади Антоний.

Самое время теперь его спровадить, подумал я. Не то внутри пьяный этот гекатонхейр испортит все дело. Если заговорщики, пусть и двадцатикратно превосходящие в численности, покусятся на меня при нем, участи всех этих римских папаш-сенаторов я не позавидую.

— Будь любезен, Марк Антоний, оказать диктатору Цезарю услугу, — впервые за сегодня обратился к нему я. — Видишь ли вон там, под сенью портика Минервы Побеждающей, первейшего из конезаводчиков, а в прошлом — храбрейшего из офицеров моих Гая Требония?

Антоний медленно, как ищущая цель баллиста, повел головой вправо, затем влево. Прицел его глаз навелся на осанистую фигуру Требония, неспешно беседовавшего поодаль с двумя матронами.

— Да... диктатор... Цезарь... наблюдаю... Требония... на... дистанции... около...

— Поинтересуйся, — оборвав солдафонский его доклад, велел я, — у этого искуснейшего из кавалеристов, в готовности ли к Большим Городским Играм пребывают лошади знаменитой его конюшни. Напомни, что диктатор Цезарь делает на его скакунов, равно как и на ездовых, весьма серьезную ставку. Да, и расспроси преуспевшего в конезаводчестве Требония хорошенько, какими кормами взращен роскошный тот двухлеток гнедой масти, коего прозвать осмелился Молнией Юпитеровой и коего столь горделиво явил диктатору Цезарю в мартовские ноны...

Антоний на изрядную долю времени обратился в мрамор, переваривая полученный приказ. Когда слова мои, подобно Икару, воспарили, наконец, к поднебесной его голове, он отрапортовал: «Слушаюсь... диктатор... Цезарь... отправляюсь... по направлению...» и забухал калигами к увлеченному матронами Требонию.

Проблема разрешилась на диво легко и надежно. Попасть в лапы к Требонию, повествующему о драгоценных своих лошадях, примерно то же самое, что и угодить на диспут к Цицерону, когда тот витийствует о старых римских правах и свободах — раньше, чем зайдет солнце, не вы-

путаешься. Теперь можно спокойно, не опасаясь, что мне помешают внутри, входить в курию Помпея.

Если только в клетку с двадцатью голодными львами можно войти спокойно.

Эпистола XIII

...Есть смехотворное мнение, любезный ученик мой Квинт Геллий, что птицы потому столь точно знаменуют человеچه будущее, что преобразовались в них во времена оные сами люди. Но сказать тебе должен, как человек разумный и в досужие суеверия не верящий: все это — выдумка праздных пиштов, и более ничто. На самом же деле птицы состоят в свите у верховного нашего владетеля, Юпитера, что и известно всякому образованному смертному.

Знаменем служить может птица любая; некие же из них, в особенности древняя властительница городских окрестностей, именуемая «парра», являют знамена исключительно злоецие, требующие немедленных искупительных жертв.

Наиболее же вещи, как в ту, так и в иную сторону, любезный ученик мой Квинт Геллий, — сова, ворон, сокол, петух и курица. Есть еще и голуби, но это категория особая. В прежние времена гадали по ним только цари, и потому именуются они птицами «царскими»; теперь же совершать птицегадания по голубям доверяют разве что консулам.

Гадают обычно по трем видам знамений: полету, крику и кормлению. Соответственно, и птицы во всех трех ауспициях участвуют разные. Однако есть и исключения; так, зеленый дятел Марса и рыбный орел Весты равно хорошо вещают и в полете, и криком.

Всякое птицегадание, любезный ученик мой Квинт Геллий, проводится ли оно по полету или крику, осуществляя сходным и строго регламентированным образом. Для наблюдения примет очерти «темплум», или узкое пространство, с которого и произведешь наблюдения, а также широкое, в котором и будут появляться знамения. Для этого нанеси в воздухе две линии: с восхода на закат, или «декуманус», и перпендикулярную ей, или «кардус», которые соедини четырьмя прямыми в виде прямоугольника.

На месте, где определен темплум, разбей специально подготовленную палатку, именуемую «минус». Палатка эта призвана защищать прорицающего от излишних знамений, и имеет одно лишь окно. Если же наблюдаешь ты за небом, то, напротив, заберись на возвышение или башню и оборотись к восходу. Приметы, явившиеся справа, несут больше благоприятствия, чем пришедшие с левой стороны, так как смотрят оттуда Солнце и Луна, и расположено там прямое начало мира.

Замечать ты должен, любезный ученик мой Квинт Геллий, высоту, направление полета относительно всех четырех секций, скорость и звучность взмахов крыльев, частоту и громкость криков, а также общее

поведение птиц. При этом дожидаться следует полной тишины, но не той, какую порой требуем мы у домашних, пытаясь заснуть после изнурительных трудов, а особой, «авгуральной», означающей отсутствие малейших помех для гадания...

«Полный Авгурикон». Писано Гаем Гевелием Ностром, этрусской науки и прочих дивинаций знатоком, по воле богов в 630-м году от основания Города.

6. Секст Маций по прозвищу «Великий Авгур». Ватиканское предместье Рима, календы октября 708 года от основания Города.

Как возблагодарил он, наверное, древний римский обычай, позволивший после стольких триумфов носить, не снимая, лавровый венок! Хотя уже и лавр не скрывал целиком гладкости его головы, бесплодной, как Тарпейская скала.

И как быстро, всего на пятое консульство единоличной своей власти, позабыл он обычай иной, не менее древний. Здесь, на землях Города, сопровождал его целый легион в полном вооружении. Были и чернобородые варвары, в которых я заподозрил не виданных ранее иберийцев.

Интересно, он так боится меня или... Их?

...Как много было в его взгляде!

Звучали там дондесь слова про брошенный, после стольких раздумий, жребий. Струились там и воды Рубикона, которые он форсировал, положив начало новой римской усобице. Звенели в глазах этих клинки — эхо битв, в которых в пух и прах разнес он непобедимого доселе Помпея. Была там и изуродованная Помпеева голова, которую хиосец Теодот преподнес этому на серебряном блюде...

Одного в его взгляде не было — удовлетворения.

Удовлетворения невиданными ранее почестями от Сената — пожизненным диктаторством, наследственным званием императора, десятилетним правом консульской власти. Удовлетворения пятью разорительными триумфами — галльским, понтийским, александрийским, африканским и испанским, на которых выброшено было на ветер шестьдесят пять тысяч талантов золота.

Говорят, родились у него куда более циклопические замыслы — идти на парфян, а после обогнуть Понт и вторгнуться в Скифию. Разбив скифов, напасть на Германию и соседние с нею страны; потом же возвратиться в Италию через Галлию, сомкнув круг римских владений так, чтобы со всех сторон граничили они с Океаном...

И видел я: уже сейчас, задолго до их свершения, мало ему и этого...

* * *

...— Дважды у тебя вышло, Великий. Или это вышло... *у меня?* — он спрыгнул с коня и развалился в из-под земли взросшем курульном кресле. По бокам от него вышло окаменели смолистобородые аргусы.

— У Них, Гай Юлий по прозвищу Цезарь, у Них. *Выходит* в этом мире только у Них, — ответил я. — А вот если *не* выходит — так у нас, смертных...

Он, казалось, не слушал. Одно было у него на уме.

— Тебе, Великий, ничего уже не предлагаю — научен опытом. А вот Им... Стоит Им пожелать — и у Них будет половина... да что там — все, чем владею я!

— Ты торгуешься, Гай Юлий по прозвищу Цезарь, как иудейский меняла с Большого Велабра. К тому же ты, наверное, позабыл: Они и так имеют все. Потому что Они и есть это «все».

— Почему же тогда так Им неймется наверху, когда дело идет о нас? Не потому ли, что жертвоприношения наши — желанная плата за Их... *услуги*?

Он был серьезен, как собственная статуя. Как все в Городе его статуи, вместе взятые. И от этого сделалось страшно. Я невольно отступил на шаг, чтобы уцелеть, если вдруг сейчас в необъятную эту лысину вонзится молния.

— Скажи, Великий, — между тем запальчиво продолжал он, — разве возложенные на алтарь свежие трупики всех этих белых барашков, черных, с подпалинами, телят и серых, в яблоках, жеребцов — не достаточно щедрая плата за то, чтобы и у нас, смертных, время от времени что-нибудь *выходило*? Чтобы мир иногда поворачивался к нам лицом, а не насиженным жирным задом? Чтобы солнце нам улыбалось, а не корчило свысока насмешливые рожи, и ветер указывал путь, а не хлестал запретительными пощечинами?..

Молнии все не было. Похоже, что право достойного ответа Они предоставили мне.

Или... всерьез раздумывали над его предложением?..

— Уж не тебе-то, Гай Юлий по прозвищу Цезарь, жаловаться, что всю жизнь лицезришь насиженный зад этого мира. Ну да полно об этом. Ты, несомненно, знаешь Агафоклия-Булочника? Подозреваю, что сей пронырливый эллин поставляет хлеб из своих пекарен и к тебе в дом. Агафоклий этот тоже частенько меня посещает. Справляется со мной, как с расчетными табличками — какой хлеб, какая мука, какое зерно где вскорости будут почем. От него я знаю, что каждое консульство он платит две тысячи сестерциев Гнею Долабелле за пользование амбарами. В торговле это именуется «арендная плата». Так вот: все эти приснопамятные барашки, Гай Юлий по прозвищу Цезарь, — лишь наша арендная плата за амбар, именуемый «ойкуменой». Конtribusiция, если тебе, как человеку военному, это слово понятнее. Выкуп за то, что Они терпят нас на *своей* земле. И — не более...

Он помолчал несколько мгновений, что-то обдумывая. Потом отрывисто скомандовал, и аргусы его разом отступили, словно отхлынула волна.

— А если, Великий... если...

Голос его понизился, сжался до шепота. Мне сделалось еще страшнее — слышать вещи, которые всемогущий диктатор не решается произнести в полный голос...

— А если... не барашки?

Вот оно, значит, как, Гай Юлий по прозвищу Цезарь... Вот как тебе припекло... Сыноубийца Амулий, гордец Тарквиний и ты — третий...

Третий, кто жаждет возродить безумный этот обычай...

А он шептал — и от шепота по коже продирали мороз, словно от предметного крика:

— Хочешь, велю опрокинуть на алтарь вот этого, с проседью на висках? Или... вон того, молодого, с горбатым носом? Здесь, сейчас, при всех? Хочешь, сам перережу ему горло и пропитаю камни кровью? А ты... ты погадаешь по его сердцу? То есть, что я говорю: *Они* этого хотят? Достаточно лишь намек — и в Их честь десятки, сотни, тысячи усеют все алтари Города. В черных рабских рубищах, плебейских пенулах, воинских трабеях, а то даже и в сенаторских тогах-латиклавиях. Скажи Им: я готов перебить Рим до последнего человека — пусть только дадут мне власть, которой не обладал еще ни один смертный...

Глаза его невменяемо блестя. Я видел: не он, так отдаленный его потомок сожжет когда-нибудь Город дотла, лишь чтобы потешить ненасытное свое властолюбие...

— Ты обладаешь уже такой властью, Гай Юлий по прозвищу Цезарь...

— До меня был Александр, до Александра — Кир, до Кира — Агамемнон. До Агамемнона — наверняка кто-нибудь еще. И где они теперь, Великий? Не ответишь ли?

— Там, где неизбежно будем мы все: я, ты, они, — я указал на замерших в отдалении его телохранителей. — Таков Их закон. И нарушить его нельзя.

— А нельзя ли... обойти? За соответствующую *плату*?

— Как ты обощел, наверное, каждый из законов Города? А теперь хочешь стать одним из Них?

Я видел в его глазах: хочу, хочу, хочу!

— Да, хочу, — неожиданно спокойно сказал он. — Чем я хуже Ромула? Тот был всего лишь ублюдком Марса, а у меня Венера в законных прабабках ходит. Как думаешь, у кого прав больше?

И тут Они наконец-то вмешались.

Лицо его враз сделалось гипсовым. Глаза закатились; зубы брызнули дробью и выпустили наружу тонкий надорванный крик — это *она* возвестила о триумфальном своем прибытии. Всемогущий диктатор Гай Юлий по прозвищу Цезарь рывком, до хруста позвонков, запрокинул голову и вывалился из курульного кресла наземь. На губах его пузырилась черная крупная пена...

...Он мастерски исполнял посвященный Им танец.

...*Громовержец объявил Им сразу — как будет.*

Хотят Они того, или нет. И стало у Них в обиталище тихо, как в городском колумбарии. Никто из Них не рисковал Громовержцу перечить, когда тот говорил таким голосом.

Потом всхлипнула Красотка. Схватила за голову, обмякла, сползла на камни — так же беспомощно, как лежал сейчас здесь, подле меня, он.

Только, в отличие от него, к ней на помощь не бросился никто.

Громко икнул и привычно потянулся к кратеру с вином Вытивоха. Пожрал плечами и молча поплелся в нижние покои Подземник. Проблеял какую-то скабрзность и с опаской пересел поближе к Громовержцу Лесник. Побагровел, но смолчал и принялся полировать и без того сверкающий шлем Вояка.

...Слезы — соленые, горячие, почти человечьи, падали на жестокие камни...

...Он приподнялся с земли, оперся на малопослушную еще руку. Обвел глазами сгрудившуюся вокруг свиту. Еле заметным движением головы остановил потянувшегося к нему с неизменной плоской Иолая, изрядно за эти консульства обрюзгшего и постаревшего.

Он искал меня.

Он не мог еще выговорить и слова, но в глазах его уже читался вопрос. Не о том, жив ли он, здоров ли, проживет ли хоть несколько дней.

...Вопрос был: что сказали Бессмертные?

— Они согласны на жертву, Гай Юлий по прозвищу Цезарь. На одну людскую жертву.

«Кого? кого?? кого???» — прочлось в его глазах.

— Тебя, Цезарь. Тебя.

Нижняя его челюсть медленно поехала вниз, и показалось, что сейчас возвратится она и вновь заговорит его устами — теперь уже навсегда.

— Как это... меня? Ты... чего, предсказака? — прохрипел он. Рука его дернулась — будто велела иберийцам изрубить меня в куски.

— Слушай Их волю, Цезарь. Слушай — и решай сам: следовать ей или навечно остаться тем, что есть ты сейчас.

— Если мало того, что имеешь, — повторял я вслед Посланцу, — умри от руки сына твоего по крови, Гай Юлий по прозвищу Цезарь. Пусть сын твой по крови возглавит сговор старейших и собственной дланью вонзит в тебя железо. Тогда, и только тогда, будешь ты вечно молод, и воспариишь выше всех смертных людей, и властвовать станешь не над телами — над мыслями их и душами...

.....
— Я стану... богом?

Эпистола XV

...Птицы, дающие знаменья исключительно полетом, именуются в науке нашей, любезный ученик мой Квинт Геллий, «алитами». Производя над ними наблюдения, заметь, прежде всего, направление полета, затем высоту, на которой они держатся, последовательность взмахов крыльями, а также действия особые, такие, как чистка или извлечение у себя перьев. Важно также сосчитать, сколько птиц одновременно находится в небе.

К алитам относится орел, являющийся личным посланником Юпитера, а также ястреб, сарыч, коршун, гриф, сокол, орлан-белохвост и кре-

чет. Наиболее благоприятные знамения дают орел и ястреб, кроме того — канюк.

Орел, явившийся полководцу, предвозвещает победу. Грифы же означают огорчения, трудности и опустошения. Если птицегадания совершались в канун большого сражения, то сторона, с которой показались грифы, и есть та, откуда придет обреченная на поражение армия. Ястреб же, несмотря на обычную свою благоприятность, в делах военных, особенно если идет об усобицах, может означать смерть. А вот аист, прославленный своим миролюбием, означает скорейшее заключение мира. Дурной знак для человека, ищущего спасения в бегстве, являет собою воробей. Однако делам семейным полет этой птицы чрезвычайно благоприятствует, поскольку воробей считается самым любвеобильным из пернатых.

Черный же голубь, показавшийся, когда вопрошает женщина, означает, любезный ученик мой Квинт Геллий, что в случае потери супруга вдовствовать она будет до конца жизни...

«Полный Авгурикон». Писано Гаем Гевелием Ностром, этрусской науки и прочих дивинаций знатоком, по воле богов в 630-м году от основания Города.

7. Гай Юлий Цезарь, пожизненный диктатор. Рим, иды марта 709 года от основания Города.

И над тобой, вздорный и надменный старикашка, я буду властен!

Ты же навсегда (впрочем, сколько тебе осталось? крупинка жалкого *человечьего* века!) пребудешь, как и был, ничем. До самой смерти продолжишь плясать под Их кифару, закатывать глаза и покорно, слово в слово, пересказывать любопытствующим людишкам небесные Их эдикты. Словно не человек, а свиток папируса. И знаешь, почему так будет? Потому что ты — трус, раб, ничтожество! Да имей я твой дар, я бы с Ними такие переговоры провернул!

Но я и без того кое-что могу. Я могу, к примеру, с легкостью произнести слова, которые ты и подумать-то боишься. Мне это дозволено, как сотни консульств назад дозволено было Ромулу.

Слушай-ка и не вздумай свалиться от страха в обморок:

— ...Стать богом! ...Я *хочу* стать богом!! ...Я *смогу* стать богом!!!

...У-у-у, трепещите, отцы-сенаторы! Остался последний шаг, и, будьте покойны, я его сделаю. И заструится в жилах божественный ихор...

...Выпустит ли, когда стану одним из Них, мертвая хватка Александровой печати? Или лишит со временем сна и на небе?

...Неужто захочется стать первым и... среди Них?

* * *

Я сотворил на лице маску Тезея, идущего на бой с Минотавром. Только Бессмертным ведомо, чего мне это стоило. Разглядел измявшуюся в носил-

ках тогу, передвинул на центр лысины покосившийся венок и ринулся в курию Помпея, где заждались уже со своими кинжалами и кровавыми намерениями отцы-сенаторы.

Мое явление под своды курии было ничуть не менее стремительным, чем к понтийскому городишке Зеле, куда я пришел с четырьмя всего легионами и где увидел полчища местного царишки Фарнака, которые немедленно и победил.

В глазах зарябило от белоснежных латиклавий и росчерков пурпурной каймы. Почтенные отцы-сенаторы, несметные числом, в ожидании диктатора коротали время, как плебейский сброд из хижин Субуры. Кто дремал, погрузив волевым римским подбородком в складки тоги, кто пересказывал пикантную сплетню из жизни городских «волчиц», а кто, не стесняясь столь официального места, азартно резался с соседом в кости.

«Диктатор здесь! Диктатор здесь! Диктатор здесь!», — прокатилось по скамьям. Несколько сотен голов разом обернулись, словно отлично выдрессированная когорта исполнила «Равняйся!». А потом вся эта бело-пурпурная масса слаженно, будто руководил ею невидимый отсюда центурион, поднялась.

...На мгновение показалось — все они против меня.

Привиделось, что я просчитался, недосмотрел; что агенты мои водили меня за нос. Что переусердствовал я с провокациями, и несколько сотен степенных отцов-сенаторов попросту сейчас затопчут или разорвут меня на куски. Что изящные их сандалии сомнут весь многоходовый замысел в лепешку.

Но от волнения или, быть может, от чрезмерного желания, чтобы пророчество побыстрее исполнилось, я совсем позабыл, что действую теперь не в одиночку. Рядом со мной, бок о бок, стояли сегодня Бессмертные — все воинство небес. Потому белотогая толпа подобострастно выдохнула: «Радуйся, диктатор Цезарь!» и с ожиданием на меня уставилась. Я кивнул ей в ответ и опустился в подготовленное уже курульное кресло. Грузно осели обратно и отцы-сенаторы.

...Кроме первого ряда.

Первый ряд остался стоять чуть не навтыяжку. Первый ряд не произнес в мой адрес положенной здравиты.

Первый ряд, в котором наверняка было двадцать три человека.

Вот уж где эти людишки, со многими из которых я прошел не одну сотню военных миль, раскрылись во всей красе! Я могу еще понять, как в число этих двадцати трех угодили, к примеру, Квинт Лигарий, Домиций Агенобарб или Понтий Аквила, известные в свое время помпеянцы. Хотя, конечно, могли бы и оценить милосердие диктатора Цезаря, мало что оставившего их после разгрома Толстого Гнея в живых, так еще и сохранившего им сенаторское достоинство!

Впрочем, пусть их. Уж они-то поступают как раз по совести, если в политике вообще место такой слабости духа, как совесть. А вот как здесь, в первом ряду, с кинжалом под шерстью тоги, оказался один из ближайших моих сподвижников, гениальный бюрократ и законописец Туллий Кимвр? И как, интересно, на неожиданный этот маневр посмотрела жена его Куриа-

ция, в минуты особенной страсти называвшая меня не иначе, как «царственный мой приапик»? А чего не хватало тому же Сервию Гальбе, который был у меня легатом еще в Галлии, и которого я лично выдвигал в консулы? И неужто мало Минуцию Базилу недавней его претуры, которая ему бы и не светила, не будь моей протекции и моих же денег?

На правом фланге этого паноптикума лицемеров и предателей стояли их предводители. Стоял здесь Кассий, вдохновитель и мозг заговора. Лицо его было блее тоги, и казался он мертвецом, забавы ради обряженным в сенаторские одежды и водруженным плечом к плечу с живыми. Живыми этими были братья Публий и Гай Каски — так трясти от страха руками, как эти пышнотелые скопцы, неспособен никакой мертвец. Подле изнеженных Касок неприступной башней громоздился Децим Альбин. Он глядел в сторону, и казалось, что рубака любит настенными росписями, коими в походной своей жизни не полюбобытствовал ни разу. Угловатая его физиономия выражала не больше, чем задвинутое наглухо забрало ахейского шлема.

А рядом, двадцать четвертым в их ряду, возвышался надменный бронзовый Помпей...

На мгновение в курии стало тихо, и я услышал, как по жирной щеке засевшего в третьем ряду Цицерона стекает капля пота. А ведь выпренному этому балаболу, мелькнула ни к месту мысль, тайну заговора не доверили. То-то будет сейчас первому в Городе радетелю за республиканские ценности сюрприз! Главное, чтобы радетель от неожиданности такой не обкакался...

Несмотря на бледность свою и дрожащие руки, двинулись они — молча, непреклонно, монолитно; как шагали легионы их единомышленников при Фарсале и Мунде. И он шагал с ними — крайним справа, как первый центурион легиона.

Мой сын, который бросит последний камень на чашу отцовского Бесмертия.

* * *

...О, боги, боги! Откуда же несчастному диктатору, хоть и многоженцу, взять сына по крови, если сами вы не пожелали его ему дать?

Целомудренную Коссуцию, первую свою нареченную, я никак не успел до брака осчастливить наследником, хоть попытки делал неоднократные и весьма настойчивые. Корнелия сама уже не сподобилась порадовать меня маленьким Гаем Юлием. Получилась у нее лишь дочурка Юлия, которую я потом ловко, с далеко идущим политическим расчетом, сплавил Помпею. Ответный его дар — седьмая ему вода на киселе Помпея-Пышка — быть может, в перспективе и одарила бы меня долгожданным сыном. По крайней мере, матрона она была страстная и потенциально весьма плодovitая. Однако всю страсть втайне она дарила вождю пролетариев Публию Клавдию, из-за чего я и поспешил с нею развестись. Ибо супруга Цезаря должна быть вне подозрений, даже если сам Цезарь из-под подозрений не вылезает. Кальпурния же дважды была беременна, и дважды случался выкидыш: в

первый раз — когда возгорелось восстание в Алезии, и по Риму поползли слухи, будто Цезарь убит в делях Косматой Галлии; во второй — когда я, наконец, решился и форсировал Рубикон.

Не разжившись за три с половиной брака даже единственным официальным сыночком, я крепко задумался в поисках неофициального.

Консульства два назад ко мне с новорожденным сыном нагрянула царичка Египта Клеопатра — и это при живой-то и здравствующей Кальпурнии! Клео, помимо прелестного греческого зада (Каллипиг ты моя, Каллипи!), обладала еще и негреческой вовсе наглостью. В свое время мы отлично под-развлеклись с нею в Александрии (о, незабвенные египетские ночи!), а теперь она утверждала, что произведенный ею недавно на свет сын — мой прямой отпрыск. И не просила — требовала назначить его первым наследником, со всеми вытекающими политическими последствиями. Да еще и нарекла его — Цезарионом!

Мог, конечно, Цезариончик и взаправду зачатся от моего семени, пролитого в Клеопатровых спальнях весьма обильно. Но, зная нравы царственной этой шлюхи, я понимал, что также запросто могла она его прижить и от первого встречного раба, конюха-плотника-портного или, что еще хуже — от братца Птолемея, с которым с детства случались у нее игры отнюдь не родственные. В притязаниях, конечно же, я ей отказал.

Приходили и еще варианты (Постумия? Лоллия? Эвномия?) — такой же примерно надежности. Приходили — и в отчаянии выбрасывались вон. Да, все сомнительные эти дамы наведывались на мое ложе, однако не забывали заглянуть и на другие. Когда же окончательно вырисовалось, что из бывших их любовников во власти и почестях наиболее преуспел я, все законные и незаконные их чада враз сделались моими.

И, совсем уж было отчаявшись, вспомнил я вдруг о Сервилии.

Впрочем, искусницу эту, обучившую меня в годы юности самым действенным приемам постельной борьбы, не забывал я на самом деле никогда. В дни, когда мы сошлись, была она замужем за Марком Юнием Брутом Старшим, пронырливой юристисшкой, втиснувшимся однажды в народные трибуны. И пока Марк этот Юний сражался с оптиматами на судебных скамьях, я сражался с пряжками и застежками Сервилии на его супружеском ложе. И с не меньшим успехом. А однажды, когда он изрекал на Римском Форуме очередную антипатрицианскую речь, то чуть не под аплодисменты восторженных его слушателей на свет явился маленький молчаливый Марк Юний Младший.

У меня, конечно же, случались определенные подозрения по поводу его, так сказать, авторства. Однако по молодости лет докапываться до корней этой тайны было скучно, и потому подозрениями они так и остались. К тому же с Сервилией мы вскорости разбежались, так как стало ей не до меня, и даже не до осчастливленного своего супруга, а лишь до новорожденного Марка Юния.

Пятнадцать же консульств спустя, когда Брут Старший давно уже прирезан был под Мутиной (случилось это в заварушку Лепида, от участия в

которой я крайне вовремя ускользнул), случай вновь свел меня с Сервилией в обстоятельствах отнюдь не платонических. И ей, и мне приятно было заново пережить ощущения молодости, а позднее, когда мы в сладкой истоме отдыхали, Сервилия созналась, что истинный отец Брута — я. И никто более (тем паче — он сам) об этом не догадывается.

Не могу сказать, что известие это произвело на меня очень уж большое впечатление. Мысли мои занимали больше походы, войны, слава, которых я, волею политической ситуации в Городе, был в те дни практически лишен. И потому сознание, что я дал жизнь новому гражданину Города, совсем не взволновало. Лишь когда случалось Марка Юния видеть, я пытался выглянуть в чертах его нечто родственное, и — то видел, а то и нет.

О, Бессмертные, конечно же, Марк Юний! И как не вспомнил я о нем сразу? Безусловно, быть уверенной в отцовстве может лишь женщина, и приличная доля риска при выборе таком сохранялась. Но избери я варианты иные (Эвной? Лоллия? Постумия? и уж тем более — «волчица» всеегипетская Клеопатра), рисковать бы пришлось неизмеримо больше.

Я ведь не забывал, что все боевые эти подруги облагодетельствовали меня отцовством в дни, когда стал я уже в Городе весьма и весьма кем-то. В то время как Сервилия открыла тайну Брута еще во времена оные, когда имя Цезаря значило в Риме не больше, чем кличка последнего из рабов. Открыла — и ни разу после не напомнила.

Да и если вонзить в меня железо мог, при желании и благоприятном стечении обстоятельств, сын любой из них, то возглавить заговор старейших, под которыми, несомненно, подразумевались отцы-сенаторы, по силам было исключительно Бруту.

* * *

...Я смотрел, как Марк Юний Брут на меня надвигается, как задает шаг беспощадной этой шеренге, — словно глядел в молодящее зеркало.

О, это шел на себя я сам — консульств на двадцать моложе. Нос, правда, длинноват — вот им уродился он в Сервилию. Зато лицом — столь же знакомо бледен, телом — худощав, и начинает уже борьбу за мировое господство лысина.

Я взглянул на крепнущую эту проплешину — и сомнения отпали вовсе. Кем мог он быть зачат, как не мною, ибо старший Брут был космат, как когорта немых галлов!

...Мой сын по крови неумолимо шагал во главе заговорщиков-сенаторов, чтобы вонзить в меня железо.

* * *

...Мысль о том, чтобы попросту с Брутом сговориться, ошарашить тайной рождения и открыть ему *наш* с Бессмертными замысел, я отбросил сразу.

А ведь как бы все упростилось, будь Марк Юний со мною заодно! Он сам состряпал бы карманный сенатский заговоришко и под шумок, якобы от

имени отцов, ткнул бы меня кинжалом, нанеся по возможности более действенную и одновременно — менее болезненную рану. Тут бы и разошлись: я — скрытой от всех дорожкой к вершинам небесным, он — Священной дорогой к вершинам городской власти.

Однако пытаться вступить с Марком Юнием в такой необычный союз — что уговаривать статую Помпея возглавить поход на парфян. В лучшем случае сынок мой поднял бы меня на смех, в худшем — честность и *правильность* заставили бы его мигом поведать Сенату и народу Рима о новой интриге ненавистного диктатора. Власти он, быть может, и желал, но путем исключительно законным. И невдомек ему было, что как раз *законных* оснований на консульство больше у подельника его Кассия, которого я, однако же, в стремлении к высшей городской магистратуре несколько попридержал. Если бы Марк Юний узнал, как могло достаться ему это консульство, он непременно с гневом отверг бы и его.

Посему не посвятил я Брута в махинации свои ни на полслова. И задействовал все возможности, чтобы целиком и полностью вовлечь его в махинации Кассия.

* * *

Таких людей, как этот Брут, втянуть в тираноборческую авантюру — труда немного.

Стоит лишь внушить, что лелеемое ими деяние — благо для республики и избавление для римских граждан. В данном случае — от кровавых на их горле лап узурпатора Цезаря. А здесь замаячила еще и тень Брута Древнего, изгнавшего когда-то из Города царей.

Статуи этого цареборца и оказались в нужный день испещрены надписями вроде: «О, если бы ты был сегодня с нами!» или «Если бы жил Брут!». Как мне докладывали, Марк Юний, прознав про эти воззвания, несколько ночей не спал, сделался еще молчаливее и задумчивее. Пока же он коротал ночи в раздумьях о роли имени своего в истории Города, мои люди тоже никак не дремали.

Однажды утром у судейского возвышения, на котором Марк Юний разбирал, как претор, спорные дела, образовались целые Альпы табличек со словами: «Ты спишь, Брут?» и «Ты не настоящий Брут!». Тут зывали уже не к мифическому его предку, а к самому Марку Юнию, что повергло отпрыска моего в еще более тяжкие раздумья. Домой ему приносили теперь вороха анонимных посланий, в котором неназванные граждане Рима донельзя жаждали увидеть потомка *того* Брута, твердой рукой избавляющего Город от новоявленного Тарквиния Гордого.

Тут уж, сам не сознавая, подыграл мне и Кассий. Заметив, что столь назойливое со стороны свободолюбивых квиритов внимание возбуждает Марка Юния все более и более, он пустил в ход все красноречие, чтобы втянуть того в созревающий заговор. Да, по правде, и не было у него другого выхода. Ведь люди мои усиленно распространяли мнение, будто успех пе-

ревороту принесет лишь предводительство Брута, в противном же случае заведомо обречен он на провал.

Надо сказать, что чрезмерно расточать красноречие Кассию не пришлось. Внутренне Марк Юний к заговору уже созрел, и лишь до поры не признавал этого публично. Потому все пропозиции Кассия принял он с радостью, в том числе пообещал и лично, ради победы общего дела, возглавить заговорщиков.

Выдвинул лишь условие; и в условии этом — весь Брут.

Касалось оно не будущего дележа должностей — это не интересовало его вовсе. Речь шла о другом: ненавистный Цезарь, попиратель законов и мучитель римского народа, умереть должен быстро и без мучений. И совсем уж категорично отмел он идею протащить мертвое мое тело по Городу и скоротить затем алчным водам Тибра.

* * *

...Ох, и наслушался же, наверное, ты на конспиративных их сборищах!

Воображаю, как они шипели и с ядовитой своей слюной выплевывали чаще других слово «республика». Республика, п-шшшш, в опасности! Диктатор Цезарь, п-шшшш, покушается на республику! Защитим, п-шшшш, республику от изгвазданных кровью лап Цезаря!

Шипели — и прятали друг от друга глаза, ибо знали, *что* там увидят. Республикой, как рваной и грязной хламидой, прикрывали они истинные свои мотивы — зависть, желание не меньшей славы и богатства.

Кто из них не мечтал проделать все то же, что проделал я? Кто не хотел *проглотить* столько же власти? Они такие же, как и я, Брут. За исключением, быть может, Децима Альбина и, конечно, тебя.

...О, мальчик мой, ты искренне веришь, что являешься потомком того самого Луция Юния, что избавил Рим от последнего царя. Но неужто в папирусах твоих не написано правды: потомство *того* Брута пало бесславно во тьме веков, подточенное чванством, пьянством и недобрыми болезнями. А Марк Юний Старший, которого называешь отцом, происходит не от римских, а от равенских Юниев, за провинциальную недалекость ума прозванных «тупицами». И прозвище это Тупица Старший оправдал сполна, не удосужившись даже заглянуть на зачатие собственного сына!

Поэтому тебе, тайный мой отпрыск Марк Юний, предстоит совершить государственную измену (ибо что есть покушение на правителя, как не измена государству?) и пойти на отцеубийство ради *тебя*, к которой не имеешь ни малейшего отношения. А вдобавок — самому принять скорую и, по-дозреваю, позорную смерть.

Открою секрет: у тех, кто обречен умереть и воплотиться в бога, на пороге между жизнями тоже случается дар предвидения, не слабее того, которым обладают авгуры. Мой же усилился и немалым политическим опытом. И я знаю: заколов меня, вы тут же испугаетесь сотворенного, а еще больше — того самого народа Рима, которому так тчтитеся принести свободу.

Кого этот *свободный* народ поддержит? Чью сторону примет плебс, кому в распоряжение отдадут бронзовые свои кулаки пролетарии?

А теперь подумай сам, мой наивный, но отнюдь не глупый сын: за кого народ римский встанет, когда после смерти моей огласят, что диктатор Цезарь завещал *каждому* гражданину по триста сестерциев из собственных богатств? Кого в миг возлюбит обожающей любовью, а кому станет мстить — до победы, до крови, до полного искоренения?

А как прикажешь поступить? Оставить Город на разграбление кассиям, каскам, кимврам? Которые враз избавятся от честных и принципиальных, и начнут, между прочим, с тебя. Проглотят, Марк мой Юний, вместе с принципами твоими и честностью — не подавятся! Нет, мальчик мой, пусть уж лучше тебя сожру я, хотя бы и посмертно. А что возрос ты из моего семени — так разве повод это быть милосердным?

Кимврам же, каскам и кассиям я не оставлю власть ни под каким видом. Ведь, в отличие от них, и перед смертью думаю о Риме. А они даже перед гибелью Рима думать будут только о себе. Потому на смену мне придет правитель твердый, расчетливый и, если нужно, жестокий. И будет это Гай Октавий Фурин, внучатый мой племянник, которому в завещании отписал я три четверти имущества — намек этот он поймет! Уже сейчас я чувствую в созревающем этом юноше, когда дело идет о власти, хватку поистине железную, сравнимую только с моей. Конечно, возникнут у него проблемы с Антонием, который, будучи нынче консулом, под весь заговорщицкий этот шумок властью делиться не захочет. Ну да Октавий — парнишка шустрый, и мигом обведет тугодума Марка вокруг пальца...

А после — примется спокойно и за вас.

* * *

...— Цезарь, — деревянным голосом начал Кимвр, когда они, наконец, меня окружили. — Ты славен милосердием. Не один политический и даже военный противник был тобою помилован, что делало честь тебе и власти великого Рима, которую ты олицетворяешь. Позволь же, Цезарь, еще раз воззвать к твоей...

Выдавливая зазубренные эти слова, он меня осматривал, как осматривают жертвенного барана или предназначенного в суп петуха. Он примерялся, куда бы половчее всадить кинжал.

— Ты о непутевом братце своем Луции, Кимвр? — бесцеремонно прервал его я. — Болтуне, политикане и заговорщике, который, пойкивая от страха, выполняет сейчас строжайшее мое предписание — не высовывать за пределы Сицилии носу?

Я намеренно его провоцировал. Его и сообщников. Быстрее, быстрее бы все началось!

Кимвр запнулся и забыл продолжение явно заготовленной речи. Повисла глупейшая пауза, с которой никто из них, похоже, не знал, как совладать. И даже на это, славные сенаторы гинекеев и лупанариев, бесстрашные повелители коз и овец, вы неспособны! Неужели придется помогать и *здесь*?

— Ты, Кимвр, конечно же, хочешь просить диктатора Цезаря, — продолжил за него я, — вернуть твоего потерянного для римского народа братца в Город? Ты ожидаешь, что диктатор Цезарь, умилившись фальшивым его раскаянием, которое ты сейчас во всех подробностях живописуешь, позволит Луцию Кимвру покинуть ссылку и возвратиться в Рим, поближе к привычным сенатским интригам?

Кимвр растерянно переводил взгляд с Кассия на Брута, словно ожидая от них помощи. Почему, Плутон подери, право первого удара предоставили именно папирусному этому червяку?

— Так вот, Кимвр: глупости такой более не бывать! Хватит с меня Катона, Требония... — я скользнул взглядом по скамьям, с которых настороженно прислушивались остальные сенаторы, — ...и Цицерона!

Кимвр вздрогнул, как от удара розгой. Закусил губу, как мальчишка, который заплачет сейчас от бессилия. Маска непреклонности была уже у меня наготове.

— Все, все, Кимвр, разговор на нелюбимую эту тему окончен. Поспешите занять надлежащее место на скамье Сената! — я демонстративно достал стилос и оглянулся в поисках навощенной дощечки, будто желая записать пришедшую в голову мысль. — Кимвр, ты еще здесь?

Вместо ответа он скривился (точно зарыдает, мелькнула мысль), глубоко, со стоном, вздохнул и вцепился мне в тогу. Неловко, как хватается за столу матери неоперившийся карапуз. Сердце заколотилось вдвое, втрое быстрее: вот оно, вот, уже сейчас!

— Ну, знаешь ли, Кимвр, это уже насилие! Диктатор Цезарь не потерпит...

Глаза его сделались безумными, там заштормило вдруг целое море ненависти — когда он, успешный чиновник моего аппарата, успел накопить ее столько? Он яростно рванул тогу, словно возжелал, чтобы я немедленно предстал перед Сенатом обнаженным. Я вскочил и хотел было выдернуть ткань из взлелеянных его рук, как вдруг ощутил, что лезвие кинжала врезается косо мне в затылок.

Я вскрикнул больше от неожиданности (удивили, отцы, удивили нехарактерной своей приткостью!), чем от боли, и развернулся. За спиной стоял Гай Каска и с удивлением взирал на окровавленный свой кинжал. Рана была — царапина; но кровь от волнения моего хлестнула щедро.

Ну уж нет, дорогие мои убийцы, так запросто диктатор Цезарь жизнь свою не отдаст! В пророчестве ведь не сказано, что я не имею право сам вонзить железо в рыхлые тела парочки отцов-сенаторов...

— Каска, злодей, да ты что? — с таким талантливым гневом, что позавидовал бы и Артемидор из Книда, воскликнул я и быстрым точным движением ткнул замешкавшегося Гая стилосом в кисть. Тот заверещал, словно я отрубил ему обе руки. Ох, не спугнуть бы их своим сопротивлением... А то ведь, неровен час, обратятся герои и в бегство!

Я намеренно продолжал тянуть вперед руку, вооруженную хлебнувшим Каскиной крови стилосом — ошибка для начинающего даже фехтовальщика чрезмерная. Я открыто приглашал к атаке, и принять приглашение они

не замешкались. Кто-то крикнул: «Получай, лысый развратник!», и я понял, что это, наконец, решился Кимвр.

Но вот ведь людская порода! Из всех возможных обвинений в критический этот миг выбрал он именно «развратника». В момент, когда жизнь и честь его подвешены на волоске, оскорбительней всего для Кимвра оказалось не то, что совокупился я грязно со всеми законами и свободами Рима, а то лишь, что разделил горстку раз ложе его и без того беспутной жены. Поистине: своя обида ближе к телу. Зато теперь хоть известно, откуда родилось у него столько раскаленной этой ненависти...

Острые взрезало оставленный без защиты правый бок. В бою я бы его похвалил — ударил Кимвр неплохо, как для чиновника, привыкшего более орудовать стилосом, чем кинжалом. Впрочем, стилос и навощенная дощечка способны подчас убить и вернее железа...

Боли, что удивительно, не было — была непознаваемая, божественная прямо легкость. Быть может, в такой как раз миг и становятся Ими? Я сделал полуборот вправо и черкнул стилосом у Кимвра на щеке несколько кровавых строк — пусть помнит заседание это до конца жизни. Кимвр отшатнулся, и на мгновение я увидел скамьи Сената — и статуи оцепеневших отцов на них.

Посреди, схватившись рукою за сердце, скрючился Аврелий Котта, сунхонький старичок, который якобы должен был провозгласить меня царем. А в третьем ряду изо всех своих сил втискивался под лавку знатный поборник республиканских традиций и привилегий римского народа, великий тираноборец Марк Туллий Цицерон...

В этот миг лезвие кинжала вошло в левый бок — четко, уверенно, по-хозяйски. Так, что я понял: шутки с их стороны закончились. Я повернулся и увидел, что ударил Децим Альбин — как бил врагов Цезаря не в одной битве. Лицо его было уже без пурпура, собранное, волевое, беспощадное. Он попал, наконец, в свою стихию — средоточие драки, звона мечей, крови. Колени мои ощутили вдруг холодный мраморный пол.

Он мог бы добавить — и сразу же лишит меня жизни. И план бы рухнул, потому как до Брута дело бы не дошло. Но, по всевластной воле Бессмертных, сговорились они бить лишь единожды, чтобы каждый замарался в убийстве в равной степени. Потому Альбин швырнул сделавший дело кинжал на пол, отступил на шаг и скрестил руки на груди.

Они били по разу каждый, как бы неумело некоторые из них ни обращались с оружием. Словно спеленатые страхом ночные разбойники, выковывали они по звену в кровавой цепи, которая свяжет их теперь навеки.

...Лабеон — в левое плечо. Сильно и с пониманием дела; так, что отмерла мгновенно рука.

...Квинт Лигарий — в левую же щеку. Робко, застенчиво, да и метил, несомненно, в глаз.

...Понтий Аквила — справа под ребра. Высокомерно и презрительно, словно не тирана убивая, а выдавливая смрадный гнойник; да еще и сплюнуло потом брезгливо.

...Буколиан — в правое ухо. Расчетливым жестом мясника, глумясь, напроць откромсал мочку; будто заклеймил провинившегося раба.

...Домиций Агенобарб — в кисть правой руки. Целил влево под ребра, желая сделать удар свой последним, но я успел защититься рукой, в которой не было уже стилоса.

...Минуций Базил — под самую ключицу. Но царапнул несильно, скорее обозначил рвение, чем ударил насмерть; как на случай, что убийство сорвется, и можно будет рухнуть в ноги: «Я, Цезарь — не они; я ведь и не бил тогда *взаправду*...».

...Кассий — в лоб. Изю всех отпущенных ему сил, как бы желая расколоть лысую мою голову надвое; но кинжал скользнул в сторону, вычертил на челе кровавую борозду, и Кассий от неожиданности чуть на меня не опрокинулся.

...Гальба — под правую лопатку. Тишком, украдкой, и все норовил со спины, словно резал ночью в переулке...

...Умирать, оказывается, не больно — как отходить ко сну. И красные липкие веки сползали уже на глаза. И хотелось распластаться на пуховом мраморе, рядом с растоптанным лавровым венком, и благоговейно внимать, как с каждой потерянной каплей людской крови входит в тело кровь божественная — всемогущий небесный ихор.

И сделать так было нельзя.

И потому из последних сил держался я на коленях. Я, пожизненный диктатор Рима, триумфатор, *Великий* Гай Юлий Цезарь, стоял перед ничтожествами этими коленопреклоненный и — умолял. Не их — небеса, Бессмертных, но более всего — искромсанное в лоскутья тело, чтобы выстояло еще миг или два.

Выстояло, пока не ударит, наконец, Брут.

А Брут, вместо того, чтобы вонзить в меня кинжал, *вонзить в меня железо*, взирал на избиение со стороны — как наблюдает за битвой полководец. И тут испугался я по-настоящему. Испугался, что у Брута, мальчика милосердного и впечатлительного, нанести этот удар просто не хватит духу. Не станет жестокости воткнуть лезвие в окровавленный кусок мяса, бывший так еще недавно самым могущественным человеком в ойкумене...

Бей, дурень, что же ты стоишь?.. Бей — и сделай меня Бессмертным! И себя заодно — в веках...

И вырвалось вслух:

— Бей же! Бей!

И после, слабеющим уже голосом:

— Бей... и ты, Брут!..

...Брут — в сердце.

Нет, с духом было у него в порядке. И с ударом — тоже. И я почувствовал: из всех нанесенных мне ран эта — первая смертельная.

— Спасибо, дитя...

Пурпурный палудамент скрыл лицо, как скрывают лица у трупов. Потом ткань почернела — и обернулась звездным небом. Руки потянулись к звезд

дам, чтобы наиграться золотыми побрякушками всласть. Руки пересчитывали их, как монеты-ауреусы. Руки складывали из них искусную мозаику. Руки обрели власть созидать миры — прошлые, настоящие и будущие...

...Неужто вот так и становятся Ими?

Из горстки сверкающей смальты воздвигся вдруг Рим. С небесных вершин разглядел я и Форум, и Священную дорогу, и курию Помпея. В курии, на забрызганном кровью полу, под плащом лежал мертвый человек. Руки его протянуты были к подножию статуи. И казалось сверху — молит он статую о пощаде.

...О Ромул-Квирин и остальные Бессмертные, я иду к вам!

Эпистола XVII

...Когда же, любезный ученик мой Квинт Геллий, производишь гадание по пению или крикам, то птицы, подвергаемые наблюдению, именуется «осцинами». К ним относятся, помимо прочих, ворон, ворона, ночная сова, петух и курица.

Если наблюдаешь осцинов, то заметь частоту, силу и в особенности — характер крика. Если же птица при этом перемещается, то запомни также место, куда она в конечном итоге села.

Когда ворона слишком болтлива или ворон кричит сдавленным голосом, то знак этот является дурным. В случае если доведется услышать крик дятла или вороны, донесшийся слева, то знамение это благоприятное, тогда как по отношению к ворону дело обстоит наоборот. Если же ворон кричит спереди, крик этот предвещает потерю здоровья, состояние, чести, а в исключительных случаях — жены и детей.

Достаточно точный предвестник грядущей потери армии, любезный ученик мой Квинт Геллий, — обычный дворовой петух. Птица эта никогда не поет, если предполагается поражение, а в противном случае — голослива и многословна чрезвычайно.

Болтливостью своей прорицает и сорока, только по более обыденному поводу — возвещает скорейший приезд гостей, возможно, послов. Филин и сова — два пренеприятнейших авгура, поскольку знаменуют скорую смерть, поборошь которую возможно крайней лишь бдительностью...

«Полный Авгурикон». Писано Гаем Гевелием Ностром, этрусской науки и прочих дивинаций знатоком, по воле богов в 630-м году от основания Города.

8. Секст Маций по прозвищу «Великий Авгур». Ватиканское предместье Рима, иды марта 716 года от основания Города.

Прилетел он, как и всегда, со стороны Аримина — из земель, где и начал когда-то путь к погубившей его власти.

Прилетел, как обычно, один, без стоголового своего потомства, расплодившегося в последнее время в землях тех до невероятности. Вывел над мо-

ей хижиной несколько размашистых кругов, потом замер на мгновение в вышине, словно всматриваясь ностальгически в римскую даль. А может, и впрямь высматривал — как управляется в Городе мальчишка Октавий Фурин, достойный во всех отношениях преемник?

Затем в стремительной своей манере рухнул вниз и с хрустом оседлал ветку близстоящего дуба. Ветка прогнулась, застонала, но выдержала такого напористого и грузного орла, как он.

Время, как и ранее, не имело над ним власти. Был он все также — вечно молодой самец, сильный и беспощадный император орлиного племени, убийца с безотказными когтями и клювом. И, как и ранее, на миг почудилось, будто вот-вот он бросится и разможит мне клювом череп, чтобы хоть так отыграться за нынешнюю свою участь. Но сразу же явилось спокойное понимание: нет, не бросится, ибо не утратил еще надежду.

Надежду, что Они, позабыв про все его злодеяния, смилостивятся и позволят, наконец, *вернуться*. Кем угодно — безликим рабом в смрадной могиле эргастула, слепцом-андабатом на арене цирка, ночным кинжальщиком с Аппиевой дороги; плебеем, бродягой, нищим...

Лишь бы вновь — *человеком*.

Потому сидел он на ветке с покорностью. Лишь изредка по-звериному чутко вздрагивал, уловив едва различимый шум. И — терзал податливый мартовский воздух клинком своего взгляда.

Взгляда, в котором давно не было *ее*.

И я, несмотря на ветхое уже здоровье, к нему вышел. Не мог не выйти, ибо скованы мы теперь узами космическими, как Кастор и Поллукс; шиты намертво, как свет и тень, любовь и измена, жизнь и смерть.

...Он молчал — на орлином своем языке.

...Он молчал, и темя его, необычно белое против коричневого тела, горело в загустевающих сумерках, как царская корона.

...Он молчал, и ветер, верный товарищ, ерошил ему перья. На теле переливались черные пятна, похожие на стуски запекшейся крови; и было их — двадцать три.

...Он молчал, а как много, наверное, хотел сказать! К примеру, посулить Им долю в добыче или коронованных белым птенцов — в жертву. Только бы жизнь его шелудивая консульств на десять отшагнула...

А вот выпади тебе, Гай Юлий по прозвищу Цезарь, пройти все заново — на каком бы шаге остановился? Велел бы трубить легионам отступление в Галлии? Поворотил бы коня вспять при Рубиконе? Сдержал бы руку сына своего Брута в курии Помпея?

Или... вновь прошествовал бы подлым этим путем — от начала и до кровавого конца? Прошествовал бы и раз, и два, и десять? Знаешь, Гай Юлий по прозвищу Цезарь, легко это представляю...

Что ж, за сим не обессудь. Ты, презрев законы крови, законы Рима и законы милосердия, послушавшись лишь алчного желания власти, свое обязательство выполнил.

Неужто не видишь, что Они свое — тоже?

Обещано, что воспаритишь *выше* всех смертных людей? Вот и воспарил — в гордое и недоступное небо.

Обещано, что вечно будешь молод? Вот и не подвластно теперь орлиное твое тело времени *человечьему*.

Обещано, что властвовать станешь не над телами, как в Городе, а над мыслями людей и душами? Вот и решают они теперь по твоему полету, клекогу, аппетиту — жениться им или разойтись, объявить войну или заключить мир, предать или сохранить верность. Ибо когда семь консульств назад в римских землях завелись невиданные ранее белоголовые орлы (метко прозванные — орлы-*лысаки!*), сразу и родилось в народе поверье, что самые достоверные и угодные Бессмертным ауспиции дают лишь эти птицы. А собратцы мои по ремеслу, скудоумные и бесталанные предсказки, с охотою за суеверие это и ухватились...

Как бы ни было, но с Их стороны все честно и по договоренности, Гай Юлий по прозвищу Цезарь.

Скажешь, честность эта подлая, расчетливая, прямо-таки — парфянская? А сам не поступал ли по-парфянски, когда сына своего по крови правдой и обманом подталкивал не просто на измену государству — на отцеубийство?

Понимаю прекрасно твое недовольство, Гай Юлий по прозвищу Цезарь: на что *такая* власть, когда привык к иному? К чему власть, какую не выразить и *словами*?

Потому и прилетаешь в иды каждого марта. Думаешь, напомню Им о тебе? Полагаешь, только я да подобные мне способны говорить с Ними? Ошибаешься, Гай Юлий по прозвищу Цезарь! Любой смертный способен говорить с Ними. Жизнь — это и есть разговор с Ними. И что сказать, мы выбираем сами.

Ты же свой выбор сделал.

...Тьма заштриховала уже искусным стилосом воздух. Не тронула лишь белое пятнышко — над веткой, где сидел он. Я шагнул ближе — и во взгляде его прочел знакомое: что, что, что говорят Они???

— Осмелюсь дать совет, Гай Юлий по прозвищу Цезарь. От себя, ибо Они на твой счет распоряжений не оставили. Так вот: если мало того, что имеешь — проглоти орлиный свой язык, обломай когти, выщерби поскорее клюв. Унесись на крыльях в такую даль, куда ни человек, ни птица не заберутся. И — не возвращайся никогда. Только так удержишься ты от соблазна вновь завалить свою и чужие жизни на ненасытный алтарь власти. В противном же случае — не взыщи, если снова выпадет тебе «пустая фаланга». Которую, кстати, получил и кумир твой Александр, также вознамерившийся стать одним из Них, а ранее — разоривший Трою Агамемнон. Не удивляйся, если отнимут Они и то, что имеешь сейчас. Не жалуйся, если обратят уже не в птицу — в крысу, в паука, а то и вовсе — в песчинку...

Взгляд его распорол мне лицо — едва кровь не хлестнула. Ударили по воздуху крылья — жестоко, безжалостно, словно повинен тот был во всех

его бедах. Потом же орел этот лысак, разверзнув циклопический клюв, жалобно, не по-орлиному вовсе, закричал.

В точности, как и два, три, шесть консульств назад.

И вновь не было в крике раскаяния, вины, сожалений о преступных деяниях. Была лишь — обида, что Они семь консульств тому так предательски над ним посмеялись...

Он сорвался с ветки и выстрелил вверх — в пасть звездному мартовскому небу. Белое пятнышко бродячей звездой прочертило в вышине круг и поплыло в сторону Аримина. Не получив в который раз от Них ответа, он возвращался в свои владения, к подвластному ему орлиному племени.

Возвращался, чтобы консульство спустя, день в день, вновь прилететь ко мне.

Говорят, столь же исправно навевается он и к тщедушной речушке в окрестностях Аримина. Речушке столь мелкой и хилой, что порою не помещают ее и на картах. Речушке, именуемой *Красницей*, или *Рубиконом* — оттого, что, по поверью, отражается в ней вся пролитая в усобицах римская кровь.

Он долго кружит над местом, где стоял когда-то чуть не полдня, не решаясь пересечь безобидные воды. Потом так же жалобно, с досадою, кричит и улетает. Улетает, чтобы неизменно вернуться.

Готов ли снова перейти Рубикон, Гай Юлий по прозвищу Цезарь? Заново преодолеть черту, отделяющую правду от кривды, закон от бесправия, свободу от эргастула? Не сомневаюсь даже, что — да.

Но самое в этой истории мерзкое, что готов не ты один.

Ведь и те, кто втихомолку приветствовал твою смерть как избавление от тирании; и те, кто открыто аплодировал твоему трупу, вывоченному из курии Помпея; и даже те, кто резал тебя в самой курии — все они, тайно или открыто, жаждали твой путь повторить.

А значит — прозвучит еще в Городе и окрестностях:

...— *Если мало того, что имеешь...*

...*Октавий...*

...*Тиберий...*

...*Калигула...*

...*Нерон...*

...*Домициан...*

...*Коммод...*

...*Каракала...*

...*Гелиогабал...*

...— *метни кровавый жребий...*

Ибо печать эта лежит на всем римским народе.

Александрова печать.

СЕРГЕЙ ЁЖИКОВ

КЛАСТЕР УПАВШЕЙ ЗВЕЗДЫ

Я

ТЕБЕ ПОКАЗЫВАЛ СВОЕ ЛЮБИМОЕ СОЗВЕЗДИЕ? – СПРОСИЛ Витя.

Они сидели в парке на скамейке. Точнее, сидел Витя, а Саша лежала на спине, положив голову ему на колени. Погода была тихой и почти безветренной, а небо таким глубоким, таким огромным, что он даже удивился, что не замечал этого раньше.

– Гончие Псы? Да, показывал.

В первый момент он чуть не брякнул «откуда ты узнала?». Еле сдержался. Все-таки надо думать, прежде чем что-то сказать...

– Да? – протянул он. – А у тебя любимое созвездие есть?

Саша задрала голову, рассматривая звезды – в ее глазах Витя увидел отражение неба – потом сказала:

– Я же созвездий не знаю. Только Зодиаки... – она на секунду замолчала. – Ну... может Весы, это же мое созвездие.

– Показать?

– Покажи. Я его ни разу не видела.

Витя взгляделся в небо. Карту созвездий он изучил за месяц не хуже профессионального астронома. Ну, может быть, это и преувеличение, но уж, во всяком случае, среди обычных людей вряд ли найдется кто-то, кто знал бы ее настолько досконально. Хотя бы потому, что мало кому захотелось бы тратить столько времени на запоминание звезд.

Так... сейчас у нас конец мая, значит, Солнце в Близнецах. Время? Часов у Вити не было, но время он знал точно. Получается... он посмотрел на восток, пошарил глазами.

– Вон, смотри! – Витя подsunул руку Саше под голову, помогая приподняться. – Видишь этот холм?

– Вижу.

– Теперь чуть правее над ним четыре звездочки крестом – видишь?

– Вижу. Это оно?

– Нет, Весы немного выше. Вот эти звезды – он пальцем указал несколько, – это и есть твое созвездие.

Саша молча кивнула, потом нахмурилась:

– Я думала, что оно действительно похоже на весы.

– Похоже, просто оно перевернуто. Лежит немного на боку, видишь?

– А-а... кажется, я поняла. – Она наклонила голову, откинула челку с глаз. – Да, вот так похоже.

Теплый, липкий воздух небрежным ветром крутился вокруг парочки, покачивая подол Шашиного сарафана. Звезды мерцали, подмигивали в небесной дымке, дергаясь, словно пьяные. Глубокое небо ближе к

горизонту становилось немного туманнее и словно упиралось в верхушки кипарисов, частоколом стоящих у подножия бухты. За ними полновесно и упруго дышало море, заглушаемое стрекотанием сотен цикад.

Саша несколько секунд смотрела на звезды, затем снова опустила голову Вите на колени.

— Вообще-то я подумала, что любимое созвездие не должно быть зодиакальным. Так неинтересно. Ведь очень многие под Весами родились, не только я. Получается — у всех оно будет любимым?

— Да.

— Это уже неинтересно, — повторила она.

— Конечно.

— Надо выбрать другое созвездие... Как ты свое выбирал?

— Это долгая история... я тебе ведь ее рассказывал, помнишь?

— Ах, да... — она вздохнула, поерзала, устраиваясь поудобнее. — Надо подумать, как мне лучше выбрать... ты мне поможешь?

— Конечно, помогу.

Она улыбнулась, перевела взгляд на небо.

Витя смотрел на нее с удивлением. Нечаянная фраза про звезды привела к такой заинтересованности, которой он никак не мог ожидать. В самом деле, почему он ни разу об этом не подумал? Не знал? Дело не в том, что не знал. Дело в том, что не догадался раньше.

Почему?

Может, в самом деле стоит отойти от уже проверенных шаблонов? Может, лучше будет вот так импровизировать, находя новые и необычные интересы и пути. Тем более что звезды — это как раз то, что нужно! Ведь юные девушки любят смотреть на звезды, на небо — тем более вот так, доверчиво и уютно лежа на мужских коленях.

Просто он об этом уже давно забыл. Очень давно.

— А что вот это за созвездие? — спросила Саша. — Прямо над моей головой. Ты знаешь, как оно называется?

Витя тоже задрал голову, всмотрелся:

— Четыре звездочки? И форма типа трапеции?

— Нет, ты не туда смотришь! Там много звезд, вот, раз, два, три, и дальше, ниже... — Саша показывала рукой. Он обнял девушку, наклонился к ее плечу. Смотреть на небо из такого положения было очень неудобно, но зато сразу стало понятно, про что она говорит.

— Это Корона. Северная Корона. — поправился Витя.

— А что, есть еще и Южная? — удивилась Саша.

— Есть, только его отсюда не увидишь, разве что в Австралии. Или в Бразилии.

«Где в лесах много-много диких обезьян» — вдруг вспомнилось ему.

Саша вдруг заулыбалась — широко, открыто. Наверное, ей тоже пришла в голову строчка из фильма.

«Иногда она ведет себя слишком по-моему» — подумал Витя. — «Вроде такого я прежде за ней не замечал. Или такого действительно не было? Может, я ее недооцениваю?»

— Красиво, правда? — спросил он.

Саша кивнула одними глазами. Вот как-то так у нее получилось — даже голова не шевельнулась, только глаза мигнули, выражая согласие.

Витя посмотрел на небо, затем снова на Сашу. Она рассматривала звезды и молчала. В общем-то, Витя и сам не знал, что еще сказать, чтобы это не было пустым и не к месту. Молчание затягивалось с каждой секундой, и это было плохо, это портило весь предыдущий успех. Он это понимал, но чем больше старался придумать какой-нибудь повод для разговора, тем меньше нужных слов вертелось в голове.

Все врут. Романы, песни, фильмы — все врут. Или не врут, но упрощают любовь до банальности. «Когда тебе нечего сказать — расскажи ей про свою любовь. И все остальное будет ненужным». Когда главный герой главной героине: «Я люблю тебя», — в их отношениях в один момент исчезают непонимания, недомолвки, и все становится правильным, ясным, светлым и предсказуемым. Нежность в движениях, страсть в объятиях, радость во взглядах и прочие сладости...

Витя поднял голову, невидяще уставился на серебристый силуэт тополя.

А вот на деле всё куда сложнее, хотя со стороны это совершенно незаметно. На первый взгляд это выглядит простейшей задачкой с двумя известными переменными. Даны два человечка, которые уже давно любят друг друга. Любят неровно — со взаимными обидами, частыми ссорами и возникающими время от времени попытками переправить друг друга на свой лад. Но это уже в порядке вещей, иначе они не сидели бы здесь вместе... Так вот, требуется ответить на вопрос: о чем им поговорить в такой вот романтический вечер — под великолепным звездным небом, на фоне тихого шуршания листвы и перебивающих друг друга цикад?

О любви?

В прошлый раз Витя так и сделал. Сашулька вдруг сразу сжалась, настожила, стала отвечать как-то спонтанно и словно через силу, выдавливая короткие односложные фразы, а вскоре заторопилась домой.

Количество неизвестных оказалось куда больше, превратив задачу в уравнение высшего порядка.

— ...Все жду когда звезда упадет, — вдруг со смешком произнесла Саша.

— Что? — Витя с трудом оторвался от размышлений.

— Падающие звезды, — повторила она. — Я все пытаюсь увидеть какую-нибудь падающую звезду. Знаешь, летом их обычно полно, вот только никогда не успеваешь загадать желание. Смотришь в одно место, а она где-нибудь в стороне падает; пока оглянешься — уже все, погасла.

Витя ошарашено молчал. Если бы рядом сейчас не было девушки, а руки были бы свободны, он непременно хлопнул бы себя по лбу.

Падающие звезды! Их же здесь действительно нет! Ну, как ему сразу в голову такое не пришло?!

Саша по-своему растолковала его молчание:

— Нет, я, конечно, успевала заметить, как она падает, но... все-таки, пока увидишь, пока подумаешь: ой, надо ведь какое-нибудь желание выдумать! Ну и... не успеваю.

— Может, надо было сначала желание придумать, а потом звезду ждать? — ответил он. — И как только она появится...

— Ага, я пробовала.

— И что?

— И что... и то! — Санька покривилась. — Они тогда вообще не падают.

Они одновременно засмеялись.

— Хитрые они, звезды, — заметил Витя. — Чувствуют, когда их ждут.

— Ага... А вообще я слышала, что если вот так загадываешь заранее, то все равно ничего не сбудется.

— Почему?

— Ну как же! Просто нечестно это, понимаешь? То есть как будто ты специально стараешься подстроить, чтобы все было по-твоему, а так нельзя! Это.. ну, ненастоящее, что ли... Словно ты заказываешь свою мечту... нет, не так... не заказываешь, а просто все готовишь специально, чтобы все так и случилось. Ну, ты понял, да?

Витя кивнул. «Подстраиваешь, чтобы все было по-твоему... чтобы все так и случилось...»

— Да, верно, — выдавил он. — Понял.

Все шло не так, как прежде, и это не давало ему покоя. Странные слова, странное поведение, необычные темы... откуда они вынырнули? Витя попытался вспомнить, происходило что-нибудь похожее раньше. Вроде бы нет. Или он просто забыл об этом?

— А еще... — с усмешкой сказала Саша, не замечая Витиной растерянности, — а еще, когда я была маленькая... мне было лет семь, кажется, и папа мне впервые показал падающую звезду. Я так удивилась! Их тогда много падало, я насмотрелась и решила найти то место, куда они падают, представляешь? И начала уговаривать папу, чтобы мы сходили и посмотрели, где они лежат. Я даже место запомнила: мне казалось, что несколько звезд упали совсем недалеко, за соседним домом.

— И что папа?

Саша хмыкнула:

— Сказал, что не успеем и что они уже сгорели. А я ему долго не верила и несколько дней искала сгоревшую звезду. Ходила по дворам и смотрела — не осталось ли чего-нибудь от нее. Представляешь?

Она примолкла и принялась задумчиво катать между пальцами прядку волос.

— Ты мне никогда не рассказывала об этом, — негромко заметил Витя.

Саша посмотрела на него с иронией:

— А ты никогда меня об этом не спрашивал. Да и вообще, — она вздохнула, — я сама только сейчас вспомнила. Это же давно было...

Ветерок легонько зашуршал верхушкой тополя. Короткий бриз с бухты протянул холодком по коже и заставил шевелиться волоски на руке.

— Тебе не холодно?

Саша отрицательно покачала головой.

Витя протянул руку к ее голове, осторожно коснулся волос. Саша на миг посмотрела на него, потом снова подняла глаза к небу. Пошевелила головой, пропуская Витину руку. «О чем она думает? И задается ли вопросом — о чем думаю я? Понимает ли, что думаю о ней? Саша, Сашулька... ради чего тебе понадобилось убивать такие вот наши дни?»

Впрочем, это еще вопрос — кто из них сделал это первым...

Он провел рукой по ее бедру — было очень приятно ощущать гладкую бархатную кожу. Саша вздохнула, и Витя заволновался, что вся идиллия на этом и закончится.

— Хочешь, я найду для тебя звезду?

Саша замерла и удивленно посмотрела на него. Недоверчиво улыбнулась:

— Это как?

— Упавшую звезду. Такую же, какую ты хотела отыскать.

«Что я несу!?!»

— Ну тебя! Я ему про свои детские тайны рассказываю, можно сказать — самым сокровенным делюсь, а он прикалывается!

— Я и не думал смеяться, правда! Нет, в самом деле, я подарю тебе звездочку — маленькую, чтобы помещалась в ладонях. И еще она будет теплой, но не горячеей, чтобы ты не обжигалась. А еще — пушистой. Как ты.

— Витя, ты ненормальный. Какую звезду, очнись! — Она показала глазами на небо. — Тем более, что... что ведь звезды не падают!

— Падают. — Витя вдруг почувствовал прилив какого-то необычного восторга, от которого уже давно отвык. Он понимал, что его несет в совершенно невыносимые дебри, но это было приятно, это пьянило, как пьянило его Сашкино присутствие рядом. «Это же решение, решение!..» — Падают, просто ты этого не заметила. Но ведь это не значит, что их нет. Просто... мы не всегда знаем, где их искать — небо ведь огромное, и звезд на нем тоже, да и вниз они срываются очень быстро и как попало — так, что даже не поймешь, куда именно они упали.

— Витя, ты бредишь... какие звезды? Такого не бывает. Это лишь красивая сказка, и только, но ведь мы уже давно не дети.

Сердце колотилось, в ушах гулко звенело, кровь пульсировала и словно давила на глаза. Это было очень нехорошо, это было даже плохо. Но сейчас это не так важно, это пройдет, обязательно пройдет — куда же оно еще денется, в конце концов?

— Тебе никто никогда не дарил звезд? — с деланным удивлением спросил Витя.

— Представь себе — нет, — саркастически усмехнулась Саша. — И ты, кстати, тоже. Так что мне теперь непонятно, с чего это вдруг в тебе проснулось такое желание?

Их взгляды встретились.

— Раньше я никогда не искал звезд, — серьезно ответил он. — И даже не думал, что их можно найти. Но теперь я знаю точно — можно.

Они смотрели друг на друга — Саша снизу вверх, чуть закинув голову, а он зарылся пальцами в ее волосы, легонько перебирая их, и вглядывался в глаза, пытаясь прочитать ее чувства.

— Хочешь, я подарю тебе звезду?

Ее губы еле заметно шевельнулись: «Как?»

— Я найду ее. Найду сегодня ночью. Да, вот именно — ночью, пока ее хорошо видно в темноте. А завтра... Саня, приходи ко мне завтра утром. Она будет ждать тебя. Хорошо?

Витя смотрел в глаза девушки и отчетливо видел все те крохотные обрывки эмоций и желаний, которые захватывали ее, упорно пробивались наружу и заставляли сказать что-то, что должно было быть ее ответом. Ответом, словами, которые появятся на миг позже, чем он угадает их по одним только глазам.

Ее губы шевельнулись, но за миг до этого Витя уже угадал ее ответ: «Хорошо...»

Это длилось меньше секунды, а затем Саша отвела глаза в сторону.

— А что я скажу Валере? Что это ты мне подарил? — выдавила она. — Знаешь, ему такое не понравится...

Идиллия закончилась, лопнув, как стеклянный шар. Вите стоило огромных усилий заставить себя не выдать ни одной эмоции, и он с некоторой смесью неловкости и облегчения подумал: хорошо, что Саша сейчас не видит его лица, оно наверняка окаменело, напряглось, пытаясь справиться с чувствами. Казалось бы, не в первый раз он слышал этот ее вопрос, и не в первый раз все точно так же ломалось. Но сегодня это воспринималось особенно тяжело.

Дурак, наивный дурак! Расслабился, уверовал, что нашел лазейку, что нашел ключик к чувствам. Что стоит добавить еще немного ниточек, которыми они свяжутся — и она снова останется с ним.

А в результате получил весьма чувствительную пощечину.

Ну, надо же быть таким идиотом, да еще после стольких неудачных попыток! Теперь исправить ситуацию будет куда тяжелее.

— Ну и что, Саш? И что тут такого? Он же знает, что мы с тобой друзья, разве я не могу подарить тебе что-нибудь?

Она саркастически хмыкнула:

— Ничего себе — что такого! Да если бы он вообще знал, что я сейчас тут с тобой сижу, так поздно и вот так... — она махнула рукой, как бы показывая вокруг, — я даже не знаю, что бы он сделал!

— Ничего бы он не стал делать.

— Витя, я не хочу его огорчать! Он вообще против того, что мы с тобой еще общаемся, понимаешь? И я не хочу его потерять из-за этого.

— Это вообще не его дело, а твое! Твое и мое, в конце концов! Или он собирается тебе указывать, с кем тебе видется, а с кем нет?!

— Он мой парень. Тебе бы понравилось, если бы я ходила вечером на свидания со своим бывшим?

Витя ощутил, как лицу стало горячо.

— Я ни у кого не отбивал девушек — в отличие от него!

— Перестань! Ты же прекрасно знаешь, что это не так!

— Ну, если бы он не уговорил тебя бросить меня!..

Саша гневно сверкнула глазами и отвернулась.

— Ты сам довел до этого...

Витя замолчал. Не потому, что она была права — хотя доля правды в ее словах в самом деле присутствовала — а потому что вдруг почувствовал усталое равнодушие. Все это уже было: эти слова, практически один-в-один, взаимные обвинения «а ты... а я... а мне...», аргументы и причины... Все это Витя прошел уже не один раз, и становилось ясно, что толку от этого никакого. Сейчас она обозлится, надуется, а потом встанет и уйдет. Уже в который раз.

Так и есть.

— Сколько сейчас времени? — спросила Саша с еле заметным раздражением.

— Рано еще. — Пробормотал он. Было совершенно неважно, который на самом деле час и что он ей ответит — Витя понимал это отлично. На какой-то момент ему захотелось махнуть рукой, послать все к черту и прекратить весь этот бардак, потому что становилось скучно. Многократно пройденные ошибки — они не столько добавляют опыт, сколько утомляют психологически.

Саша, не догадываясь о его мыслях, снова возмущенно сверкнула глазами, задержала взгляд, как бы раздумывая, чем ему ответить, а затем зашагала вокруг себя в поисках опоры.

Он молча смотрел, как она поднимается, отряхивает и поправляет задревший сарафан, стараясь не смотреть ему в глаза. Огляделась, поискала босоножки, ногой выпихнула их из-под низкой лавочки, затем присела с краю и стала обуваться.

Все так же молча он наблюдал, как она неукложе боролась с узкими ремешками застежек. Застежки упрямо сопротивлялись, и в темноте Саша никак не могла отыскать нужную дырочку, отчего заметно нервничала. А он сидел, даже не в силах подвинуться к ней поближе, хотя ведь прекрасно заметно, что и села она намеренно подальше, и нервничает в первую очередь потому, что чувствует себя глупо перед ним в такой вот момент. Понимает, что очень заметно, насколько нелепо она пытается избавиться от него, пытается отмежеваться. И потому злится, но от этого становится хуже только ей самой. Витя уже настолько хорошо знал и чувствовал Сашу, что мог считать себя заправским психологом. Временами казалось, что он может читать ее мысли.

К сожалению, только читать. Изменять их было чрезвычайно тяжело, а в последнее время — почти невозможно.

— Сашуль, — поинтересовался он, когда непослушные туфли наконец-то смирились с участью прочно остаться на ногах хозяйки. — А тебе самой не надоело?

Саша встала, по-прежнему стараясь не обращать внимание на его присутствие рядом, и стала собирать волосы в пучок. На левой руке темнела ре-

зинка — Саша сняла ее перед тем, как удобно устроиться у Вити на коленях. Она всегда так поступала, и сегодняшний день не был исключением. Все ее движения и поступки были прежними, такими, какими были в лучшие дни их отношений, и Витя не без удовольствия отметил, что между ними до сих пор есть ниточки, которыми они успели прирасти друг другу.

Которые, впрочем, Саша постепенно обрывает — одну за другой.

— Тебе все это не надоело? — чуть громче повторил он. — Ну в самом деле, Саша! Ты же сама не хочешь, я же вижу!.. Ну сколько ты еще будешь как маятник — туда-сюда, туда-сюда! Ты же и себя мучаешь, и меня, и все наши отношения... ломаешь все подряд. Даже не ломаешь, а гнешь, гнешь, неизвестно ради чего. Я ведь вижу, что я тебе не безразличен, что ты по-прежнему меня любишь! Да и ты сама знаешь, что я...

— Что — ты? — тихо, словно нехотя, спросила она.

Витя невольно сглотнул. «Странно... я же волнуюсь и нервничаю едва ли не больше, чем она. Почему? Ведь все это уже было, это же просто как повтор знакомого фильма, в котором изучены все моменты и реплики главных героев!»

— Ты же понимаешь, что мы нужны друг другу! Да не спорь, я же прекрасно вижу, что ты сама знаешь, что я прав, просто ты пытаешься от этого избавиться, пытаешься забыть и уйти от всего, что нас связывало! Но зачем? Ну вот скажи — зачем делать наперекор своим же желаниям, зачем делать себе же больно?

Она открыла было рот, но Витя перебил ее:

— Сашуля, я ведь люблю тебя, пойми, и любил всегда, что бы ты там себе не думала и как бы на меня не злилась! Я же вижу, как нам друг друга не хватает... Просто ты почему-то упрямо хочешь запомнить только свои обиды на меня, а не то, к нам с тобой было хорошо вместе! Ну, ведь ты же помнишь...

Саша вдруг как-то странно махнула рукой, резко отвернулась, и Витя замолчал, испугавшись, что она сейчас заплачет. Он всегда терялся, когда видел ее слезы. Она плачет, а он не знает, что ему сделать. Казалось бы, лучше всего обнять, приласкать, убаюкать, пусть даже позволить пореветь у него на плече... но чаще всего он видел ее слезы лишь после ссор, когда обнимать ее было уже как-то нелепо. Во всяком случае, он чувствовал, что нелепо и, что самое главное, бесполезно.

Вите вдруг показалось, что стало очень тихо. То ли цикады перестали стрекотать, то ли стих ветер, то ли просто он перестал обращать внимание на весь этот антураж. В темноте он смутно различал Сашкин силуэт и прислушивался, боясь услышать всхлипывания.

— Мне не стоило сегодня приходить сюда — вдруг твердо произнесла Саша. — Не стоило... Это только сделало всё хуже...

— Но ты же все-таки пришла! — не без ехидства заметил Витя. — Ты ведь согласилась. Только не говори, что ты не знала — зачем!

Саша что-то пробурчала в ответ. В своем пестром сарафане, среди обесцвеченного ночью пейзажа она казалась сказочной дриадой в заколдованном лесу.

— Что? — переспросил Витя.

- Я уже пойду. Слишком поздно. — Сказала она.
- Саша, погоди...
- Не надо меня провожать, я сама дойду!
- Ну чего ты...
- Не надо! Ты же знаешь — мне тут недалеко, ничего не случится.

Последние слова Саша сказала уже на ходу, направляясь по одной из тропинок и оставляя Витю одного.

— Саша!

Она даже не обернулась. В глубине темного парка стук ее каблучков по бетонным плиткам заглушил стрекот и посвистывание цикад.

Ее тонкий силуэт, почти призрачный в темноте, удалялся от него. На короткий миг ему вдруг захотелось сорваться вслед за ней. Догнать, обхватить легкое тело, вдохнуть его запах, почувствовать, как щекочут ее волосы лицо. Схватить — сильно и властно, почти без усилий преодолевая слабое сопротивление, повалить на траву, сорвать этот чертов сарафан, в котором она выглядит в сто раз соблазнительнее, чем обычно — и ощутить, как они снова, как прежде, становятся единым целым — телом и душой...

«Завтра» — подумал он, пытаясь преодолеть приятное томление ниже живота. — «Завтра все начнем сначала. И завтра все будет уже совсем другому».

* * *

...Случайно задетый камень с глухим стуком покатился вниз, кувыркаясь и увлекая за собой ручейки песка. Саша отклонилась назад, почти балансируя на одной ноге, нащупала выступ на склоне и оперлась на него. Склон оказался немного круче, чем она предполагала, но у нее даже не возникло мысли вернуться. Она всмотрелась в темноту. Камешек уже остановился где-то внизу, и только песок еще шуршал, ссыпаясь по тому, что Саша поторопилась посчитать тропинкой.

Впрочем, сарказм был излишним. По сравнению с остальной частью спуска в бухту это действительно была тропинка. Своеобразная — местами заросшая травой, с крутыми участками и торчащими тут и там валунами — но все-таки здесь еще худо-бедно можно было пройти. Чуть в сторону Саша не рискнула лезть даже в том безрассудном состоянии, в котором она сейчас пребывала.

Сюда ее привела злость и отчаянье. Злость в первую очередь на саму себя, пусть даже она все еще старалась оправдаться и доказать неизвестно кому, что Витя сам виноват. С каждым шагом уверенность в этом таяла, что угнетало Сашу еще больше.

Она действительно собиралась пойти домой, но, выйдя из парка, поняла, что дома ей будет только хуже. Ее душили эмоции — непонятные, скомканные, спутавшиеся в горячий клубок. Единственным понятным оставалась лишь злость, и Саша решила немного развеяться и прогуляться куда-нибудь, чтобы успокоиться. Несколько раз свернув — даже не задумываясь, куда именно — она в конце концов достигла высокого берега бухты.

Как она нашла эту тропинку — Саша и сама не могла объяснить, но попала на нее как нельзя вовремя.

Теперь она стояла почти на середине склона и пыталась понять — достаточно ли ей прогулок или еще нет?

Всего на десяток метров ниже было слышно тихое шуршание прибоя. Она представила, как волны лениво накатываются на пологий берег и шевелят мелкую гальку и песок, глубоко вздохнула и стала спускаться дальше.

Каблуки соскальзывали с покатых гольшей, и Саша старалась идти как можно осторожней. Не хватало еще вывихнуть ногу в таком безлюдном месте.

Только когда под ногами захрустел песок, она решилась оторвать руки от колючих кустов, за которые цеплялась, скинула туфли и пробежала последние пару метров до воды.

Море было довольно прохладным — что для конца мая было неудивительно. Саша пошла вдоль полосы прибоя, вздрагивая от прикосновений воды к ступням. Темный песок размывался под ее ногами, когда очередная небольшая волна откатывалась назад.

«Действительно, зачем я согласилась встретиться с ним?.. Знала бы, что так получится...» Она опять вздохнула. Этот вопрос она задавала себе не в первый раз, и не в первый раз обещала себе, что — всё, это в последний раз и больше она с ним видаться не будет. То есть совсем. Потому что каждая такая встреча швыряла ее в очередную депрессию, заставляя метаться, делать черт знает что и портить только-только развивающиеся отношения с Валерой.

Валера, между прочим, тоже начинает заводиться, наблюдая, как Сашка мучается меж двух огней. Пару раз они даже поссорились. Ненадолго, конечно, потому что больше всего Валера боялся, что она вернется к Витьке.

«Дура. Я просто круглая дура. Вместо того, чтобы окончательно порвать с прошлым, я все пытаюсь превратить отношения с Витей во что-то непонятное. Хотя, если смотреть правде в глаза, он сам настаивает на этом. И все еще пытается меня вернуть, несмотря на то, что мы решили остаться просто друзьями». Она вспомнила его растерянный взгляд, когда она собралась уходить — и невольно усмехнулась. Он вообще ее сегодня здорово удивил своими бреднями про падающие звезды, но самое противное, что она была готова сегодня остаться с ним. Мелкое помешательство, конечно, которое ни чему хорошему бы не привело. «Ничего, пусть тоже помучается. Я с ним натерпелась — пусть теперь побудет в моей шкуре, это пойдет ему на пользу!»

Почему-то это мысль ее мало успокоила.

«Я его не люблю», — сказала себе Саша. — «Я его не люблю, я его не люблю... уже не люблю. Наши отношения постоянно доставляли мне боль — даже тогда, когда было все хорошо. И даже сейчас, когда мы уже не вместе — два месяца, как не вместе! — мне все равно больно, когда его вижу».

Он в сердцах пнула подползшую к ней воду — разлетевшиеся брызги неприятно заохлодели кожу на ногах. Потом схватила первый попавшийся камень, неуклюже размахнулась и швырнула его в море.

«Не хочу, надоело, надоело! Оставьте меня в покое! Оставьте — все! Никого не хочу видеть!»

Камни один за другими с глухим бульканьем шлепались в черную воду, и море отвечало в такт набегаящими волнами.

Саша успокоилась, когда ступни начало ломить от холода.

Она отошла от воды и огляделась. Бухта представляла собой узкую вытянутую расщелину среди невысоких пригорков. С одного такого скалистого пригорка Саша спустилась сюда и теперь стояла перед противоположным склоном.

«Наверное, стоит уже вернуться домой». Саша посмотрела влево: конец бухты упирался в непролазное нагромождение камней и грязи, выброшенных на берег. Подниматься там было самоубийственно даже днем. Возвращаться же тем путем, каким она попала сюда, тоже не хотелось. Саша взглядела перед собой, оценивая высоту подъема: этот берег был довольно пологий.

«Поднимусь здесь и обойду бухту сверху. А там уже можно будет вернуться обратно через парк».

Она нахмурилась, вспомнив про Витю. Сталкиваться с ним не стоило: он обязательно начнет интересоваться, что она делала здесь, в противоположной стороне от своего дома, а в конце концов решит, что она вернулась ради него.

Впрочем, сомнительно, что он там все еще сидит.

Саша присела на крупный валун, счистила с мокрых ног песок и обулась. Кинула последний взгляд на бухту и стала пробираться вверх.

Подъем оказался гораздо легче, чем она могла предположить. Камни шли вверх почти ступеньками, и ей оставалось лишь внимательно смотреть себе под ноги. Единственным неприятным моментом оказалось только то, что туфли начинали понемногу натирать просоленные ступни, но это были уже мелочи. Добравшись до вершины, она остановилась перевести дыхание и оглянулась назад. Шелест прибоя на пляже был уже не слышен — он заглушался величавым дыханием открытого моря, сливавшегося с небом, стрекотом тысяч цикад и шумом ветра в высокой — выше колен — траве. Где-то далеко мигал светлячок маяка... или это огни корабля?

Отвернувшись, Саша пошла вперед, пытаясь выбирать места, где травы поменьше и обходя редкие кустики. Она было двинулась в обход бухты, чтобы выйти на ту же тропинку, по которой пришла сюда, но здесь начала попадаться каменистая земля. «И чего я поперлась сюда на каблуках?» — подумала Саша, сворачивая правее, подальше от берега. Путь получался длиннее, зато идти стало легче.

Сделав еще несколько шагов, Саша в замешательстве остановилась — перед ней закончилась земля.

Густая трава шевелилась под ногами, расходилась в стороны, колыхалась позади, а в нескольких метрах перед Сашей просто исчезала, словно аккуратно срезанная гигантским ножом.

Если там был обрыв, то соваться туда не стоило. Мало того, что она дороги толком не знает, так еще и рухнуть неизвестно откуда неизвестно ку-

да посреди ночи — это худшее, что можно представить. Придется все-таки пробираться через заросли вдоль склона над бухтой и искать дорогу через парк, потому что времени уже было много и Саша чувствовала, что намаялась за сегодняшний день. Тяжелый был день, нервный, а особенно вечер. Она посмотрела на небо — и удивилась вторично.

Звезд не было.

Саша растеряно стояла, всматриваясь во тьму.

«Тучки набежали, что ли?» — Она поморгала глазами, прищурилась. — «Вот только откуда они появились? Я же только что поднималась наверх, и их не было. Да я там, внизу, в бухте, звезды еще считала!»

Впрочем, никаких туч не было и в помине. Она не могла объяснить, почему, но была в этом уверена. Нет, ну в самом деле, нельзя же спутать — затянута небо облаками или нет! Облака всегда выглядят светлее на фоне более темного небесного купола. Саша даже припомнила, что в пасмурную ночь возвращаться домой после дискотеки всегда было легче, потому что небо словно светилось ровным серым светом, и вокруг все было видно не хуже, чем в легких сумерках.

А тут...

Задрав голову вверх, она покрутилась, сделала шаг назад — и небо вновь озарилось россыпью сияющих бриллиантов. От удивления Саша приоткрыла рот. Над ее головой горели созвездия и отдельные звезды, а чуть в стороне бледной тенью угадывался Млечный Путь.

Повинуясь интуиции, она вновь сделала шаг вперед — звезды исчезли, будто их стерли в одно мгновение.

«Что это такое?!»

Ей потребовалось еще несколько раз качнуться вперед-назад и понаблюдать, как исчезают и появляются звезды, прежде чем в голову пришла новая догадка: что-то заслоняло небо. Что-то очень высокое и невидимое в темноте — настолько высокое, что закрывало весь купол и настолько темное, что она его даже не видела. Саша опустила голову, стараясь разглядеть нечто угольно-черное в паре метров от себя.

«А ведь там действительно что-то есть!» — решила она, осторожно продвигаясь вперед.

Стена темноты, с ровно очерченной границей травы, ощутило приблизилась, и Саша вытянула руки вперед, ожидая наткнуться на препятствие...

* * *

Сказать, что просыпался Витя с трудом, был бы не совсем верно, хотя именно так это выглядело со стороны.

Витя просто-напросто не любил просыпаться. Это было что-то психологическое. С некоторых пор момент пробуждения, переход от мира грез в окружающую реальность, стали доставлять ему сильный дискомфорт и раздражение. Это раздражение потом преследовало его еще полдня, и в эти моменты он неоднократно ловил себя на мысли, что лишь тянет время до оче-

редного вечера, когда можно будет снова забыться в постели и окунуться в сны. Не всегда сны были хорошими, иногда они превращались в кошмары, но даже кошмары могли притягивать, давать пищу для размышлений, фантазий, рождать новые идеи... и очередные сны. Возможно, это было не совсем нормально, даже скорее — совсем ненормально, и Витя иногда усмехался, когда задумывался об этом.

В любом случае — просыпаться он не любил.

И особенно не любил, когда приходилось просыпаться по принуждению, как сейчас.

Лежа с закрытыми глазами и насторожив остальные органы чувств, Витя пытался определить причину, заставившую его пробудиться.

В комнате было тихо, зато за окном орали птицы. Не то. Светло. Сколько времени сейчас? Восемь? «Сервер не сообщал ничего тревожного, можно было спокойно спать дальше...» Или уже девять? Учитывая, что лег он почти в половине пятого, сейчас мог быть даже полдень. Впрочем, не мог — к полудню он бы чувствовал себя отдохнувшим.

Опять не то.

И в ту же секунду в общем звуковом фоне появилось что-то новое: еле слышное шуршание (мозг начал усиленно копаться в собственной базе звуков, выискивая аналогию), затем слабый скрип. И наконец громкий — по сравнению с остальными звуками — щелчок.

«Мышка! Щелкнула клавиша мышки!»

Удивление, смешанное с тревогой, придало усилий — глаза открылись почти моментально и даже довольно быстро и без споров отрегулировали диафрагму и фокус.

За столом, на котором располагался Витин терминал, сидела Саша. Он снова закрыл глаза: утренний свет был все-таки слишком ярким.

«Шевельнула рукой — зашуршала одежда и, наверное, скрипнул стул. А потом щелкнула мышкой. Все нормально».

Но чувство беспокойства не только не прошло, но даже усилилось — это было ясно по участившемуся сердцебиению. «Что-то не так. Что-то... неправильно». Сознание еще не до конца проснулось и не давало сосредоточиться.

Он открыл глаза еще раз спустя пару секунд, когда понял, в чем было дело.

«Терминал я оставил включенным, потому что уже светало, я валился с ног и совершенно не ожидал, что Саша придет, пока я сплю... Черт! Что она там сейчас видит?!»

Первым желанием было отвлечь ее. Витя шевельнулся, приподнимаясь на подушке. Кровать скрипнула, и Саша, повернувшись к нему.

Секунду они молча рассматривали друг друга, затем Витя улыбнулся:

— Доброе утро. Извини, я, видимо, совсем заспался. Сколько сейчас времени?

Он увидел, как Сашины губы чуть дрогнули, но она ничего не ответила, продолжая смотреть на Витю. «Главное — не дать ей снова повернуться к терминалу! Говорить, отвлекать, спрашивать... интересно, много ли она ус-

пела увидеть там?» Витя громко вздохнул и начал выбираться из под нагретого покрывала.

— Ты давно тут сидишь? — он мельком посмотрел на будильник и нахмурился: цифры показывали половину седьмого утра. «С чего это она так рано пришла?»

— Как ты вошла?

Саша вдруг странно хмыкнула — то ли со смешком, то ли просто коротко кашлянула. Кинула взгляд на монитор, затем снова уставилась на Витю.

— А... Видимо, я дверь на ночь не закрывал. Выходил ночью курить на лестницу несколько раз, вот и оставил. — Витя начал облачаться в шорты и футболку, невольно стараясь не выпускать Сашу из виду. От недосыпания его немного шатало, но это было сейчас не так важно. — Ты звонила? Я даже не слышал, прикинь? Так крепко спал, наверное.

Она отрицательно покачала головой — неясно, впрочем, к чему.

«Чего это она?» — подумал Витя и только сейчас внимательнее пригляделся к Саше.

Сашка была в той же одежде, в которой он видел ее вчера вечером — короткий пестрый сарафан с широкими бретельками и маленьким бантиком-цветочком на груди. В прихожей валялись босоножки. Волосы были в полном беспорядке: спутанные локоны свисали как попало, челка растрепалась и неровно спадала на глаза.

«Похоже, что домой она даже не заходила!» — подумал Витя. — «А ночевала в объятиях своего ненаглядного придурка по имени Валера. Как мы с ней вчера расстались в парке, так сразу побежала к нему. Так сказать, заглаживать свою вину перед ним»

— Чай будешь? — стараясь сдержать раздражение, спросил он.

— Чай? — тихо спросила Сашка. — Чай? Зачем мне чай?..

Витя замер.

«Да что с ней такое, в конце концов?!»

— Ау, Саня, ты в порядке? — он подошел ближе, присел на корточки, заглядывая в лицо.

Лицо выглядело не лучше ее одежды и волос: осунувшееся, посеревшее, словно присыпанное пылью, а под глазами явственно виднелись темные пятна.

— Ты как себя чувствуешь? — он осторожно взял ее за руку.

Ее реакция была совершенно неадекватной: одним движением она вдруг выдернула руку и испуганно уставилась на нее.

— Чувствую? — после некоторой паузы протянула она. — Отлично... И...

Она медленно пошевелила пальцами, словно в первый раз обнаружила, что они могут двигаться, затем коротко кивнула на монитор терминала:

— Что это? Это я, да?

Витя проследил за ее взглядом, уже зная, что увидит.

Саша... объектная модель... проекция... вход в набор параметров поведения... местонахождение... внешний вид... линии взаимодействий... количество процессов и уровень нагрузки серверов...

В верхнем правом уголке монитора — точная уменьшенная модель девушки. Даже поза та же самая. Безупречная синхронность движений: когда Саша медленно приблизила руку к терминалу, ее уменьшенная копия на экране идеально точно повторила то движение.

— Стой, не трогай!

Саша вздрогнула, но остановилась. Переспросила:

— Так это я?

— Да.

— Как... как это... я не понимаю... — она судорожно старалась подобрать слова. — Что это?

«Все. Вот теперь — полный аут!..» Витя поднялся — сердце резко кольнуло болью, да такой сильной, что потемнело в глазах.

— Что у тебя с рукой? — спросил он, стараясь не упасть.

Саша вновь пошевелила пальцами, пару раз согнула и разогнула руку в локте:

— Почему ты об этом спросил? Она выглядит как-то не так?

Он промолчал, лихорадочно стараясь придумать, что ему делать дальше. «А не все ли равно? Раз уж я собрался возвращать все на несколько этапов назад — что мешает мне сделать это сейчас? Но... все же: что произошло сегодня ночью?». Секунду поколебавшись, он потянулся к клавиатуре и запустил консоль.

Саша безучастно наблюдала, как он вызвал список событий, затем встала со стула и отошла в сторону.

— Ты куда? — не оборачиваясь, спросил Витя. Она молча села на кровать, издали продолжая смотреть на экран.

И вздрогнула, когда увидела на экране свое путешествие к бухте.

Стена темноты, с ровно очерченной границей травы, ощутимо приблизилась, и Саша вытянула руки вперед, ожидая наткнуться на препятствие...

...И чуть было не упала, когда левая рука безо всякого сопротивления почти по локоть исчезла, окунувшись во тьму.

Боли она не почувствовала, но руки не стало. Остался обрубок, четко видимый до стены темноты, а пальцы, кисть и запястье просто растворились, словно никогда и не существовали.

Саша с диким визгом отшатнулась назад, падая на спину и выдергивая руку из жуткой субстанции. Не веря своим глазам, уставилась на обрубок, оставшийся от руки.

«Мамочка!..»

На спине, забыв подняться, она в панике отползла назад, не отрывая взгляда от возникшего так неожиданно уродства. Возникло болезненное желание подвигать несуществующими пальцами, кистью — любое движение, лишь бы убедиться, что это неправда.

Пальцы двигались. Она не понимала, как, но могла поклясться, что почувствовала движение пальцев так, как это всегда чувствовалось кожей. Пальцы соприкасались друг с другом, терлись, Саша даже ощущала, где ко-

жа более нежная, а где — нет. Она сжала пальцы — точнее, попыталась сделать это, поскольку глаза их по-прежнему не видели — и погладила большим пальцем остальные. Осозание ее не обманывало — все было на месте.

«Я просто ее не вижу» — наконец догадалась Саша — «Хотя и не понятно, как такое может быть». Решившись, она потрогала правой рукой то пустое место, где обычно находилось предплечье. Сначала осторожно, одними только кончиками, затем более уверенно обхватила руку. Пальцы легли точно по контуру. Выглядело это необычно: Саша даже заметила, как подушечки прижались, упершись в невидимую преграду. На миг между ними проскочил отблеск, и Саша снова испугавшись, одернула руку. Затем медленно поднесла ее к глазам — и поразилась в очередной раз.

Левая рука начинала медленно появляться.

Это немного напоминало фильм «Человек-невидимка», который Саша смотрела когда-то в детстве. Вот только первыми начали проявляться не кости, как это было в кино, а наоборот — поверхность. Контуров руки очерчивались тончайшими линиями, незаметными на первый взгляд. Постепенно их становилось все больше, а затем Саша начала обращать внимание на более мелкие детали: волоски, морщинки, складки. Саша медленно поднялась с земли, повернула руку — линии контура послушно переместились. На тыльной стороне локтя у нее был небольшой вытянутый шрам, который она получила, распоров руку о качели в детском саду. Теперь она со смесью удивления и страха смотрела, как линии на натянутой коже начинают искривляться, повторяя знакомую ей с детства форму шрама.

Затем почти прозрачная рука начала мутнеть, наполняясь видимой массой и плотностью. Теперь стало видно бледную, почти белесую кожу, которая возникала словно бы из тумана, твердела, становилась упругой и тугой. Саша опять сжала пальцы в кулачок, всмотрелась в складки — все было таким привычным и правильным, что ей снова стало страшно.

Некоторое время неестественным оставался лишь цвет, и Саша уже было заволновалась, что теперь это так и останется, как по вновь рожденной руке прокатилась волна оттенков, рука потемнела и приняла наконец свой нормальный вид.

На этом метаморфозы прекратились, но еще несколько секунд Саша не решалась пошевелиться, словно боясь разрушить возвращенное ей с такими муками тело.

«А если я сплю?» — пришло ей в голову. — «Кажется, это можно легко проверить...»

Левую руку трогать не хотелось, правую левой — тоже. По-прежнему держа возрожденную часть тела перед собой, Саша, почти уверенная, что сейчас проснется, другой рукой сильно ущипнула себя за бедро.

Поморщилась от резкой боли. «Теперь синяк у всех на виду обеспечен».

Кажется, это была последняя здравая мысль.

Покачиваясь из стороны в сторону и глядя, как в такт исчезают и вновь появляются звезды, она медленно направилась в обход бухты, спотыкаясь в темноте.

— И ты всю ночь гуляла вдоль горизонта... — тихо спросил Витя. — Зачем?
— Нет. — ответила Саша после паузы. — Разве ты этого не видишь?
— Я уже выключил, не стал досматривать, — помолчав, он добавил: — К

Валере ходила?

Саша помотала головой.

— Тогда что? — спросил Витя, отрешенно наблюдая за ее виртуальным двойником на экране.

— Тогда досмотри свое кино. — Саша начала злиться. — Тебе понравится, ты же, наверное, любишь подглядывать за мной!

— Ты сильно ошибаешься, Саня.

Он на секунду замер, сосредотачиваясь и быстро проигрывая в уме последовательность действий. Затем пальцы застучали по клавишам. Проверка списка контрольных точек, дата и время записи... создание новой точки... набор критериев...

— Зачем ты запер меня в эту клетку? — услышал он за спиной.

— Клетку? — переспросил он, не оборачиваясь.

— Или как там это у тебя называется? Я не знаю, как ты это сделал... но это сделал ты, я уверена! Я же помню, что ты занимался каким-то проектами... что-то, связанное с компьютерами.

Переход в режим полного доступа, пароль... подготовка к процессу перезагрузки кластера... Последние Сашины слова вдруг завязли среди вязкого гула в ушах, а в глазах заплескали черно-желтые пятна. Чтобы не потерять сознание, Витя почти наугад прислонился головой к монитору.

Чувствовалось, как тело буквально содрогается от бешеных ударов крови. В висках стучало чем-то горячим, и Витя уже не в первый раз испугался, что этот раз будет последний. Ему показалось, что прошел целый час, прежде чем он лбом почувствовал прохладу гладкого экрана. Уф, прошло...

Подождав, пока прохлада дойдет до шеи, он плавно отодвинулся от терминала. Тело стремительно потело, зато зрение вернулось, а из ушей вынули невидимую вату.

Экран сверкал мокрыми бликами пота, и Витя брезгливо протер монитор.

— Что ты теперь собираешься делать со мной?

Он набрал запрос на перезагрузку — система немного подумала, а затем попросила подтвердить запрос.

Витя хмуро посмотрел на клавишу Enter. «Надо решиться, надо. Не смотри на нее — и все пройдет тихо и гладко. Она же все равно ничего не почувствует, главное — не смотреть на нее...»

— Ты слышишь меня? — Саша почти кричала. — Виктор!

Витя помедлил, прежде чем повернуться к ней.

— Ты хочешь знать, да? — спросил он. — Думаешь, что я злодей, негодяй, похитил бедную девушку, взял ее в заложницы и теперь буду издеваться? Кем ты меня видишь сейчас?

— Я хочу понять — зачем ты...

— Клетка! Клетка, говоришь? Ты была на самой границе, возле горизонта своего мира, но по-прежнему считаешь, что это просто клетка, в которую тебя заперли? Саша, ты же собственной рукой проверила эту клетку, попыталась выйти наружу — и все же не догадалась, что за ней ничего нет? А ведь она не держит тебя, не ограничивает, просто ты не можешь покинуть ее пределов, потому что за этим пределом нет ни тебя, ни этого мира!

Саша растеряно перевела взгляд на свою руку.

— Я думал, что ты уже догадалась обо всем. Все это, все что вокруг, — кивком головы Витя показал себе за спину, — включая и тебя саму, находится внутри огромного компьютерного кластера. Все это моделируется компьютерной программой, которую я сделал.

— Что ты несешь?..

— Подожди, Саша, не перебивай, дай сказать! Ты ведь хотела знать? Так вот слушай. — Витя замолчал, подбирая слова, усмехнулся. — Саня, ты даже представить себе не можешь, как тяжело было все эти годы держать это в тайне — не только от тебя, но и... от всех любопытных в моем мире. А их было бы достаточно — как же, революционная технология! Программы имитации и искусственного интеллекта, которые пока есть разве что в секретных лабораториях таких организаций, о которых даже тебе лучше не знать. А если бы мои бывшие приятели из военного ведомства пронюхали, до каких сумасшедших границ я улучшил этот имитатор, который для них же и создал... О, что тут началось бы! Покою бы мне точно не дали, особенно, если бы узнали, как мне приходилось таскать домой свои же наработки. Модуль за модулем — почти двадцать лет... Да нет, меня бы просто уничтожили, даже разбираться бы не стали! — Витя ухмыльнулся. — Так что я не мог даже заикнуться кому-нибудь. Даже тебе.

— Почему? — Саша не выглядела перепуганной или растерянной. Было похоже, что шок так и не прошел, и даже в ее вопросе сквозило безразличие.

— Ну, а как еще? Это бы все испортило! Сорок лет — коту под хвост...

Витя перевел дух и продолжал:

— Да, я выгляжу здесь, сейчас так, как я выглядел почти сорок лет назад. Я воссоздал практически точную копию мира моей юности — и твоей тоже, Саша! — в попытках сделать то, что мне не удалось в настоящей жизни. Я воссоздал и тебя — такой, какой ты была.

— Погоди... я ничего не понимаю! — Саша мотнула головой. — Сколько... сколько тебе лет? Шестьдесят три?!

— Ну... — Витя попытался прикинуть в уме, сколько же на самом деле ему лет. — Да, шестьдесят три. Или шестьдесят два?.. Черт возьми, я уже давно перестал помнить свой возраст. Кажется, уже сто лет не отмечал. А впрочем, это неважно — все равно я здесь такой, каким остался в душе.

— И мне... мне тоже шестьдесят лет?

— Если бы ты была реальной, это было бы именно так. Но здесь тебе столько, сколько сейчас есть. А твой реальный прототип... — Витя глубоко вздохнул, отгоняя очередной приступ обморока. Руки дрожали от непри-

вычного возбуждения. — Черт, я не знаю, как бы тебе объяснить. Я... никогда не думал, что у нас с тобой будет подобный разговор.

— Что с тобой? — Саша прищурилась. — Ты весь бледный, тебе плохо?

— Ничего. Издержки возраста, скажем так. Сердце слабовато, подводит уже иногда... Ладно, давай я лучше начну по порядку.

— Итак, лет пятьдесят назад, а точнее — в две тысячи втором году — в одном южном приморском городе встретились девушка и юноша. И звали их, как ты сама догадываешься, Саша и Виктор. В общем-то обычная история. Познакомились, понравились друг другу, начали встречаться. Любовь, романтика, свидания вечерами, дискотеки, танцы, признания, обещания. Ну, ты ведь помнишь все это, правда? И вот так продолжалось больше года.

Как это часто пишут в книжках, «ничто не предвещало беды». Но через какое-то время начали портиться их, казалось бы, идиллические отношения. Трудно сказать однозначно, что способствовало этому. Возможно, однообразие бытовой жизни, а может — увлечение юноши науками, или любовь перестала быть такой яркой, как в первые месяцы. Происходило это вроде незаметно. Юноша все чаще погружался с головой в свои работы, сжигая время за компьютером или в институте, девушка все чаще ложилась спать одна, и в такие ночи лишь романы оставались ее верными друзьями.

— Я знаю эту историю. — тихо сказала Саша. — Можешь не рассказывать все это. И вообще, ты уже съехал с темы.

— Нет, потому что *эта* история закончилась иначе. Девушка в конце концов ушла от него к другому юноше.

— Я давала тебе шанс все исправить! — Саша сверкнула глазами. — Ты сам не захотел, так что мне оставалось делать? Я же не могу вечно биться лбом об стену!

— Погоди, Саша... дай мне закончить. Да, ты все правильно сказала. Юноша очухался слишком поздно. Как и большинство влюбленных — а он по-прежнему был влюблен в девушку — так вот, он был наивно уверен, что все их ссоры не настолько серьезны, чтобы можно было расстаться. И, пребывая в этих убеждениях, он в один прекрасный день обнаружил, что остался совсем один.

И только тогда он понял, что готов всю свою учебу, работу и увлечения принести в жертву возможности остаться вместе. Он кинулся за ней, он просил прощения, говорил, что он стал другим, что он все понял и что теперь все будет по-другому, что он наконец почувствовал, насколько она ему нужна и насколько он ее любит...

— Но девушка оказалась жестокой и бессердечной стервой... — Саша начала было заводиться, но Витя жестом остановил ее.

— Нет, девушка не была стервой и не была жестокой. Она всего лишь была сильно обижена и закрутила роман с другим, чтобы привлечь его внимание. Это было что-то вроде отчаянного крика: «Ну посмотри же! Посмотри же наконец на меня! Неужели ты не понимаешь, что можешь меня потерять!» Возможно, она не отдавала себе отчета в том, что такой

шаг может стать необратимым. Но, как я уже сказал, юноша понял это не сразу, а к этому время ее новые отношения стали слишком крепкими, чтобы их можно легко порвать. По сути, девушка встала перед неприятной дилеммой. В душе она по-прежнему любила юношу, несмотря на конфликты, обиды и частое невнимание с его стороны. Но, с другой стороны, она видела, что Валера любит ее не меньше, и не хотела делать ему больно, тем более, что (чего уж тут скрывать!) он тоже ей нравился, пусть даже не настолько сильно. В общем, некоторое время она разрывалась на части, мучая и себя, и своих любимых, но долго это продолжаться не могло. И однажды наступила развязка: Валера забрал ее с собой в другой город, где они и остались жить вместе.

Витя замолчал: горло перехватило от воспоминаний.

Саша ошарашено смотрела перед собой. Потом произнесла:

— Это похоже на правду, но... я не могу представить, чтобы мы с Валерой поженились. Нет, он хороший и мне он действительно нравится, но все равно... — она закрыла лицо руками и глухо добавила. — Витя, ты бредишь.

Ему потребовалось еще несколько секунд, чтобы справиться с собой.

— Бредить я начал с тех пор, как узнал об этом. Хорошо, что ты не видела, что со мной было в первые месяцы! Это было жуткое зрелище. Я не мог спать. Ночью ко мне приходила ты, перед глазами возникали наши самые сладкие моменты, я видел, что я сделал не так, видел все свои ошибки. Хорошо, что ты не видела, как меня буквально трясло и скручивало в бесшумных истериках... Самое ужасное, когда знаешь, как нужно было поступить в той ситуации — и при этом осознавать, что со всеми этими знаниями ты не в силах что-то исправить. Ты не слышала, как я кричал неизвестно кому: верни ее хоть на миг, на одни только миг — этого будет достаточно, чтобы все возродилось, ведь я давно уже понял, что я делал не так.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — Сашины глаза тоже наполнились слезами.

— Через несколько месяцев мои психозы стали сходить на нет — когда я исчерпал резервы своего организма. К тому времени я почти умирал. У меня не осталось друзей, родители были далеко, учеба валилась из рук, но мне было все равно. Я затих и занимался лишь тем, что прокручивал в голове воспоминания и мысленно выравнивал все недочеты, что в свое время совершил.

Именно тогда и появилась идея попытаться воспользоваться возможностями компьютера. В свое время я как раз занимался вопросами искусственного интеллекта и компьютерного моделирования, и был знаком с этим не понаслышке.

У меня появилась цель — и это заставило меня остаться в живых. Я стал быстро идти на поправку. Зная, что видения могут кинуть меня в очередную депрессию, я все время старался быть занятым. Я пахал как робот — спал по несколько часов в день, ел максимально быстро и немного — и вновь садился за свои эксперименты.

Потом была аспирантура, ряд диссертаций, несколько патентов... моими разработками заинтересовались военные — это было мне только на руку, поскольку открывало доступ к огромным ресурсам, в том числе и материальным. Мне не хватало уже трех моих серверов — система стремительно разрасталась и требовала все больших и больших мощностей.

— Погоди. — Саша выглядела растерянной и ошеломленной. — Ты все это время только этим и занимался?

— Конечно.

— Но я не понимаю — зачем? Что ты хотел этим доказать и кому? Ей? Она знала об этом?

— Нет, конечно.

— Тогда не лучше ли было поехать к ней — встретиться, поговорить? Может, еще можно было бы что-то сделать — ведь время лечит. Она могла простить тебя и вернуться!

Витя усмехнулся. «Саша, Саша... как странно слышать, что ты говоришь о себе в третьем лице!»

— У тебя... у нее была своя жизнь, которая ее тоже поменяла. Другая жизнь, другие заботы. Я видел ее лишь однажды, случайно — и это был совершенно чужой человек. Она развелась через несколько лет с Валерой, оставшись с маленьким сыном, но это, по сути, уже неважно. Я ей перестал быть нужным, оставшись лишь как воспоминания молодости. Ее молодости. А еще через пять лет я узнал, что она погибла в автокатастрофе.

Витя посмотрел на Сашу — та сидела тихая и бледная.

— К этому времени у меня уже была ты — ее точная копия в молодости. Это долго рассказывать, как я настраивал твоё поведение, чтобы оно соответствовало ей прежней. Поведение, мышление, характер... да там куча всего! Это всё подробности. Смерть твоего оригинала лишь подтолкнула меня вперед, поскольку все мосты были сожжены и других вариантов не имелось. В конце концов я сделал последние — как я считал — настройки, запустил весь кластер...

— При чем тут кластер?

Витя запнулся:

— Э-э... в смысле — при чем?

— Кластер — это ведь что-то из астрономии... кажется. Что значит — «запустил кластер»?

— А! Все, я понял! Нет, это не звездный кластер. В данном случае я имел в виду компьютерный кластер — совокупность нескольких компьютеров, работающих как единое целое. Тем самым в несколько раз повышается производительность — ведь я уже говорил, что для всех деталей этого мира требовались такие вычислительные мощности, которые я не мог получить с обычной системой серверов. А без этих деталей у меня не получилось такой реалистичности, какую ты видишь.

Я точно помню эту дату, когда впервые началась моя жизнь здесь. 20 октября 2028 года. Великий день, знаешь ли... Большой шаг вперед и прочее.

К этому времени я уже вышел на пенсию. Времени было много, а на патентах и проектах мне удалось заработать достаточно, чтобы я мог не волноваться за себя. И вот теперь я смог наконец совершить все то, на что потратил полжизни.

Витя помолчал, затем продолжил:

— Поначалу все шло идеально. Мы снова познакомились с тобой, снова начали встречаться... короче, наша жизнь повторилась, и не просто повторилась — она стала лучше. Там не было ссор, не было разочарований, не было печали. Не было ничего, кроме счастья. Я ведь говорил, что осознал все ошибки, да и с возрастом стал мудрее. Наша любовь стала... стала просто совершенством! Это была самая идеальная любовь, которая только могла существовать среди людей.

Но я не зря сказал — «была». Со временем я стал понимать, что чего-то не хватает. Казалось бы — живи и наслаждайся тем, что сбылись мечты, что вместе с любимой ... но я вдруг начал задумываться о нашей прошлой жизни, ловить себя на том, что продолжаю прокручивать в голове варианты собственных поражений. И однажды я понял, что меня мучает.

Я создал слишком идеальный мир, который проигрывал реальному именно в силу своей идеальности. Сделать его таким было несложно, но именно потому в душе оставалась какая-то недосказанность. Здесь я не исправлял ошибок — я просто не допускал их. Понимаешь? Не решал проблемы — а избегал их! Избегал, прекрасно понимая, что на самом деле там, в реальности, я непременно бы с ними столкнулся.

И тогда я начал переделывать программу. Переделывать в очередной раз. Я перестал стремиться к совершенству, а, напротив, стал моделировать конфликтные ситуации — ну вроде того, как я однажды не поздравил тебя на День Валентина, и ты не разговаривала со мной неделю, собиралась даже расставаться... впрочем, этого ты не помнишь — я потом начал с другого ключевого момента... Тогда же я ввел в программу и Валеру — пришлось по памяти «лепить» его образ. Дело усложнялось тем, что его я знал не так хорошо, как тебя. Но я внес небольшие коррективы в твоё поведение, заставив поверить в легенду знакомства с ним и в вашу близость друг другу. Тогда, сорок лет назад, твой уход к нему был для меня кошмаром, и мне необходимо было преодолеть этот кошмар здесь, в виртуальности. Мне необходимо было победить — победить по настоящему!.. Иди сюда, я сейчас тебе покажу кое-что.

Саша не шевельнулась, и ему пришлось схватить ее за руку. Словно послушная кукла, она поднялась и позволила подвести себя к терминалу.

— Вот, смотри... видишь эти файлы? — он застучал по клавишам, выкидывая на экран длинный список. — Здесь собраны все сохранения. Я постоянно записывал контрольные точки, ключевые моменты в эти файлы, когда у меня получалось продвинуться еще на один шаг в наших отношениях. Когда что-то ломалось — я возвращался к одной из таких точек и начинал обыгрывать этот момент заново — чуть иначе, уже зная, к чему приведет то или иное мое действие... Смотри — вот тут мы с тобой праздновали твой День Рождения —

мне кажется, это был один из самых трогательных моментов нашей любви. В реальности мы с тобой поссорились тогда, поэтому — видишь? — я заново заставил себя пережить тот момент и поступил иначе. И мы остались вместе... А здесь... ну, это еще раньше, почти два года назад, когда я пытался в первый раз пытался остаться у тебя на ночь... ну, ты ведь помнишь как все было?

— Пусти!

— Что?...

— Пусти меня! — Саша всхлипнула и вдруг резко выдернула руку.

— Саня...

* * *

Пошатываясь, словно сомнамбула, Саша отошла к окну. Ей не хватало воздуха, или просто дыхания — она не могла понять. Хотелось закричать, чтобы вырвать комок из горла. Она моргнула раз, другой — пересохшие глаза отозвались болью и стали наполняться слезами. Обогнув стол, почти ничего не видя сквозь мутную влагу, она приблизилась к стеклу и прикоснулась к его прохладной гладкой поверхности.

«Я игрушка. Кукла».

Она мысленно повторила эти слова еще раз, пробуя на вкус. «В меня играли. Игры с куклами в дочки-матери... в любимых-нелюбимых». Стекло под пальцами оказалось таким хрупким — Саша надавила на него совсем чуть-чуть, и оно вдруг всхлипнуло в унисон с ней и разлетелось звонкой радугой. Это было так неожиданно, что она чуть не ударилась лбом, когда руки вдруг ушли в пустоту. Почти также, как и возле бухты...

Осколки посыпались на подоконник и раму.

— Саша, перестань! Не делай этого!

Подскочив, Витя схватил ее за руки, оттаскивая от окна, а она в истерике продолжала бить прозрачную поверхность, вымещая на ней свою обиду и отчаяние. Он развернул и прижал ее к себе — Саша постаралась что есть силы ударить и его, но рукам уже не хватало места для замаха.

— Перестань... успокойся, Саша... ну, успокойся... — услышала она шепот.

Она продолжала вырываться — молча, обреченно — он повалил ее на кровать и крепко прижал сверху. Тогда она заплакала — все также тихо, всхлипывая как бы про себя. Вся ярость вдруг ушла в слезы, испарялась, просачивалась наружу, словно пар, попавший на холодный металл, пока внутри не осталась только горечь и тоска.

«Куклам не больно. Куклам не бывает больно. А мне больно...»

— Пусти — шипло попросила она, и Витя осторожно освободил ее, не отрывая взгляда. Видимо, ожидал очередного приступа. Саша привстала — он аккуратно отодвинулся, позволяя ей сесть.

— Саша, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь...

Она исподлобья посмотрела на него. На Витиной футболке, обычно белой, появились неровные бурые полосы, и она не сразу сообразила, что это. Он перехватил взгляд, посмотрел на себя, покачал головой:

— Дурочка... ну что ж ты так... Я сейчас принесу бинт.

Саша опустила глаза: запястья и ладони были измазаны кровью. Неширокий алый ручеек медленно пробивал себе дорогу между пальцами. Она лизнула его — вкус был солоноватый, с характерным тошнотворным привкусом.

Разве такое можно создать на компьютере? Или все-таки можно?

Откуда она может знать, что умеют компьютеры сорок лет спустя...

Она подняла голову, посмотрела в дверной проем, ведущий в коридор. Было слышно, как на кухне возится Витя, шаря по тумбочкам... интересно, он и бинт запрограммировал, что ли? Потом перевела взгляд на сияющий экран терминала.

Он тоже ненастоящий?

Наверное, да. Какое-нибудь виртуальная имитация для связи с кластером изнутри.

Она опять посмотрела на дверь.

И снова — на терминал.

«Интересно, а в реальной жизни мне тоже могла придти в голову такая идея?»

Одним стремительным движением она кинулась к двери, прикрыла ее и, стараясь не шуметь, аккуратно повернула круглую ручку. Замок тихо щелкнул — теперь его нельзя открыть с обратной стороны.

Хлипкая преграда, но лучше ничего нет.

Схватив какое-то полотенце, Саша наспех стерла кровь с рук, обмотала запястье и упала на стул перед терминалом.

«Свои успехи мы, значит, сохраняем, так? А чуть что пошло не так — игрушку можно быстренько перезагрузить и начать заново. И все опять довольны — и хозяин, и куколка... Подонок!»

С компьютерами Саша имела довольно шапочное знакомство, но учеба в институте все же не прошла даром. Пару секунд ей потребовалось на то, чтобы суметь выбрать файлы, после чего она с облегчением поняла, что управление почти не отличается от того, с чем ей приходилось сталкиваться раньше.

Возможно, стоило поблагодарить Витю хотя бы за то, что он сохранил в ней эти знания.

«Сейчас тебе будет “большое спасибо” — мстительно подумала она, нажимая очередную клавишу. — “Посмотрим, что ты будешь тогда делать!”»

Процесс начался почти в тот самый момент, когда за дверью раздался шаг. Саша затаила дыхание: дверь дернулась, но осталась на месте.

— Саша, ты чего дверь закрыла? — раздался приглушенный дверью голос Вити. — Саша! Ты что там делаешь? Открой!

Файлы оказались большими и удалялись мучительно долго. Саша вздрогнула: дверь дернулась еще два раза, ручка щелкнула, но замок по-прежнему не сдавался.

— Саня, открой, это не смешно!

— Зачем? Что ты собираешься со мной сделать?

— Ничего не собираюсь. Черт возьми, ты что, решила кровью там истечь, что ли?

— А что, получится? — Саша, чувствовала, что ее начинает бить мелкая дрожь. — Тебе-то что! Восстановишь меня и запустишь заново. «Здравствуй, Барби! — Здравствуй, Кен!»

— Саня, не дури, открой!

— Зачем?

— Просто поговорить.

— О чем? — Саша искренне удивилась. Он что, не понимает? — А впрочем, мы и так можем поговорить, через дверь. Что нам мешает?

— Я не шучу! — Дверь вздрогнула, и Саша чуть не подпрыгнула от испуга. — Хочешь, чтобы я ее выбил?

— Не хочу. Погоди... — Она не отрывала глаз от монитора, в то время как мозг лихорадочно искал способ протянуть время. — Витя, лучше объясни, что случилось у меня с рукой? Почему я перестала ее видеть?

— Я не собираюсь разговаривать с тобой через дверь.

— Ответь мне!

Она услышала, как Витя глухо ругнулся, и в тот же момент по двери словно выстрелили из пушки. Потом еще раз. С третьим ударом что-то затрещало, но дверь по-прежнему держалась.

— Прекрати! — взвизгнула Саша, инстинктивно отклоняясь подальше. — Прекрати!

— Ты откроешь?

— Нет.

— Черт побери, Саша, чего ты добиваешься? Зачем тебе это нужно?

Несколько секунд Саша молча смотрела, как двигается полоска удаления файлов. «И в самом деле, чем это поможет?»

— Что было у меня с рукой? — упрямо повторила она, не придумав ничего лучшего. — И почему возле границы пропадали звезды?

— О господи... Тебе это так важно, что ли?

— Важно.

Она услышала, как он вздохнул.

— Черт, я уже жалею, что решил тебе все рассказать... А звезды — пустяки на самом деле... Небольшие глюки в программе. Текстуры неба расположены на некотором расстоянии от графического каркаса — у меня не получилось сделать по-другому. Точнее, уже получилось, но я так и не стал исправлять этот баг. Я же не предполагал, что тебе придет в голову...

— А рука?

— Да что ты привязалась — рука, рука! Ты рукой за границу вылезла, а когда вернула... хм... обратно, то программа стала заново загружать текстуры, параметры и еще кучу всего. Процесс занимал несколько секунд, так что тебе невольно пришлось наблюдать восстановление собственного тела. Не волнуйся: с рукой все в порядке, она осталась такой, как была... Я ответил на твои вопросы, теперь ты меняпустишь?

— И что ты со мной тогда сделаешь? Перезагрузишь?

— Саша, ты меня вынуждаешь сделать именно так. Черт побери, я ведь могу просто выйти в свою реальность, остановить имитацию, а потом переделать все так, как мне нужно. Ты об этом не подумала?

— Ты не станешь.

За дверью хмыкнули:

— Неужели? Ты мне не веришь?

— Не знаю. Я не знаю, во что мне теперь верить. Зато ты можешь мне поверить — все твои сохранялки я только что удалила, так что если ты захочешь меня перезагрузить...

— Что?!!

— ...тебе придется начать свою игру заново.

Витя ответил после некоторой паузы.

— Послушай меня, Саша, — в его голосе появилась какая-то слабость и отрешенность. — Если ты всерьез полагаешь, что так можно что-нибудь исправить, то я тебя разочарую. Неужели ты считаешь меня полным идиотом? Для тебя будет неприятной новостью узнать, что я не храню все записи в одном месте. Даже если ты решишь убить себя и выключить систему — а это и в самом деле тебе по силам — то мне не составит большого труда, выйдя в реальность...

— Так чего же ты ждешь?! — окончательно рассвирепела Саша. — Чего? Это ведь должно быть так просто: раз, и все — делай со мной, что хочешь. Ну, так почему ты еще здесь, а? Почему ты пытаешься меня забалтывать, вместо того, чтобы... — она поперхнулась от крика. — А хочешь, я тебе скажу — почему? Потому что тебе так неинтересно! Ты постоянно повторяешь вот это слово — «исправить» — а на самом деле ничего не исправляешь! Это слишком просто и явно, а ведь ты жаждешь страданий, ты же пережить все хочешь, помучаться, эмоции испытать! Тебе нравится страдать, Витя! Ты же мазохист!

— Саша... — его голос прозвучал надрывно, почти со всхлипом. — Саша, я...

— Не перебивай меня! — Саша аж взвизгнула. — И нечего сейчас пускать слезы и убеждать меня, что ты любишь, что я тебе нужна. Тебе нужна не я, а твои собственные терзания! Ты так привык страдать и мучаться чувством вины, чувством боли, что теперь, через десятки лет, не можешь без этой боли жить! Скажешь, я не права, да? Тебя даже не радует, когда между нами все хорошо, тебя такое не устраивает, потому что ты теряешь самое дорогое — свои душевные муки. Наоборот, лучше сделать так, чтобы мы с тобой ссорились, расставались или еще как, и вот тогда ты снова посыпаешь голову пеплом и думаешь: ах, как же я страдаю от любви! Ты ведь уже не замечаешь, как попался в собственную ловушку. Ты даже не живешь на самом деле, ты, как и я, существуешь только в собственных фантазиях — здесь.

— Твоя реальность... — Саша на секунду замолчала и посмотрела на терминал: рядом со словом «Выполнено!» частым светлячком пульсировал курсор. — Ты уже не принадлежишь ей. Ты просто мертв для своего мира, тебя там нет. Мне кажется, что ты вообще боишься возвращаться туда, по-

тому там все настоящее и не такое, каким тебе хочется видеть — и ты ощущаешь себя лишним! Поэтому ты, как крыса, забился в свою норку и зарылся от всего. Витя, ты ведь даже не живешь, понимаешь? Да еще и надо мной издеваешься!.. Слышишь меня?

Саша замолчала, нервно вслушиваясь в тишину.

— Витя!

Несколько секунд она сидела, не решаясь пошевелиться и боясь пропустить малейший звук. Затем осторожно подошла к двери, приникла ухом к прохладному гладкому дереву.

— Витя! — позвала она еще раз, приоткрывая дверь.

В образовавшуюся щель стала видна стена с обоями, полочка для расчески, небольшая тумбочка, а дальше — ниже — обои плавно переходили в такой же невзрачный узор линолеума.

Витю видно не было. Вернее, Витю не было видно целиком, только ноги.

Уже не таясь, Саша распахнула дверь и вышла в коридор.

Витя неподвижно полулежал с закрытыми глазами, опираясь головой и плечами о стену. Левая нога была как-то неловко подвернута, словно Витя не придумал, куда ее деть и что с ней делать, и потому уронил как попало.

Несколько секунд Саша без единой мысли стояла над ним, прежде чем почувствовала страх.

«Он все-таки отключил себя и ушел в реальность... Что теперь будет со мной? Что... что он сделает?»

— Вить... ты меня слышишь? Ты можешь меня слышать?.. Ну зачем ты так сделал, а? Зачем? — она присела на корточки; в глазах все было мутным от слез, плыло и двоилось, и Саше даже показалось что Витя шевельнулся. — Ты ведь тоже пойми меня... вот если бы ты оказался на моем месте — как бы ты себя чувствовал? Думаешь, спокойно все так перенес бы, да?... Ага, конечно... Я ведь тоже не всегда такая истеричка...

На корточках сидеть было неудобно, она попыталась опереться рукой и нечаянно толкнула его левую ногу. Нога сместилась, как-то по-своему потеряла опору — и Витино тело массивно и шумно осело на линолеум. Голова опрокинулась вбок и с сухим хлопком ударилась об пол.

Саша в ужасе вскочила, залетела в комнату, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной. Ее сотрясли рыдания, а в ушах все еще стоял это страшный звук.

«Неужели он убьет меня ТАК?!»

— Витя!!! — закричала Саша. — Не надо! Не надо, я тебя умоляю!

Захлебываясь в слезах, она бессильно сползла по двери.

Казалось, в одно мгновение мир потерял свою, пускай и искусственную, жизнь и сейчас мертвыми кукольными глазами взирает на изнемогающую от отчаянья девушку. Лишь терминал на столе выбивался из этой картины: он продолжал работать. Часы в верхней части экрана все так же отмеряли секунды, а мигающий курсор под строчкой «Процесс успешно завершен» ждал очередной команды...

/root/poweroff
(вместо финала)

Спертый воздух был пропитан странной смесью сладковатого запаха гнили, давней сырости и озона. Половину темной комнаты занимали высокие — до потолка — шкафы серверов, жидкостных кондиционеров, а в дальнем углу разместилась прозрачная ванна с охлаждающимся маслом. Вязкая поверхность потемнела, а на стенках ванны скопился черный осадок. Среди мотка кабелей прислонилась к стене изломанная дверца одного из серверных шкафов, а сам сервер, будто раненное животное, выставил на всеобщее обозрение свои внутренности. Толстые связки оптических волокон, словно удавы, тянулись через пыльный порог и скрывались в соседней комнате, где располагались еще несколько серверов и огромные контейнеры аварийного питания. Все это гудело, шипело и тонко посвистывало, создавая особую гнетущую атмосферу.

Шлейфы проводов, переброшенные прямо по полу, вели к длинному аппарату, напоминавшему гибрид гроба и кровати. В аппарате лежал старик, почти полностью погруженный в контактный гель.

Более всего он походил на оборванца, чем на гениального программиста и отечественную звезду кибернетики. Грязные волосы торчали седыми патлами, борода разрослась вширь, а истончившаяся кожа с россыпью пигментных пятен обтягивала распухшее голое тело. Лежал он тут, видимо, достаточно долго: кое-где начали образовываться пролежни и гематомы, хотя сердечный приступ, оборвавший жизнь, настиг его всего несколько минут назад.

Теперь ему предстояло пролежать здесь еще дольше. Небольшой старый компьютер регулярно продолжал оплачивать электронные счета, автоответчик молчал, друзья потерялись, родственники не существовали вовсе, а единственное существо, которому он мог быть дорог, в виде фотонных импульсов сидело внутри грандиозного кластера и обреченно ждало своей смерти.

А больше его никто и не помнит.

Да и... черт с ним, в самом деле!

Январь, 2007 г.

КИРИЛЛ ПАРТЫКА

НА БЕРЕГУ

Я ГЛУБОКО ВТЯНУЛ ГУСТОЙ, ОДУРЯЮЩИЙ КОФЕЙНЫЙ запах и зажмурился. Под невысоким обрывом берега плескалось теплое, мутное море. В прозрачной дымке залива маячили стоявшие на рейде корабли, а дальше, в совсем уж непроглядном жарком мареве высились горы, выраставшие из раскаленной плоскости пустыни.

На берегу, у самого края, прилепилось открытое кафе: навес с длинными деревянными столами и такими же скамьями (так и тянуло сказать «лавками»). Рядом с навесом курилась дымком кухня, где жарили шашлыки, шаварму и другие здешние блюда. Оттуда тянуло пряным мясным духом. Но его плотно перекрывал могучий запах кофе, густой, терпкий и почти пьянящий. Удивляли две вещи. Первая: как это кривобокое сооружение держится на обрыве и отчего не сползает в ленивые волны? Вторая: почему здесь никогда не бывает посетителей?

Кафе действительно вечно пустовало. В паре сотен метров, на пляже, звенели голоса, плескалась вода, укрощенная волноломами, по прибрежным скалам носились полутолые мальчишки, тараторя на разных языках — от арабского до русского. Там бойко шла торговля мороженым, попкорном и напитками. Но прилепившееся к береговому скату кафе оставалось пустым и безмолвным. Из кухни иногда появлялся хозяин, сухощавый араб в белой футболке, с глубокими залысинами на коротко остриженном лбу и навечно прилипшей к щекам щетиной. Он обмахивал столы тряпкой и снова так же молча исчезал.

Залив просматривался отсюда насквозь, и горячая мгла, стоявшая над водой, не могла воспрепятствовать этому. Над волнами носились чайки. От всего этого тянуло покоем вечности, которую не могла бы поколебать никакая суета.

Недели три меня изводило довольно банальное желание: непреодолимо тянуло присесть за стол, заказать чашку того самого изумительного (а иначе и быть не могло) кофе, неторопливо отхлебнуть, закурить сигарету и смотреть на залив, вслушиваясь в звуки моря, которые не мог заглушить даже близкий людской гам. Я мог бы взять какой-нибудь листок и набрасывать карандашный эскиз морского пейзажа. Но мысль о рисовании вызывала у меня отвращение.

Заказать кофе я не мог. У меня не было денег. Вернее, их было в обрез, только чтобы как-то протянуть до перевода, который ожидался не сегодня завтра. Я каждый день приходил к этому кафе, подолгу стоял у навеса, наслаждаясь кофейным запахом. Хозяин будто не замечал меня. И это было прекрасно. Я был одинок и испытывал потребность в одиночестве. Не хватало только пустой болтовни на ломаном, полунепонятном и мне, и ему языке.

Наконец перевод пришел. Получив деньги, я устремился в кафе и немедленно осуществил свою мечту. Хозяин обслужил меня все так же молча, хоть и без признаков недружелюбия. Он вообще был внешне бесстрастный человек.

Кофе действительно оказался превосходным. Я выпил подряд три чашки, закусывая солеными крекерами. Хозяин покосился на меня и впервые подал голос. Он сказал на приличном английском:

— Не пейте так много. С непривычки может плохо отразиться на здоровье.

Я усмехнулся.

— Привычка у меня есть.

Он пожал плечами, и вдруг добавил:

— И не надо спускаться к воде.

Я, признаться, не понял. Чего ради я стал бы спускаться к воде по скользким валунам, если поблизости вполне благоустроенный пляж? Мне это и в голову не приходило. Но теперь, после его слов, — пришло! Мне ужасно захотелось соскользнуть по обомшелым горячим камням к мутным волнам, которые, касаясь лодыжек, не ласкали, а будто хватали и норовили утащить вглубь. Местные жители говорили, что море здесь «жесткое».

— Там что, глубоко? — спросил я.

— Да нет, как везде.

— А почему же нельзя спускаться?

— Я не сказал: нельзя. Я сказал: не надо, — ответил хозяин. И, бросив на меня оценивающий взгляд, добавил: — *Вам* не надо.

Возможно, он был сумасшедшим, оттого его заведение и не пользовалось популярностью. А, может, хотел заинтриговать редкого посетителя — род неуклюжей рекламы.

...Я просидел за столом до темноты. Хозяин трижды убирал опустевшие чашки и приносил новые блюда с крекерами. Когда с моря потянуло вечерней прохладой — если эту влажную духоту можно было назвать прохладой в любое время суток — я поднялся. Приумолкший пляж почти опустел. Только какая-то компания молодежи явилась для ночного купания и горланила вовсю.

Кофе не навредил моему здоровью. Но он мне и не помог. Мне требовалось что-нибудь покрепче. Через окно кухни я давно заметил блеск бутылки. Когда опять появился хозяин, я спросил виски.

Он будто замаялся, не торопясь выполнить мой заказ. Это очень не походило на восточный услужливый сервис. Наконец, он ушел и вернулся с бутылкой «Клан Мак Грегор» и бумажными стаканчиками. Хозяин поставил все это передо мной и присел напротив. Я собрался свернуть пробку с бутылочного горлышка.

— Прошу вас, не торопитесь, — мягко сказал хозяин.

— У вас нет лицензии на торговлю спиртным?

— С лицензией у меня все в порядке. Но... не пейте здесь.

— Отчего же? А где еще выпить в такую восхитительную ночь?!

— Пойдите домой... и там сколько угодно.

Я представил свой номер в гостинице, которую впору было венчать не звездами, а крестами. Нет, пить в этом гадючнике, под визгливо-разноязыкие вопли горничных и уборщиц, для которых отдых постояльцев был пустой формальностью, я категорически не стану.

— Слушайте, — сказал я. — Чего вам от меня надо?

Он покачал головой.

— Тогда чего же ради вы лезете ко мне с какими-то советами и предостережениями. Я что, похож на младенца?

— Вы похожи на несчастного человека, — помолчав, ответил хозяин.

Я поперхнулся. Он оказался наблюдательным типом. Или для того, чтобы понять мое состояние, особой наблюдательности не требовалось?

— С чего вы взяли? — вяло возразил я.

— Вы появляетесь здесь уже три недели, притворяетесь, что любуетесь морем. Согласитесь достаточно времени, чтобы присмотреться.

— И что же такое вы узрели во мне, мой прозорливый друг? — поинтересовался я.

Он помолчал, а потом вдруг поднялся.

— Держитесь подальше от воды. Особенно в этом месте. И особенно если выпьете.

И ушел, не оглядываясь. Он точно был не в себе.

Я встал, оставив стаканчики на столе, с хрустом свинтил пробку и отлебнул прямо из горлышка. Я знал, что недорогое виски, которое я взял, — изрядная гадость. Но русской водки здесь не водилось, а коньяк был мне не по карману. Я не ощутил вкуса пойла, оно даже не обожгло гортань. Я знал, что дело не в виски, а во мне.

Прихлебывая и загребая сандалиями песок, я поплелся в сторону пляжа. Справа шуршал прибой, оттуда тянуло морскими запахами. Я шел у самой воды. Вдруг неподалеку от берега мне почудился плеск. Это не походило на игру волн или кем-то брошенный камень. Я посмотрел в темноту. Там, над белеющей пеной, мне почудилось нечто... Я не понял, что. Это не был купальщик или лодка или аквапед. Странный силуэт, казалось, воздвигся над поверхностью моря, постоял несколько секунд, покачиваясь, а потом будто снова беззвучно осел в волны.

Я потряс головой. Я давно не пил, а несколько глотков «Мак Грегора» не могли довести меня до состояния галлюцинаций. Впрочем, мне было наплевать, и я отправился дальше.

Вскоре грибки и навесы замаячили прямо передо мной в неярком свете фонарей, горевших поодаль, на набережной. Компания молодняка только что выбралась из воды и визжала на разные голоса. Дебелые юноши гонялись за дебелыми девами или боролись между собой. Рослый увалень, не вписавшись в поворот в погоне за своей подругой, сильно толкнул меня. Я едва удержался на ногах.

— Фак ю!!! — сказал я ему негромко, но отчетливо.

— Уотч?!

Я повторил и добавил ругательства, которые знал на местном языке.

Парень вызверился на меня, а его приятели мгновенно сомкнули круг у меня за спиной. Я усмехнулся. Я и сейчас ничего не чувствовал: ни страха, ни злости. Эмоция, как и спиртное, не способна была меня обжечь. Позади тяжело топали по песку мои противники. Всего их было человек шесть — рослые, спортивные, с накачанными мышцами, хоть большинству, пожалуй, еще не стукнуло и шестнадцать. Увалень, из-за которого разгорелся сыр-бор, что-то угрожающе крикнул мне, но я не понял его слов.

Сказавши «а», надо было говорить и «б». Справиться с ними я не надеялся. Но я рассчитывал, что-то мертвое, накрепко засевшее во мне, очнется в драке, затрепещет, и я снова почувствую себя живым. А если ребятки как следуют постараются... Ну что ж, тогда вообще никаких проблем, кроме похорон, которые, скорее всего, лягут на плечи моего благодетеля Гоши. По отношению к нему это, конечно, свинство. Но мне, если честно, было все равно.

Я отбросил бутылку и двинулся на столпившихся передо мной недорослей.

Но я кое-чего не учел. Это в родной России на пустынном пляже подвыпившая шпана в два счета сделала бы из меня кандидата в покойники. Здесь же мой план с треском провалился. Слегка возбужденные пивом тинэйджеры, внешне отвязные, горластые и неуправляемые, поголовно готовились в скором будущем превратиться в добропорядочных обывателей. И связываться с пьяным, расхристанным иностранцем, который откровенно лезет на рожон, им было ни к чему. Можно радикально испортить свою благополучную будущность. Да и по менталитету это были совсем не российские гопники. Лупить человека за грубое слово здесь, оказалось, не принято.

Тинэйджеры еще потоптались в нерешительности и, влекомые подругами, не перестававшими умиротворяющее щебетать, гурьбой потащились по пляжу — подальше от опасного меня.

Я осмотрелся. Бутылка валялась неподалеку, и из нее, как выяснилось, вытекло совсем немного. Я подобрал своего «Мак Грегора» и основательно отхлебнул. Внутри у меня было пусто и будто затянуто паутиной.

Топиться в этом теплом море мне не хотелось. И вешаться тоже. Вываленный язык, выкаченные бельма, обтруханые плавки — тьфу! Если честно, мне не хотелось умирать. Но и жить мне тоже не хотелось.

...Около месяца назад, в России, я, как полоумный, метался по своему чердаку, гордо именуемому «мастерской», круша все вокруг. С треском ломались мольберты и подрамники, рвались холсты, о стены шмякались тюбики с краской, оставляя разноцветные причудливые пятна, кляксы и потеки. Я топтал ногами листок бумаги, почти уже превратившийся в грязные клочки, и ругался по-черному. Гоша бегал за мной, пытаясь ухватить за рукав и лопоча что-то вроде: «Ну, сука она, сука! Ну, успокойся!»

Я остановился и двинулся на него.

— Сука?! Сам ты сука! Она... — Я замахнулся и вдруг заплакал.

Дело было не в том, что Галка на сто процентов совпадала с моими сексуальными стереотипами. И не в том, что она была ироничная умница,

умевшая в нужный момент превратиться в нежнейшее существо. Я не знаю, в чем было дело. Но я любил ее до безумия. До неприличия, как выражался мой «менеджер» Гоша.

У Галки не было шансов устоять против начинающего гения, которого прочили в знаменитые художники. Она и не устояла. А потом родился Валерка, и эта пара стала для меня самыми дорогими существами на свете. Гоша объяснил — по Фрейдю, — что любовь к жене я перенес на сына и что хорошо, что у нас не дочка, а то мог бы случиться инцест. Я хотел дать ему по морде, но он при своей тучности ловко увернулся.

Постепенно все становилось очень плохо. Ни гения, ни выдающегося художника из меня явно не получалось. В свои тридцать пять лет я не продал ни одной картины, меня не желали выставлять. Не приняли в Союз художников. Мне, как положено было в таких случаях, следовало запить горькую, побарагозить, изливая надрыв непонятой творческой души, успокоиться и найти нормальную работу. Это не составляло большой проблемы и сулило приличные заработки. Я же, запив-таки горькую, продолжал на последние гроши снимать в старом трехэтажном доме чердачную «мастерскую» и мазать свои полотна.

На меня все давно махнули рукой, не пускали (в пьяном виде) в приличные места, а при случайной встрече норовили перейти на другую сторону улицы. Я вдруг с удивлением обнаружил, что мне никто не звонит, и я, машинально сняв трубку телефона и задумчиво повертев ее в пальцах, клал ее на место. Буйные компании, в недавнем прошлом оглашавшие громким весельем мой чердак, исчезли бесследно. Только Галка, поникшая и молчаливая, мелькала в закоулках моего художественного бардака да Валерка нарушал гнетущую тишину капризным хныканьем.

Быстро наступило безденежье, смахивавшее на нищету. И только бывший сокурсник Гоша навещал нас постоянно — из альтруизма ли, из глупого чувства долга или по какой другой причине, не знаю. Я давно оставил попытки пристроить куда-то свои творения. Но Гоша упорствовал. Он называл себя моим менеджером, грозил светлым будущим, куда-то звонил и бегал, пытаясь гипнотизировать тех, от кого зависела судьба моих картин. Гипноз его оставался без последствий. Порой мне казалось, что он старается из-за Галки, к которой неровно дышит. Я начинал ревновать и злиться, догадываясь о собственном идиотизме.

Как выяснилось позже, ревновать Галку нужно было совсем не к Гоше. Записка, которую она мне оставила и которую я, как уже говорилось, с остервенением растоптал, заодно разнеся полмастерской, сообщала, что Галина не может больше терпеть ни моих творческих исканий, ни моего пьянства, ни меня как индивидуума. В силу чего уезжает с порядочным и обеспеченным человеком в другой город. Даст бог, у Валерика появится нормальный отец, а не пьяная, амбициозная бездарь.

У Галки накипело. Слишком долго она молча выносила меня. Оттого и выплеснула в записке обжигающий яд на самые больные места.

Дальнейшее я помню смутно. Когда слегка приходил в себя, удивлялся количеству пустых бутылок, неуклонно заполнявших пространство мастерской. Странно было, что я способен влить в себя столько спиртного. Кажется, я пытался искать Галку и сына. Но — соответственно состоянию, а потому, ясное дело, безрезультатно. Но если бы я их и нашел, это вряд ли бы помогло. Я слишком хорошо знал Галку: решившись на что-то, она сжигала за собой мосты.

Гоша появлялся редко. Он повадился летать на историческую родину по делам бизнеса, который не сделал его богачом, но обеспечил вполне приличную жизнь. В одно из его появлений меня пришли выселять из мастерской за неуплату. Выслушав приказ очистить помещение, оглядев не без отвращения мою персону и интерьер, Гоша махнул рукой: решим проблему! Он в очередной раз оплатил мои долги.

Вечером того же дня пожарники и сотрудники МЧС сняли меня с крыши 16-этажного дома, откуда я как бы намеревался прыгнуть. Не знаю, решился бы я прыгать или нет? Учитывая мое душевное состояние, не исключено, что и решился бы. Но со стороны весь этот «суицид» выглядел как постыдная показуха, попытка привлечь к себе внимание и вызвать жалость. Протрезвев и осознав весь позор своих поступков, я решил непременно довести дело до конца.

Гоша был в городе. Узнав о случившемся, он приехал.

У меня имелся заграничный паспорт. Кажется, получая его в недавнем прошлом, я надеялся на зарубежные турне по вернисажам. Гоша пытался со мной поговорить, но лишь нажил головную боль. Тогда он через турфирму с невероятной скоростью оформил мне визу и прочие документы, а потом затолкал самолет.

— Я тебе не багаж! — заплетающимся языком орал я. — Куда ты меня трелюешь?!

— К чертовой матери подальше отсюда. Пока ты действительно не натворил глупостей.

— А я не хочу.

— А тебя не спрашивают. Таких, как ты, вообще не спрашивают.

— Зачем ты со мной возишься? Я бездарь, алкаш и вообще жалкая мразь!

— У тебя нет терпенья, — подумав, сказал Гоша. — Ты истинный русский художник.

— А ты еврейский ростовщик, который... — я хотел добавить что-нибудь особенно едкое, но Гоша прервал нашу беседу.

От раскаленного солнцем аэропорта автобус часа за четыре домчал меня до приморского города, уступами спускавшегося с горной гряды к полосе прибоя. Здесь оказалось не многим прохладней, хотя уже почти стемнело. Изъясняясь главным образом по-русски — выходцев из России здесь было хоть отбавляй, — я добрался до блошиного отеля, в котором Гоша забронировал для меня номер. Первые недели он вообще держал меня на голодном пайке, предоставив самому себе. Он по-прежнему оставался в России. Деньги прислал лишь тогда, когда я стал приходиться к прибрежному кафе и втайне наслаждаться кофейным запахом. Не думаю, что у Гоши были шпи-

оны. Он просто слишком хорошо знал меня, чтобы просчитать последовательность моих жизненных циклов. И все же я не мог взять в толк, на кой черт я ему сдался — лишняя, расходная и довольно отгалкивающая обуза?!

...Мне кажется, я догадывался, в чем причина моих неудач. Со зрением у меня все было в порядке. Я видел мир таким, каков он есть. На холст, естественно, я переносил собственное впечатление от увиденного, эмоцию, игру цвета и формы, которую, как я самонадеянно полагал, не замечают остальные. Вот тут-то и крылась заковыка. Кисть выписывала совсем не то, что создавало мое творческое «эго». И это «не то» ни в какую не желало подчиняться моей воле и мастерству. Обычно картины, которые я писал, я ненавидел. И почти не удивлялся, что они не имеют успеха. Я не был последним профаном по части теории и психологии творчества. То, что происходило со мной, смахивало не то на творческую несостоятельность, не то вообще на психопатологию. Картины писали *сами себя*, и я ничего не мог с этим поделать. И я был уверен, что в своей самостоятельности писались они гораздо хуже, чем это могло выйти при участии моей творческой составляющей.

Но ничем иным я заниматься не хотел. Я как будто старался доказать кому-то и самому себе, что могу справиться с непослушной кистью и предательской рукой. Это стремление захватило меня целиком, превратившись в наваждение, в психоз. Я не мог остановиться на полдороге. Я должен был дойти до конца, каким бы он ни оказался. Мне нужен был итог: победа или бесповоротное осознание поражения. Тогда можно было что-то решать. Но до итога мне было, кажется, еще далеко. Единственное изменение, которое я обнаружил в себе, попав на берег теплого моря, — это физическое, до рвоты, отвращение к рисованию. Стоило мне взять в руки карандаш и занести его над бумагой, я испытывал острую дурноту.

Я оказался в занятном положении: в совершенном одиночестве (Гоша обещал прилететь недели через три), в совершенно чужом городе совершенно чужой страны, на берегу равнодушного моря; никому на свете не нужный, не знающий, чем себя занять; неспособный к рисованию и проявляющий довольно отчетливые суицидальные наклонности. Нет, я еще не свихнулся окончательно и не жаждал кончины как избавления. Но я больше ничего не хотел в этой жизни. Ничего и никого. Мне стало на все наплевать. Даже пить мне не хотелось, и сейчас я прихлебывал виски скорее по привычке, чем по необходимости.

...Я добрел до другого края пляжа, вскарабкался по валунам волнолома, присел на один из них. Камень был теплым, душная ночь не остудила его. Вода казалась темной, она не фосфоресцировала. Она шелестела прибрежным песком, мощно вздыхала далекой волной, поднятой корабельным винтом. Она жила своей жизнью, вечной и равнодушной.

Позади себя я услышал шлепанье шагов — мокрыми босыми ступнями по камню. Я оглянулся. По гребню волнолома ко мне двигалась женская фигура. Я поморщился. Гости мне были ни к чему. Но незнакомка уже приблизилась настолько, что ее стало можно рассмотреть в полумраке.

Стройное, упитанное тело благополучной дочери благополучной страны. Слипшиеся мокрые волосы. Пестрое бикини. Остальное скрывала темень.

Девушка бесцеремонно уселась напротив меня.

— Зажигалка есть? — спросила она на чистом русском. (Репатриантка? Туристка?)

— А сигареты? — ответил я вопросом на вопрос.

Она похлопала себя по мокрым голым бокам.

— Не-а!

— Тогда зачем вам зажигалка?

— А может у вас и сигаретка найдется?

Я молча протянул ей пачку, дал прикурить. Она с удовольствием затянулась.

— Почему не купаетесь? Вода замечательная.

— У меня водобоязнь.

Она помолчала.

— Не хотите разговаривать?

Я пожал плечами. Она была симпатичная и приветливая. Хамить ей было грешно.

Она вдруг наклонилась ко мне.

— Что с вами? Я видела, как вы там, на пляже... Вы ведь хотели драки, да? Чтоб они вас избили или вы их?

— Послушайте, — сказал я как можно мягче, — какое вам дело до незнакомого пьяного мужчины, который ищет ночью приключений на свою задницу? И что вы здесь делаете одна?

— Я часто прихожу ночью искупаться. Особый кайф.

— Вот и купайтесь на здоровье.

— Знаете, — сказала она серьезно, — из-за вас купаться как-то не хочется.

— Это почему же?

Она замялась.

— От вас становится тревожно.

— А, ну понятно: плохая карма. Сейчас я очищу пространство. — Я хотел встать, но она удержала меня за руку.

— Я, что, такая непривлекательная?

— С чего вы взяли?

— Неужели вам не хочется... поговорить со мной? Ну, там, о всяких пустяках, как мужчина с девушкой.

Я прислушался к себе, вздохнул. Мне по-прежнему ничего не хотелось. Но... Что-то было в этой незнакомой девчонке, что-то все-таки было, что мешало просто встать и уйти, не оглядываясь.

— Откуда вы такая? — выдавил я.

Она отмахнулась.

— Это неинтересно. А вот откуда вы такой? Здесь все суетятся, мельтешат, обустроиваются — в том числе и на пляже. Здесь все ищут местечко. А вы ничего не ищите... Кроме, кажется, смерти.

Я вздрогнул. Странные люди попадались мне сплошь и рядом: хозяин безлюдного кафе, трусливая шпана, теперь эта особа.

— С чего вы взяли? — нехотя спросил я.

— Я же говорю: от вас исходит тревога, предвестие беды.

— Вы экстрасенс?

— Как вам сказать...

— Да так прямо и сказать. В экстрасенсов я все равно не верю.

— А я и не утверждаю.

— Знаете, — сказал я, — создается впечатление, что вам скучно. А оттого хочется залезть мне в душу... или еще куда-нибудь. Уверяю вас: вы выбрали абсолютно неподходящий объект.

Это было вульгарно, но она вдруг рассмеялась.

— А я не верю в существование душ.

— Вы очень странный экстрасенс.

— Я же сказала, что не утверждаю. Но вы напрасно все время думаете о смерти. Смерть не выход. Она тупик, ничто.

— Кто вам сказал... — начал я и осекся. Неужели я дошел до такого скверного состояния, что все мое нутро оказалось наружу, на общее обозрение? И достаточно короткого общения, чтобы понять все мое неблагополучие, которое я пытался прятать под неуклюжим хамством и иронией. Конечно, если она видела стычку на пляже... Но, по большому счету, эта дурасть ни о чем не говорила, кроме пьяного куража. Без сомнения, она была странной особой. Для меня наступила ночь странных людей, и с этим следовало примириться.

— Хотите, скажу, что с вами происходит? — спросила девушка. — Самое страшное — это одиночество. Оно порождает пустоту. Пока пустота только снаружи, это еще туда-сюда. Но когда она заберется вовнутрь...

— Что вы можете знать про одиночество и пустоту? — с нескрываемым раздражением перебил я.

— Может быть, что-то и знаю. Одиноки те, кто непохож на остальных.

— Очень свежая мысль.

— В вашем случае она имеет особый смысл.

— В моем случае? — удивился я. — Госпожа доктор, когда вы успели провести обследование и поставить диагноз?

— Вы ведь художник?

Я лихорадочно соображал, по каким признакам в полутьме можно определить мою профессиональную принадлежность. Следов краски на пальцах у меня, точно, не оставалось. А и оставались бы, заметить их вряд ли было возможно.

— И вы неудачник. — Это прозвучало уже, как утверждение.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Нола. А вас зовут Виталий.

— Черт, — сказал я. — Кто вы? Давно ли шпионите за мной и с какой целью?

— Я лучше расскажу вам о другом, — сказала Нола.

Я не успел ее остановить. Она, лишь слегка искажая детали, рассказала мне мою историю, от начала до конца, то есть до того момента, как я пытался спровоцировать драку с тинэйджерами в дурацкой надежде, что они меня убьют. Я слушал, не перебивая. Сказать мне было нечего. Никто за мной не шпионил: во-первых, незачем, а во-вторых, никакой шпион не дознается твоих душевных переживаний с такой поразительной точностью. Эта древняя земля, родина трех великих религий, хранила много тайн. Быть может, одна из них сейчас приоткрылась мне.

Я сидел молча. Потом повторил свой вопрос без надежды на ответ:

— Кто ты?

Она вдруг протянула руку, коснулась моей, и я почувствовал... Очень трудно объяснить словами, что именно я почувствовал. Мне показалось, что две одинаковые вибрации слились в одну, создавая странный резонанс; что два электроконтакта соединились, и по ним потек один и тот же ток; что...

Я не сразу понял главное. А когда понял, был почти потрясен. Рука Но-лы передавала мне точно те же чувства и эмоции, что испытывал я сам: пустоту, бессилие, горечь, одиночество — на грани бездны, в которую тянет все сильнее и сильнее. Только острота ее эмоций многократно превосходила мою. Я понял, что это не психологический фокус, не какой-то опыт, проделываемый со мной. Нола транслировала мне собственную душу, в которую, по ее словам, она не верила. Иначе я это назвать не мог.

Она была бесконечно одинока в чуждой ей пустоте и страстно жаждала разрушить это одиночество, но, кажется, ей это было не под силу. Как и мне. Меня больше не волновало, как она просканировала мое сознание, как нашла меня на этом ночном пустынном пляже. Она была такая же, как и я, и я был ей для чего-то нужен.

— Что с тобой случилось? — спросил я, снова не слишком надеясь на ответ.

— Это не имеет значения... Ты понял?

— Понял. И что дальше?

— Ты ведь не можешь жить со всем этим. Но ты не можешь и разом покончить с ним. Но ты хочешь смерти. И будешь искать ее.

— А ты?

— Я знаю другой способ.

— Черт! Мне кажется, я знаю много способов, как ты могла бы изменить себя и свою жизнь. Ты красивая женщина, кругом полно отличных мужиков. Что-то ты накрутила. Бери любого и уезжай из этого города, от этого моря, от того, что высосало тебя. Мои проблемы во мне самом — как раковая опухоль. А ты...

Она негромко рассмеялась и прикрыла мне рот ладошкой. Ладонь у нее была прохладная и чуть шершавая. Потом она обняла меня за шею и потянула к воде. Я, сбросив одежду, послушно ступал вслед за ней, пока вялый прибой не захлестнул мне щиколотки.

Мы почти сразу оказались в воде по плечи. Нола не прилагала никаких усилий, но мы быстро удалялись от берега, дно ушло у меня из-под ног. Во-

да будто сама собой держала нас на своей зыбкой поверхности. Нола крепко прижалась ко мне. Это было странное прикосновение: нежное, чувственное и какое-то чуждое: будто вовсе не девушка терлась об меня своими соблазнительными выпуклостями и щекотала пальчиками чувствительные места, а какое-то совсем иное существо... огромная бархатистая рыба или млекопитающее или... Я растворялся в этом удивительном, сладостном и слегка пугающем ощущении, ловя себя на том, что превращаюсь в руках Нолы в резиновую игрушку-дельфина.

Впервые за последние месяцы я ощутил острое желание. Я хотел Нолу, здесь и сейчас, на зыбкой поверхности волн. Или под их поверхностью — все равно! Я хотел эту девушку, как никого никогда, разве, быть может, только Галину. Но о ней я сейчас почти забыл.

Я не заметил, когда Нола освободилась от бикини. Потом она мягко помогла мне избавиться от плавок. Ее тело было сильным, упругим и чуть-чуть шершавым. Я успел мельком подумать, что это от загара. Потом я жадно вошел в нее, и она толкнулась мне навстречу. Будто две гигантские рыбины, мы сплелись воедино. Никогда прежде я не испытывал такого острого, всепоглощающего наслаждения.

...Когда все кончилось, я вдруг сообразил, что мы находимся глубоко под водой и, похоже, довольно давно. Мгновенно слетевшую сладкую истому сменила паника. Я рванулся и бешено заколотил руками и ногами. Нола не пыталась меня удерживать. Через несколько секунд я пробкой выскочил на поверхность, ловя воздух широко открытым ртом. Нола вынырнула рядом и расслабленно вытянулась на спине. Только тут до меня дошло, что я не чувствую никакого удушья, а влажный воздух глотаю рефлекторно, а вовсе не по необходимости. Выходило, что мое длительное ныряние не вызвало у меня ни малейшего недостатка кислорода. Это была какая-то ерунда. Мы не могли заниматься любовью всего несколько секунд, да и физические усилия заставили бы легкие работать. Но, как ни странно, как только я перестал паниковать, дыхание мое сделалось ровным. Нола лениво плескалась рядом.

— Мы могли бы быть вместе всегда, — сказала она. — Если захочешь. Что тебе терять?

— Я не верю в русалок, — сказал я. — Что это за фокусы?

— При чем тут русалки? Жизнь гораздо многообразнее, чем ты думаешь. На суше ты потерял все, ради чего жил. Попробуй начать сначала. У тебя есть шанс.

— Ты собираешься меня утопить?

— А на то похоже? Ты пробыл под водой минут пятнадцать и разве ты утонул?

— Я дышал, как рыба?

— У тебя же нет жабр. Ты дышал, но совсем по-другому, я не могу объяснить так, чтоб ты понял.

Я скривился.

— Вроде, не так уж много я выпил, чтобы вообразить себя Ихтиандром.

— Не надо никем себя воображать. Существует бескрайний, прекрасный, не знакомый тебе мир. Ты можешь уйти в него из того, постылого, в кото-

ром для тебя ничего не осталось. Ты можешь стать величайшим художником. Морское дно даст тебе для этого любые краски и материалы. Про вдохновение я просто не говорю. Таких пейзажей не видел ни один человек.

— Если ты серьезно... Если я все еще в своем уме... Это же вообще невообразимое одиночество! Для кого, черт побери, я стану творить свои шедевры?!

— Я всегда буду рядом с тобой... до самого конца. А одиночество в глухой, раздраженной, вечно озабоченной и совершенно равнодушной толпе — оно дает тебе вдохновение и зрителей? Я понимаю, дело не в тщеславии. Тебе нужны не поклонники, а те, кто поймет и впитает твои идеи и находки. Но ведь ты так долго искал их и не нашел. И, быть может, никогда не найдешь, как многие, как большинство подобных тебе. Зато потерял единственных людей, которых любил. Если ты откажешься, у тебя никогда не будет меня. Ты никогда и нигде не встретишь такую. Такую, с которой можно стать одним целым, которая почувствует каждый толчок крови в твоих жилах, каждый импульс твоего сознания.

— И что же произойдет, если я соглашусь? У меня вырастет хвост?

— Ничего лишнего у тебя не вырастет. Просто доверься мне. Расслабься, и все случится само собой. Тебе будет хорошо. Как никогда не было. И вся скверна оттуда — она указала рукой в сторону суши, — больше не дотянется до тебя.

«Быть может, я сплю, — подумал я. — Нахлестался «Мак Грегора» и валяюсь под каким-нибудь тентом. Тогда, если я соглашусь, мне предстоит лишь похмельное пробуждение. А если не сплю... И не сошел с ума... Действительно, что держит меня там, на земле?! Что я хочу и могу обрести хоть среди этих древних горячих камней, хоть в снегах далекой родины? Если это не бред, жизнь дает мне шанс на что-то новое, неизведанное. Со мной странное существо, соблазнительное, как гурия, и загадочное, как Сфинкс. Передо мной — чудо, тайна и обещание приоткрыть ее покров. А я стану цепляться за свои несбыточные амбиции, за бесповоротно бросившую меня жену, пьянство и прочие губительные химеры?! Быть может, это моя дверь в стене. Стоит ли повторять ошибки героя знаменитого рассказа? Не лучше ли рискнуть и сделать шаг в чудо, оставив за спиной всю мишуру, которой дорожил, и которая оказалась лишь полосками бесполезной цветной бумаги?!»

Иногда мне казалось, что это не мои, а какие-то чужие, посторонние мысли, внушенные мне исподволь. Но они обволакивали меня покоем и предвкушением счастья, освобождали от душевного страдания, которое преследовало меня так долго.

Нола обнимала меня мягко, она не тянула вглубь, давая скользить по поверхности, будто для того, чтобы я, наконец, решился. Мы кружили, словно в медленном танце. Она была прекрасна, но мне казалось, что с каждым новым кругом она все меньше походит на человека. И еще я догадывался, что один из ближайших кругов окажется последним. Но страха не было. Мне было удивительно спокойно и хорошо.

Внезапно на берегу, в кармане моих брюк запел мобильник. Он все выводил и выводил такты популярной мелодии, и я будто просыпался под эти

назойливые позывные. Наш с Нолой танец прервался, она еще раз прижалась ко мне, будто вслушиваясь в биение моего сердца. Пелена наваждения медленно таяла в моей голове, волны больше не казались такими ласковыми, а отсутствие дна под ногами вызвало невольное беспокойство. Нола негромко застонала, оттолкнула меня, скользнула в сторону и стала быстро удаляться. Она плыла, как змея, извиваясь в воде.

— Нола! — крикнул я. — Подожди!

Но она уже растворилась в темноте, будто слившись с волнами. Я повертел головой и поплыл к берегу.

В трубке надрывался Гоша.

— Виталя, мать твою!.. Да, я в России! Слушай сюда. Две твои мазни, ну, помнишь «Желтая река» и «Обновление», ушли! Ага! Я их пристроил. Каждую по полсотни... Ага, щас!.. Зеленых. Сотня тысяч баксов! Ну, мой процент... Ты, считай, богатый человек. Но это фигня! Еще три картины на старте. И цены предлагают... не хочу по телефону. В Питере тобой заинтересовались после первых продаж! А ты спрашивал, чего я с тобой возжусь! Я же чувствовал, я знал, кретин ты этакий! Давай, собирайся домой. Мы с тобой такое тут закрутим!!

Я не мог вставить ни слова. Гошу несло.

— Но и это фигня. Ты мне, блин, будешь по гроб жизни должен. Я нашел твою Галку. Я с ней побазарил. Дура, говорю. Он талант. Его время придет. А что с закидонами, так талантов без закидонов не бывает. Ты его убьешь, и прогрессивное человечество тебе этого не простит. Я говорю: он... Короче, она тормознулась уезжать со своим хахалем. И сын твой там истерики закатывает. Она сказала, будет ждать твоего возвращения, а потом с тобой поговорит, в смысле, вы с ней поговорите. В общем, разберешься, кто с кем!

Я все же перебил Гошу.

— Она это сказала до продажи картин или после?

— До!!! Конечно — до! Еще и наметок никаких не было, и знать она ничего не могла. Она тебя любит, просто ты раздолбай и...

Мы условились с Гошей о моем возвращении, и я дал отбой.

Все также шуршали волны о прибрежный песок и влажное, душное море окутывало все вокруг. На рейде трубно проревел теплоход, словно морское чудовище. Я вглядывался в темноту над водой, но только темноту и видел. Я смотрел, пока от напряжения в глазах не запрыгали искры. Я еще раз окликнул Нолу. Но я знал, что она не вернется.

Я зашвырнул подальше бутылку «Мак Грегора» и зашагал по пляжу в обратном направлении, к прибрежному кафе. Похоже, оно работало круглосуточно.

...Молчаливый хозяин поставил передо мной чашку кофе и блюдо с соленым печеньем. Кофе он готовил без сахара. Он собирался уйти, но я придержал его за полу футболки. Он с легким раздражением глянул на меня.

— Могу я попросить вас присесть? — спросил я по-английски.

— Зачем? — Его английский был, пожалуй, приличнее моего.

— Нужно поговорить?

- Какие у нас с вами общие темы? — Он все же опустил на скамью. Я прикинул, с чего бы лучше начать. Но ничего особенного не придумал.
- Вы ее давно знаете?
- Кого?
- Не притворяйтесь. Она живет в воде.
- Вы, кажется, выпили лишнего. — Хозяин вознамерился встать.
- Послушайте, — сказал я. — Просто послушайте.

Я рассказал ему все, что со мной произошло — от начала до конца, ничего не утаивая. Терять мне было нечего, сумасшедшим пьяницей он наверняка считал меня так и так.

Хозяин выслушал меня на удивление внимательно, потом долго молчал, куря сигарету. Он заметно колебался. Наконец, он сказал:

- Значит, она вас отпустила. Вам повезло.
- Она живет здесь, под берегом? Поэтому вы не советовали мне лезть в воду?
- Хозяин пожал плечами и ничего не ответил.

— И по той же причине у вас так мало посетителей? Но почему вы не перенесете кафе в другое место? Она вам не позволяет? Кто она такая? Ни в какую чертовщину я не верю. И если она похищает людей, почему ею не займутся власти? Или они тоже не верят в ее существование?

Хозяин поскреб щетину на подбородке, испытующе глянул на меня.

- Вы абсолютно ничего не понимаете.
- А вы понимаете?

Он надолго замолчал. Потом встал и принес себе чашку кофе.

— Я бы не стал с вами разговаривать. Но раз так вышло... Вы теперь как бы причастны. От нее вернулись всего двое, вы третий. И вы, кажется, единственный, кто вернулся без последствий.

- Она их убивает?
- Я бы так не сказал.
- Хороший ответ.

— Я расскажу, а верить или нет, дело ваше. Года три назад в заливе вроде разбился самолет. Военный истребитель или что-то такое. Никто ничего толком не знал, но огни авиакатастрофы ночью видели многие. Военные суетились, но никакого самолета не нашли. И вообще ничего не нашли. Постепенно все забылось. У меня тут кафе давно. Кофе я покупаю особый, не как везде. У меня есть свои поставщики. Посетителей мой кофе главным образом и привлекал. С некоторых пор возле берега стали замечать каких-то существ: походили на дельфинов, но это были не дельфины. Что они такое и сколько их, понять было трудно. Они почти не показывались, так, мелькнет темная спина над волнами.

А однажды поздно вечером, когда никого уже не было, в кафе появился молодой человек: крепкий, загорелый, в одних плавках и... какой-то странноватый. Чем именно, объяснить не могу. Я сразу почувствовал в нем иностранца, хоть говорил он безо всякого акцента. Но он был чужой, понимаете? Парень заказал чашку кофе. То, что было дальше, меня удивило. Он не стал пить. Он сидел и нюхал. И пьянел на глазах. Но не это меня больше

всего поразило. Чем сильнее он пьянел, тем страннее становился. Нет, никаких уродств или чего-то такого. Просто... он все меньше походил на человека. Не лицом, не формами тела. От него исходило... что-то чуждое, непонятное, чего не объяснишь словами. Я испугался. Он это, видимо, почувствовал, встал и ушел.

А спустя какое-то время явилась девушка. Она ничуть не походила на прежнего посетителя. Но я догадался, что она как-то связана с ним. От них исходила одна и та же аура... я не могу объяснить. Девушка тоже взяла кофе. Но она обращалась с ним как-то чересчур аккуратно, как с наркотиком, что ли. Или японским лакомством из ядовитой рыбы. Она делала вид, что прихлебывает, но я-то видел: она тоже нюхает, только гораздо осторожнее. Девушка тоже опьянела, но не так сильно. И изменения в ней проявились не столь отчетливо. Она ушла глубокой ночью, причем довольно странным способом: спустилась к воде и нырнула.

Потом приходили другие: парни и девушки, молодые, привлекательные, почти голые. Совершенно разные, они все были из одной стаи — теперь я это улавливал совершенно определенно. Являлись всегда поодиночке, никогда компанией, вели себя тихо: просто нюхали кофе, притворяясь, что они его пьют. Я уже тогда заподозрил, что здесь что-то не так. Но что, понять не мог. Хоть мороз меня подирал по коже от этих посещений.

А с некоторых пор на пляже стали пропадать люди. Как сейчас помню: первым исчез какой-то турист-норвежец. Говорили, что на родине в автокатастрофе у него погибла вся семья. По происхождению он еврей, родственники живут в городе. Вот он к ним и приехал. Как-то пошел ночью искупаться и пропал. Только одежда осталась на песке. Тело искали, но так и не нашли.

Потом пропала девушка. У нее был рак, она приехала лечиться. Потом было еще несколько случаев. Но трупы никогда не находили.

— Вы говорили, что двое все же вернулись.

— Да. Семнадцатилетняя девчонка. Ее накануне свадьбы бросил жених. Что уж у них там произошло — не знаю. Подруги сказали: она побежала топиться. Вскоре на пляже нашли ее одежду. У них с женихом просто глупость какая-то вышла. Он носился по городу, то в полицию, то в синагогу, рвал на себе волосы. Бегал по пляжу и звал утопленницу. Потом сам пытался отравиться. В общем, шума было много.

И вскоре девушка появилась. Утром ее увидели на пляже. Сидела, обняв колени и уставясь в одну точку. Сперва с ней вообще разговаривать было невозможно, она будто пребывала в каком-то трансе. Но постепенно отошла. И рассказала, что жила с каким-то парнем под водой. Потом, правда, парень стал кем-то другим, но тут она окончательно путалась и начинала рыдать. Ее обследовали, физически она оказалась совершенно здорова. Отправили в психолечебницу и все.

Про второй случай я точно не знаю, тоже какая-то душераздирающая история.

— А что же полиция?

Хозяин отхлебнул кофе, затянулся сигаретой и какое-то время наблюдал, как причудливые клубы дыма растекаются в неподвижном воздухе.

— Полиция... А что полиция? Люди тонули, тонут и будут тонуть. А если иногда и случается что-то необычное, то в полиции на всякое насмотрелись, их не проймешь. Но был там один детектив. Довольно странный тип. Жил бобылем. Друзей у него не было. Он и работать предпочитал в одиночку, без напарников. Да, прямо скажем, с его характером в напарники к нему никто и не набивался. Говорили, что он очень хороший сыщик и многого мог бы добиться, если бы не какой-то жизненный разлад, что-то такое, что делало его пренеприятным типом. К тому же он здорово пил.

Так вот, этот детектив вцепился в историю с утопленниками и стал копать. Что уж он там мечтал выкопать, не знаю. Но мерещилось ему за этими случаями нечто особенное... — Хозяин пошевелил в воздухе пальцами. — Он перетряс всех, кто хоть как-то мог быть связан с происшествиями. Но, похоже, ничего стоящего не узнал. Под конец его не раз видели ночью на пляже, хотя пристрастия к ночным купаниям за ним раньше не замечалось.

Ходили слухи, что однажды утром он явился на службу сам не свой. И, ни много, ни мало, объявил начальству: дескать, в заливе разбился вовсе не военный самолет, а инопланетный космический корабль, НЛО одним словом. Твари, которые были на нем, приспособлены к жизни в воде, на сушу выходят изредка, по необходимости. Они уцелели, поселились в заливе и воруют людей. Может, в пищу, может, еще для чего. Начальство детектива хоть и недолюбливало, но отнеслось по-человечески.. В сумасшедший дом его не отправили, а с почестями проводили в отставку.

— А вы верите в НЛО?

— Не знаю. Но те, кто ко мне приходят, — они не люди. Я это чувствую.

— И они живут здесь, под берегом, потому что запах вашего кофе действует на них, как наркотик. И они порой являются сюда словить кайф.

— Ну, примерно так. Слухи об этом ходят по городу. В них мало кто верит. Но посетителей у меня все равно не стало.

— Так отчего не съедете?

— Я собирался. Я уже и новое место подыскал, подальше от воды. Но, я думаю, они умеют читать наши мысли. Буквально накануне, поздно вечером, ко мне заявился мокрый красавчик в плавках и с полиэтиленовым пакетом. Кофе он заказывать не стал, а сразу перешел к делу. Вежливо попросил, чтобы я ничего не менял, никуда не переезжал и оставил кафе на прежнем месте. Я поинтересовался, на какие средства он предлагает мне продолжать мой бизнес при отсутствии клиентов?

Он передал мне пакет, повернулся и ушел по пляжу. Было темно, куда он девался, голый, я не видел. Я заглянул в пакет. В нем оказался пластиковый сверток. А в свертке — жемчуг и золотые монеты. Этого могло хватить лет на тридцать, даже если ни один клиент не заглянет в мое заведение. Я догадался, откуда драгоценности. Монеты были старинные, обкатанные водой и песком. А жемчуг — только что со дна, я в этом разбираюсь. Я подумал и ос-

тался. Не из страха и не из-за денег. Хотя деньги были не лишними, а сказать, что я не побаивался своих гостей, значит, солгать. Просто я подумал: они есть и будут, видимо, еще долго. Никто не знает, чего от них ждать. Пусть нюхают мой кофе, пусть плещутся здесь, под берегом, пусть все остается, как есть, чтобы не стало хуже. Кстати, я не уверен, что это они топили пропавших людей. Я заметил: все жертвы — люди несчастные, утратившие волю к жизни или вовсе обреченные. Как тот норвежец, потерявший семью, или девушка с онкологией. Могли покончить с собой безо всякого постороннего вмешательства. А если их и забирали эти морские твари... Получалось — как шакалы больных антилоп.

— Вы потому и мне не советовали приближаться к воде?

— Совершенно верно. У вас на лице было все написано. А они не только читают мысли, но и улавливают наши чувства. Они хорошо их улавливают. Особенно если человек пьян.

— Понятно. Алкоголь на определенной стадии обостряет эмоции. Как говорят психиатры, настроения он не улучшает, просто усиливает его. Выходит, вы догадывались, что я встречу с ними?

— Я не исключал такой возможности.

Не знаю, что бы я думал и делал дальше, будь я трезв. Но я успел порядочно набраться. У меня в мозгу будто щелкнуло какое-то реле, замыкая цепь догадок. Ни одно существо из той стаи просто не могло быть столь одиноко, как это дала мне почувствовать Нола, прикоснувшись к моей руке. Хозяин еще что-то говорил, но я невежливо прервал его на полуслове и встал.

...На пляже не было ни одной живой души. Я пересек пространство песка и вскарабкался по валунам волнолома — на то место, где встретил Нолу. Я присел на камень. Он так и не остыл, несмотря на поздний час. Я знал, что кричать бессмысленно. Я собрал всю силу воли, сконцентрировал сознание, насколько мог, даже напряг мышцы живота и послал мысленный зов: «Нола!»

Ничего не изменилось. Все так же мерцали огни на уступах горной гряды, сбегавшей к морю, так же неподалеку проносились машины, и все мои мысли сейчас показались мне пьяным бредом психически сломленного человека. Захотелось встать и уйти отсюда без оглядки.

Но я снова изо всех сил мысленно воззвал: «Нола!! Нола!!!»

Я повторял свой призыв раз десять. Наконец решил, что следующий раз будет последним.

И тут у меня за спиной шлепнули негромкие шаги босых, влажных ног. Я резко обернулся. Она стояла рядом, стройная, красивая, совсем как настоящая девушка-фотомодель. Но я знал, что она не была настоящей. Иначе просто не появилась бы сейчас.

Она, как и в прошлый раз, села против меня на камень. Мы молчали. Ее кожа отливала каким-то неестественным перламутром.

Наконец я спросил:

— Это правда, что ваш корабль разбился здесь, в заливе?

Она пожала плечами.

— Зачем тебе это.

— Просто я понял. Экипаж не спасся с вашего корабля. Спаслась только ты. Единственная. Ты умеешь изменять свои формы. Ты одинока.

Она вдруг резко рассмеялась.

— Тебе кажется, будто ты знаешь, что такое одиночество, отчаяние, безнадежность. Тебе показалось, что ты бездарен, что потерял любимую женщину, и ты готов был свести счеты с жизнью. Когда над тобой светит родное солнце, кругом столько женщин и занятий, которые могут стать твоими по первому твоему желанию. Теперь представь, что ты оказался на планете, где ни вода, ни воздух по-настоящему не подходят тебе для жизни. И ты вынужден, как земноводное, то нырять в ядовитую для тебя жидкость, то выбираться на сушу и вдыхать отвратительный газ атмосферы. Представь, что здешний солнечный свет вызывает у тебя глубокую депрессию, и ты предпочитаешь большую часть времени проводить под водой, а на сушу выходить лишь по ночам. Но, самое главное, на планете нет ни единого существа, хоть отдаленно родственного тебе по физическому строению, не говоря уже об интеллекте и эмоциях. И остается использовать свою возможность уподобления, чтоб не привлекать к себе внимания. А еще больше для того, чтобы хоть немного пожить чужой — вашей — жизнью, избавиться от чувства, что ты навеки потерялся в пустоте.

— Тебя не ищут? Ты не можешь подать сигнал своим?

— Магнитным вихрем нас выбросило в сектор галактики, где нас просто не станут искать. Наш корабль уничтожен и средства связи тоже. А ваши, самые совершенные, не способны мне помочь. Я знаю, что навечно обречена жить одна в этом чужом мире, и никто не придет мне на помощь. Здесь я и умру. Возможно, уже скоро.

— Извини, но ты как-то непохожа на умирающую.

Она усмехнулась.

— Я могу выглядеть, как труп, или... как мусорный бак, и при этом чувствовать себя превосходно. А здесь... Здесь есть лишь одно, что доставляет мне хоть какую-то радость: запах, — она употребила совершенно не понятное слово, малопроизносимое на любом земном языке, — который издает ваш кофе. И у меня есть еще одна счастливая возможность. Уподобляясь вам, меняясь внешне, я меняюсь и внутренне. Вы перестаете вызывать у меня физиологическое отвращение. Ваши эмоции резонируют с моими. Я на короткое время становлюсь почти человеком. Как ты заметил, могу даже заниматься сексом. Когда я парень, мне нравятся девушки, и наоборот. Некоторые мне очень нравятся. С тобой, например, мне было просто замечательно.

— Почему же ты меня отпустила? Я ведь уже был готов на все.

— Я *услышала*, что твоя судьба изменилась. Когда ты узнаешь об этом, ты снова захочешь жить и не пожелаешь следовать за мной. Я всегда отпускаю таких.

— Как ту девушку, которую чуть не бросил жених?

— Как ту девушку.

— Так, может, стоит попробовать с кем-то другим?

Она совершенно по-человечески пожалала плечиками.

— Я же говорила: я не могу долго дышать вашим воздухом.

— И ты заманиваешь людей в свою стихию. Таких же одиноких и отчаявшихся, как ты сама. Чтобы они скрасили тебе твою пустоту. И которых не слишком жалко: они и так, по сути, обречены. Скажи, пожалуйста, ты их убиваешь, когда они тебе надоедают, или они, в конце концов, захлебываются сами?

— Они мне никогда не надоедают. Я была бы счастлива плавать в этом море с кем-то до своих последних минут. И они не захлебываются. Когда мы уходим под воду, я обычно принимаю свой естественный вид и меняю их. Физически они могут жить под водой сколь угодно долго. Но Ихтиандров на самом деле не бывает. Их убивает не вода, не удушье и уж тем более не инопланетный монстр. Их постепенно убивает шок чужого мира и тоска одиночества. Те самые, что я испытываю ежечасно на вашей планете. Но я гораздо прочнее вас во всех отношениях.

— Как ты выглядишь на самом деле?

— Что за детское любопытство?! Поверь, я другая, но не чудовище. Разве я тебе не нравлюсь — такая?

— А как бы я выглядел рядом с тобой?

— Знаешь, — сказала Нола, — скорее всего, я не стала бы меняться и менять тебя. Мы остались бы прекрасной парой человекоподобных существ: Тритон и Нереида.

Я похлопал себя по не слишком крутым плечам.

— Вряд ли я способен составить прекрасную пару.

— Ты не понимаешь. Ты художник. Настоящий художник. Ты борешься с собственным даром — когда картины приходят к тебе не из твоего подсознания, а в виде волн ментальной энергии вселенной.

— От Бога?

— Быть может, на вашем языке это называется именно так. Я не знаю, что такое бог. Но я знаю, как творят истинные художники. Тебе крупно и очень своевременно повезло. Большинство так и остаются непонятыми, одиночками — обреченными.

— Нола, — сказал я почти неожиданно для самого себя. — Черт с ним, со всем. Я уплыву с тобой. Можешь менять нас или оставить Тритоном и Нереидой. Не знаю, откуда приходят мои картины, любит ли меня моя жена — она не пропадет — и нужен ли я кому-нибудь на этом свете. Но тебе я точно нужен. Имею нахальство заявить: ты не найдешь другого, который так же, как я, понимал бы тебя.

Она рассмеялась.

— Я это знаю. Чтобы поверить и понять в данном случае, нужно, по меньшей мере, быть художником. Но ты погибнешь через несколько недель, в лучшем случае, — месяцев.

— А вдруг нет. Ты же говоришь, что я другой. Быть может, шок не убьет меня? А тоска... Разве можно тосковать рядом с чудом?!

— Возможно, ты прав. Но пройдет время, чудо померкнет, одиночество вернется, но гораздо более страшное — в чужом мире. И оно заставит тебя возненавидеть меня. Но я уже не смогу тебя отпустить. По двум причинам. Во-первых: я слишком привыкну и не смогу обходиться без тебя. Во-вторых: человеческий организм не так пластичен, как наш. Пробыв со мной достаточно долго, ты не сумеешь вновь стать человеком.

— Но я не смогу жить, зная, что ты плаваешь где-то в этом проклятом море!

Она опять зажала мне рот своей шершавой ладошкой, будто покрытой мельчайшей рыбьей чешуей.

— Знаешь, парадокс в том, что ты можешь писать настоящие картины именно потому, что способен сделать то, о чем только что сказал. Для ментальных волн необходим соответствующий приемник. Ты по своему складу — такой и есть. Если бы не это, я бы не поручилась за твой дар. В нашем мире тоже есть художники, хоть и не такие, как ваши. И поверь, я разбираюсь в их природе гораздо лучше, чем ты. Возвращайся к своим и живи той жизнью, которая тебе предназначена. У тебя есть шанс прожить ее не зря. Но если чуждое существо, обитающее в далеком море, не перестанет тревожить тебя, возвращайся иногда на этот волнорез ночью и позови. Ты знаешь, как. Я обязательно появлюсь, и мы опять сможем на время стать Тритоном и Нереидой. Но только на время. Наша раса очень не похожа на людей. Но у нас тоже есть чувства, а они-то как раз удивительно схожи. Не искушай меня. Отпусти. Мне пора.

Я обнял ее и прижал к себе. Видимо, на какое-то мгновение она (оно?) утратила над собой контроль. Мне показалось, что я обнимаю не девушку, а упругого, гладкого, сильного и грациозного зверя. Но это ощущение длилось всего миг.

Она оттолкнула меня и встала.

— Прощай!

— Прощай, — ответил я.

Ее ступни прошлепали по камням, она спустилась к воде и почти беззвучно скользнула в нее. Я долго смотрел на то место, где в мелких волнах растворились ее волосы. В голове беспорядочно роились мысли — бессвязные и почти безумные. Я испытывал страх. Я боялся, что утром все происшедшее покажется мне сном, наваждением, пьяным бредом — прощанием с моим горьким прошлым. И я никогда не решусь вернуться сюда, чтобы не вспоминать о том, о чем захочу забыть. А вода кистью по холсту или по ночам лежа в постели без сна, буду с болью думать о том, что талант доброты и сострадания превышает всякого иного таланта. Но дается он лишь немногим.

НАТАЛИЯ ИПАТОВА

ПОСОЛЬСТВО ПРИНЦА-ЛЕБЕДЯ

На самом деле автор в курсе, как оно все было на самом деле, если оно было, и было именно так.

В

ЕЛИКИЙ ФОМОР СИДЕЛ В КАМЕННОМ КРЕСЛЕ, В СВОЕМ диком саду, отгороженном от мира высокой стеной. Великий Фомор отдыхал и ждал.

Наконец речная заводь перед ним пошла рябью, затрепетали прибрежные травы, сетка серебряных бликов на воде колыхнулась, и на берег плеснула волна. Следом за волной на берег вышла белая лошадь.

Великий Фомор не сдержал улыбки, глядя, как она осторожно и царственно ступает по твердой земле. Кобыла-келпи¹ подняла к солнцу красивую морду и встряхнулась, и заржала, словно засмеялась от удовольствия. Облако алмазных брызг на мгновение скрыло ее, а из облака вышла женщина в зеленом платье, с длинными влажными волосами, в которых запутались мелкие ракушки и чешуйки тины. Подле Великого Фомора стояло для нее другое каменное кресло, а на столе ожидали гостью сливы в вине, в дорогой серебряной чаше.

Женщина-келпи забралась в кресло с ногами и сразу взяла сливу. Положив ту в рот, она вопросительно посмотрела на Великого Фомора. Его лицо было из грубой мешковины, один глаз нарисован, а второй обозначен двумя грубыми стежками крест-накрест.

— Побудь со мной, пока не высохнут твои волосы, — предложил Великий. — Я помню, ты любишь сливы.

— Я и тебя люблю, и побуду, если ты расскажешь мне что-нибудь интересное, полезное или приятное.

— С удовольствием. Хочешь, я вспомню, как я впервые увидел тебя? Ты вышла на берег в обличье лошади, вокруг тебя лился молочный свет, ты так ступала, будто бы в твоих ушах звучала музыка, и ты едва сдерживалась, чтобы не пуститься в пляс. И я влюбился. А потом, когда ты вышла на свадьбу в обличье белой лошади, с женщиной в зеленом, сидящей у тебя на спине, я некоторое время гадал, на ком из вас я должен жениться.

— Ну да, — сказала келпи, изящно облизывая пальцы, — фоморы ж могут размножаться с кем и с чем угодно, причем так, что сразу и не придумаешь... Ты и не ведал тогда, что я могу быть обеими одновременно?

— Я догадался. Тогда же я просто хотел увидеть, как ты ешь сливы.

— Прелестно, душа моя. А как оно вообще в мире?

¹В шотландской мифологии келпи — водяная лошадь, столь прекрасная, что человек не может противиться искушению сесть на нее. Такую жертву келпи утаскивает под воду и пожирает. Автор полагает, что для бешеной келпи Ирландское море не преграда.

— Не буду лгать тебе, моя радость, в мире тревожно. Мы, люди и дети Дану стоим — каждый против двух других, и всяк хочет эту землю только для себя.

— Как обычно, — уронила келпи. — Вот поэтому я предпочитаю воду. Из воды мы все вышли и в воду вернемся, кто раньше, кто позднее. Ллир никому не враг.

— Я бы даже не усомнился, — язвительно сказал ее муж, — если бы он сберег доверенное! В том, что Ллир всем друг, я вижу определенное неудобство.

— Ничего не поделаешь, Ллир — тоже сын Дану. Если каждый будет играть против двух других, все проиграют.

На каменный стол меж ними сел черный дрозд, посмотрел, попрыгал, открыл клюв и проскрежетал:

— Среброрукий грядет, смерррт рядом скачет! Яррркая смеррт! Кррасивая!

Келпи бросила в него сливовой косточкой.

— Почему ты его терпишь?

— Не обижай птицу, он мудрые вещи говорит.

Они помолчали, келпи поглядывала на мужа сквозь упавшие на глаза золотые пряди. Листва, пронизанная солнцем, бросала на них обоих трепещущую зеленую тень.

— Что там с пророчеством?

— Да лучше б я его не знал! — с сердцем ответил Великий. — Я, дурень, сделал все, чтобы его обмануть, но разве Слово Изреченное обманешь? В итоге только зря обидел Эйтлинн². Все одно пролез к ней какой-то пройдоха, и зачал ребенка. Ллир утверждает, будто то был сын Диан Кехта, и якобы он не мог его не принять, а дальше молодежь уже сами...

— Ты, я надеюсь, избавился от ублюдка? — голос келпи был холоден.

— Я сделал все, что диктовал мне разум. Я стар, мое тело пропитано собственным ядом, если мою тушу подвесить и рассечь, яд отравит землю на несколько миль... Я бросил ребенка, родную кровь, первого внука, в море, но море — ладонь Лира, а Ллир — Туата, и он предал меня. Дважды предал. Ребенок у них. Лучше бы я вырастил мальчика при себе, окружив его любовью, и если бы ему и тогда суждено было стать причиной моей смерти, по крайней мере в этом не было бы моей вины, и враги бы не ликовали. А теперь догадайся, зачем им этот ребенок³.

— Да, — сказала келпи. — Долго гадать не надо. Яркая, красивая Твоя Смерть рядом со Среброруким. Но и это дело — теперь ты знаешь, кто тебе

²Балору, королю фоморов, было предсказано, что он умрет от руки своего внука, сына его дочери Эйтлинн. Подобно царю Данаю, Балор заточил дочь в пещере, но некто Киян сумел туда пробраться. Позднее, когда Эйтлинн родила сына, Балор пытался убить младенца, однако Эйтлинн удалось переправить мальчика к отцу.

³Позднее Луг участвовал во второй битве Туата Да Дананн с фоморами и убил Балора камнем, брошенным с такой силой, что попал Великому Фомору в глаз, пробил череп и, вывалившись наружу, убил еще нескольких воинов. Луг почитался как бог солнца и света, он же был богом урожая и покровителем всех ремесел. Аналог Аполлона.

большой враг. Как было спокойно, когда у них на троне сидел этот пустышка-Брес⁴. У Туата и зубов-то, считай, при нем не было. Среброрукий Нуаду благородный воин и славный король, — она искоса посмотрела на Великого, — но это, разумеется, не значит, что спорить с ним за земли безопасно. Пошло-ка я, пожалуй, проклятие на голову того лекаря, что дал ему новую руку.

— Это ученик Диан Кехта. Да он ему, кажется, и сын. Другой сын, — добавил он на всякий случай.

— И тут Диан Кехт? Вот и славно, — келпи раскусила очередную сливу. — Смотри, как хорошо ниточки связались. *И чтоб ты сам испробовал, каково своими руками свою плоть и кровь*⁵... А повод они между собой найдут. Согласись, любовь моя, это даже справедливо.

— Я послал Фионнаклайне в Коннахт.

Если что-то могло вывести келпи из равновесия, то оно было произнесено.

— Великие Силы, но зачем? *Моего сына?*

— Если повезет, Фионнаклайне привезет нам мир и союз, если же нет, я вижу два исхода. Либо он умный и везучий мальчик, и он выкрутится. Если же он не выкрутится... то он не мой сын.

— Фионнаклайне слишком молод. Его истинный облик... не в обиду будь сказано, несколько наивен. Ну кто в наше время сам, добровольно превращается в лебеда?

Великий усмехнулся.

— Если он обращается в лебеда, значит, на этом стоит его вера, а на вере стоит сила. Для того, чтобы высвободить силу, принц должен научиться чувствовать гнев. Он может владеть небом, а нам остается завидовать. Твои волосы высохли, жена. Твое время на суше истекло.

Келпи мотнула головой, оказавшись в вихре золотых волос, а вышла оттуда уже кобылицей, и, более не сказав ни слова, в чрезвычайном гневе бросилась в омут.

* * *

— Мама, а правда, придут фоморы и нас всех разорвут на кусочки, а после съедят?

— Чего тебя рвать, Мораг, дура, ты целиком в пасть влезешь! У них пасти большущие, от неба до земли!

Мать гоняла туда-сюда раму ткацкого станка и не вмешивалась, будто не слышала, как Эйтне заявила, что переоденется женщиной и будет воином. Младшая нахлобучила на голову глубокую чашу и вскочила на лавку, размахивая игрушечным мечом.

⁴Брес — король Туата Да Дананн в промежутке между двумя царствованиями Нуаду, по происхождению фомор. Был избран править, когда Нуаду потерял руку в битве с племенем Фир Болг и по закону не мог больше исполнять обязанности военного вождя. Однако когда сын целителя Диан Кехта сумел дать Нуаду новую серебряную руку, и великий воин вернулся на трон.

⁵Бог врачевания Туата Да Дананн, Диан Кехт исцелял раны, а его сын, превзойдя отца, стал воскрешать мертвых, и был тем убит. По одной версии — из профессиональной ревности, по другой — за нарушение порядка вещей и закона природы.

— Буду ездить на колеснице и поражать всех копьём. И все будет мое без спросу, и папа будет меня больше всех любить!

Эйлинах дала дочери пощечину. Еще бы папа не полюбил ее больше всех, папе нужен сын-воин, но пока папа преуспел только в зачатии дочерей. А дочерей любят, когда их выгодно замуж отдают. И если так, то сейчас папа больше всех должен любить Эрин.

Папе вообще свойственно откусывать больше, чем он проглотить сможет.

— Не такие уж они и чудовища, — сказала от окна Эрин. — Туата Да Дананн приняли к себе королем Бреса, и все красивое сравнивают с ним, а тот ведь из фоморов. Киян, сын Диан Кехта, не погнушался Эйтлинн, дочерью Балора, и, я слышала, все между ними было по согласию. Их сын Луг — самый прекрасный муж на земле. Фоморы, наверное, такovy, как сами хотят.

— А я стану бардом, — промолвила Мораг. — Буду странствовать, слагать про героев песни и на арфе играть. И всюду для меня будет стол и кров.

— Ну да, — выкрикнула Эйтне злым обиженным голосом, подпрыгивая на обеих ногах, словно топтала тела поверженных врагов, — спроси Крэйбра, как его Брес-фомор принимал в царских палатах! Не больно-то ему понравилось.

— Ну и где теперь Брес? — не осталась Мораг в долгу. — Никто не смеет безнаказанно обижать барда!

— Брес просто зарвался, — попыталась объяснить сестрам Эрин. — Был бы он добрым и щедрым королем, Туата бы и до сих пор его терпели. А теперь у них снова Нуаду. И война.

— Нелюди меж собой бьются, люди только рады, — сказала на это мать. — Нам бояться надо, если они на нас с двух сторон хлынут.

— А ты кем будешь, Эрин?

Птицей, что взвивается в небеса, рыбой, стремящейся в глубины, травой, набегающей на холмы, утренним туманом, сгустившимся в ложбинах, тенью от облака, павшей на луг, и светом в разрыве туч. Плачем струны в вечернем воздухе или зовом рожка на рассвете.

— Эрин, — сказала мать из глубины темного покоя, — будет рожать королям сыновей.

Эрин украдкой вздохнула, опустила голову и снова воткнула иглу в полотно.

* * *

— Знатную крепость ты выстроил, Эохайд, — заметил Мил, когда его посольство подъезжало к дому клана Фир Болг, и хозяин с дружиной встречал гостей. — Выше сосен!

— А с другой стороны обрыв прямо в море, и острые камни внизу. То не я, то мои предки построили в те времена, когда мир еще не знал богини Дану⁶, а от моря и до моря это была наша земля. Тут под каждым

⁶Богиня Дану — мифическая прародительница мифического же племени богов Туата Да Дананн. Дети Дану завоевали Ирландию, победив племя Фир Болг отгнав тех в Коннахт — единственную оставшуюся за ними провинцию.

углом ребенок лежит, и, я тебе скажу, не простого рода ребенок. Потому и стоит крепко.

— У фоморов поди научился? — слегонца поддел хозяина Мил.

— Я у кого хочешь научусь, если это мне силу даст, — Эохайд начал злиться, но сдерживался. Гость был дорогой и долгожданный.

— Я к тому говорю, что слух идет — они у вас брали дань детьми. Две трети рожденных за год — и столько же зерна и скота. И вы платили.

— Раньше платили, более не хотим. И ты дальнюю дорогу проделал не для того, чтобы только доблестью Мил Эспейн хвастать. Я вас против не люди в деле тоже пока не видал.

Господа и воины приблизились к воротам, и рабы живо растащили жерди, освобождая конным проезд. Те спешили во дворе, и им сразу подали вина. Мил отпустил своих людей, а Эохайд велел своим домашним устроить гостей. Приезжие воины сгрудились у колодца: день был жаркий, и они обливались водой прямо у лошадиных поилок, хохоча как дети и растаптывая дворовую землю в жидкую грязь.

— Меж Туата и фоморами нынче сvara, — сказал Мил, проходя в залу и садясь. — И будет война.

Вес с ног он снял немалый: был он велик ростом и белокур, пышная борода лежала у него на груди, яркие синие глаза сияли с бронзового лица, иссеченного многими мелкими морщинками. А вот зубы у него были плохие. Собаки и бурые свиньи порскнули в стороны, чтоб не попасть под ноги мужчин. — Нам это на руку, пусть грызутся. Повезет — так поубивают друг дружку, а мы выпьем в их честь и сохраним в преданиях.

Он пристально посмотрел на Эохайда.

— Ты ведь этого хочешь, последний из Фир Болг?

— Или мы, люди, или они, нелюди.

— И что тебе для этого надо?

— Войско.

— Как много?

— А сколь есть у тебя?

— Сколь ни есть — все мои люди, мои родичи. Моя кровь.

Эохайд усмехнулся.

— Я девку даю, которая стоит своего веса в золоте. А прошу лишь войско.

— Я о твоей дочери много слышал от бардов, но барды наврут за жирный кусок со стола.

— Сам на нее посмотри.

— Мне на нее смотреть не надо, не в мою постель ты ее готовишь. Если мой филид скажет, что твоя дочь моему сыну ровня — так тому и быть. Филид, — он сделал паузу, — не будет ни есть, ни пить, пока не доложится. Не питай надежд подкупить его, Эохайд Болг.

— В подкупе нет нужды, Мил Эспейн. От моей Эрин не отказался б и Туата Да Дананн.

* * *

Эохайд с Милом уже много выпили пива, когда миллов филид Аморген сцапался им под ноги с лестницы, ведущей в женские покои. Мелкий, морщинистый, словно вяленая рыба, с выбритым черепом, он оказался вождям ровно под локоть. Они ж, чем больше пили, тем более величали в обращенных друг к другу словах, и сейчас само море было им по колено, и были они уже друг другу почти братья. По крайней мере Мил вспоминал какого-то родственника, что якобы уже плывал сюда, но был убит нелюдьми подло и предательски, и теперь он, Мил, здесь, дабы взять с них кровавую виру. Филид задрал вверх печеное личико и завел долгое: про то, что ноги у Эрин длинные и прямые, а руки — белые, с тонкими пальцами. Волосы у нее как золото, и она может на них сидеть, а брови ровные и черные, ростом она высока, и шея у нее сильная, и сама она статная, как ясеневое копые. А зубы мелкие и все на месте, и что она здорова и родит многих, и кто возьмет ее, станет править этой землей...

— О! — сказали на это оба вождя, так им это понравилось. Эохайд, впрочем, тут же сделал вид, будто так оно и мыслилось им с самого начала, и плохого он на обмен не ставит. Они тут же решили, что это было пророчество, а пророчество следует обмыть.

* * *

Не хочу, не хочу, не хочу.

Эрин свернулась на постели клубком и уткнулась лбом в стену, стараясь забыть белые глаза чужого мерзкого старика и его ищущие бесстыдные пальцы. Было ей тошно и страшно, ее трясло так, что она не могла стоять, и хотелось убедить себя в том, что этого не было, и никогда так больше не будет, но мать из темноты сказала: «Привыкай, только так и бывает. Откуда, ты думаешь, возьмется сила у мужчин, если они в нас ее не увидят?» И теперь ничто не давало ей покоя: каменные стены более не ограждали, а тяжелые засовы не держали дверей. Она никогда не видела этого Эремона, но была уверена, что он еще страшнее того пришлого филида, потому что филида можно забыть, как дурной сон, а Эремон всю ее жизнь в такой сон превратит. Такой же, наверное, как его отец, чей громкий голос и пьяный смех доносился из нижнего зала: огромный и волосатый, и пахнет тяжелым мужским запахом — невымытым телом, тухлой утробой и пролитой горячей кровью. Громко смеется и берет без спроса, что понравится. Эремон посадит ее подле очага, где темно и дым выедаёт глаза, и она станет рожать ему в муках, год за годом, и в конце концов забудет и зеленые равнины до горизонта, и серебро пены морской, и дивные звуки, которые возникают внезапно внутри твоей головы и как серебряные нити сшивают тебя с небом... Останутся только захожие барды, плетущие словеса. Эрин будет кормить их, а они за то станут прославлять щедрость Эремона.

А он даже не старший сын, этот Эремон. Впереди него у Мила еще не то двое, не то трое, просто он тот, у кого нет еще жены — и отец на это согласен. Он, этот Эремон, с отцом и не приехал, ему, видно, все равно, кого брать.

— Нам надо выжить, — сказала мать. — Что для фоморов, что для Туата — мы скот. Хуже скота, потому что с нами делиться приходится.

Вот было бы хорошо, если бы филид нашел в ней, Эрин, какой-нибудь порок, чтобы ей замуж не идти. Нет, ну не вообще, а только за сына Мил Эспейн. Или чтобы не так.

— Вставай, — велела мать, входя, — одевайся. Тебя берут, и ты должна быть вечером на пиру. Платье надень белое. И невестину повязку на голову. На тебя смотреть будут.

Эрин умыла лицо холодной водой, так что оно вспыхнуло алым, сама б не поверила — но полегчало. Расчесала волосы на прямой пробор, на лоб надвинула праздничную повязку с трилистниками. Рабыня достала ей из сундука ненадеванное платье с вышитой по подолу каймой: холст, выполосканный в ледяной воде, был белый, твердый, аж хрустел. Во всем этом она как будто и не она была. Все, что было — «она», горело в жаре щек.

Одевшись, Эрин села у окна ждать, когда ей скажут вниз спускаться. Женские покои были у башни на самом верху, из комнаты, где сестры проводили время, вверх вела одна лестница на плоскую крышу, оттуда было хорошо видно во все стороны, а из окна — только в одну, зато вид открывался на извилистую северную дорогу. Поднимая глаза от вышиванья, Эрин увидела меж небом и землей яркую искру, которую приняла сперва за первую вечернюю звезду, но уж больно стремительно летела она, и повторяла изгибы дороги, и скоро ясно стало, что это военный отряд с воздетыми копьями. Что к нам. И что — с миром, потому что слишком мало их для нашей могучей башни.

Эрин Пылающие Щеки вдруг превратилась в Эрин Трепещущее Сердце. И еще стало ясно, что это нелюди.

* * *

Эрин, как куклу, посадили во главу стола: прочие женщины и девы разносили воинам мясо и пиво, а она была невеста, и ничего делать не должна. Только сидеть, чтобы все смотрели. Все и смотрели, но потом у гостей и хозяев нашлась тема поинтереснее — грядущая война, на нее и перешли, возвышая для убедительности голоса и придавая речам весу ударами о стол кружками и кулаками. Рядом с невестой, справа, оставили пустое место — якобы для Эремона. Собаки шныряли под столами и задевали боками колени. Кто-то вышел помочиться и упал, наступивши на свинью.

Было весело, как обычно.

Пьяньский бард тянул длинную сагу про битву при Маг Туиред, в которой Фир Болг хоть и уступили детям богини Дану, но доказали тем свою отвагу и сберегли Коннахт. Барда почти не слушали, обсуждали вперемежь фоморьи вращающиеся башни и копья, которые не только пронзают, но и жгут, и ядовитый глаз Могучего Балора. А с другой стороны — силу Огмы, швыряющего камни, меч Нуаду, поражающий все, а более всего — живое копьё Луга, столь свирепое, что вне битвы его приходится держать в сонном зелье. Делали ставки. Кто-то больше верил в фоморов: дескать, они здесь

были всегда, и всегда будут. Другие качали головами: мол, есть у детей Дану некий котел, в который воинов павших кладут, а они встают оттуда живые и снова идут в битву, если только у них не отрублена голова и не повреждены мозг и позвоночник, и якобы это посильнее будет. Филид Аморген визгливо кричал, что смысл его жизни теперь в этой земле, потому что он жизнью сына заплатил, только чтоб ступить на нее. Парень упал с борта и утонул — так поняла Эрин из его причитаний, и еще подумала, что если бы за Фир Болг числилась какая-нибудь хоть маленькая, но победная война, сага о ней была бы на пирах племени более популярна. Хотя, если поразмыслить, тогда все могло закончиться для Фир Болг намного печальнее: так, что и имя Фир Болг не звучало.

Можно было тихо вставать и уходить: замужним женщинам и сговоренным невестам не след сидеть в общем зале с мужчинами после того, как пир переваливает за полночь и начинается непотребство. Эрин как раз рассчитывала, как она встанет и исчезнет — так, чтобы никто не заметил: дескать, моргнули, а ее уже и нет, да, в общем, никому и не надо. Однако тут раздался шум у распахнутых ворот: во время пира их по обычаю держали открытыми, чтобы всякий мог прийти и угоститься. Эрин как раз напротив сидела: подняла глаза, посмотрев перед собой, через головы пирующих, и ей показалось, что там светлее, чем в зале.

Немудрено: в зале масляные плоски так начадили, что дым поглощал самый свет, а снаружи встала полная луна, и голое взлобье скал залила серебряным светом. Эрин стало вдруг знобко, словно и прохладой потянуло оттуда, и легким, окрашенным голубым, паром — как от воды бывает. Она даже не сразу заметила, что из-под стола ее дергают за юбку.

Под столом прятались Эйтне и, что удивительно, Мораг. Удивительно потому, что средняя знала правила. Детям нечего делать на пиру.

— Знаешь, — захлебываясь восторгом, шептала младшая, — кто только что приехал? Не поверишь! Фоморы! Военный отряд, а во главе его — всамделишный ихний принц! А копыя у них — во! Сблизят они наконецники — а между ними синее пламя дугой! — она жестом показала дугу над своей собственной головой.

Эрин посмотрела на отца: ему как раз докладывали о том же самом, и вождю клана Болг надо было принять решение. И то сказать: не вовремя фоморов принесло, учитывая, в какое русло вошли речи.

— А сами они... ой, странные. Представь, лица у них как из дерюги, и будто паклей набиты, один глаз голубой, нарисованный, а другой крестиком помечен. И еще они на одной ноге стоят.

— А ходят как? — не выдержала Эрин.

— Ну... не знаю. Прыгают, наверное, на копыя опираясь.

— У них две ноги, — сказала Мораг, — только вторая невидимая. А принц с ними совсем другой. Он когда во двор въехал — факелы погасли, и поверишь ли, на дворе не стало темно!

Поверю.

Они как раз входили под арку: герольд-фомор описанного вида и сам принц, высокий, в чешуйчатых, словно кожа лосося, одеждах, украшенных тисненой вязью, с двумя мечами на поясе — под правую и левую руки. Плечи принца покрывал алый плащ из тонкой шерсти: он смотрелся столь царственно, что оба вождя отметили про себя завести такой же. Длинные темные волосы лежали на плечах и спине, лоб охватывал то ли убор, то ли шлем: на висках шлема были укреплены золотые кольца с изображением лебедя в них, таким тонким, что казалось — не человеческая рука их делала. Светильники мигнули и, судя по всему, собрались убить себя подобно факелам на дворе. К счастью, передумали. Или же им приказали.

— Фионнаклайне Мак-Балор, сын келпи Шотландской, наследный принц королевства фоморов, с мирным посольством и дарами к королю клана Фир Болг!

Возгласив титулование пронзительным голосом, герольд с поклоном положил перед Эохайдом дары: красивое оружие, какое пристало одному королю посылать другому. Все отшатнулись, когда он вышел вперед: того это, кажется, позабавило. Сделав свое дело, герольд отошел и замер, как неживой, ставши на одну ногу.

— Милости прошу принца Фионнаклайне присоединиться к пиру! — ответил Эохайд, а Мил напротив него слегка нахмурился, но король Болг просто не мог сказать ничего другого по законам вежества. Эрин решила повременить с уходом.

К Эохайду тем временем подскочил его домоправитель: в замке внезапно оказалось слишком много народу, всех не разместить. И то милесианам уже на полу вплотную стелено, непонятно, куда еще фоморов класть. Ясно, что не рядом: ну как не поделят чего?

— Есть подвал, и крыша еще. Ну, или за стенами, но это не по правилам.

— Прошу вас, — сказал посол, — не утруждайте себя хлопотами о моих людях. Им только стена нужна, чтобы прислониться. А в подвал... нет, в подвал мы не пойдем. Крыша меня вполне устроит.

— Я там навес поставлю.

За главным столом произошла некоторая толкотня — следовало всем сдвинуться, чтобы дать место принцу. При этом посягнуть на пустое место Эремона-жениха было бы неправильно и чревато скандалом. К счастью, старший сын Мила Донн оказался во хмелю некрепок и от первого тычка под ребра слег под стол, к собакам. Сидящие над ним сомкнулись, и женщины понесли пиво на следующий круг.

На столе оставалось довольно жареного мяса, и половина большого лосося, объединенные ребра которого возвышались над резным деревянным блюдом как шпангоуты корабля, выброшенного на отмель и сгнившего там. Еще были большие мисы с кашей, уже остывшей, ковриги хлеба — почти все надломанные, баклаги с медом — его полагалось есть, макая в мед хлеб. И много яблок — эти почти нетронутые. Кому нужны яблоки, когда есть мясо?

Гость взял поданную ему чашу, пригубил для виду — не отпил. Движение глаз направо, налево — все, что можно было увидеть, увидел; все, что сказано — услышал. На летающее по залу «кто возьмет ее, будет землей править» насмешливо приподнял бровь. Эрин вдруг стало нестерпимо стыдно за эту пафосную глупость.

— С добром или со злом прислал тебя Великий Фомор, принц?

Фионнаклайне помедлил. Было совершенно очевидно, что среди всех он один был трезв, а словеса говорить следовало весомые.

— Туча идет грозовая, — сказал он, — и туча эта зовется Туата Да Дананн. Мы с детьми Дану то дружим, то враждуем, но теперь битвы не избежать. Отец послал меня напомнить славному клану Болг о временах его славы, и о том, как вся земля принадлежала клану Болг тогда еще, когда про детей Дану еще никто и не слыхивал. Перед нами общий враг. Причем для Фир Болг этот враг — исконный.

— Враг силен, — осторожно ответил Эохайд, который и не хотел бы трезветь, а приходилось. — Будет ли победа за нами?

— Будет, если Фир Болг встанет в наши ряды.

Мил Эспейн со своего места смотрел на гостя-фомора сощурившись и сдвинув брови.

— Фоморы, дети Дану, — бросил он, — не все ли равно, кому дань платить?

И вгрызся в свиную ножку, не дожидаясь ответа — в знак неуважения.

— Груз дани на союзниках куда легче, чем на побежденных, — парировал Фионнаклайне. — Я слышал легенду о трехстах воинах Срега, ставших против Туата Да Дананн, чтобы умереть свободными.

Потомок того самого Срега, сидевший напротив принца, заиграл желваками: он-то платил дань исправно, а Мил вздрогнул, выругался и выплюнул осколок сломанного зуба. Принц-фомор встретил его испепеляющий взгляд хамски невинной улыбкой: ясное дело, пакостные чары наслал. Мил, еще не научившийся отличать одних нелюдей от других, двинулся встать и потянул меч, Фионнаклайне же остался недвижим, только ладонь положил перед собой на стол и глаза сузил. Эохайд встал поспешно:

— Все, кто ел за моим столом — друзья!

— Да он же не ел! — взревел Мил.

Верно. И не пил. И как с таким военные союзы обсуждать?

— Мил, отдай мне меч, ибо как бы дурного не вышло, — шепотом сказал Эохайд, понимая, что вызвать гнев Великого Фомора едва ли было бы умнее, чем поспешно вступить с тем же самым Фомором в военный союз против не менее великих Туата Да Дананн. — Принц, вы тоже.

В его правую руку лег тяжелый прямой меч, в левую — два тонких, чуть изогнутых клинка. Эохайд удивленно сжал левый кулак: так они были легки, что показались ему двумя лунными лучами. Движение, которым фоморские мечи извлечены были из ножен, сказало воинам о многом: против них сидел обоерукий боец, весьма искусный. Ну, то есть, если бы он прямо сейчас вздумал рубиться, может, уложил бы за господским столом всех и ушел невреди-

мым. С этим следовало считаться, хотя едва ли фомор, прибывший заключить военный союз, устроил бы резню вот так, за слово, с бухты-барухты.

— Наша простая еда тебе непривычна? — спросила Эрин, собравшись с духом. — Скажи, как хозяева могут тебе угодить?

— Да все в порядке, — весело отозвался посол, — не могу же я жевать, когда со мной разговаривают!

Взял со стола яблоко и вполне по-человечески его съел. Пир продолжился своим чередом, только Мил сверкал глазами и о чем-то шептался со своим филидом.

— Вижу, невеста, тебе здесь так же скучно, как и мне.

Эрин поспешно опустила глаза: честно говоря, это было много труднее, чем смотреть на него. Между прочим, самое время для благовоспитанной девицы покинуть пир.

* * *

Хотя времени для сна этой ночью выдалось немного, утро встало вполне доброе. Солнце брызнуло на кровать, где спали три дочери Эохайда, и Эрин пробудилась с восхитительным чувством, какое бывает, когда ты только что летал. Мораг и Эйтне, не открывая глаз и пряча от солнца чумазые мордашки, перекатились на нагретое ею место и натянули на себя все одеяла. Этих сонь всегда было трудно поднять, Эрин же вставала легко. Махнув по волосам гребнем и разделив их надвое, девушка сполоснула в лохани лицо, набросила платье и затянула пояс. С лестницы, ведущей на крышу, тянуло утренней прохладой, оттуда же солнце лилось вниз по врубленным в камень ступеням, и лестница казалась волшебной дорогой в небо. В дурную погоду ее закрывали дощатой крышкой, но эта ночь выдалась ясной и звездной. Эрин и вообще-то любила постоять на крыше одна, выше всех, в перекрестье ветров: особенно когда сон о полете бывал так свеж и памятен.

Тем более, скоро ей уж не стоять тут праздно. Выдадут замуж, и кто их знает, этих милесиан, какие у них семейные правила для женщин. Придерживаясь рукой за натянутую веревку, она почти выбралась на крышу, но на верхних ступеньках замедлила шаг.

Послышалось, будто там кто-то говорит. Эрин задержала дыхание и навострила уши.

Вороны! Хриплое многоголосое карканье, в котором не было бы ничего особенного — хотя чайки навещали крышу замка не в пример чаще! — но им же отвечал человек! Ровный голос с ироничной ноткой, вчера услышанный ею впервые, притягательный, как светящееся окно в ночи. Можно подойти, и никого нет кругом, чтобы помешал. Ну, кроме ворон, конечно. В конце концов, это ее крыша!

Фионнаклайне стоял на ее любимом месте, лицом к морю, уперев руки в пояс и откинув локти назад. Три серые вороны топтались перед ним на парапете и язвительно каркали принцу в лицо, однако увидев Эрин, снялись с места, заложили вираж и унеслись куда-то вниз, к самой воде.

— Что они говорили? — спросила девушка.

Фомор хмыкнул.

— Издевались надо мной. Утверждали, будто бы я ем только сырую рыбу, а человеческий облик ношу, чтобы из клюва не пахло...

Эрин прыснула.

— Что, разумеется, неправда, — завершил принц с интонацией, недвусмысленно сообщавшей о том, что он тоже не прочь посмеяться.

Навес, сооруженный на скорую руку на противоположной стороне крыши, у другой лестницы, проходившей через родительские покои, подсказал Эрин, где домоправитель устроил этого гостя. Милесианами, надо полагать, сейчас забит каждый темный, тесный и душный уголок внутри замка, а ему здесь... явно было хорошо.

— Я заметила, что при твоём титуловании упомянули равно отца и мать. Скажи, почтение к женщине в вашем народе — это обычное дело, или твоя уважаемая матушка особенная?

— Ну, моя матушка безусловно особенная. Видишь ли, моя мама — лоо-оошадь! Водяная. Чтобы попасть в наши земли, она переплыла море. Однако и мы, и дети Дану считаем, что женщины и мужчины вносят в жизнь равный вклад. Не одинаковый. Дополняют друг друга до совершенства, ну как, например, вода и земля, свет и ветер, стрела и цель.

— Ты бард?

Фионнаклайне, кажется, слегка смутился.

— Я знаю правила и могу сложить песню. Но если сравнивать меня с настоящим бардом, то я сижу на берегу и смотрю, как полноводная река течет мимо, а настоящий — он входит в воду бесстрашно, по самые ноздри, его захлестывает и несет, когда-то он плывет, а когда-то тонет, и ни на что нет его воли. Я не хотел бы быть бардом. Это страшнее, чем биться насмерть.

Паузу следовало заполнить.

— Есть много чудесного в мире, что не может быть постигнуто скудным разумом, — чинно сказала Эрин. — Мастерство фоморов поразило мое воображение. Я впервые вижу, чтобы столь простая линия была так сильна.

— Это? — принц стянул с головы шлем, и ветер радостно накинулся на его длинные волосы. — Мне радостно это слышать.

Он снял с пояса нож, и прежде, чем Эрин успела издать хоть звук, отделил от поверхности оба золотые кольца с вписанными в них лебедями. На шлеме остался от них слабый светящийся след.

А брови его иначе, чем крылатыми, не назвать.

— Если бы у меня был тигель и немного золотой проволоки, я бы сделал из них серьги, и то был бы лучший дар.

Эрин сделала шаг назад.

— Если ты думаешь, что мое слово поможет твоему посольству, то знай — отец не слушает меня, он и мать мою не слушает. А просто так мне стыдно брать. Это слишком дорогое.

— Но ведь не дороже встречи.

И нечего ей вдруг стало возразить. Только вынула иглу из рукава, где у Эрин была привычка ее носить, и, недолго думая, выдернула волос. Узел, петля, два стежка — уши-то у Эрин сызмальства проколоты. Одно кольцо к правой мочке, второе к левой — руку видно, бог какой-то направлял, потому что и зеркала не понадобилось. Знала, что получится без крови и мыслей о беде, и получилось ведь.

— Золото к золоту, — мягко сказал принц.

Ох. Надо же было так ошибиться. Трогая пальцем мочку, обнаружила, что пришла их не летящими навстречу, как они к шлему были приклепаны, а наоборот, расстающимися. Дурной знак, дурной!

— Это ничего, просто они встретятся чуть позже, вот только голову облетят.

И почему-то посмотрел на север, и брови свел. И плечи у него напряглись.

— Пусть это будет подарок от мастера мастеру. Я видел вышитые тобой трилистники: тут надобно было великое терпение и большое искусство.

— Трилистники! Сравнил золотую работу с льняной ниткой, крашеной шавелем! Я этих трилистников вышила столько, что хватило бы всю эту равнину клевером засадить.

— Если так, значит, верно было то пророчество, что вчера над пиром носилось, когда тут делили шкуру неубитого фомора?

— Не всякую глупость следует повторять за филидом, — запальчиво крикнула Эрин и покраснела. — Филид — человек, и зависит от сильного. Филид бывает пьян. Как может Эремон получить всю землю, если он даже не старший сын, а старший сын — Донн, и у него уже есть жена?

— О нет, не скажи. Аморген — сильный филид, один из сильнейших, он зря не скажет. Даже если до того, как Слово было Изречено, оно и не было истинно, после того, как оно отзвучало — никуда не денешься. Кто бы ни был тот Донн, мне его заранее жаль. Пророчества — игра для сильных. Я и сам не прочь иной раз в нее сыграть. Знала бы ты, как славно стоять здесь с милой девушкой, не думая ни о каких пророчествах, которые куда как невелики в последние дни.

С моря потянуло холодом, бирюзовые волны завились в барашки, клочки черных туч понеслись по небу. Или это был дым? От очага пахнет иначе, чем о пожарища. Они и не заметили, что стоят так близко, что ни милесианам, ни Фир Болг не понравилось бы, если бы они это увидели.

— Скажи мне, что все будет хорошо.

— Все будет хорошо, — откликнулся принц, не задумываясь. — А как же иначе? Конечно, люди, демоны и боги рвут друг друга в кровавое мясо по причинам, в которых не разберутся потомки... а если и разберутся, то изумятся и скажут «не стоило того»... но трава зелена, волна наплескивает на берег, солнце нагревает камни, тени от облаков падают на долину, твои глаза как речная вода — прозрачны так, что видны пестрые камушки и быстрые рыбки. Если мир рухнет, ты вышьешь его заново: каждую травинку, каждую птицу в небе. Все еще живы, кроме тех, кто умер раньше. Разумеется, все будет хорошо.

— Карр, пернатый! Думаешь, эта дева снесет тебе яйцо?

Большая ворона, на этот раз черная, сидела на парапете и смотрела на них, склонив голову набок. Эрин стало не по себе под ее умным взглядом, и даже Фионнаклайне явно нехотя сделал шаг назад.

— Приветствую тебя, великая королева.

— Будет битва, — сказала ворона. — Войска выдвинулись к Маг Туиред⁷. Сказано, что это будет великая битва, из тех, что решают судьбы мира. Фоморы проиграют.

— Кто сказал, что исход предрешен?

— В битву вовлечены слишком большие силы. Наши филиды обратят против вас горы этой земли, и те засыпят вас камнями. Против вас обернутся реки — и вы не сможете утолить жажду. Мы также научились направлять огонь, и будь уверен, мы направим его против вас. Век фоморов истек, вам следует удалиться под защиту Ллира, который никому не враг — он обещает вам прибежище там, откуда вы вышли когда-то.

— Зачем ты говоришь мне все это, великая королева? Ты хочешь посеять в душе моей страх? Или ты думаешь, я усомнюсь в доблести Великого Фомора?

— Нет, — сказала ворона и посмотрела в сторону, словно ожидала подмоги своим словам, или же не знала, с чего начать.

— Нет, — повторила она. — Но есть некий план, придуманный не мной. Я не сомневаюсь в твоей храбрости, Фионнаклайне, и в пользе, которую ты принесешь своим. Но этот план предусматривает, что ты не выйдешь на битву.

— Ты, должно быть, шутишь, великая королева.

— Я не умею шутить, и ты это знаешь. Я тебе как птица птице говорю — прислушайся. А мы не выпустим в поле твоего племянника Луга. Тебе ведь не надо разжевывать, что это значит?⁸

По лицу было видно, что Фионнаклайне ошеломлен.

— Туата Да Дананн ценит меня слишком высоко, — сказал он. — Я думал, я способен только Оэнгусу перья пощипать. Чья это идея?

— Идея Диан Кехта, и речь не об уроне, который можешь нанести ты. О тебе нет пророчества, и я думаю, ты должен быть счастлив. Диан Кехт уже приготовил маковый отвар для Живого Копья Луга, чтобы то не проснулось к битве.

— Зачем это ему? Если ты объяснишь, я, может быть, пойму. Вывести Луга из боя — это большое искушение. А Нуаду снять не пробовали?

— Не шути, мальчик, или шути умнее. Битва — кровь Нуаду, ей одной он жив. Не будет Нуаду — не будет и битвы, а не будет битвы — не будет и короля Нуаду. Есть... пророчество, да, истинность которого подтверждена здравым смыслом. Если мы истребим вас, или же вы покончите с нами, следом придут те⁹, кто сле-

⁷Ирландская мифологическая история знает две битвы при Маг Туиред. В первой из них племя богов Туата Да Дананн разбило племя Фир Болг, во второй Туата Да Дананн победили фоморов. Здесь речь идет о второй битве.

⁸Предсказано, что Великий Фомор, отец Фионнаклайне, падет от руки своего внука Луга. Туата Да Дананн действительно пытались удержать Луга от боя, мотивируя тем, что он слишком ценен для племени.

⁹Сыны Мил Эспейн победили Туата Да Дананн в битве и стали пятой волной завоевателей Ирландии. С них началась эпоха владычества людей.

дает с победителем то же самое, что тот сотворил с побежденным. Нам следует остаться двумя силами, чтобы не пришла третья. Если бы мы нашли, кого еще разменять, мы бы сделали это, но мало кого можно убедить, когда копыя ударяют в окованные медью щиты, и кровь в висках отвечает им громом.

— Почему бы тебе самой не выйти из боя, о Морриган? Ты много вешишь.

— Есть те, кто может это сделать: как ты. Есть те, кто в плену судьбы. Меня несет ураганом, а ты мог бы подняться над бурей. Уверена, твой отец согласился бы.

— Почему бы тебе тогда не сделать это предложение ему? Я не могу — без ущерба для чести.

— Мальчишка. Дурак. Сохранение миропорядка против какой-то твоей чести! Разве твой отец прикажет тебе спасти его жизнь? Или ты не знаешь Балора? Думай, и лучше бы тебе надумать что-нибудь хорошее!

Ворона сорвалась с парашюта и канула вниз. Фионнаклайне перегнулся ей вслед:

— И передай Оэнгусу, что он плагиатор!

* * *

Нормальное утро после пира началось для мужчин с головной боли. Солнце стояло уже высоко, когда люди, милесиане и Фир Болг, зашевелились, поднялись на нетвердые ноги и потянулись к колодцу утолить жажду, стараясь держаться по возможности в тени и прикрывая глаза от света. Во дворе, прислоненные к стенам, стояли вчерашние фоморы из свиты, ничего не делали без приказа, только головы поворачивали из стороны в стороны и тихонько посвистывали. Раздражали невероятно.

Самые крепкие затем собрались в зале закусить остатками вчерашней трапезы и досадливо морщились, когда что-то с грохотом падало, или подающие рассол женщины перекликались между собой.

Эохайд молча страдал, сжимая голову руками: едва ли кому было здесь хуже, они с Милом вчера начали первыми. А Милу, похоже, хоть бы что. Не берет его ни море, ни пиво, ни битва. Впрочем, в битве мы его пока не видели.

— Что ты ответишь фомору? — начал он, садясь близко.

— А? Если они победят, а мы не явимся на поле, нам потом туго придется. Но как... не вовремя.

— Слушай! — Мил наклонился ближе. — Все вовремя. Мой филид сказал, а он зря не скажет. Не надо помогать нелюдям, ни тем, ни этим, а лучше всего взять фоморыша и держать, тогда его папаша, глядишь, сговорчивее будет.

— Ты, помню, вчера еще с Балором не собирался разговаривать. Да я б тебе и не советовал: у Балора один глаз, а второй ядовит. Если он им посмотрит, все умрет, что он увидел.

— Если сделаешь так, те вторые нелюди, дети Дану, или как их, будут тебе благодарны. Кто сейчас сильнее, фоморы или те?

Эохайд с отвращением посмотрел на квадрат света, ползущий к нему по земляному полу.

— Фоморы всего лишь чудовища, а дети Дану — боги. Фоморы... фоморы были всегда, а Туата пришли и отняли у нас нашу землю. Мы никогда не бились с фоморами.

— Аморген говорит, время фоморов ушло, а он зря не скажет. Для Туата, мол, взошло новое солнце, что бы это ни значило. Зачем тебе плевать против ветра? А Туата Да Дананн решат, что ты их верный союзник, и станут тебе доверять.

— Скажи, парень тебе просто не нравится.

— И тебе б не понравился, если бы ты смотрел на него и на свою дочь. Или она с твоего ведома всем предлагается?

— Эй, ты это... полегче про мою дочь!

— Она за моего сына сговорена, меня не меньше твоего заботит, на кого она глядит. Ты уж, Болг, выбирай одну сторону, и ее держись. Иначе я к тебе спиной повернуться не рискну.

Эохайд Болг был, скорее всего, удивлен тем, что его дочь вообще куда-то смотрит, кроме как на полотно с вышивкой, но филид Аморген, стоявший у Мила за плечом, кивнул согласно и важно. Дескать, и впрямь пришлый фомор поймал пророчество, которое носилось вчера, как птица под стропилами, и теперь сам в эту игру играет, а он, Аморген, ненужного не скажет.

— Так он же не один, с дружиной...

Мил сжал ручищу в кулак, оттопырил большой палец и выразительно чиркнул им.

— Скажут, что это злодейство.

Пришлец не стесняясь фыркнул.

— Ты видно, всю жизнь тишком просидел, боясь разозлить тех или этих. Злодейством назовут любое содеянное, коли оно кому к невыгоде окажется, а иначе не бывает. Ну а если ты не станешь участвовать, я сам все сделаю, моих людей здесь больше, мой сын твой наследник — через твою дочь, а покуда его нет — я за него слово держать буду.

Все оказалось всерьез. Так или эдак, а все одно свершиться делу под его крышей.

— Ладно, — сказал Эохайд скрепя сердце.

* * *

Фионнаклайне спустился с крыши, до отвращения сияющий и трезвый, с явным намерением продолжить начатый им накануне разговор с Эохайдом. На площадке второго яруса ему пришлось прижаться к стене, чтобы пропустить мимо себя несколько копейщиков, которых за какой-то надобностью послали наверх. Часть воинов выбралась на крышу, а другая часть, к изумлению Эрин и младших, встала в их комнате. Еще несколько отправились охранять супружеский покой вождя Фир Болг, днем обычно пустующий.

На дворе празднующиеся милесиане невзначай приблизились к фоморам, кто-то даже заговорил с ними прежде, чем сунуть нож под ребра или полоснуть по горлу. Воины-фоморы повалились, как снопы, тихо и удивленно

присвистнув. Люди у Мила были проверенные, и знал он, что маху они не дадут. Преуспели, правда, не все: кое-кто из пришлых пустил в ход фоморские копы, поражающие синим пламенем, и теперь уже охваченные им милесиане истошно вопили перед смертью и дергались, и рассыпали вокруг себя искры.

— Бегите, принц!

— Спасайтесь, принц!

Фионнаклайне отскочил в один прыжок так, что оказался к стене спиной, ладони его скользнули к поясу, но не нашли там ничего: клинки он накануне отдал в руки Эохайда жестом доброй воли. Лица и бороды против него колыхались, и глаза был белыми от ненависти, а позади всех стояли филид Аморген со своим господином, и потерянный Эохайд, который так или иначе терял все.

Принц-фомор отстранялся назад, кидая по сторонам острые взгляды в поисках чего-либо, что он смог бы использовать как выход, и когда казалось, что протянутые руки уже ухватят его... исчез.

Воины отшатнулись назад, опасаясь угодить под чары, но филид заорал:

— Ни с места! Тут он. Под ноги глядите, ему мышью перекинуться — что другому яблоко съесть!

Все, как послушные дети, устали себе под ноги.

— Свету сюда! — распорядился Мил, и люди Эохайда послушно побежали за факелами.

Никакой, даже крохотной мыши под стеной не было.

— ...ну или мухой, — добавил Аморген. — Если мухой, то уже упустили.

Принесли огня, и еще вдвинули под низкую арку входа нелепое, на быструю руку сколоченное сооружение: будто бы рамку из жердей в рост человека, вставленную во вторую такую же рамку — поперек, и все на четырех маленьких деревянных катках-колесиках. Аморген направил огонь перед собой, до мельчайших морщин вгляделся в стену, возле которой был потерян Фионнаклайне, плотоядно улыбнулся и сразу принялся командовать, кому где теснее встать.

Люди встали плечом к плечу, опасно выставив перед собой пики и оставив меж собой узкий проход, куда неумолимо двигалась клетка.

— Там он, — сказал филид Милу. — Только обернулся невидимым, но тень его — вон она, на стене. Приприте его клеткой, а там вяжите, ему деваться некуда.

Клетка придвинулась к стене так плотно, что, казалось, человеку никак не поместиться меж ней и выпцербленной каменной кладкой. А потом случилось неожиданное. Фионнаклайне возник внутри, но на кратчайший миг, схватившись руками за верхние перекладины, и с недюжинной — нечеловеческой! — силой рванул их в стороны. Милесиане и Фир Болг не то, что отступить, вздохнуть не успели, как в обеих руках его оказалось по деревянной раме.

Удар, еще удар — в одну сторону, и одновременно с левой руки в другую! Крики боли, обиды и злобы, а вокруг принца миг оказалось пустое пространство.

Он ринулся вверх, взлетев по лестнице и даже не коснувшись веревочных перил, оказался в девичьих покоях, где Эрин вскочила, уронив под ноги шитье, но не задержался там, а устремился дальше, на самую крышу.

— За ним! Ему оттуда некуда деваться! — взревел Мил, взявший все в свои руки, потому что от Эохайда проку было чуть. Его люди и люди клана Болг замешкались, переступая через своих стонущих собратьев, принявших на себя удар, и этого времени Эрин хватило, чтобы тоже выскочить на крышу: после Фионнаклайне, но перед воинами, разъяренными и перепуганными одновременно.

Так и встали, и замерли. Фионнаклайне на самом краю, только ветром поддерживаемый в спину, ошетилившаяся оружием толпа у лука, и Эрин, как дура — между ними всеми.

— А какая, собственно, разница, — сказал вслух Мил, — пленный или мертвый? Отойди, девушка. Он прячется за тебя.

Едва ли Эрин его услышала. Все было так неправильно, так плохо, что она непременно исправила бы это, если бы сообразила — как.

— Не бойся, — сказал Фионнаклайне. — Они думают, я как они, но я не играю в заложников. Не с тобой. Увидимся когда-нибудь. Прощай.

И сделал шаг назад, в пустоту, где море кидалось на камни.

Эрин бросилась вперед и успела прежде других, потому видела, как он пал: головой вперед, отведя руки назад и чуть в стороны, и с чего-то вдруг взяла, что ему нравится падать. Ветер падения вырос в белые перья — сперва на плечах, потом по всему телу, во всяком случае, она была уверена, что видела это. Лебедь обогнул башню, дерзко поднявшись вровень с ее верхней площадкой, словно обнял ее вместе с девушкой, будто был и не птицей вовсе, а снежной бурей, и свысока глядел на всех, кто целился в него из луков.

— Не стрелять! По лебедям не стрелять!¹⁰ — крикнула Эрин, чувствуя, как сердце ее пропадает в вихре белых перьев, а изумляться тому, что ее послушали, она станет после.

Небо было все в тяжелых тучах, и низкое солнце било в просвет меж ними и морем. Плотные на севере, снизу облака были подсвечены темным огнем.

* * *

«Я не стану женой Эремона, покуда свадебного платья не сошью», — сказала Эрин, и ее опять послушали, как тогда на башне, и вот она достала белого полотна, самого тонкого, какое нашлось, и склонила голову над шитьем. Ночью жгла лучину, утром ловила первое солнце. Что-то изнутри словно жгло ее, подгоняло. Узорчатые переплетения стлались по подолу: бледные, схваченные инеем, то ли травы, то ли буквы неведомые, сложные, и пальцем по ним ведя — не проследишь, наливались то ли жаром нутряным, то ли светом нездешним.

¹⁰Ирландские мифы полны историй о превращениях в лебедей, поэтому лебедь там традиционно птица неприкосновенная.

Вот и получите то, о чем сами же напророчили! С места не сойду, пока не вышью все, о чем я думаю, стоя на крыше и глядя окрест.

Все должное свершилось. Пал в битве Нуаду Среброрукий. Пал от руки внука Балор Могучий Удар, а Брес откупился. Фоморы отступили в морские глубины и оставили Туата Да Дананн владеть зелеными землями и пологими холмами, и прибрежными скалами, и реками, полными лосося. Даже богини битв не все пережили Маг Туиред.

Эрин подняла голову и перекусила нить, подняла работу к глазам. Многомного мелких квадратиков, целая цепь вытянулась из них по поясу: часть каждого темно-лиловая, как небо ночное, часть — срозова-багряная, точно лизнул тучи сполох заката. На квадратике спираль. А это лебедь в небе вычертил и отсвет зари крылом поймал. Никто не догадается про что этот узор.

Времени было много: ее не тревожили. Мил Эспейн послал за сыном, и дорога, видимо, была долгой. Отец не мог забыть, как его в его собственном доме отодвинули в сторону, и как Фир Болг опустили луки, когда им приказала его дочь, чье слово прозвучало тверже, чем его — так и не прозвучавшее.

Потом они все же вернулись. Подъехали к крепости плотной толпой, покрытой пылью, многие были ранены. Милесиане побывали в битве, и та изрядно прорядила их.

— Земля теперь наша, — сказал Мил, вступая в зал, а за ним шли двое его сыновей-наследников, светловолосые воины, Эрб и Эремон. Старший, Донн, пал в битве. Дорогая цена, но и дети Дану свою заплатили. Их время ушло, и как некогда фоморы скрылись в морских глубинах, боги нашли себе новую вотчину под холмами. Мир разделился натрое, и лучшая его часть досталась людям.

Все им досталось, и сейчас они хотят получить свою невесту.

Тут-то Эрин и поняла, что время пришло, надела новое свое платье и ушла на крышу, где встала, сказав, чтобы не подходили близко, не то ей до краю только шаг. Те и замерли подле лестницы, а Эремон не знал, что делать с такой женой.

Эрин подняла лицо к небу, почувствовала себя столь легкой, что ветру и унести ее недолго. Кольца-лебеди в ее ушах качнулись, словно устремились друг к дружке, зная, что встретятся где-то там, за затылком, где не видит глаз. Взвихрились рукава, обшитые маховыми перьями: перья эти она золотом — своими волосами! — шила.

Замуж она так выходила, отдавая земное тело человеку, а душу летящую и дух — богу любви к жизни.

Море горело жидким серебром.

06.12.07

КРИСТИНА ГАУС

ПО ЭТУ СТОРОНУ МИРАЖЕЙ

Я ПРИНАДЛЕЖУ К ТЕМ В ОБЩЕМ-ТО НЕРЕДКИМ ЛЮДЯМ, течение жизни которых определил случай. И пусть говорят, что случайностей не бывает и что они есть выражение предопределенности, сейчас, оглядываясь назад, мне иногда становится на мгновение страшно — а что, если бы тот снимок не получился «зеркальным»? Несомненно, я бы все равно когда-нибудь побывал в Теклонэ: уже тогда, в середине девяностых, она считалась наиболее традиционной деревушкой берберов во всем Тунисе. И я бы все равно увидел расстилающуюся неподалеку от нее проплешину — дно пересохшего водоема, над которым в любой час дня можно наблюдать незамысловатый мираж: полноводное озеро глубоких, темных тонов — словно сама природа решила сохранить давно исчезнувшее в своей памяти. И я бы непременно сделал несколько снимков с собой на фоне миража.

Но что, если бы один-единственный из них все же не получился «зеркальным»?

* * *

Я долго, очень долго рассматривал его. Позже мне доводилось видеть и более странные снимки, но тогда я был просто сражен. На фотографии я, улыбаясь, махал рукой. А за мной, повернувшись спиной и так же подняв в приветствии руку, стоял не кто иной, как я сам: будто на шаг назад от моего плоского воплощения поставили несколько наискосок невидимое зеркало.

— А-а! — произнес из-за моего плеча с удовольствием Ялмари; я вздрогнул от неожиданности. — Зеркальная фотография! Здорово, правда? Они очень редко получаются, и обычно возле Теклонэ: наверное, там, на плато, как-то по-особому свет преломляется. Помню, когда я впервые такую увидел, тоже долго не мог от нее оторваться. А у тебя и вовсе примечательная получилась: очень четкая. «Двойники», если хочешь знать, обычно прозрачны, сами будто миражи. Твой же словно из плоти и крови. Вообще, странная штука — миражи, — добавил он, щуря немного косящие глаза. — Недавно, тоже у Теклонэ, я видел нечто такое!.. Представь: желтая, растрескавшаяся корка земли под ногами. И вдруг над ней и совсем неподалеку от тебя — скалы, бухта, темная вода и огромный, ослепительно белый корабль на рейде. Я даже домишки на берегу видел — все красные, один белый. Не веришь, поклялся бы, что этот белый дом — отель моей сестры Свенты, бухта — та самая, что у нас в Симониemi, а корабль — ледокол «Сампо»: он туристов вдоль побережья возит. Ну, как тут друга Горацио и мудрецов не помянуть?

Покачав головой, он принялся разбирать институтскую почту.

Странная фотография словно околдовала меня. Я положил ее под стекло рабочего стола и решил при первой же возможности съездить к пересохшему озеру: чем черт не шутит, быть может, удастся сделать еще одну. Да и на Теклонэ хотелось взглянуть без обычной для туристических групп спешки.

Возможность предоставилась далеко не сразу. Кто сказал, что в южных странах мало и плохо работают? Мы с моим приятелем-финном — самые молодые сотрудники карфагенского отделения Тунисского археологического института — делали, конечно, часовой перерыв на сиесту, но в прочем работали на износ и зачастую без выходных. Только несколько недель спустя у меня, наконец, выдался свободный день, чтобы съездить к пересохшему озеру.

Дорога подходила к самому его краю, и машины на ней появлялись очень редко, различные еще издали по огромным желтым облакам пыли. Я добирался автостопом, и когда сошел с грузовика, солнце уже стояло в зените и палило невыносимо. За исключением вздымающейся в некотором отдалении колоссальной скалы, на вершине которой, напоминая шапку снега, жались друг к другу белые коробчатые строения — Теклонэ, вокруг расстилалась пологая, унылая местность: растрескавшаяся земля да разреженные заросли кактуса-опунции. На дне же бывшего озера вовсе ничего не росло.

И ни души вокруг.

Знакомый мираж объявился почти сразу, как я ступил на проплешину, и на этот раз я даже различил в темных водах пологий, округлый остров, от которого словно исходило золотистое сияние. Видение волновало душу. На миражи, даже самые простые, вообще невозможно смотреть равнодушно. Есть в них нечто удивительное, не-по-эту-стороннее: во всяком случае — нечто, никак не уместяющееся в сухое определение «отражения». Я любовался водной гладью, пока от жары и сияния колышущегося воздуха не разболелась голова, и только тогда принялся за снимки. Отсняв почти всю пленку, свернул в сторону деревушки.

Там, где идущая от дороги тропинка едва-едва начинала подниматься вверх, расположилось в тени опунций несколько местных ребятишек — светловолосых, голубоглазых. Они смотрели на меня с непонятным, жгучим интересом, самый младший даже приоткрыл рот. Я поздоровался и присел к ним передохнуть. Они не сводили с меня глаз. Потом ближайший ко мне мальчуган вытащил из кармана четыре кактусовые фиги, которыми, собственно, были усыпаны все опунции вокруг, протянул мне и сказал с вызовом:

— Купи. Сладкие.

Я посмотрел на него. Достал мелкую монетку.

— Конфеты есть? — деловито осведомился он, передавая мне фиги. — Ну, или жвачка? — добавил более примирительным тоном.

Я покачал головой. Самый младший тихонько вздохнул. Некоторое время между мной и ребятней царило молчание.

— А почему ты сюда не с дороги пришел? — выпалил неожиданно самый младший.

— А что?

— Ну, здесь же в округе — везде духи, — ответил он серьезно. — Если не знать, как себя с ними вести, то они рассердятся и смертную болезнь нашьлют, или уведут куда.

— Как уведут? — не понял я.

— Ну, далеко уведут. Так, что больше не вернешься назад. Как иногда караваны в пустыне.

— И как же надо себя с духами вести?

— Это только у нас в деревне знают, — ответил он гордо. — Если бы это все знали, нас бы давно с нашей земли согнали. Вот как северных, — он неопределенно махнул рукой, и его друзья согласно закивали. — Их деревня тоже на скале стояла, но не на землях духов. А вообще-то, если голова болеть начинает — значит, ты дорогу духу перешел и он сердится. Тогда надо быстро уходить.

Мы помолчали. Внезапно мальчишки вскочили и ловко, словно ящерики, исчезли в кактусовых зарослях. Немного погодя на тропинке бесшумно появилась босоногая девчушка с большой кастрюлей на плече. Она с осуждением посмотрела туда, где только что сидела моя компания, и осторожно, чтобы не расплескать воду, пошла дальше к деревушке. Я подождал, не вернуться ли мальчишки, но они явно занялись другими делами, поднялся и пошел следом за маленькой берберкой.

Немного ближе к деревушке передо мной раскинулся чудесный мираж: широкая, могучая река, отчего-то напомнившая мне Волгу. Я остановился, чтобы сфотографировать ее, и сразу же понял, что это очень странный мираж, потому что он на глазах начал менять очертания и вместо реки передо мной предстало море. Самое настоящее море, и на далеком берегу — гора столь характерных очертаний, что я, как Ялмари, готов был поклясться, что вижу перед собой Этну. И только вспомнил о Ялмари, как мираж вновь текуче изменился и я увидел... скалы, бухту, морскую воду того непередаваемого цвета, какой она бывает только во фьордах северных стран, и горсть рассыпанных по берегу красных домишек — один белый. *Симониemi*, словно услышал голос Ялмари. Разве только что корабля на рейде не было.

Я застыл от удивления. Потом принялся лихорадочно делать снимки. Мираж не исчезал и более не менялся. Висел все так же удивительно близко от меня, слегка колеблясь в раскаленном воздухе, и я, чувствуя, как солнце жжет шею и мокрая рубашка противно липнет к спине, невольно представил себе, как стою на манящем берегу, у самой воды, и, подставив лицо бризу, полной грудью вдыхаю живительную морскую прохладу.

...Адская боль ударила в виски, в глазах потемнело. Я охнул, осел на землю — мерзлый, невозможный холод от нее продрал меня до самых костей. Когда боль отпустила, и в глаза вновь вернулся свет, я понял, что холод от земли имел свою, ужасающе реальную, причину.

Я очутился на высоком, голом холме. Рядом возвышались ровным кругом массивные камни, внизу шумел на осеннем ветру сосновый бор. А у

близкого, неприветливого моря уютно устроился маленький городишко, все дома красные — за исключением одного.

Последовавшие недели были как семь кругов ада. Ялмари не ошибся: городок на самом деле оказался Симониemi, а белый дом — приятным семейным отелем, но о проведенных в нем часах я до сих пор не могу вспоминать без внутренней дрожи. И все еще не понимаю, какому чуду обязан тем, что после всех мытарств с документами и полицией не оказался ни в желтом, ни в казенном заведении, а у себя дома, в Питере, отделавшись в конечном итоге всего лишь — пусть и изрядным — штрафом.

Бывают в жизни ситуации, когда лучше бы перекреститься три раза и дальше пойти, радуясь, что все обошлось. Но человек — странное существо. В самой природе его словно заложен некий неутомимый и, наверное, священный зуд, почти инстинкт — инстинкт любопытства, инстинкт постижения. Это я осознал, вернувшись в тишину своей питерской квартиры. Я пытался, я честно и отчаянно пытался жить изо дня в день, потихоньку, полегоньку — так, будто ничего не произошло. Смотрел на блеклые, словно смущенные, и жирные — равнодушные — печати на невразумительных бумагах, которые насобирал по пути домой из Финляндии, и перебирал в памяти все неприятности последних недель. Но глухое, саднящее чувство вины перед самим собой — что, столкнувшись с удивительной загадкой, не попытался ее разгадать — не покидало меня.

Однажды зазвонил телефон, и в трубке послышался жизнерадостный голос Ялмари. Ялмари звонил часто. Он умел убеждать, а я хотел быть убежденным. И так получилось, что не прошло и пяти месяцев со странного путешествия, перевернувшего всю мою жизнь, как я вновь прошел таможенный контроль в одном из тунисских аэропортов.

Не иначе, как Ялмари оказался кому-то кум, потому что меня вновь восстановили в институте. Последние события еще крепче сдружили нас, и более увлеченного единомышленника, чем он, было невозможно себе представить. У нас была одна только тема для разговоров — миражи у Теклонэ, и одно-единственное времяпрепровождение — пополнение зеленой папки, в которую мы собирали сведения о них.

Папка постепенно разбухала, но чего-то по-настоящему ценного — такого, что можно было бы положить кому-нибудь на стол — в ней почти не прибавлялось. В чем мы убедились однозначно, побывав в Сахаре и проехав старыми торговыми путями вплоть до Алжира и Атласских гор, так это в том, что миражи у скалы внешне несколько отличались от «обыкновенных». Более всего они походили на объемные изображения, быстро изменялись, но при этом никогда не переходили в фата-моргану. Они были пугающе реальны, и я со смешанным чувством растерянности и страха заметил, что временами вижу их там даже тогда, когда Ялмари ничего не замечал. На фотографиях, сделанных на плато, кроме достаточно редких «двойников» иногда

различались столпы света. Мы делили их на кочующие и постоянные, но и те и другие можно было различить даже невооруженным глазом, если смотреть от них несколько вбок или, на худой конец, в зеркало. Я никогда не приближался к ним — сам не знаю, почему. Быть может, причина была в том, что в окрестностях Теклонэ меня не оставляло чувство некой одухотворенности, избранности этого места. К нему нужно было приобщиться душой, чтобы понять его. Его нужно было почитать. Ялмари не был столь сентиментален. Он бесстрашно становился в лучи, и самодельной, и взятой в институте техникой пытался замерить их показатели. Но никаких аномалий нам на плато установить не удалось. Разве только иногда, очень редко, вдруг беспричинно начинало шалить магнитное поле. Ялмари тогда радовался как ребенок, и в глазах его появлялся азарт гончей, взявшей след.

В другое время известие, что его посылают на повышение квалификации в археологический институт Санторина, привело бы Ялмари в бурный восторг. Теперь он уезжал неохотно, лишь по необходимости.

Его рассказ я положил в папке на самый верх.

«Знаешь, почему я решил стать археологом? — сказал он в первый же вечер моего возвращения, уже почти охрипнув от курева и нескончаемых разговоров. — Ты же видел Симониemi? Ну, дыра дырой. Одни рыбаки, да еще зимой туристы на лыжи приезжают. Мне бы тоже в рыбаки податься, ну, или отель на себя взять. А я в город уехал, учиться пошел, да еще на археолога. И все почему? — его глаза перестали косить и остановились на одной невидимой мне точке. — *Симэкен*. Чертов холм. Ведьмин холм. Тот самый, на котором ты очутился. Он у нас в округе не на добром счету. Старики рассказывают, в древности там капища были: какое бы племя ни приходило, всякое своим богам именно там поклонялось. Предки наши так, почитай, до самых Наполеоновских войн старые обряды именно там справляли, правда, тайно — пока какой-то усердный священник это дело не прекратил, а на макушке холма часовню не выстроил. Да только сгорела она в тот же год. И следующая сгорела. Больше уже ничего на Симэкене не строили: видать, не зря на нем даже бурьян не растет. Ночами к холму никто не ходит. Дьявол, говорят, на вершине от темных дел своих отдыхает. И еще. Чужие люди там время от времени объявляются — вот как ты объявился. Рассказывают, например, как давным-давно один черный как сатана мужчина с холма спустился, и черная же женщина с ним. Голые. Только у мужчины срамное дело его в палку выдолбленную, что на бедрах веревкой крепилась, упрятано было. Ну, что о судьбе их сказать? Люди в старину скоры на расправу были... Еще про многих «гостей» у нас старики рассказывают. Многое, верно, выдумка, но кое-что и правда. Грудастая ведьма, например, на самом деле была, это я точно знаю. Появилась она лет двести тому назад, в лютую стужу. Одетая была чудно: в меха, шубу, высокую шапку и высокие сапоги — все ярко вышитое. На шубе у нее там, где груди, два медных круга прикреплены были, потому и прозвали ее после Грудастой. На поясе подвески разные — фигурки животных, птиц, все из странной кости выточенные. А в темечке топорик засел. По следам видно было, что она словно с неба на вершине

объявилась и только три шага с нее и сделала, а потом замертво упала. Тело ее тайком сожгли и пепел в море бросили. Да вот только дед моего деда, Черный Гусак, продувной мужик был. Он подвески и прочие украшения тайком с тела снял, продать думал. А потом, представь, удача ему в ворота косяком пошла. Он и не стал ничего продавать. Думал, счастье ему вещицы приносят. Старшему сыну передал, а тот своему. Видел я эти вещицы — и с самого детства все мечтал узнать, кто Грудастая ведьма была. Потом этот интерес вообще на древность перешел, вот я и подался в археологию. И знаешь, что узнал недавно? Женщина эта не иначе как из якуток была, и, к тому же, шаманка или «мудрая женщина». Примерно такие нагрудные украшения, как у нее были, «эмий кэ-рэтэ» называются, и для одежды шамана обязательны. Так же и «дэс эмэгэт», простенькая такая медная фигурка, что-то вроде изображения душ умерших и ангела-хранителя одновременно. Да и подвески с пояса в форме животных — зооморфные двойники, так сказать — в классической манере выполнены были и, заметь, из мамонтовой кости. Что там такое произошло, что на мудрую женщину напали — это ведь святотатство невиданное, — теперь, наверное, и не узнать. Но вот после ее появления собрались наши мужики, подумали крепко да и обнесли вершину холма камнями. Ты ведь знаешь, каменные круги в древности защитой от темных сил служили: ограждали от них или в себе заточали. У нас в деревнях об этом до сих пор помнят. И вот двести лет простоял каменный круг, все тихо было, пока ты *возле него* не объявился.

Это Ялмари первым заговорил о том, о чем думал и я: что иные места постоянных появлений «миражей», вероятно, представляют собой часть некой сложнейшей системы сообщений, покрывающей все Землю. «Изображения» при этом указывают на пункт назначения.

«Симониими — наверняка нечто вроде конечной станции. Теклонэ — незначительный узловый пункт: не так уж и много мест можно отсюда посетить», — рассуждали мы, узнав, что над морем у Сицилии (вероятно, во времена создания «портала» там еще была суша) и у Волги в окрестностях Жигулей (конечно, если могучая река на самом деле была Волгой) издревле наблюдаются удивительнейшие фата-морганы. Другие картины миражи на плато показывали редко: черная, наверняка вулканического происхождения, долина; горная гряда где-то в тропиках. Но было и еще что-то, о чем я Ялмари не рассказывал. Изредка мне случалось видеть огромный, прекрасный город. Парящий в небесах, небывалой архитектуры, он не мог быть творением человеческих рук. Но вместе с тем казался столь реальным, что его невозможно было принять за некий побочный эффект действия «порталов» — к которым мы относили «двойников», столпы света, фата-морганы и отсутствие растительности на плато и Симэкене.

«По какому же принципу все эти места соединены между собой? — спрашивали мы себя. — Теклонэ — и Этна, голый холм в нынешней Финляндии, волжский берег? Полезные ископаемые? Культурная значимость в былые времена?». У нас не было ответов. Но мы начали наносить на карту мира места постоянных появлений миражей, и выходило, что они с завидной законо-

мерностью располагались вблизи тех, в которых издревле селился человек; при этом с ними нередко была связана какая-то историческая загадка.

Созваниваясь каждое воскресенье, мы с Ялмари прорабатывали свою теорию о системе сообщений даже тогда, когда он уехал на Санторин. И за все это время только один вопрос старались обходить стороной: кто создал ее, эту несомненно невероятно древнюю систему?

Иногда меня подкалывала совесть. Не только об удивительном, райском городе я умолчал Ялмари — не потому, что опасался его недоверия: он бы наверняка поверил мне. И все же было нечто личное в этих невероятных явлениях, словно скрытое послание, лишь мне одному адресованное.

Ни слова не сказал ему и о старухе Иллиг — но по другой причине. Хотел сначала проверить свои предположения.

Конечно, еще будучи в Питере, я прочитал о берберях, их истории и верованиях все, что только смог найти, и знал, что женщины в их культуре высоко значимы и почитаемы. Но одно дело читать об этом в книгах, и другое — видеть воочию. Старуха Иллиг была той твердью, на которой держался весь клан. Ей исполнилось сто восемь лет, но она первой вставала поутру и несла воду с источника у основания скалы. Себе на стол она ставила лишь оливковое масло и здешние твердые, высушенные на крышах лепешки, и все семьи следовали ее примеру, а если случалось кому-то захворать, то лечились исключительно притираниями мылом, которое Иллиг варила на основе местных трав. Согбенная, до костей иссушенная солнцем, но властная и крепкая старуха бесстрашно обивала пороги различных инстанций. Это благодаря ее усилиям туристы появлялись в Теклонэ только один день в неделю. Дома на скале регулярно подправлялись, ребятишки были опрятно одеты. Во всем, в каждой мелочи совсем иная картина, чем в другой берберской деревушке в тридцати километрах к югу от нас, где дома — святыни берберов — ветшали и постепенно продавались. Где был проложен водопровод и проведено электричество, но детвора бегала оборванная, выпрашивая милостыню.

И Иллиг не признавала меня. Никто не гнал меня из деревушки, но никто и не пускал в дом. Если я о чем-то просил, то мне охотно помогали, но избегали смотреть в глаза — и я понимал, что пока царственная старуха не удостоит меня хотя бы одним словом, мне не будет хода в этот замкнутый мир на вершине скалы. Не знаю, с чего я решил, что она знает что-то о миражах. Это было просто чувство, внутренняя уверенность — но настолько глубокая, что мне даже не надо было подкреплять ее логическими умозаключениями, вроде того, что за те пять тысяч лет, как берберы пришли в Северную Африку, они должны были многое узнать о миражах и научиться жить рядом с ними. И кому же владеть подобными знаниями, как не духовной водительнице древнейшего в этих краях берберского поселения — свидетеля поступи греков и римлян, финикийцев, вандалов и первых из последних завоевателей, арабов, в этих некогда более благодатных землях?

Единственные, кто охотно общался со мной, были ребяташки. В Текло-нэ столетиями женились исключительно между собой, но детвора была на загляденье здоровой, шевутной и любознательной. Незаметно для себя я начал уделять им даже больше внимания, чем плато. Пересказывал им книги, учил понемногу то английскому, то географии, показывал, как смастерить летучего змея, ветряную мельницу или игрушечную катапульту — и записывал из удовольствия все те занимательные истории, игры, считалки, шутки, загадки и поговорки, которыми они так щедро делились со мной.

— Ошибся ты, дружище, со своим призванием, — сказал мне добродушно как-то раз по телефону Ялмари. — Тебе бы в этнографы податься, а еще лучше — в воспитатели. Серьезно, кроме того, что Сангвой сегодня голубую ящерицу приволок, что-нибудь еще случилось?

— Банковская карточка разрядилась, — сообщил я. — Пришлось перед банком отчитываться. Как-никак, вторая за три месяца.

— Да? — произнес Ялмари, и голос его стал странно скучен. — Разрядилась, значит...

Он замолчал. Я не тормозил его: знал уже, что бесполезно. С Ялмари в последнее время творилось что-то неладное. Созваниваться мы стали нерегулярно, говорил он о себе неохотно...

...Пожалуй, из всех детей только к Бахике я не смог найти подход. Но Бахика — это был особый случай. Дети почтительно смолкали, когда маленькой воспитаннице Иллиг — той самой девчужке, которую я впервые увидел с большой кастрюлей на плече — случалось присоединиться к нашему шумному кругу. Я ни разу не слышал, чтобы она произнесла хоть слово, и даже не знал, была ли она нема или просто исключительно молчалива. Временами казалось, будто голос ей не положен, да и не нужен, и чем дольше я за ней наблюдал, тем более мне чудилось, будто миражи — вовсе не загадка. А настоящая загадка, это она — Бахика, в повадке которой было так много от орикса*, берберское имя которого она носила. И когда Бахика тихо и неподвижно сидела в кругу моих подопечных, мне порой казалось, будто у ее худых исцарапанных колен плещется зачарованное озеро — то самое, которое показывал мираж над дном пересохшего.

Как попасть к нему, я узнал случайно — если можно назвать случайной такую разгадку.

Я достаточно хорошо понимал людей в деревушке — в их языке было много слов с латинскими и греческими корнями. И вот однажды, когда сидел у своей палатки и приводил в порядок записки, а ребятня как раз затеяла шумную считалку, меня словно крепко ударили по затылку. Я поднял голову и прислушался. Считал Сангвой. Я слушал считалку, позорно приоткрыв рот. Потом чертыхнулся и начал торопливо рыться в записках. Ну конечно, эту считалку — пожалуй, самую любимую у детворы — я записал одной из первых:

*Орикс, или сернобык — вид саблерогих антилоп, обитающих в Восточной и Южной Африке.

*Башиарпантары — у горы,
Саннаираланы — у воды,
Джуба...*

Я пробежал глазами правую сторону столбца. Она часто варьировалась. Рифма для «башиарпантары» выстраивалась, например, с «великой горой», «много еды» и «убежищем», а для «саннаираланы» с... «озером».

Я принялся лихорадочно перелистывать записки. В считалках, шарадах и загадках было много подобных вставок на «ары» и «аны», но до сих пор я считал их милой бессмыслицей, чем-то вроде «эники-бэники» или «эна, бе-на, раба» наших петербургских дворов.

— Сангвой... — позвал, когда игра закончилась.

— Да, Саша, — с готовностью отозвался он. — Хочешь на мою ящерку посмотреть?

— Нет... да... Послушай, Сангвой, ты сейчас ребят считал. Интересная такая считалка, про гору и воду. Не можешь ее для меня повторить? И как ты еще ее говоришь — тоже скажи.

Он присел передо мной на корточки и, загибая пальцы, начал обстоятельно и с удовольствием перечислять: «джубабашисаннаны — много травы, ванджучинаантары — кони-бегуны». Я торопливо записывал.

Дома сразу же стал звонить Ялмари.

— Слушаю, — сказал тот, когда я уже было подумал, что он в институте. Запинаясь от волнения, тут же начал выкладывать ему свою теорию. Какое-то время Ялмари слушал молча, а потом очень вежливо сказал:

— Извините, вы, кажется, ошиблись номером, — и положил трубку.

Внутри у меня все зазеленело. Ни на секунду не возникло чувство, будто ослышался, будто здесь какая-то ошибка. Нет. Вот оно, пришла с частями гудками пугающая мысль. То, что происходит с Ялмари. Но что?

Поздно ночью он перезвонил сам.

— Ты скажешь, наконец, что с тобой творится? — сразу же спросил я.

Ялмари долго молчал.

— Я теряю память, Сандро, — сказал потом просто. — Вот уже месяц, как меня вырубает по несколько часов в день. Врачи пока не могут найти причину. Я навешиваю по всей квартире бумажки, чтобы постоянно знать... ну, разное, но это не всегда помогает. Думаю, меня просто «разряжает» — вот как твою банковскую карточку: читал где-то, что магнитные поля и память взаимосвязаны. Наверное, колебания у Теклонэ как-то повлияли на меня, и это сейчас проявляется... Давай не будем об этом, ладно? У тебя со здоровьем все в порядке — значит, волноваться нечего. Все само собой придет в норму. Ты лучше скажи, почему звонил? Что-то случилось?

Голос его звучал очень ровно, но в нем было такое напряжение, что я не посмел возразить. Еще никогда с таким трудом не подбирал слова, рассказывая о чем-то. Ялмари слушал внимательно.

— Это идея! — сказал он очень медленно потом, и в его голосе вновь послышались знакомые нотки воодушевления. — Об этом надо хорошо поду-

мать... Постой-ка, что-то ведь я тебе хотел сказать, — прервал он себя. — Что-то важное. Ах да, вот бумажка висит. Слушай, Сандро, а ты, случаем, не спрашивал у того парнишки из деревни, откуда у него голубая ящерица?

— Нет. Почему?

— Потому что в Тунисе они не водятся. Я специально посмотрел. Вроде бы, единственное место, где эти зверушки встречаются — скалы возле острова Капри. Насчет миражей в той округе я пока еще ничего не нашел, но места сами по себе мифологические. Напротив на континенте, неподалеку от нынешнего Неаполя, древние греки себе вход в Аид представляли, в море же — Сциллу и Харибду.

«Потом, — сказал я себе. — Потом об этом».

— Слушай, — спросил осторожно, — а на плато у тебя никогда не болела голова?

— Еще как, — отозвался он удивленно. — А у тебя разве нет? Там же такое пекло было.

Я не нашелся, что ответить. Мы подробно обсудили мою теорию, кажется, оба испытывая затаенное чувство смущения и неловкости, и попрощались.

«Кюри, — подумал я, положив трубку и тяжело опускаясь на стул. — Кюри и Рентген. Она носила ампулу с радием на груди — как талисман, он фотографировался в излучении. Конец известен. И мы тут тоже в игрушки играли».

После разговора я целых три недели не ездил в Теклонэ. И если бы не чувствовал, что Ялмари приходится мучительно преодолевать себя, чтобы взять трубку, звонил бы ему каждый день. Последнюю неделю он вовсе не отзывался. Я мог бы позвонить в его институт, но боялся. Боялся набрать номер и убедиться в том, что пришло ко мне однажды ночью тихой, глубокой уверенностью, опустошив душу. Когда, наконец, поехал на плато, это было так, словно отдавал последний долг другу.

Грузовик мотало на поворотах. В кабине дурно пахло козьими катышками, надрывалось голосом муэдзина радио. Знакомый однообразный пейзаж за окном. Духота.

Башиарпантары, подкидывало меня на ухабах. Что может лучше сохранить старые, быть может, даже потаенные знания, чем повседневность, чем считалки и загадки — священные в древности, а ныне забава детей? У многих народов было так, что ритуальные заклинания и величайшие магические формулы вырождались или умышленно запрятывались вот в такие штрихи обыденной жизни. Абракадабра. Принцип «а розы», упавшей на лапу Азора.

Саннашараланы, казалось, выводил муэдзин. Наверняка это цифровой код: он угадывается в самом ритме строк. Создавая систему мгновенных переходов по всей планете, было бы на самом деле логично запрограммировать «порталы» цифровым рядом. Для каждой точки назначения — свой собственный. Но какой это язык, и как коды попали к берберам? Здешние земли были так или иначе населены еще 300 000 лет назад, и когда берберы пришли сюда, «портал» уже наверняка существовал. Кто же передал им ко-

ды? Каждый ли взрослый член рода понимал или ныне еще понимает их значение? Вопросы, одни вопросы и допущения. Мысли скачут, рвутся.

Джубабашисаннаны, шептала бесконечная равнина. Что произойдет, если произнести на плато код? Наверное, ничего: хотя бы потому, что его звучание могло измениться со временем или же быть умышленно изменено. Древние славяне, например, нарочно иначе выговаривали цифры, выполняя некоторые тайные или связанные с магией ритуалы. Пера, эра, чуха, рюха, пята, сота, ива, дуба, мака, крест — кто ныне догадается, что это один из множества вариантов потайного счета от одного до десяти? С другой стороны, произношение кода могло охраняться каноном...

Ванджучинаантары...

И такая усталость. Многие ли люди видят на плато неразличимые для других миражи? Замечал ли еще кто-нибудь этот райский, парящий в небесах город с тысячами башен и минаретов? Почему я прошел сквозь «портал» и как? И отчего плато щадит меня?

В этот раз я не пошел к деревушке, а остановился у того места, откуда однажды увидел Симониими. Некоторое время бездумно разглядывал окрестности, прислушиваясь к всепоглощающей тишине. Наконец, заставил себя встряхнуться и, невольно полусшепотом, произнес код — левую часть той строки, которая рифмовалась с горой, обилием еды и защищенностью. Ничего не произошло. Я подождал немного. Потом сел и принялся упрямо повторять на разные лады все то же слово. Минута проходила за минутой. По-прежнему ничего не происходило.

И вдруг из зарослей опунций неслышно появилась Бахика. Личико у нее было непривычно торжественно, глаза печальны. Она села рядом со мной и протянула мне цветок.

Это был очень красивый цветок, очень странный — и тяжелый. Такие растут, верно, в тропиках. Он напоминал чем-то подсолнух, но шероховатая мякоть его была конической формы, а бесчисленные длинные и твердые тычинки, совершенно лишённые аромата, были нежно-розового цвета, становясь сиреневыми по краям.

Бахика смотрела на меня.

— Это очень красивый цветок, Бахика, — сказал я тихо. — Самый красивый из всех, какие я только видел. Спасибо.

Она грустно улыбнулась, легонько погладила меня по руке, поднялась и пошла прочь. Я смотрел ей вслед.

Значит, не зря мне чудилось, будто у ее исцарапанных колен плещется зачарованное озеро.

У меня пропало желание шептать «заклинания». Но почему-то, когда вновь взглянул на чудо в своих ладонях и только коснулся мысленно строки, передо мной начал медленно проступать мираж. Безмолвно и неподвижно я наблюдал его величественное появление.

Это на самом деле была гора — великая гора. Но вовсе не Этна, как предполагал. Я никогда не видел ее живую, но сразу узнал по многочисленным

фотографиям; узнал даже ракурс, с которого смотрел на нее. Гора называлась Тейда и возвышалась на одном из островов, когда-то величавшихся Блаженными, или Счастливыми. И смотрел я на нее из долины Гуймар, в которой на несколько колеблющемся изображении возвышались не жалкие остатки ступенчатых пирамид, а словно только что возведенные. В научных кругах давно дискутировалось и было практически принято предположение, что берберы являются предками истребленного испанцами племени гуанчей — высокорослых, светлокожих и голубоглазых людей, воздвигших некогда на Канарских островах эти столь похожие на сооружения инка и майя пирамиды. Предположение основывалась среди прочего на общности языков. Считалось, что берберы преодолели все расстояние от Северной Африки до островов в тростниковых лодках — хотя между континентом и островами нет перевалочных пунктов, и раскопки показали, что гуанчи не были знакомы даже с примитивным мореходством.

Великое Небо! Какие, к черту, лодки!

Я просидел перед миражом до самого вечера. В сумерках же ко мне, опираясь на палку, спустилась старуха Иллиг.

— Твой друг уже далеко, — сказала она, и голос ее был скрипуч, как заржавелый замок. — Он был добрый, хотя и легкомысленный человек, и потому Великая Мать в своей милости не отмерила ему тяжелого пути. Но даже там, куда он сейчас направляется, ему не будет дано узнать то, что он так желал.

Она кивнула на мираж. С заходом солнца он не пропал, но начал тихо лущиться, так что я по-прежнему отчетливо видел очертания могучей горы и силуэты пирамид.

— Для тебя тоже скоро настанет время, — продолжала она, — когда везде, куда бы ты ни направился, тебе станет являться Город Тысячи Минаретов. Каждому, видящему его, он предстает в ином обличье. Но кто бы в него ни вошел, больше не вернется. И ты войдешь в него.

— Зачем ты говоришь мне это, мать? — спросил я, помолчав.

Иллиг не отвечала долго, очень долго. Потом села передо мной.

— Раньше все было проще, — произнесла, сложив руки на животе. Ее изрезанное глубокими морщинами лицо стало странно отстраненно, словно у глиняных идолов. — Когда приходили с войной другие племена, мы, дети этой скалы, уходили на Тайные острова, чтобы переждать напасть, и когда возвращались, наша земля встречала нас свободной, потому что никто, кроме нас, не знал, как на ней жить. Но теперь все изменилось. По нашей земле проложили дорогу, к северу отсюда хотят добывать соль, мы стали слабы и малочисленны, и куда бы ни вели незримые пути, везде живут люди, даже Тайные острова осквернены. Там же, — она указала острым подбородком в сторону побережья, — уже давно лучше быть мужчиной. Еще лучше — быть белым мужчиной. И совсем хорошо — быть белым ученым мужчиной, потому что их слушают.

Взгляд старухи стал пронзителен, и она закончила свою мысль чеканным, непреклонным голосом:

— Белый ученый мужчина мог бы сделать так, чтобы наша земля осталась нашей землей и стала неприкосновенна.

Она торжественно замолчала, словно давая мне время проникнуться ее словами. Я слушал напряженно, но в голове была пустота.

— Это, — выдержав паузу, Иллиг подняла обе руки ладонями вперед, будто призывая в свидетели богов, — святое место. Его охраняют духи. Великие духи, малые духи, глупые духи, мудрые духи, даже неживые духи. Они охраняют его для людей — хотя и не для нынешних людей, — и потому ему положен человек, отмеченный духами и видящий их. С незапамятных времен матери-хранительницы жили на этой скале — задолго до того, как мои предки пришли в эти края и духи стали выбирать посредника нашей крови. И мать-хранительница должна жить здесь и дальше до определенного не нами великого срока, когда в ней не станет нужды. Те святые места, где линия хранительниц прерывается, приходят в запустение, медленно умирают. Каждый раз, когда происходит подобное — это страшно. Страшно для всех: тебя, меня, торговцев солью и их детей, детей их детей, детей тех людей, откуда ты родом и где ты никогда не бывал. Страшно даже для солнца, благостного неба и богов. И все же таких мест, подобных кускам отмершей плоти на живом теле, становилось все больше на моей памяти и памяти моей матери, а теперь подходит черед и нашей пробы и испытания. Ненасытная жадность побережья все ближе подбирается к нам. Городские торговцы хотят соли; белые люди хотят приезжать сюда день и ночь, и недавно мне сказали, что поблизости для них будут строить большой отель. Бахика станет одной из величайших хранительниц, каких только породил наш род. Но что, если однажды ей больше не станет места в доме ее предков? Что, если тем из наших детей, которые уйдут в города, будет некуда вернуться — потому что эта земля перестанет быть *нашей* землей, землей духов и заповедей прапраматерей?

— Я наблюдала за тобой, — продолжала она. — Ты сможешь назвать эту землю родной. Ты любишь наших детей; голова, сердце и глаза у тебя не порождни. Сейчас ты можешь встать, уйти и через несколько лун увидеть Текущий Город Безмолвия, потому что хотя нутро у тебя не пустое и духи бережнее обходятся с тобой, чем с другими людьми со стороны, но неживые из них уже дохнули на тебя.

И у тебя есть другой путь. Слушай меня.

На кого дохнули неживые духи, нуждается в их дыхании, чтобы жить дальше, и погибает, если лишается его. Поэтому ты не должен надолго покидать нашу землю. Но остаться на ней ты сможешь только если узнаешь ее законы и предназначение. Я не могу рассказать тебе о них — это должны сделать духи. Сходи к их святилищу — тому, что на острове среди вечно полноводного озера, — и если сможешь вернуться назад, оставайся жить среди нас. Пока ты будешь принадлежать нашей земле, а она — тебе, Город Тысячи Минаретов не позовет тебя раньше положенного срока. Я позволю тебе жить в доме моих предков. Ты даже сможешь покидать его, но не более чем на пять полных лун. Чего жду от тебя взамен, ты знаешь. Решай. Решай сейчас — или никогда.

Словно загипнотизированный, я смотрел на нее, на светящиеся контуры горы за ее спиной, и непреклонная воля Иллиг веяла точно горячий, сухой

ветер пустыни мне в лицо. Не знаю, как долго я молчал. Но когда-то услышал свой голос:

— Где это озеро, мать?

— Ты знаешь это не хуже меня, — отозвалась она.

«*Саннаиараланы*, — пришла бесцветная мысль, — я должен сказать *саннаиараланы*». Но челюсти словно свело судорогой.

— Ты ничего не должен говорить, — удивительно тепло произнесла Иллиг. — Разве, уходя отсюда в первый раз, ты произнес хоть слово? Слова нужны невидящим. Учись говорить не словами и смотреть не глазами. Кто смотрит и приказывает так, тому отсюда — тысячи путей. Даже туда, где минувшее все еще живо и где оно только могло бы быть, а не только в невидимые врата тех земель, образы которых духи путей изымают из твоей головы... Но раз уж ты подумал о Слове, я скажу тебе, как его правильно произнести.

Она почти пропела слово из детской считалки. Ее голос падал и взлетал — словно в тех азиатских языках современности, в которых различные интонации одного и того же слога-слова определяют его смысл — и, сменив очертания горы и пирамид, передо мной появилось, выпуклое и живое, знакомое изображение озера.

А потом я старался не думать. Я очень старался не думать. Не помню даже, как встал, как пошел вперед. Помню только, как надвигались на меня светящиеся контуры берега, и то напряжение, звенящую пустоту в голове — лишь бы ни о чем не думать. Потому что только возникнет мысль — и повернешь, побежишь прочь, сочинишь какую-нибудь правдоподобную историю, лишь бы уверить себя, что ничего этого не было. А потом бессмысленно умрешь. И окажется, что Ялмари, вернувший тебя сюда, веривший тебе, когда никто не верил — тоже умер напрасно.

Затем стало темно. Всего лишь на мгновенье. Или все же больше? Потому что ясно помню, как еще прежде, чем в лицо мне потянуло озерной свежестью, а в глаза упал даже не золотистый, а насыщенно-золотой свет — боли в этот раз не было, — мои губы прошептали вслед за звонким, беззаботным детским голосом, пришедшим из глубин памяти: «...сапожник, портной, *кто ты будешь такой?*».

* * *

На острове меня ожидало совсем не то, что я только мог себе представить; ни одна из тех разгадок, которые за все месяцы от своего первого странствия до второго перебрал как возможные. Совсем, совсем другое — больше, невообразимей, величественней. Но я, наверное, никогда и никому не расскажу, что.

На моем рабочем столе в старом доме Иллиг всегда лежат три фотографии. Я беру их с собой в каждое путешествие. Это: самая первая «зеркальная»; вторая — мы с Ялмари, взъерошенным и счастливо улыбающимся, у скалы; и третья, совсем новая — праздник в Теклонэ, когда деревушка и прилегающие земли были объявлены культурно-этнографическим заповедником.

АЛЕКСАНДР ШАКИЛОВ, АРТЕМ БЕЛОГЛАЗОВ

ДЕРВИШ

— Овцы подвержены странным заболеваниям, — вздохнул Рик. — Или, говоря иными словами, овцы подвержены многочисленным болезням, симптомы которых крайне схожи; животное попросту не может подняться, поэтому невозможно определить, насколько серьезно положение — вполне вероятно, что овца лишь подвернула ногу, как возможно и то, что животное прямо на ваших глазах умирает от столбняка. Моя овца как раз и погибла от столбняка.

Филип К. Дик. «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»

КИМ К-28 СИДЕЛ, ПРИВАЛИВШИЕСЯ К ОБЛИЦОВАННОЙ термопластом стене, и глядел вверх, туда, где эстакады сороковой горизонтали вклинивались в мобиль-шоссе сорок один бис. Напротив — матовая поверхность, близняшка той, что упиралась в нахребетник экзо, слева — тупик, исчерканный граффити. Как двадцать восьмой оказался в этой пластиковой кишке? Вопрос, однако. И боль в ноге: резкий толчок, дрожь суставов, скрежет намертво сцепленных клыков-имплантантов, желтоватых по последней «дикой» моде.

Отсекая вершины небоскрёбов, искрил фиолетовым логотип «UniRob»; на грани восприятия мерцало нечто едва различимое — «Mod», судя по завитушкам гипнослованов. Игнорируя рекламу, двадцать восьмой пялился в засвеченное стробоскопами «небо».

Что я делаю здесь, в аппендиксе маркетов? — думал Аким. — Что?!

На сорок первом, как и в начале любой десятки, располагались: медкомплекс с изолятором для вирт-одержимых, франшиза полицейского участка и хозяйство рембригад.

Медкомплекс, пирамида из пеноплит. Цитадель полицейских и ремхозяйство — неказистые здания, слепленные из песчаника и коралла. Аким, не выбирая, отправился бы в любое из них, даже в обезьянник к копаннойиб. Куда угодно, лишь бы там имелся регенератор. Или аптечка с обезболивающим пластырем.

Неподалёку, экономя время и кислород, регулировщик направлял людской поток-конвейер, равнодушный ко всему, кроме директив начальства, целеустремленный, когда надо перевыполнить план на ноль три процента и апатичный вне офисов и нейроподключений. Взмах жезла, свисток, стоп машина, прыжок на месте, а вам направо. Если не туда и мимо, сменить полосу ой как непросто: топай до развилки. Вокруг столько маркетов, патинко и вирт-гаремов, что без регулировщика никак.

Подползти к тротуару Аким не пытался: затопчут, да и всё. Конвейер — штука глупая, смелет в муку и не заметит.

Какие же вы сволочи, — думал Аким. — И я, наверно, тоже.

За пятнадцать минут, проведенных у стены, он сорвал голос. Оказалось, ненавидеть людей так легко.

А ты бы помог куску дефектной плоти, статус которого определится быстрее, чем КЗ ошпарит мозги дроида? Теперь, когда инфопланта нет... Вон стоят, трое. Шакалы! Аким скривился и плюнул.

Два парня и девушка. Лицо красотки доступно похотливым взорам, голова не покрыта, лодыжки и плечи обнажены, в цепких пальцах бубен — костяной обруч обтянут истёртой квазидермой. Парни молоды: бороды не отросли — куцые нити на подбородках и щеках. Тощие тела завёрнуты в кошмарные рубища из поливинилхлорида. Что-то напевая, слов не разобирать, троица тыкала пальцами в двадцать восьмого.

Кто они? Чего хотят?!

— Что вам надо?! Что?!

Оборванцы танцевали под грюканье бубна.

— Помогите! Кто-нибудь!..

Ни намёка на сочувствие.

Вдруг в однородной массе прохожих мелькнул знакомый хиджаб, салатный с золотой вышивкой-биосхемой. Из-под платка вывалилась кокетливая россыпь длинных, ниже поясницы, косичек, которые так приятно трогать, когда они ласкают плоский — ни грамма жира — живот, щекочут лицо и опадают на широкие мужские плечи...

— Малика! — просипел Аким, силясь подняться, и охнул от боли, прострелившей ногу. Малика, подруга дней и ночей, первая и единственная жена, не обернулась. А ведь Аким милостиво разрешил ей устроиться на работу! Всем известно: женщина должна сидеть дома и ждать мужа, раскладывая пасьянсы и отслеживая доставки полуфабрикатов. После очередной постельной разрядки К-28 согласился: так уж и быть, помогай реликтовым зверушкам.

За то жена и любила Акима, что от прочих мужчин отличался.

— Малика, стой! Я сказал!! Малика!..

Миг — и зелёный комби затерялся в толпе быстрее, чем исчезает вдали мотоцикл, стартующий на ста двадцати в час. Боль не отпускала — двадцать восьмой не выдержал: завыл, скребя ногтями шероховатый пластик тротуара.

— Будьте вы прокляты! Прокляты! — орал он записанное в словарь голосовых связок ругательство.

Как двадцать восьмой попал сюда? зачем?! В памяти провал — шахтой по добыче магмы.

Восстановить стёртые файлы, резервная копия воспоминаний.

...парковка.

Чёрная капля скарабея, служебного мобиля. Представители серии К передвигаются по гигаполису на бронированных красавчиках, уплотнённых гелем, сглаживающим вибрации даже на сверхзвуковых скоростях.

Салон отказывается впустить хозяина. Банальный сбой системы. И боль. Резкая, из ниоткуда. Аким падает на пластик стоянки. Боль дёргает руку,

рвёт пах. Брызжет кровь, мешаясь с графитной смазкой. Сама по себе поднимается нога — нет контроля!! — конечность протискивается в возникшие из пустоты захваты. Перед широко раскрытыми светофильтрами двадцать восьмого материализуется скальпель, акулий резец в обрамлении титана. Скользит по щеке, упирается в кадык: дёргаться не надо, смертельно опасно и бесполезно. Пленник сглатывает слюну, молчит. Скальпель впирается в плоть, анестезии нет, рот непроизвольно раскрывается, исторгая вопль...

...и темнота. Из темноты — лицо. Вот откуда боль, вот кто виновен. Резец не парит в мареве, но прихвачен к фалангам агрессора.

Аким вглядывается в лик врага, собирая во рту слону, чтобы хоть как-то отплатить за унижение и боль. Враг — молодой парень, из тех, кого учителя называют дервишами: чёрные круги под глазами, морщины на лбу как шрамы, губы — сплошная язва. Дервиш, иначе не скажешь. Безумец-невидимка, в бесконечных молитвах и медитациях обретший способность растворяться в пространстве и «сгущать» тело где и когда вздумается.

Аким вздрагивает: вот так встреча. Он видел парня на лекции в Университете Личности, где преподавал основы индивидуальности и достиг успеха: неутомимым трудом заслужил рейтинг двадцать восемь в серии К! Аким — кандидат на получение научной степени, как минимум, престижной, как максимум, гарантирующей свободное оплодотворение. Малика днём и особенно ночью изо всех сил мечтает о должности матери — с окладом и пенсией. Да, подобные грёзы — явное отклонение от нормы, можно сказать, почти извращение, и что?! Подопытные крысы спариваются не только для удовольствия. «Аким, — страстно шептала Малика, ускоряя ритм, — ты хочешь продолжить род?!»

К-28 слабеет с каждой минутой.

— Помогите!..

Нет ответа.

Людской поток. Термопласт упирается в спину.

Разве Аким мог самостоятельно дойти сюда, доползти? Нет, конечно! — дервиш постарался с дружкой и непокрытая, больше некому. Освеживали, будто овцу клонированную, и оттащили к блочной развязке. Сседили сквозь зубы шанс на спасение? — медики рядом, копы ещё ближе? Возжелали усилить страдания жертвы, кинув вблизи тысяч людей?

Под хребтом эстакады завис полицейский сканер — обычный, с мяч для файтеббола, спаренный винт, турбоускоритель. Робот прожужжал над толпой, напоминая ремонтный бот, привлеченный сигналом неисправного мобиля, автопицерии или пластоукладчика.

В стенах из коралла, где копы дуреют от безделья и отрачивают бока, пожирая тонны кебабов, за «картинкой» следит оператор.

— Эй, — захрипел Аким, — я ранен...

Сканер приблизился — полосатый, сине-белый шар. Несколько секунд изучал скорчившегося двадцать восьмого, а затем — Аким мог поклясться! — пренебрежительно отвернул раструб анализатора. И, взмыв над людским морем, унёсся по неотложным патрульным делам.

А ведь роботом управляет не оператор, а планетарный Искин, в подчинении которого не только полицейские сканеры — вообще всё...

— Тварь! Отрыжка даджжала!! — выкрикнул Аким.

Жутко хотелось, чтоб сверхпрочный сканер взорвался, рассыпался дождем осколков. Сразу вспомнились байки об изгоях и не прошедших контрольную сверку. Двадцать восьмой принципиально не верил домыслам стрингеров. И вот тебе на. Вляпался.

...полумрак парковки, в трещинах бетонных колонн — фосфоресцирующая плесень. И, как назло, никого поблизости. Двадцать восьмой тяжело дышал. Он не мог поверить в этот бред. Вспышка боли — запредельно яркий фейерверк в светофильтрах. Скальпель вонзился в голень. Не во сне, а наяву.

— Что вы делаете?.. Нет! Не на-а-а-адда!! — завопил Аким.

— Надо. Ещё как надо. — Грязные ногти вонзились в рану, рывок — и дервиш сжимает окровавленный кусок плоти, инфодовесок в трубках кровеносных сосудов. — Тебе надо. Ты же плодотворно творческий.

— Я?!

— Ты. Конструктивно изменённый. Давай теперь, приспособивай среду.

За спиной дервиша возникли две тени, трансформировались в людей: скуластый парень и худенькая девушка улыбались, глядя на Акима.

— Помогите, — прошептал двадцать восьмой.

Хохот в ответ:

— А как же, поможем, не сомневайся.

Цепляясь нитью за колтуны волос, дервиш снял ожерелье. Аким моргнул, ещё раз, и ещё... Нет, зрение не обмануло: «бусины» — самые настоящие инфопланта! Десятка два, не меньше. Парочка детских личинок. Пяток стариковских куколок. Остальные — примерно одного размера и окраса.

— Нравится? — девушка заметила взгляд Акима.

— Нет! Нет!!

Дервиш расхохотался, ловко распаял нить, заострил скальпелем кончик и...

...нанизал окровавленный инфопланта.

Очередной трофей пополнил коллекцию.

Двадцать восьмой потерял сознание.

Тогда.

Не сейчас.

«Процесс индивидуализации рассматривается как вторичный по отношению к социализации... рефлексивное обособление человеком своего «Я» от исполняемых им социальных ролей... в ситуациях общения... через культивирование способностей в актах деятельности...» Дервиш скакал, подволакивая ногу, пускал слюни и невпопад цитировал выжимки из лекций. Едва Аким лишился инфопланта, невидимка приобрёл очертания.

Без инфопланта Искин не мог транслировать единственно верную картинку. Взамен двадцать восьмой получил реальность, в которой существуют не только законопослушные граждане.

И бартер ему не понравился.

Воспоминания...

...грязный оборванец, нелепый на фоне белых воротничков и девичьихников. Чужак, как и студенты, законтачил ЦНС с университетской сетью, а значит и с лобными долями Акима — дабы напрямую перенимать мудрость преподавателя, по традиции озвученную вслух. Надёжно «пришабренный» экзопозволял двигаться по аудитории без разрыва соединения. Аким пользовался этой опцией, надзирая за юным поколением, буйным и шаловливым. Студенты обожают тискать студенток под партами. А ведь до совершеннолетия ни-ни.

— На низшем уровне развития человек полностью подчинен внешним обстоятельствам... Для достаточного приспособления... соответственно склонностям, задаткам и способностям... Люди, занятые интенсивной творческой деятельностью, не ограничиваются приспособлением к среде, но стремятся к конструктивному изменению... — вещал Аким; рот открывался самостоятельно, режим «лекция»: голосовые связки размеренно напрягаются, эйр-программа корректирует дыхание.

Акиму нравилась работа. Вот только странный парень на периферии... ожерелье на шее вызывало муторные ассоциации. Лекция закончилась, К-28 разорвал соединение, а парень... он просто исчез. Поразмыслив за чашечкой транка, Аким твёрдо решил: померещилось, мало ли.

И вот — неожиданная встреча.

Которую в здравом уме нельзя назвать приятной.

Изъяли инфоплант — зачем дервишам симбионт? зачем?! — и вышвырнули как картонку от пиццы. Но всё-таки не прикончили, не спихнули в пасть утилизатора — поднесли чуть ли не к «конвейеру» — почему?

Полицейский сканер... Без инфопланта Искин не идентифицировал Акима, а, значит, не присвоил гражданство, не наделил правами и обязанностями. Но медпомощь гарантирована всем без исключения. Даже распоследнему анархисту-растафарианцу, забредшему в Казанский Сектор.

Акима проигнорировали.

Давно, когда двадцать восьмого еще не вырастили, и гигаполис не укрыли купола, граждане содержали в личных сотах домашних питомцев. Искин заботился о зверушках — упоминания можно найти в архивах. Но, похоже, забота была недостаточно хороша: на планете не осталось ни кошек, ни собак, ни волнистых попугайчиков. Одни крысы. Поначалу Хозяин Сущего боролся с грызунами — без особого успеха. А затем, признав геноцид целесообразным, принялся изучать.

Хуже полудохлого крысюка... Крыс хотя бы кормят, за ними ухаживают...

Аким неуклюже повернулся, боль опять пронзила ногу. В голове плескалось мутное болото, как на белковой фабрике: в бетонный отстойник сливается некондиция, иногда вполне жизнеспособная, и всё это движется в белёсом бульоне, создаёт пищевые цепочки, а затем вычёрпывается и отправляется на вторичную переработку.

Хотелось пить.

Реальность последнего Искина, спроектированного «Мацумото Моторс»...

...с полгода назад Малика неудачно пришвартовала одноразовый мобиль рядом со скарабеем Аким. Одноразка, прежде чем развалиться на запчасти и свернуться в нанозаготовки, чесала гелевые жировики с переднего обтекателя. Аким, выпутавшись из компенсаторов, чуть было не наорал на подругу. Он точно раскрыл бы рот сверх меры, если бы Малика не заявила, что... А ведь она тогда специализировалась на теорпрограммировании, у неё была настоящая фамилия, а не кандидатский номер. И хотя К-28 не считал себя второсортными, фамильным жутко завидовал. И особо гордился, что охмурил такую девушку.

Помогая любовнику выкарабкаться из паутинного техбеза, Малика сказала:

— Милый, тебе не кажется странным...

— Кажется! — резко перебил Аким. — Кое-кому выписали права за красивые радужки, обнажённые щиколотки!

Когда надо, Малика умела впадать в транс, выдавая оригинальные идеи:

— Я кое-что смыслю в основных принципах разработки и-систем.

Акима мало интересовали основные принципы, да и побочные тоже. Хотелось устроить репетицию семейной склоки, разрядить переполненный буфер негатива — наорать на подругу значительно дешевле, чем посетить зал психокоррекции. К тому же у двадцать восьмого через раз, но проявлялась аллергия на материалы для конструирования самых отвратительных «образов». Сбитого из дешевых обрезков толстяка-шефа Аким расчленил не менее пары сотен раз — естественно, в лечебных целях и конфиденциально.

Малика не успокоится, пока не изложит теорию. А ругаться с невестой, которая не слышит твоих претензий, — удовольствие сомнительное.

Теребя косичку, Малика утверждала: Искин обитает в грезах и мечтах о несбыточном...

— ...и строит внутреннюю реальность, которую соотносит с действительностью, на фундаментальных законах и логике связей, на предметах и свойствах. Беда в том, что наш Искин — третье поколение, и до него было еще два, созданных исключительно для того, чтоб вскарабкаться на следующую ступень. Милый, ты не представляешь, насколько криво выстроена его модель. — На мгновение очнувшись, Малика торопливо вытерла подбородок салфеткой. — Причем, заметь, модель упрощена. Вместо плавной линии сложной функции — ломаная.

От вздёрнутого носика к уголкам губ обозначились складки.

— Люди — объекты сложные. А чем неоднозначней объект, тем скорее возникнет расхождение. Нужен признак, указывающий на человека. Общій знаменатель. Определитель человеческой сущности. Чтoб Искин случайно не использовал тебя как материал для постройки нового мобильного шоссе. А наоборот — всячески заботился: делал то, что обычно делает, что мы привыкли не замечать, и принимаем как должное...

Парковка осталась позади. Малика замолчала, выковыряла из ноздрей эйр-фильтры и шумно вдохнула напрямую:

— Думаю, определяющим в модели человека служит наличие инфопланта. Модель разработал второй Искин. Третий развил концепцию.

Капсулу скоростного лифта вертело и швыряло так, что Аким смог открыть рот только у портала соты:

— Всё это безумно интересно. Первый, десятый, сто сорок шестой... Но я так и не понял, зачем было калечить моего скарабея?!

Малика обиделась и отменила все заказы в «Истребителе драконов»: Аким на семьдесят два часа остался без обожаемых дим-сум и креветочной лапши.

Пребывая в мерзком расположении духа, К-28 не поленился проверить услышанное. О двух предыдущих Искинах сведений не нашлось. На запрос о возникновении инфопланта архив выдал удручающе простую аксиому: инфопланта были всегда. Варьируя параметры поиска, удалось выудить десяток ссылок: мол, любой гражданин при достижении годовалого возраста... — и так далее, известное всем и каждому. В целях улучшения и повышения. Ради грядущих поколений. Счастья для. Дабы в момент всеобщего процветания отвесить по потребности.

Именно тогда Аким кое-что приобрёл. Чуток доработал, перепрошил...

Теперь, валяясь у тротуара, Аким вынужден признать: любимая жёнушка права. Искин не классифицирует объект без инфопланта как человека. Не может и всё. Аксиома: человек = инфопланта. Иначе возникнет противоречие в модели.

Не гражданин, не животное, не дроид... В какую категорию сканер определил двадцать восьмого? Активная биомасса в отстойнике? Промышленный дренаж? Может, червячная передача? Конверсионный кирпич из панцирей противопехотных кусочек, залитых осколочным наполнителем?

От правильного ответа зависело всё. Правильный ответ диктовал и тактику, и стратегию борьбы. И не только за жизнь.

Мысль на границе сознания оформилась в вопрос: как отреагируют уборщики? Скоро конец второго цикла, работяги выйдут за ворота рембригадных хозяйств и... что? Неужели модификаты, натасканные на поиск мусора, воспримут двадцать восьмого как органическую слизь, подлежащую утилизации?! Или брезгливо обойдут стороной?

Проверять реакцию ассенизаторов не хотелось — превозмогая боль в развороченной ноге, Аким пополз к тротуару. Найти Малику, она где-то рядом...

Родной человек увидит... — в ком? в чём?! — распознает Акима. Хотя бы по карим светофильтрам. Обязательно! Дайте красотке шанс, сердце подскажет. Волшебная сила любви!!

Как в штампованном вирт-«мысле», столь презираемом двадцать восьмым.

Неуклюжий грузовик, шмель-дирижабль заходил на посадку, облетая громаду «UniRob». Под эстакадой кружил патрульный сканер. Тротуарный поток заметно поредил: зевакам — жезл регулировщика, электричество в пятки.

ЦНС регулярно поверять надо, а то мало ли.

За тридцать пять лет эксплуатации Аким впервые в Час Пересменки не прятался за бронеплитами и керамикой, будь то санузел в технотауне или

палаты корпоративного ресепшена. Уважаемые, сегодня без Акима — воссоединяйтесь с Искином, на четверть часа сплетаясь в многомиллиардное человекоцелое.

Простейшее движение: вогнать нейроштекер в височный разъем, стилизованный под розу, оскал коростоеда или улыбку Джоконды. Попутно — релаксирующая ванна: рыбёшки-очистители крохотными зубками скусывают с дряблой кожи омертвевшие кусочки. Пятки потом гладкие и приятные на ощупь. Валяться и балдеть, загрузив вкусовушку «охлаждённый мартини»... А если ТО застало на производстве, можно метрику на болтах нарезать. Или вкручивать эти самые болты в термоядерные боеголовки для геройских космоэскадр. Запросто. Но зачем? Когда человечество целиком и полностью отдается светлomu чувству общности?! Пятнадцать минут — законный перерыв.

Тротуар опустел. Регулировщика нет, и даже троица куда-то пропала. Вот уж кого тяжело представить подрубленными к общаку: глазёнки навывкате, спинки ровные, плечом к плечу с соседями. Двадцать восьмой не терпел профилактику на людях, предпочитая домашнее уединение, чтоб только жена рядом и больше никого. Довольная Малика, умиротворённый Аким и бесконечность вселенной внахлест...

Дефрагментация лобных долей.

Устранение ошибок.

Снижения уровня агрессии.

Если забыть о ТО, ничего особенного не случится. Тебя не омоет парализующий дождик, сжеженный прорехой в куполе. Ты не сдохнешь в корчах от мозговой диареи и рака второстепенной ауры. Кредитную карточку не аннулируют без причины. Нет. Этого не будет. Просто выяснится, что в списке квартальной премии твой личный код отсутствует, жена изменяет с вирт-зооморфами второй степени одержимости, а креветочную лапшу доставляют холодной и лишь вежливо улыбаются в ответ на твоё безграничное возмущение.

Без ТО только дроиду везёт, и то раз в год. Фольклор гигаполиса. Остроумно подмечено: граждане — ещё те выдумщики.

Люди, ау!!

Настало время уборщиков.

Саунд зачистки территорий — мелодия специфическая, ни с чем не спутаешь. Прорезиненные траки, усиленные биоприсосками, чмокают по пластику тротуара. Аким видел уборщиков по визору, иногда — из окна офиса. Вблизи наблюдать не доводилось. Но всё когда-нибудь случается впервые.

Зрелище двадцать восьмому не понравилось. Да и как может впечатлить нечто, утешающее тротуар кислотным раствором? Метровыми виброножами, блестящими, заточенными, чудовище соскребало комки бетеля и кокагама, дезодорировало воздух, наводило стёршиеся за сутки линии дорожной разметки.

Приземистая тварь — конверсионный продукт! — если что, способная взвиться в стратосферу и погибнуть, отражая инопланетную агрессию. Или нет, лучше так: ТВАРЬ. С уважением. Ибо страшно, когда на тебя ползёт

скорпион-мутант, пойманный на дне Семипалатинского каньона и доставленный в Казанский Сектор с единственной целью: наводить порядок. И это отнюдь не пустые слова: скорпион таки настоящий, вымахавший до запредельных размеров вследствие радиоактивного воздействия на организмы сотен поколений его предков. Настоящий, только уж очень модифицированный. Сегментные лапки — единым блоком с парными катками. Натуральный панцирь в наשלёпках бронеплит.

Ах, если бы инфопланта монтировали в предплечья, если бы!.. Потеря руки не так важна. Неприятно, конечно, и больно, вид испорчен, зато никаких проблем с передвижением.

Дервиш, расковыряв Акиму голень, обработал рану некачественно, лишь бы как. Кровью двадцать восьмой не истечёт, смазка гидроусилителей в минус — не проблема. Но если вовремя не устранить повреждения, можно загнаться от сепсиса.

Две клешни — два виброножа — методично ёрзают по пластику: шкрым-сс, шшшкрым-сс, шкрым-сс... — ритм замедленной съёмки. Оч-чень быстрый ритм для Акима.

Чмокать присосок. На лобовой броне — наклейка-транслятор с бегущей строкой новостей. Интересно, кто в здравом уме рискнёт проигнорировать ТО и выйти на стрит, дабы изучить последние сводки, которые и так можно выудить из ньюс-рассылки?! Алые угловатые буквы завораживали, рекомендовали не тратить понапрасну силы. «Шелководы Харьковского Сектора активно готовятся к новому сезону откормки шелкопряда. В грядущем полугодье специалисты обещают вырастить полмиллиона коробок грены». Это надо знать. Шелководы — это серьёзно. «В Московском Секторе стартовал 205-ый традиционный турнир по боевым нардам на приз Хукумата, посвященный памяти Мухаммад ат-Термези. В соревнованиях принимают участие воины-аналитики семи весовых категорий...»

Аким напрягся и разорвал оплётку гипновнушения.

Бежать!

Иначе... — шкрым-сс, шшшкрым-сс, шкрым-сс!

Аким полз, полз, полз... — куда, зачем?! — какая разница, если сзади...

Шкрым-сс, шшшкрым-сс, шкрым-сс!

И чмокать присосок.

Хозяйство рембригад рядом, в стенах из коралла и песчаника заседают людишки, властные над сотнями скорпионов. И разве кто пошевелит пальцем, дабы помешать ликвидации последствий загрязнения?!

Тяжелое дыхание — хрипом из гортани.

И — шкрым-сс, шшшкрым-сс, шкрым-сс!

Нога, чтоб её, и... — показалось?! — нет! Салатовый хиджаб с золотой вышивкой — Малика!

Вот уж кто не теряет время зря. Даже пятнадцати минут, положенных для всеобщего единения, жаль. От терминала, вмурованного в стену тупика, к виску жёнушки тянулся полупрозрачный шлейф.

Бежать — ползти! — дальше некуда: сетчатый предел. Такой же рабицей огораживают площадки для фэйтербола. Только нет здесь антигравных щитов, опутанных колючкой, и трёхочковую линию не запирают ниппельным полем. Умилительная дверца: щеколда и замочек, подвешенный к ржавой ручке. Коричневый пластик, табличка — «Только для крыс». Смешно. Будто крысы умеют читать.

Малика поливала брикеты пузырящейся дрянью. Мерзкие серо-фиолетово-красные и жёлто-коричнево-оранжевые уродцы, хвостатые и облезлые, длиннорылые и короткошерстные по очереди атаковали кормушку.

Шкрым-сс, шшшкрым-сс, шкрым-сс!!

Уборщик преследовал двадцать восьмого, «мечтая» очистить территорию от мусора. Поднятый клешнями ветерок охлаждал разгорячённое лицо. Алые блики в светофильтрах: «Принятым вчера указом «О внесении дополнений в Административный Кодекс» ужесточены меры наказания за использование вирт-терминалов при управлении транспортными средствами. Главное Управление Безопасности... проводятся мероприятия... учащаются случаи вирт-секса... аварийная ситуация...»

Ох уж эта бегущая строка! — К-28 не сразу заметил на горбу скорпиона дервиша, его скуластого сообщника и невменяемую девицу с бубном.

Как они взобрались на уборщика?!

Ассенизатор не прогулочный лайнер, не рикша, не мобиль повышенной комфортности, но спецмодификат. Кутикула, от природы покрытая слоем воска, блестит маслом, подтекающим из стыков брони. Предположим, скорпион не оказал сопротивления. Всё равно вскарабкаться на панцирь нереально!

Пара срединных и четыре пары боковых глаз изучали Акима. Скорпион подобрался так близко, что двадцать восьмой слышал натужное дыхание и хрипы в легочных мешках, ощущал смрад пара, стравливаемого отверстиями в головогрудь.

А на спине уборщика веселилась троица.

О, позор на седины почтенных управителей! О, падение нравов! Акиму неприятен сам вид грязного девичьего лица, обнажённых голеней и предплечий. Да что мордашка, коль разрешён доступ к телу! Зарывшись с головой в ПВХ-рубашку, скуластый урчал, целуя и покусывая живот девушки. Колтуны щекотали рельеф напряжённых мышц — бесстыдница хохотала, истязая бубном округлые, в разводах машинного масла ягодицы. Дервиш, припадая на левую ногу, кружил на месте и пел, абсолютно не попадая в ритм бубна. Морщины на лбу танцора складывались причудливым орнаментом.

Куца растительность на подбородках. Чёрные круги под глазами. Голице тела.

Судьи и палачи.

Аким обернулся: жена не обращала внимания на уборщика — стоит ли тратить время на всякие глупости? Не видела она и странную троицу. Акима тоже не замечала.

Двадцать восьмой приподнялся на локтях — накладки экзо трансформировались, уменьшая давление на суставы. От вида инфоплантов, нанизанных на оптоволокно, беглеца передёрнуло. Аким прокашлялся и заорал:

— Зачем всё это?! Что я вам сделал?!

Скуластый оторвался от живота. Дервиш прекратил заунывные песнопения и, ковырнув ногтём в зубах, ответил:

— Ты?! Ничего. Это мы. Мы сделаем из тебя человека! Мы!!

— Но я!..

— Ты жалкая слизь у наших ног!

— Я лучше знаю, что такое человек! Я — учитель! Ты! Да, ты! Ты же был на лекции! Хотите, я расскажу... — и, не дожидаясь ответа, двадцать восьмой забубнил: — Классическая социологии использует понятие «индивидуальности» для описания индивидуализации как процесса и результата совмещения индивидуальных требований, ценностных императивов и нормативных предписаний, социальных ожиданий определенных действий, необходимых для выполнения социальных ролей, со спецификой стилевых особенностей деятельности, общения, поведения и мышления конкретных индивидов... А вы! Вы все попадёте в джаханнам!!

Горло свело судорогой, Аким замолчал, широко разевая рот.

Троица расхохоталась.

Скорпион изогнулся, примериваясь, как бы точнее зафиксировать мусор последним члеником брюшка, полуметровым стрекалом, смазанным гелем для разжижения твёрдых отходов.

«Только для крыс». Посторонним вход воспрещён — уборщик не сунется за ограждение. Хотя... взял же на борт туристов... Но! — надежда есть. Дня крыс? И пусть. Всё лучше, чем активная биомасса. Вперёд!

Аким на четвереньках рванул к ограждению, умудрился встать на ноги и...

Скорпион ударил.

Двадцать восьмой чудом избежал смерти: коленный сустав не выдержал напряжения, что-то хрустнуло, нога сложилась. Аким упал, хватаясь за щеколду, не удержался — и вот он на пластике. Стон и слёзы. Прокушенная губа.

Жало на мгновение коснулось сетчатой дверцы. Металл зашипел, полыхнуло алым. Скорпион дёрнулся и отпрянул. Визг сервоприводов заглушил хохот троицы.

Аким медленно активировал светофильтры: он уже в раю? и гурии облачают взор похотливыми танцами?..

К сожалению, нет.

Или к счастью?

Уборщик покинул зону потенциальной опасности. Троица очень экспрессивно — м-мать его расфак, кузнечика-мутанта за лапу! — выказывала недовольство: дервиш визжал, брызгая слюной, девица топала ножкой и корчила рожи, скуластый щурился и сжимал кулаки.

Щеколды не было.

Малика, пристёгнутая нейрошунтом к терминалу, с удивлением поглядывала то на скорпиона, то на дыру в ограждении.

Аким вполз на запретную территорию. Схватив первого попавшегося крысюка, внимательно обследовал тельце и содрал с лапки информационную наклейку, жалкое подобие инфопланта.

Прилепил на руку.

Тут же над Акимом высветился красный крест — сигнал о травме. Малика засуетилась, запричитала:

— Мой ты хорошенький... Больно, да?

Узнала? Конечно! Не могла не узнать!

— Больно, да, Сенечка? Лапка болит? Что с лапкой? Скажи маме, что с лапулечкой? — сюсюкала Малика.

Не подсказало сердечко, сериальное «мыло» надежд не оправдало. Информационная наклейка присвоила двадцать восьмому метку — «млекопитающее, грызун, крыса по кличке Сеня». Отныне Аким — большой и... очень нестандартный крысюк. Уродец, мгновенно вымахавший до неприличных размеров.

— Сейчас, Сенечка... Не переживай, маленький, лапка как новая будет. Ты, Сеня... Странно...

Малику трясло, платок сполз на затылок. Как же, зверушка пострадала! Непорядок!

— Ты, Сеня, ты...

Аким усмехнулся: Малика явно не знала, что делать. Ровно секунду не знала.

— Сенечка, ты — такой забавный... экземпляр!

Ну, ещё бы.

Скорпион учмокал траками, но троица неспешно танцевала к ограждению. Дервиш — у Акима отличное зрение — подмигнул и, дёргая щекой, проорал:

— Мы сделаем из тебя человека! Человек — это свобода! Верь нам!

Дервиш.

Скуластый.

Девица.

Ритм бубна, изгибы тел, брызги слюны.

Малика, потыкав маникюром в клавиатуру терминала, набрала номер спас-службы. Аким явственно представил, как активировался дежурный мобиль-эвакуатор. Доли секунды на анализ запроса и расчёт оптимального курса. Пневмобаллоны продукты, последние тесты, и... — вперёд! Мобиль сорвался с места, полтора часа в час, двести, триста! Визг покрышек-лапок, хлопки тормозных крылышек-парашютов — эвакуатор прибыл, готов принять пострадавших и отвезти кого надо куда прикажут.

Надо: большущая крыса и Малика.

Куда: лаборатория при штаб-квартире «Грей Вёлда».

Парочка дроидов — хром и силикон — выпрыгнула из скоростной сороконожки. Санитары услужливо склонились, из пассажирского отсека пахнуло лекарственным смрадом.

— Добро пожаловать! Спас-служба рада приветствовать уважаемых клиентов! Мы безмерно благодарны за вызов и готовность в двухнедельный срок оплатить наши услуги. Напоминаем: для постоянных клиентов разработана гибкая система скидок...

Рефлекторно определив голоса дроидов в спам-саунд, Аким позволил окунуть себя в гелевый кокон: щупальца осьминогов-модификатов настроены на расслабляющий массаж. Аким и представить не мог, что о какой-то крысе будут так заботиться: Малика заказала спасение вип-класса. Небось, для мужа так не расстаралась бы. Для мужа — попроще чего. А для забавно-го экземпляра... м-да...

Вскрытие покажет, кто и насколько забавный! Аким предвкушал изумление яйцеголовых, консилиумы, статьи в журналах и дискуссии о жёстком контроле «диких» мутаций. Забавный экземпляр — не просто крысук, это живая сенсация, это о-го-го с повреждённой лапкой!

Жаль, быть крысой не в планах двадцать восьмого.

Мобиль промчался мимо полицейской франшизы, медкомплекса и тетраэдра рембригад. Акиму было хорошо: он вычленил симптом асоциального поведения и обнаружил причину отклонения. Секрет прост: отключи инфоплант — и ты вне общества. Изгой научились это делать по собственному желанию, без хирургического вмешательства. Песенки-молитвы помогают?

Или всё же скальпели из акулих резцов?

Без инфопланта ты — мусор, интересный лишь уборщикам. Но незаконники научились подчинять ассенизаторов!..

Цепкие захваты-манипуляторы безжалостно вырвали Акима из кокона. Двадцать восьмой слабо дёрнулся: не хочу, верните обратно...

Поскрипывание тележки.

Белый потолок, белые стены.

Дезинфекция, возведённая в абсолют.

Столы, столики, табуреты, лежаки, стекло, органика. Органика — это инструменты: скальпели-богомолы и стетоскопы-палочки, капельницы-гусеницы и пинцеты-кузнечики.

Вжикнула бритва-жужелица, счищая с затылка грязные от пыли и пота кудряшки. Обрить крысёнышу шерстку, прилепить обезболивающий пластырь.

Регенератор обхватил голень. Мягкая пучина релаксирующего геля. Погружение, продуть балласт. Кожу приятно покалывает.

Полчаса умиротворения...

Ничто не вечно — цельность стен прокушена дырой: лепестки диафрагмы спрятались в пазы, в комнату вошли и остановились у операционной раковины те же трое безумцев.

— Я крыса. Зачем я вам?! — прошептал Аким, не разжимая губ.

Молчание в ответ.

Ухмылки.

Малика приняла возмущённое шипение на свой счёт:

— Потерпи, маленький, скоро легче станет. Я сейчас. Я быстро, — и растворилась в проёме.

Аким и внезаконники.

Один и трое.

Малика не видела незваных гостей, Аким — запросто, даже сквозь толщу геля. У крысы больше прав на реальность?!

Жена вернулась, как и обещала, очень скоро. И не одна, а с коллегой, молодым и привлекательным. Всё бы ничего: ну, мужчина, ну, весь из себя искунитель. Если бы не одно но.

Красавец, два метра роста, столько же в плечах, голубые радужки, завивка, выслушав бурные объяснения о любопытном экземпляре, прижал Малику к груди. Резко — умело! — стянул хиджаб.

Малика не сопротивлялась, не кричала.

Не пыталась вырваться.

Она...

...наслаждалась.

Стыковка разъемов, возвратно-поступательные движения, система «вал-отверстие». Плеск гормонов. Грохот водопада семенной жидкости.

Просто адюльтер?

Или размножение?

— Эй ты, в ногу раненый! Чего молчишь? Тебе ж рога наставляють?!

— Прелюбодеи! Молодцы какие!! Мне нравится этот самец! Давайте его к нам, а этого, никакого, оставим. Он некрасивый.

— Ну и как оно — быть тварью бессловесной?!

Игнорируя подначки, Аким не спешил разорвать объятия инкуба и супруги. Тише, малыш, волнение излишне. Охи и ахи в спам-саунд, напроочь! Чтоб не отвлекали от главного — показаний регенератора. Как только полоса покраснеет...

Аким — крыса: лапки, хвостик, плохой запах из пасти. Крысы не умеют ревновать.

Чуть.

Чуть.

Ждать.

Все звуки — в спам-саунд. Вообще все, и...

...полоса созрела!

Это значит: процесс регенерации завершён.

Это значит: нога в порядке.

Пора.

Аким высвободил голень из захватов регенератора: как новенькая. Резко, насколько позволяла упругая среда — брезгливо! — отлепил инфонаклейку. Троица возрадовалась. И напрасно. Крыса сыграла не главную, но отнюдь не второстепенную роль.

Не выныривая из омота операционного стола, Аким открыл подрёберную полость и активировал запасной инфоплант.

Прикусив губу, позволил Хозяину Сущего чуть-чуть «войти». Это не ТО, это... иначе.

Не буквы, не алая оторопь бегущей строки, но Голос Бога, Третьего Искина:

— Координаты верны?

Аким сам был голосом Его, вибрировал Его интонациями, был дыханием, словом и делом.

— Зафиксирован видеоконтакт, организму нанесён физический ущерб.

— Предложения?

— Немедленная интеграция в общество. В дальнейшем для выявления асоциальных элементов имитировать отключение инфопланта.

Тишина в ответ. Зачем понапрасну тратить энергию?..

А потом стало темно. Очень. Темнее не бывает. Так начинается дорога в Джаханнам — с продолжительными остановками в каждом из семи огненных кругов. Но прежде троицу проведут по мосту тонкому, как волос, и острому, как меч, — над пропастью небытия. Дервиш изо всех сил постарается не оступить. И скуластый. И бесстыдная девица. Глушцы. Лучше уж сразу.

Джаханнам — это больно. Но боль эта во благо.

Сильные руки выдернули из уютного геля; мрак сменился светом — для Акима. Не для троицы. Не для ошалевших любовников. Сильные руки, железные пальцы, как у всех представителей К-серии. Светофильтры, экзо, МФУ-игольник...

Восстановить слух — стереть папку спам-саунда.

— Где? — на плече улыбчивого толстяка гравировка «К-30».

— Сейчас. Метки готовы?

— Да.

Аким отключил инфоплант и увидел внезаконников. Они блуждали во мраке и кричали, чтоб им вернули зрение. Так действует «моргалка», спецтехника учителей. Не в меру разговорчивых студентов очень успокаивают, оч-чень.

Вынуть три серебристых кругляша из тубуса, поданого К-30. Неровное дыхание, поджатые губы — неужели Аким волнуется? Осталась такая малость: сделать троицу видимой для всех.

Секунды — и метки вращаются в кожу навсегда, вопьются наномаячками, фиксируя положение носителей. Чтобы извлечь микроскопическую дрянь, придётся очень постараться, куда серьёзней извернуться, чем просто вырезать инфоплант. Даже полная замена лимфы вряд ли избавит троицу от надзора.

Три серебристых кружка — на пояснице, на затылке и чуть выше пупка. Отсчёт пошёл.

Дервиш сотоварищи в минус.

Эффективно и быстро.

— Моё почтение настоящим людям! — Аким хохотнул, схватившись за бок: запаска не совсем корректно соединилась с ЦНС. — Вам придётся пройти курс социальной адаптации, разработанный лично мной. Методика «Джаханнам», слышали?

Молчание в ответ.

Метки контролируют тела незаконников, голосовые связки в том числе. Разговаривать запрещено.

— Включите зрение. Всем! — попросил Аким.

И добрейший толстяк К-30 не отказал — окунул ладони в серебристую ёмкость «моргалки», сжал кулаки, и...

Да будет свет!

Теперь можно отреагировать на причитания жены, отпрянувшей от коллеги-инкуба.

— Аким, откуда?! А как же я?! И ты...

— Дома поговорим. Позже. Оденься. И товарищу помоги.

Работа? — пожалуйста. Право голоса при выборе меню? — запросто! Измена? — что ж, бывает, плоть слаба. Аким позволял жене то, что нормальный мужчина не разрешил бы никогда. Два месяца в браке. Чувство новизны не притупилось. «Аким, — страстно шептала Малика, ускоряя ритм, — ты хочешь продолжить род?!»

Хочет ли Аким?

Честно? Нет. Кибо — существа, не склонные к размножению. Предназначение К-серии иное — учить людей быть людьми. И мало того — заставлять быть людьми. Иначе некоторые становятся чрезмерно буйными и шаловливыми. И тискают под партами студентов.

Человек = свобода? Ха! Человек есть дисциплина!

— Аким, мобиль у входа. Мой. Если хочешь.

— Спасибо.

Дисциплина... Однако следует признать: отсутствие инфопланта вызывает специфические ощущения. Есть в этом нечто эдакое, своеобразное... Втискиваясь в салон скарабея, Аким размышлял, позволит ли Хозяин Сущего продолжить эксперимент. Нападение дервишей было внезапным, но К-28 быстро сориентировался, подыграл...

Немного болели потревоженные рёбра — ворочался симбионт-запаска. А ещё жутко хотелось раздобыть бубен.

И танцевать.

Просто танцевать.

СЕРГЕЙ ЛЕГЕЗА

РАЗ, ДВА, ТРИ – ГОРИ!

*....Все мерещились им ледяные огни,
И жестокие Древние боги....
Тикки Шельен «Проворобьев»*

КРЕСТОНОСЦЫ.... – ПОВТОРИЛ КАКАТЕЕВ СОВЕРШЕННО потерянно. – Ну, они.... – пауза, – они хотели.... – вздох, – хотели найти гроб.

– Гроб, – сказал Анатолий с легкой вопросительной интонацией.

– Ага, гроб, – подтвердил Какатеев. – Ну, я в кино видел: про мумию, как она встала....

Бессмысленно. Бессмысленно и беспощадно.

И совершенно не смешно. Давно уже не смешно.

Самое печальное, что теперь уже и не ждешь ничего лучшего. И любой более-менее связный ответ радует так, как в студенчестве не радовал хороший спор: из тех, что до хрипоты и заполночь.

– Ладно, Роман, хватит. До следующего раза.

– Ну Анатолиймихалыч.... – заканючил Какатеев. – Я ж учил.

– Разговор закончен.

Смотреть на то, как Какатеев, вздыхая и кряхтя, подымается со стула и, приволакивая ноги, медленно тащится к двери, поминутно бросая через плечо жалостливые взгляды, было совершенно нестерпимо. Но он выдержал.

Иван Макарович Штых, давно и намертво прозванный студентами «Магарычем», глядел поверх очков.

– Тот самый? – спросил с сочувствием.

– Ага. Тот самый. «Великий киевский летописец Нестор Махно».

– А с виду вполне разумный юноша....

– Да они через одного вполне разумные юноши и девушки. В другом деле: мы им совершенно не нужны и не интересны с нашим религиоведением и историей культуры. Им и родная их органическая химия с механикой нужны слабо, а уж наши-то эмпирии....

– При всей вашей правоте, Анатолий, мне кажется, не все так плохо.

– Ну, если в том смысле, что все может быть еще хуже.... Впрочем, я просто устал, Иван Макарович, извините.

– Не стоит извиняться, Анатолий. Я старый человек, я начинал еще после войны и мне есть с чем сравнивать. Они и вправду.... – Магарыч сделал паузу, подыскивая слово, – ...неглубоки. Но это ведь не вина, а беда. Говорят, мир стал маленьким, однако это не так. Наоборот, мир стал совершенно неохватным, он теперь – словно океан, и в нем либо тонешь, либо скользишь по поверхности. Вот они и сделали свой выбор.

– Угу, – кивнул Анатолий. – Только нам – что с этим выбором делать?
– Ну.... Видимо, класть кирпичи: вы ведь помните эту старую притчу о строителях собора? А вообще-то – отчего бы нам не испить сейчас чаю?

Это штыховское «испить» всегда удивляло Анатолия: представить, чтобы такое звучало совершенно естественно, не запинаясь на искусственной старосветскости.... Повод для зависти.

Они выпили чаю – неторопливо, продолжая вести беседу: во второй половине дня лекции сегодня были только у Анатолия и Магарыча, потому никто не мог им помешать.

– Понимаете, Анатолий, все это, – Магарыч неопределенно обвел пространство руками, – все это, включая нас, совершенно, в сущности, излишне. Всего этого могло и не быть – и никто не сказал бы ни слова. Ни печали, ни радости. И именно такое положение дел меня и настораживает. Настораживает, причем, многим сильнее, чем невозможность выстроить элементарные логические связи между событиями нынешним поколением. С их проблемами все просто – обидно, быть может, для меня, старика, но просто: новое средневековье, как и сказано людьми, умнее нас с вами. Однако пустота ведь уже не за содержанием, но за формами. Вот именно это для меня совершенно необъяснимо. Словно в бездну заглядываешь.

На какой-то миг Анатолию стало страшно: будто в детстве, в ночном бабушкином саду, когда луна в полнеба и тени вокруг дрожат и шевелятся. Но тренькнул телефон, и иллюзия развеялась, как не было.

Звонила Катька.

– Да, сестрица, – бодро отпартовал в трубку, извиняющееся улыбнувшись Магарычу.

На другом конце всхлипнули.

– Тошка, – сказала Катерина стеклянно: Анатолий вскочил – и не заметил. – Тошка, приезжай, пожалуйста. Костик умер.

* * *

Менты укатили, оставив запах гнусного табака и вдребезги изгваздав полы в коридоре и на кухне. Катька сидела все так же: свесив руки между колен и глядя куда-то в угол, как просидела все время, пока молодой лейтенантик снимал показания, отчаянно морща при том лоб.

Анатолий же совершенно не ощущал себя лишним, и сам такому удивлялся: обычно при контактах с представителями власти он впадал в чумной ступор, из которого выходил долго, медленно и рывками. Сегодня, однако, все еще был бодр и порывался сделать хоть что-нибудь – пусть даже просто помыть посуду.

Вот только делать было нечего. Уже – нечего.

Анатолий присел подле Катерины, обнял ее за плечо, слегка потормошил.

– Это я виновата, – сказала Катька. – Я виновата.

– Не говори глупости, – ответил Анатолий.

Слова падали ржавыми монетками и совершенно так же обесценивались, не успев достигнуть сознания.

Потом Анатолий встал, прихватил веник и тряпку и отправился убирать в коридоре: необходимость занять руки сделалась просто невыносимой.

Подошла Катя и встала в дверях, уткнувшись виском в косяк. Просто-яла так довольно долго: он успел отскрести большую часть коридора и подбирался теперь к кухне.

— Знаешь, ему стало лучше в последний месяц, — сказала. — Я даже начала надеяться.... — вздохнула судорожно, обрывая себя.

Анатолий, как был, с корточек, поглядел на нее снизу вверх. Теперь, когда его отпустило, в затылке начала наливаться тяжелая пульсирующая боль.

— Тошка, — снова начала Катерина, и голос ее теперь стал скользким и острым, словно битое стекло. — Где же ты был, Тошка? Он очень хотел поговорить с тобой. Сейчас, погоди!

Метнулась, оскальзываясь, мимо него в костикову берлогу.

Анатолий медленно окунул тряпку в ведро, медленно прополоскал, медленно отжал. Сколько он не был здесь? Пару месяцев? Полтора? Находить-ся возле Кости, смотреть, как он медленно растворяется в безумии — словно поворачиваясь спиной к миру и уходя прочь — было выше его сил. Редкие звонки по телефону, договориться с врачами, съездить за лекарствами, но посещать — увольте.

Теперь ему начало казаться, что если бы все сложилось по другому, если бы он приходил сюда почаще....

Сестра вынырнула из дверного проема, словно из омута, но глаза сверкали решительно, да и вся она теперь была — сплошная целеустремленность. Прижимала к груди папку с разноцветными плетеными завязками.

— Вот, — протянула ему.

— Что это?

— Записки. Думаю, он хотел, чтобы с ними хоть кто-то ознакомился.

— Кто-то?

— Тошка, возьми их. Просто возьми.

Он медленно встал, выставив мокрые грязные ладони перед собой, попятился в ванную, включил воду. Долго, тщательно, мыл ладони: намыливал, держал под горячей водой, намыливал снова. Наконец завернул кран, вытер руки о полотенце.

Катерина стояла все так же: держа в опущенной руке папку с разноцветными завязками.

Словно во сне, он приблизился, а потом как-то сразу оказался на лестничной площадке: стоял, бессмысленно глядя в стену. Вышедшая из лифта бабка-соседка, видимо, не узнала: шарахнулась и уже от самой двери припечатала «этих бухарей».

Папка под мышкой почти ощутимо жгла бок.

И еще: открывать ее отчего-то было страшно.

* * *

Есть некая тайна, — писал Константин, мешая разумные слова с откровенным бредом. В силу своей природы, эта тайна непроизносима, но мы всегда можем заметить ее присутствие по движению теней на стенах наших пещер. Человечество раз за разом подкрадывается к сущности этой тайны, но раз за разом отступает, оставаясь не в силах с ней совладать. За последний век ближе всего к тайне, пожалуй, приблизились между мировыми войнами, когда система конвенционального знания дала трещину, и самые пытливые, всматриваясь в эту трещину, сумели многое увидеть. Таковы, например, Великие Древние Боги, такова борьба Огня и Льда, такова Лемурия и Гондвана. Нет-нет, сами теории — бессмысленны, однако же в каждой из них скрыта крупица истины. Да и потом, позже, после войны — порой случались прорывы. Скажем, теория «осевого времени»: ни Ясперс, как и никто другой, не сумели вскрыть причину этого всплеска, держась только общих суждений, не дающих нам почти ничего. Однако же явственно, что эффект «осевого времени» может и должен рассматриваться как следствие чего-то еще, чего-то совершенно особенного....

Анатоль сидел на полу, обложившись листьями из папки. Тупо болела, от затылка к вискам, голова, а в глаза словно сыпанули песка. Разбираться с записками шурина было нелегко. То есть, некоторая система несомненно просматривалась, однако попытка выдернуть ее из наслоения фантастических либо совершенно бредовых допущений потерпела крах. И все же система чужого безумия захватывала внечеловеческой стройностью и даже строгостью. И до кризиса отличавшийся богатым воображением и способностью к неочевидным выводам, слетев с нарезки, Константин не утратил умения возводить стройные конструкции вероятностей. Впрочем, ничто из прочитанного не объясняло всех странностей произошедшего с зятем — даже тех, о которых Анатолю было известно из путанного рассказа сестры. И, конечно, ничто не объясняло упорного желания Катьки выполнить обещанное Костику и отдать папку ему, Анатолю.

Анатоль перегнулся, подцепил кончиками пальцев отложенную до времени папку (была она еще наполовину полной), однако не удержал, листы веревкой скользнули по паласу. Оказалось, кроме прочих бумаг, там было несколько рисунков, не замеченных ранее: Анатоль притянул их, рассматривая.

Торопливые, но умелые наброски. Внизу каждого листа — затейливая монограмма (кажется, переплетенные латинские «R» и «S»). Штрихи — резкие, без тщательной проработки деталей, однако изображение, казалось, оживало, стоило расфокусировать взгляд. Набросок пейзажа: пологие, придавленные к земле горы, средневековые развалины и мрачный ельник, а над ними — острые звезды, складывающиеся в почти узнаваемые созвездия. Несколько рисунков одного и того же лица: старик с одутловатыми чертами, заостренными старой болью, сросшейся, казалось, с телом навсегда. Небольшой приземистый домик, но что-то в его пропорциях — откровенно пугающее. Несколько деревьев: каждое прорисовано максимально тщательно

но — многим тщательней остальных рисунков. Старые толстые стволы, спутанные ветви, наросты: будто лица проступают под корой.

Учитывая, что сам Константин рисовать не умел категорически, присутствие рисунков в папке казалось странным. Особенно если помнить, что вот уже года два он не выходил из дому без присмотра Катьки, а выходил — куда как редко.

К тому же рисунки вызвали странное чувство: словно бы невозможно вздохнуть полной грудью, а в глазах постоянно стоят слезы, размывая все вокруг неопределенной пеленой.

— Схожу с ума, — пробормотал Анатоль.

Между рисунками затерялся небольшой — в половину тетрадного листа — клочок бумаги. Торопливым Костиным почерком там было написано: «68-й! И страх окутал их, и скрылись они в нем, словно в тумане.... Проверить: монеты! Йаддит!». Бумага в некоторых местах прорвалась, словно Костя писал, положив ее на что-то мягкое и слишком торопясь при том.

«Йаддит».... Что-то знакомое. Не то «ёж»-«йошь», не то что-то другое, причем встречалось ведь — недавно совсем. Ну точно, вот же оно: заковыченная выписка на одном из листков: «...догадался, соединив отрывки сновидений и данные из манускриптов мудрецов Йаддита, что ключ, изготовленный на Земле, в Гиперборее, мог изменять лишь угол наклона плана человеческого сознания. Однако ему был подвластен планетарный угол наклона, и с его помощью частица Картера могла путешествовать во времени, не меняя своей телесной оболочки». «Ключ» и «угол наклона плана человеческого сознания» — жирно отчеркнуто. И — пометка об авторе.

Анатоль прочитал и захихикал в легкой истерике. «Ктулху фтагн», значит? То есть, все идеи и многозначительности, все опорные камни в записках Кости — только реминисценции на фантазии новоанглийского мизантропа, легшие на плодородную почву безумия?

Он отложил бумаги и отправился варить кофе — необходимость перекурить ситуацию сделалась совершенно невыносимой. Истерика все не унималась, подкатывая к горлу неконтролируемым смешком. А хорош я, наверное, со стороны, — подумалось мельком, и рука в очередной раз дрогнула от сдерживаемого хохота, просыпая сахар.

Представляю, думал, судорожно заглатывая сладкий кофе, представляю, как бы оно выглядело: молодой философ вступает в схватку с Ужасом-из-Бездны. Мрачные Древние Боги рукоплещут щупальцами и отчаянно свистят.

Так он веселился, пока снова не позвонила Катерина.

* * *

— ...такие дела, — закончил опер (как его? Седыщев? Следыщев?) и откинулся на спинку стула.

Анатоль же все глядел на бумажный конверт, из которого высыпалась по столу горсть мелких вещей: ключи, огрызок карандаша, квитанции на квартиру.... И монеты. Три штуки. Медные кругляши, привет из пионерского без-

заботного детства. стакан минералки с сиропом. Три коробка спичек. Проезд на трамвае. Куда все подевалось? Не иначе, как в Обиталище Древних Богов.

— Не понимаю, — сказала Катерина.

Была она бледной, вытянутой в ниточку и напряженной, словно струна: тронь — взвоет.

Анатолий перегнулся и накрыл ее ладонь своей.

Катерина, впрочем, резко и даже зло высвободилась.

— Не понимаю, — повторила. — Что значит: «Повреждения не установленной природы»? Его что же, убили?

Опер (вспомнил: Сладищев!) дернул уголком рта.

— Оснований говорить так у нас нет, — развел руками. — Да я сам не понимаю, — сказал примиряюще и как-то совсем тоскливо. — Сам не понимаю....

Анатолия словно бес в бок толкнул:

— А монеты — их нашли в кармане?

Опер поглядел как-то оценивающе.

— В кулаке, — сказал. — Были зажаты в кулаке.

И добавил после паузы:

— Вы что-то знаете, Анатолий Михайлович?

— Н-нет, — проговорил он. — Вовсе нет. Просто странно: монеты старые, союзные еще.

— И правда странно, — согласился опер.

А у Катьки на лице отразился испуг — нутряной и резкий, словно ожог. Анатолий мысленно сделал зарубку на память: не забыть.

И не забыл.

Только сначала они добрались до Катькиного дома: минут за пятнадцать неспешной молчаливой ходьбы. Поднялись на четвертый этаж — все так же молча и неторопливо. И только когда вошли в полутемный коридор и захолопнули тяжелую бронированную дверь, когда, в домашних тапочках уже, сидели за столом, и Катерина разливала по чашкам чай, Анатолий уткнул локти в стол и твердо, глядя в упор, сказал:

— Рассказывай теперь.

И Катька, словно обрезали невидимые ниточки, перегнулась, пряча в ладонях лицо, и разрыдалась: взхлеб, навзрыд, не в силах остановиться. Говорила сквозь слезы: невнятно, заглатывая слова, никак не имея сил выстроить рассказ в той необходимой степени внятности, когда все становится понятным пусть не с полуслова, но хотя бы в целом. Анатолий не перебивал, давал выговориться.

А говорила Катька вещи странные и слабо вероятные.

Из рассказа ее выходило, что Костик всерьез поверил, будто неподалеку живет бог. Просто бог. Как муж пришел к такому выводу, Катерина сказать не могла, но была уверена в главном — мужнины фантазии сформировались задолго до психического разлада и никак с ним связаны не были. Даже так: при обострениях Костя не вспоминал об этих своих фантазиях со-

вершенно — как отрезало. Но лишь только состояние стабилизировалось, как все начиналось сначала. Ему не требовалось доказательств: Костя был просто уверен, как мы уверены, что солнце ходит по небу даже в пасмурный день, и все пытался распознать место, где бог обитает. Вот и в последний месяц, когда состояние его начало улучшаться, снова загорелся: вел какие-то расчеты, подолгу простаивал у окна, наблюдая за движением облаков — говорил, что случайности нет и здесь. Кажется, всерьез верил, что найдет он этого бога — и тот сумеет помочь. Даже так: само психическое расстройство Костя напрямую связывал с тем, что ему известно — дескать, это защитная линия, ограждающая от нежелательного интереса со стороны простых людей. Возможно, только первая линия.

— И что же, — спросил, наконец, Анатоль, — что же, нашел он своего бога? Катька всхлипнула и разревелась с новой силой.

Сквозь слезы сумела вытолкнуть: мол, да, смерть Костика она считает связанной с его дурацкой попыткой добраться до заветной цели; мол, по всему выходит, что он каким-то образом установил направление, в котором необходимо искать, а уже по дороге с ним что-то случилось. Что-то настолько нехорошее, что даже в милиции прячут глаза и не предъявляют результаты медицинской экспертизы. Она говорила сначала сквозь слезы, потом всхлипывая, потом — и вовсе успокоившись. В голосе ее вдруг прорезалась злость, словно бы Анатоль вместо того, чтобы молчать, вовсю с нею спорил. Сестра становилась все агрессивней, голос звенел, обвиняя невесть кого невесть в чем.

Анатоль молчал, глядя в стол, наконец не выдержал и спросил напрямую:

— Ты и правда в это веришь? В бога, который ради инкогнито свел твоего мужа с ума, а потом и убил? Катька, ты вообще — как?

Катерина мотнула головой:

— А плохо, Тошка! Плохо! Так плохо, что.... Я ведь не знаю, что и думать: у Кости даже в дневнике....

И замолчала испуганно.

Анатоль поднялся из-за стола и отошел к окну. Глядел на частный сектор, что тянулся под окнами вниз по склону балки.

— Послушай, — сказал, не поворачиваясь, — а тебе не кажется, что пора бы рассказать все до конца?

* * *

Родион Вениаминович Смоквин держал рисунки так осторожно, что, казалось, боялся, как бы они не рассыпались от малейшего неловкого движения. Выражение его лица при том было трудно истолковать наверняка. Восторг? Испуг?

— Поразительно, — сказал наконец и все так же осторожно положил рисунки на краешек стола, не убирая далеко: словно боясь расстаться с листками больше, чем на минуту. — Поразительно, что они сохранились.

Дневник Кости оказался на удивление точным — и в смысле адреса художника и в смысле характеристики, данной ему зятем в дневнике. «Богемность на грани фола, — писал Костя округлым детским почерком, — но измазанные краской руки с неухоженными ногтями: в этом весь Смоквин. Говорит, обращаясь к тебе, но сразу же дает понять, что пророчествует для жадно внимающей толпы за твоей спиной. Позёр, но совершенно безобидный при том. Просто удивительно, как его угораздило оказаться там и тогда».

И если с характеристикой Анатолю волей-неволей приходилось соглашаться, то насчет этого «там и тогда», собственно, и нужна была конечная ясность. Та самая, которой так не хватало вот уже третий (всего третий? — удивился вяло) день.

Смоквин между тем мелко покивал, словно продолжая прерванный разговор:

— Ах, как же я старался потом — позже, когда понял, свидетелем чему, собственно, мне удалось стать, — как я старался восстановить эти рисунки! Извел дьявольски толстую пачку листов, да только все совершенно зря. Зряшная работа, как говаривал мой папаша. Что-то главное — живость? правда? истина? — ускользала, не давалась. Особенно с ним, — он осторожно провел пальцами по кромке листа со стариковским лицом. — Такая удивительная фактура.... Знаете, — сказал очень доверительно, — ведь он мне порой снится: совершенно, нечеловечески одинокий, но вызывающий не жалость, но оторопь и панику. Удивительно чувство, просто удивительное.

Откинулся на спинку высокого жесткого стула и прикрыл глаза, словно погрузившись не то в транс, не то в воспоминания. Пальцы продолжали поглаживать кромку листа.

Анатолий нарочито громко заворочался на своем стуле — так, что Смоквин открыл глаза и поглядел осуждающе: как смотрят на не в меру расшалившегося малыша.

— Но вы, наверное, желали бы узнать подробности? — спросил, сцепляя пальцы на животе. Худой и остроносый, он походил теперь на замученного опасениями суриката, африканского суслика.

Анатолий кивнул:

— Собственно, именно за этим я и пришел к вам, Родион Вениаминович.

— Кстати, позвольте полюбопытствовать, как поживает Константин? Он показался мне чрезвычайно тактичным, хотя и уставшим от жизни человеком. В нашу прошлую встречу....

— Он умер.

Смоквин дернулся, будто Анатолий его ударил.

— Да что вы говорите! Такой молодой.... Кто бы мог подумать.... Но, позвольте, как же тогда вы меня нашли, если....

— Костя вел дневник. И некоторые обстоятельства.... В общем, необходимо кое-что выяснить. Ну, о событиях, после которых вы сделали рисунки.

— Понимаю, — Смоквин задумчиво покивал головой. — Но позвольте спросить: как же он умер?

— Несчастный случай, — коротко ответил Анатолий.

Лицо Смоквина неумовимо изменилось: словно захлопнулись ставни:

— Вижу, вы не до конца мне доверяете, Анатолий. Несчастный случай, надо же! В силу тех самых причин, что позволили мне сделать эти зарисовки, позвольте вам не поверить. Либо вы не доверяете мне, либо — и это еще хуже — сами пребываете в неведении. И то, и другое обстоятельство одинаково опасны, если позволите мне сказать именно таким образом, да-с.

Это «да-с» совершенно вывело Анатолия из себя — видимо, тем, что подобный тон у Смоквина выходил презрительным и словно проводящим черту.

— Позвольте кое-что объяснить и вам, Родион Вениаминович, — Анатолий говорил ровно, сдерживая себя. — Погиб муж моей сестры. Погиб нелепо, но никаких оснований не доверять милиции у меня нет. А милиция говорит: несчастный случай. К вам же я пришел оттого, что Костя недвусмысленно назвал вас как человека, который оказался посвящен в его теорию. Если вам по каким-то причинам невозможно со мной разговаривать — я, конечно, не посмею надоедать.

Смоквин поморщился:

— Ну зачем вы так, Анатолий, зачем? Тем более, что скрывать мне совершенно нечего — все равно мало кто поверит в мои рассказы о том, что случилось без малого сорок лет назад. Скажут: совершенно свихнулся дед. Сдвинулся. Съехал по фазе. Или как там нынче говорят?

— Костя писал в дневнике, что вы видели бога? Позвольте спросить, что он имел в виду?

Смоквин вздохнул:

— Именно то, что написал: я видел бога. Более того: я продолжаю видеть его и сейчас — время от времени.

* * *

Замок на чердачном люке был новенький, но хлипкий: хватило просто слегка поднажать ломиком.

Теперь Анатолий сидел у низкого поребрика и тщательно выцеливал стареньким биноклем красную облупившуюся крышу. Бог, оказывается, жил довольно скромно, без размаха: домик в полтора этажа, дощатая веранда, заросший сухими сорняками двор и огород.

Домик, кстати, был тот самый, с рисунка: приземистый, словно прикипший к земле, со странным сдвигом в пропорциях. Все казалось, что отползает куда-то в сторону, стоит только чуть отвести взгляд.

На пристанище бога это не походило совершенно. Скорее, на сельский домик, подрастерявший в возможном обаянии за годы и годы под дождем и снегом. И, кто бы ни были его хозяева, покраска и побелка оставалась им совершенно неинтересной. Видимо, божественная сущность не предусматривала подобной активности. В общем, ничего экстраординарного.

Единственно: поймать его в окуляр действительно оказалось делом непростым. Рука все норовила сместиться, чтобы глаз глядел на что угод-

но — хоть на соседские стены, хоть на мокрые черные стволы по-над дорогой, но только не на красную облупившуюся крышу. И уже это не давало плюнуть на все и отправиться восвояси, поставив жирный крест на дурацком приключении.

Чтобы увериться, Анатолий расстегнул куртку, вытащил наружу шнурок с трехкопеечной монеткой, снова припал к окуляру. Над деревьями стремительно наворачивали круги голуби: белые запятые на фоне пасмурного неба. Анатолий перевел бинокль чуть в сторону, проследив за старенькой проржавевшей «копейкой», честно пыхтящей изношенным двигателем. Смотрелась она на фоне неокрашенных заборов символом такой пронзительной силы, что....

Стоп.

Что он вообще пытается найти здесь, на чужой крыше, если.... Анатолий опустил бинокль, наткнулся ладонью на шнурок, свисающий с шеи — с привешенной монеткой. Стоило только взяться за нее, как мир встрепенулся, отряхиваясь, будто мокрый пес.

Значит, вот как....

Анатолий сполз вниз, привалившись к поребрику спиной и прищурившись в низкое осеннее небо: совсем скоро начнет темнеть, а до этого ему необходимо выполнить кое-что из задуманного.

И еще — нужно было подумать, но время, время....

Не было времени.

Не было даже на то, чтобы просто прокачать ирреальность Костиковых идей: тех, что вычитаны уже не с разрозненных листков переданной Катькой папки, но — из дневника. Того самого, который, как оказалось, Костик вел уже лет десять как.

И при чтении порой думалось, что с ума он начал сходить многим раньше, чем начался тот внезапный кризис двухгодичной давности.

Судя по датам, кризис совпадал со встречей Кости и Смоквина и с первыми записями, где история возвращения Древних Богов излагалась более-менее подробно.

Схема, которую придумал для себя Костя и отголоски которой присутствовали в записях из папки, была словно из историй о похождениях мускулистого киммерийца. Жестокосердые Боги Древности, устав от походов по мирам и бесконечных сражений с чудовищами, возвращались (или просто приходили? в этом не было ясности) в наш мир, чтобы раствориться в нем после некоего срока, оплодотворив землю и небеса в месте своего нисхождения божественными эманациями. Собственно, именно с их смертью-растворением, Костя связывал и «осевое время» Ясперса, и «пассионарные взрывы» Гумилева, и даже волхвов с их путеводной звездой. А вот местом нисхождения очередного усталого бога Костя полагал родной город и тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год, с которого (и места, и года) начался кризис и неустройство Союза, закончившиеся так, как закончились. Похоже, что очередной низошедший бог оказался не воителем, а трикстером.

Оставалось только решить, что с такими откровениями делать. Особенно на фоне домика с красной облезлой крышей, что изо всех сил старается спрятаться от направленных на него взглядов.

Проще всего было б отвернуться и уйти. Проще всего. Да и к тому же — а ради чего? Ради сомнительного принципа «хочу все знать»? Так ведь и страна уже другая, и времена — не споспешествуют. Времена вообще такие, что крестоносцы теперь — ищут гроб, из которого готова восстать мумия. Потому что так показывают в фильмах.

Хотя, с другой стороны, — а если времена именно таковы оттого, что трикстер все никак не может умереть и оплодотворить тем самым небо и землю? И, собственно, не умея умереть, раствориться, небо и землю иссушает, пытаясь восстановить распадающуюся божественность?

Ведь у Кости, насколько Анатолий сумел понять изо всех недоговоренностей, существовал вполне определенный план, как поступать, если все же фантазии окажутся реальностью. И кажется, Анатолий догадывался, что это был за план — убить бога.

* * *

Сумерки упали, словно сети ловчего: вот небо еще светится томным пурпуром, а улицы полны людьми, а вот — приходит темнота, и только редкие автомобили белым, бьющим по глазам светом сгущают тени в почти осязаемые купы.

Анатолий вздохнул и толкнул калитку.

Сделать это оказалось на удивление нелегко — труднее даже, чем просто подойти к серым — когда-то синим — планкам забора, вдали за которым, словно на обратной стороне Луны, прятался домик с красной облезлой крышей. Возможно, действительно пригодились бы не одна, а три монеты. Трижды три, вполне себе священный символ.

Отступить, впрочем, уже некуда.

Да и незачем. Вопрос веры, в конце концов. И испытания ее, да.

Другое дело, что вера эта — не его.

Разве что — поставить точку....

Редкие прохожие начали скользить по нему невидящими взглядами, едва только Анатолий приблизился к калитке. И это было не вопросом веры, но фактом реальности. Данной нам в ощущениях, как ни крути. Осталось только повстречать привратника с мечом огненным и обращающимся.

Но вместо привратника за калиткой тянулась довольно захламленная и поросшая сухостоем дорожка: четырехугольные бетонные плиты за годы и годы сдвинулись, раскололись, из щелей поперла трава, и приходилось аккуратно выбирать, куда ставить ногу.

Интересно, что я скажу, когда его увижу? Здравствуйте, ваша божественность? А окажется, что — просто старик, позабытый всеми и доживающий век в одиночестве. Ветеран войны и труда. Впрочем, этот-то случай оказался бы самым приемлемым. Странное дело: все готовы к мистике, но

все мистики чураются. Готовы возводить бумажные миры и империи, но прячут голову под крыло, едва за плечами запахнет серой. Я, кстати, если подумать, совершенно не исключение. Разве что — специалист дипломированный. По тем самым пряткам головы под крылом. Или в песке — в зависимости от точки зрения. Что-то я много болтаю. Ха-ха, смешно — говорить «болтаю», подразумевая внутренний монолог. Но ведь и вправду — много болтаю, ничего не попишешь. Наверное, волнуюсь. Да нет, наверняка волнуюсь. Было б странно, когда б сумел оставаться бесстрастным. В мои-то годы и в моих-то обстоятельствах. Впрочем, какие же это «твои годы», а? «Мои годы» мог бы говорить Смоквин, а тебе — рановато. А вот Магарычу нашему, уважаемому Ивану Макаровичу — уже поздновато говорить о «моих годах». Просто потому, что очевидно. Оче-видно.

Потом он понял, что идет по дорожке к дому уже довольно продолжительное время, а облупившиеся стены не приближаются. Анатолий остановился. Вернее — хотел остановиться, потому что ноги — не слушались, а продолжали равномерно шагать вперед. Трава под ногами из жухлой и желтовато-зеленой сделалась вдруг черной, жесткой, с явственным синеватым отливом, по ней ходили острые стальные взблески и ставить ногу меж ее стеблей делалось страшно. Деревья же по-над дорожкой наоборот — вытянулись вверх, из мокрых и черных стали матовыми и серебристыми, внутри стволов словно били короткие частые сполохи и тогда высвечивало землю у корней — на несколько метров вглубь. Становились видны смутные кольцеобразные тени, сплетающиеся там, где у нормальных деревьев могут быть только корни, но было это не жутким, а жутко интересным, таким, что и взгляд возможно было оторвать с большим трудом. Вернее, оторвать взгляд от них делалось невозможным, и Анатолий медленно, словно под водой, поднял руки и прикрыл ладонями глаза. Сразу делалось сумрачно, словно туча набежала на солнце, но он продолжал видеть контуры деревьев, и дорожки, и жесткой черной травы под ногами, и смутное движение в небесах, что вдруг вывернулись ношенным треухом и провисли мохнатыми изнаночными петлями прогнувшейся небесной сферы. Тогда он попытался не остановиться, но упасть на бок — в сторону от стальных отсветов на черной траве. Но тот час же на земле, куда бы он упал, словно раскрылся рот: жадная воронка с осыпавшимися морщинистыми краями, готовая всосать его, словно сигарету — в три затяжки. И он закричал, но удержаться уже не сумел, и все падал, падал, падал....

Кто-то крепко держал его за плечо и приговаривал при том: «Тошка, Тошка, очнись, родной мой, очнись!», и он очнулся — словно водой плеснул в лицо со сна. Вокруг уже все снова было по-прежнему, узнаваемо и неопасно, но за узнаваемостью этой теперь скрывались желтоватые клыки и хмурые внимательные глазки. К узнаваемости этой теперь нельзя было поворачиваться спиной.

Оказывается, его держала Катерина: в джинсах и старой костинной штормовке, затянутой под горло. Руки ее оплетали цепочки, прижимавшие к ла-

доньям пятаки: по одному к каждой. На недоумевающий взгляд Анатоля Катька дернула плечом:

— Я ведь тоже читала дневник, — сказала не без вызова, но Анатолю на эти нюансы среагировать не мог никак — все старался не поворачиваться спиной к той самой опасной узнаваемости, что открылась ему в несколько последних секунд.

И тогда Катька влепила ему оплеуху — сильно, с размаху, пятаком по щеке. Анатолю не удержался на ногах: сел на землю, примирительно выставив руки.

— Все! — сказал. — Хватит. Отпустило.

В голове и правда прояснилось — в достаточной степени, чтобы отличать кажимость от реальности.

— Как ты здесь? — спросил невнятно, но Катька поняла.

Шмыгнула носом.

— Хочу разобраться.

— И как?

— Да видишь же, — махнула рукой с пятаком. — Оказывается, что действует.

Поглядела с тоской на близкий дом.

— Пойдем?

И они пошли.

* * *

Хотелось вытереть руки.

Анатолю стоял над постелью, не в силах ударить.

Резко отвернулся, махнул рукой — нож узвенел куда-то под стену.

Пусть бы даже бог. Даже старый и сошедший с ума. Но чтобы так? И после этого — жить и верить?

Старик все так же неподвижно лежал на кровати, глядя в потолок, и медленно, с хрипом, дышал. Сколько он провел здесь по человеческому времени — в неподвижности и одиночестве? Год? Два? Смоквин говорил, что не видел его вот уже несколько лет, но Смоквину Анатолю верить не мог.

Они ждали ловушек и злой настойчивой воли, а столкнулись с живым домом — слугой и привратником в одном лице, что сдался их воле, едва они сумели перешагнуть последний порожек, и еще со стариком, давно утратившим связь с реальностью и лежащим теперь со счастливой улыбкой.

Счастливой?

Анатолю поглядел вниз: да, счастливой, несомненно. Не от старческого слабоумия и невозможности сохранить разум — а потому, что разума, кажется, не было изначально. Древние Боги обернулись фарсом. Некто, лежавший перед Анатодем, носил тело, как носят костюм, но и только. И был — совсем не тем, кого ожидалось увидеть. Не герой и не трикстер. Просто священное животное. Апис. Собака, уползшая умирать подальше от дома и хозяев. Или, скорее, отпущенная в приют, в свой последний собачий рай.

А главное — это ведь ничего не меняет. Священное животное тоже должно умирать.

Прикоснувшись к сухой холодной старческой коже, Анатолий — вдруг, сразу, — понял все, чего знать было не положено: будто ангел снова одарил избранного горьким свитком из ладоней бога, и распахнулась даже не даль, но глубина. Или высота.

Бездна.

Оставалось только сделать шаг и обрушиться туда, вниз.

Или воспарить: зависит от точки зрения.

Но главное — он, лежавший здесь, действительно убил Костю. Убил так же неотвратимо, как лавина погребает любого, под нее попавшего. И что же? Осуждать? Судить?

Все равно, что проклинать ветер.

Он повернулся и вышел в дверь: в одну, вторую, длинным коридором. Шагнул на крыльцо.

Катя глядела на него так, что...

— Не могу, — сказал Анатолий.

Секунду она смотрела на него — неотрывно, со странной смесью эмоций, между которыми улавливалась и боль, и облегчение, и злость.

Потом отвернулась и в два шага исчезла в доме.

Хлопнула дверь.

Анатолий сел возле входа, привалившись к косяку. Мысли теперь текли вяло, словно склеенные ощущением неотвратимости. Он сгреб в горсть травинки, росшие у крыльца, начал выкладывать их на растрескавшийся бетон: одна, вторая, накрест, внахлест...

Что-то сдвинулось — внутри дома и вовне его. Анатолий уронил руку вдоль тела и заплакал, откинувшись затылком на стену.

Потом из дома вышла Катя и остановилась сзади, недоуменно глядя себе на руки.

— Он ничего не сказал, — проговорила. — Умер, но ничего не сказал. И не сопротивлялся. Совсем. Что же мы наделали, Тошка?

Он не ответил, и тогда сестра присела рядом, обхватив себя за плечи. Так они и сидели: неподвижно, уставившись куда-то в темнеющие небеса, ожидая, быть может, когда над деревьями взойдет новая звезда — лохматая и крупная, зовущая за собой своих волхвов.

СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ

ИСЧЕЗАЮЩАЯ МЫШЬ

В

СЕ МЫ ХОРОШО ЗНАКОМЫ СО СВОЙСТВАМИ НУЛЬ-пространств, не правда ли? В современную эпоху, когда каждая квартира оборудована порталами тоннельных нуль-переходов, а мобильные гипертерминалы стали доступны даже для школьников, трудно поверить, что были времена, когда люди довольствовались одним единственным трехмерным ньютоновским пространством. Для того, чтобы переместиться на небольшое расстояние, люди пользовались автомобилями с четырьмя пневматическими колесами. Для больших расстояний использовались поезда или квантовые ракетопланы.

Одним из первых исследователей, которые задумались о практическом использовании нуль-пространств, был впоследствии почти забытый потомками Иннокентий Нанский, живший в то время в городе Лисиге, в предгорьях Алтая. Энциклопедия упоминает о нем лишь в связи с «постулатом Нанского», который утверждает возможность нуль-состояния вещества. Однако мало кто знает, что именно Нанский был первым человеком на Земле и планетах Содружества, кто практически осуществил самый настоящий нуль-переход, и представьте себе, случилось это еще в диком и дремучем двадцать втором веке.

А началось все с исчезающей мыши.

Нанский жил на втором этаже уютного пластикового дома. Дом состоял из четырнадцати комнат, и в распоряжении Нанского (студента Академии в то время) имелось две из них. Домом владела госпожа Р., нервная старая дева с садистическими наклонностями. Ее характер и внешность отпугивали потенциальных жильцов, поэтому большинство комнат в доме оставались пусты, несмотря на еженедельно обновляемые объявления о сдаче в сетях Гипернета и Квадронета.

Для проведения экспериментов Нанскому нужна была мышь, которую он собирался нуль-транспортировать между двумя коленами стандартного лабиринта. Если мышь останется жива, то будет доказана возможность внепространственного перемещения живого существа. А значит, все автомобили, поезда, корабли и самолеты со временем отойдут в историю: люди научатся мгновенно перемещаться в любую точку во вселенной. Но для начала ему нужно было достать мышь.

Генетически чистая мышь в то время стоила двадцать две копейки — немалая сумма для Нанского, превышавшая две его месячных стипендии. Но главная проблема была не в этом: проблема была в том, что госпожа Р., совашая нос во все, панически боялась мышей. Госпожа Р. могла нарушить чистоту эксперимента, заглянув в комнату в любое время дня или ночи; именно для этого она сняла все внутренние замки и защелки на дверях дома. Больше всего на свете она ненавидела девушек, громкую музыку и мышей.

Однажды, сидя у открытого окна своей комнаты, скрытый ветвями старого клена, Нанский размышлял об этой проблеме и одновременно наблюдал, как госпожа Р. окучивает генетически модифицированный гигантский укроп во двореке. Он думал о том, что в нуль-состоянии материя становится эквивалентна информации, а следовательно, может беспрепятственно перемещаться. Хорошо бы переместить госпожу Р. куда-нибудь на Карибские острова, мечтал он, чтобы она не могла мешать моим экспериментам.

На Карибах в то время свирепствовала очередная эпидемия бычьего лиша, поэтому идея была не лишена приятности.

Но вскоре он придумал кое-что более практичное.

Он вытащил чемодан из-под кровати, открыл его и пересчитал все свои сбережения. Сбережений оставалось тридцать четыре с четвертью копейки: достаточно, чтобы купить мышшь и дотянуть до стипендии. Этим же вечером он приобрел мышшь, которая была мужского пола и отзывалась на кличку Василий. Все приборы, необходимые для первичной нуль-трансформации, у него имелись.

Дело в том, что Нанский работал над проблемой нуль-состояния уже давно, и он собрал установку еще две недели назад. Проведению чистого эксперимента мешала лишь обстановка в доме. Убрать куда-нибудь госпожу Р. было не в его силах. Зато сейчас он собирался информационно изолировать мышшь от хозяйки дома.

Его идея была по-настоящему гениальной: он обработает мышшь так, что в тот момент, когда госпожа Р. взглянет на нее, мышшь мгновенно перенесется в одну из отдаленных комнат дома. То есть, мышшь окажется абсолютно невидимой для старой девы. Значит, Нанский и все его приборы останутся в безопасности. Если эксперимент окажется удачным, это будет настоящим нуль-переносом материи в неопределенную точку. Нанский был уверен, что сумеет это сделать. Нужно будет лишь обработать мышшь взглядом госпожи Р.

Но вначале необходимо было взять образец этого взгляда. Это было не таким уж простым делом. Проблема в том, что в двадцать втором веке имелось много предрассудков на этот счет, и взглядами, записанными на голографические инфо-пластины, обычно обменивались лишь влюбленные.

Нанский спустился на первый этаж и робко постучал в дверь комнаты, где хозяйка обычно читала по вечерам очередной видео-роман.

— Иннокентий? — строго спросила госпожа Р. и нервным движением застегнула верхнюю пуговицу на шее. — Чего тебе так поздно? Не видишь, я не одета.

— Я хотел попросить вас о чем-то.

— Проси.

— Я принес вот это, — он показал госпоже Р. инфо-пластину. — Запиши на нее образец своего взгляда.

— Ты с ума сошел!

— Понимаете, я ученый, — продолжил Нанский. — А для того, чтобы добиться успеха на научном поприще, мне не обойтись без дисциплины.

— Именно ее тебе и не хватает.

— Ну да, я же об этом и говорю! Я заметил, что ваш строгий взгляд меня

очень дисциплинирует. Я сразу перестаю думать о девушках и громкой музыке и начинаю с утроенным усилием готовиться к экзаменам. Это очень помогает. Не знаю, что бы я делал без вас.

— Это правда? — спросила госпожа Р, слегка смягчившись.

— И, кроме того, вы напоминаете мне мою мать.

— Хорошо, — сказала госпожа Р, — я запишу тебе свой взгляд, но только до конца сессии. И за пользование взглядом я буду брать с тебя дополнительно четверть копейки в день. Ты сказал, тебе нужен строгий взгляд? На, держи.

Нанский вернулся в комнату и обработал полученным взглядом мышь Василия, затем отключил инфо-пластину. Взгляд погас, но мышь продолжала жалобно попискивать. Инфо-воздействие человеческим взглядом всегда болезненно для животных.

— Прости, Василий, — сказал он, — но это было для твоего же блага. — А теперь, толстячок, пожалуй-ка сюда.

Он перенес мышь в установку. Настроил приборы, на всякий случай вставил новый предохранитель, глубоко вздохнул и нажал кнопку. И мышь исчезла из плексигласового ящика. Первый в истории нуль-переход свершился.

* * *

Нанский несколько секунд в полном недоумении смотрел на пустой прозрачный ящик. Сомнений не было, тело мыши перешло в нуль-состояние и беспрепятственно перенеслось в некоторую точку пространства. Но почему это случилось сразу? Очевидно, в его расчеты вкралась какая-то ошибка.

Теоретически, мышь должна была исчезнуть лишь в тот момент, когда на нее посмотрит госпожа Р, чьим взглядом бедное животное и было предварительно обработано. Взгляд же самого Нанского не должен был оказать на мышь никакого воздействия. Равно как и взгляд любого другого человека, исключая госпожу Р. Однако мышь исчезла.

В этот момент его пронзила страшная догадка. Неужели мышь реагирует на взгляд любого человека? Просто на человеческий взгляд? — подумал он. Но как же, в таком случае, ему удастся продемонстрировать свое открытие на заседании кафедры инфо-технологий? Ни один из ученых мужей не сможет увидеть мышь, потому что та сразу же исчезнет, как только кто-либо обратит на нее свой взгляд. Складывалась странная ситуация: с одной стороны, мышь есть, а с другой стороны, ее вроде бы и нет, потому что она информационно изолирована от человечества.

Нанский тихонько приоткрыл дверь и прислушался. Дом был тих. Госпожа Р. наверняка уже заснула за чтением. Улица внизу, отделенная от дома зарослями древовидного укропа, тоже была безмолвна, потому что в пластиковых хибарах на противоположной стороне уже давно никто не жил.

— Василий! — тихо позвал он. — Василий, иди ко мне!

Продавец мыши уверял, что та очень любит клубнику, и достаточно даже одного слова «клубника», чтобы Василий прибежал к тебе из дальнего конца комнаты.

Нанский выключил свет и зашторил окна.

— Василий, клубника! — сказал он. — Клубника, клубника, я тебе говорю!

Через несколько минут он услышал топотание маленьких ножек. Затем что-то маленькое и мягкое ткнулось в его руку, опущенную к самому полу. Нанский взял зверька в руку и поднес к своему лицу, чтобы рассмотреть. В ту же секунду ладонь оказалась пуста. Мышь исчезла под воздействием человеческого взгляда.

В течение ночи он повторил эксперимент еще четыре раза, и каждый раз Василий исчезал, оказываясь в одной из соседних комнат. Через некоторое время мышь поняла, что клубники она не получит, и перестала откликаться на зов. Нанский лег на кровать, закрыл глаза и включил внутриглазной дисплей. Формула за формулой проплывали перед ним, мелкие формулы собирались в быстрые стайки, как мелкие рыбы, а большие, четырехэтажные, двигались медленно, как киты. Внутриглазной дисплей оценивал скорость восприятия и, в соответствии с этим, перемещал текст с разной быстротой. Вскоре Нанский нашел ошибку, а затем и еще одну. Вторая ошибка заставила его похолодеть.

Он проверил все еще раз, и убедился, что совершенно прав. Его первая ошибка заставляла мышь исчезать под воздействием взгляда любого человека. Зато вторая!

Его вторая ошибка заставляла мышь удваиваться каждый раз, когда она исчезала. Другими словами, всякий раз, когда Василий исчезал в одной из комнат, в соседних комнатах возникали сразу два идентичных Василия. Это значило, что сейчас по комнатам уже разгуливало штук шесть одинаковых исчезающих мышей.

Как только он подумал об этом, с нижнего этажа донесся душераздирающий крик. Вопила госпожа Р., и, судя по тону ее голоса, она увидела мышь. Нет, впрочем, увидеть мышь она не могла, успокоил себя Нанский, скорее всего мышь укусила ее за палец.

Госпожа Р. имела обыкновение есть клубнику перед сном, при этом она брала ягоды пальцами.

Через минуту хозяйка ворвалась в комнату Нанского.

— В моей комнате мышь! — орала она. — Я знаю, что это твоих рук дело!

— Вы ее видели? — спросил Нанский.

— Нет, но она съела всю мою клубнику из мисочки, а потом легла спать у меня на груди. Я проснулась от мышиного запаха! Скажи честно, это ты подстроил?

— Как я мог? — сказал Нанский. — У меня ведь нет денег на то, чтобы купить мышь.

— Действительно, — согласилась хозяйка. — Мышь в наше время стоит недешево. Но что же нам делать? Ты сможешь ее поймать?

— Не уверен в этом.

— Я так и знала! Мужчины никогда ни в чем не уверены. В таком случае нам придется завести кота. Хотя бы кота ты сможешь поймать?

— Я попытаюсь, — ответил Нанский.

* * *

К началу двадцать второго века во всех земных городах были уничтожены мыши, тараканы, клопы и прочая вредная живность. В лесах исчезли комары и клещи. В океанах больше не было белых акул, а все полярные медведи сидели в зоопарках. Волки вымерли еще раньше, самыми опасными лесными хищниками в то время считались весьма расплодившиеся барсукки. Мышь считалась редким животным, и стоила дорого. Зато бездомных котов все еще было предостаточно.

Весь следующий день Нанский провел в поисках такого кота. Котов в окрестностях водилось немало, но большинство из них стали совершенно дикими и не подпускали к себе человека. Дважды Нанский вытаскивал котов из подвала, применяя остроумное приспособление в виде куска мяса на веревочке, но оба раза коты ударили. Однако к вечеру ему повезло.

Пойманный кот оказался таким истощенным, что даже не сумел убежать от человека. Нанский принес животное домой и покормил его искусственным куриным белком.

Расчеты показывали, что обыкновенный кот никак не может поймать исчезающую мышь. Точнее, поймать ее он сможет, но не сумеет убить. Смерть исчезающей мыши означала бы нарушение закона сохранения информации, одного из важнейших законов мироздания. Убить и съесть исчезающую мышь мог бы только исчезающий кот, предварительно обработанный человеческим взглядом. Поэтому Нанскому пришлось рискнуть еще раз.

Но, прежде чем подвергнуть кота нуль-трансформации, он еще дважды проверил все расчеты. Получить множество бесконечно почкующихся котов не входило в его планы. В принципе, исчезающий кот есть создание никак не лучшее, чем исчезающая мышь.

Кот заметно нервничал.

— Ничего, пушистый, ничего, — успокаивал его Нанский. — Скоро наешься до отвала. Мыши тебе понравятся.

Он перенес кота в пластиковый ящик и нажал кнопку. Кот исчез.

Нанский в полном недоумении смотрел на пустой ящик. Только что он очень внимательно проверил все расчеты. Кот не должен был исчезнуть! Во всяком случае, взгляд самого Нанского не должен был оказать на кота никакого влияния. Что-то пошло не так. Эксперимент выходил из под контроля.

Конечно, в те времена он никак не мог знать о теореме Джексона-младшего. Теорема эта будет сформулирована лишь тридцать лет спустя, и только тогда люди узнают об энтропийности информации. Говоря простыми словами, любая ошибка, совершенная во время нуль-трансформации, имеет свойство повторяться и удваиваться, точно так же, как удваивалась сама исчезающая мышь. Более того, она вызывает новые ошибки. Причем каждая следующая ошибка может привести к трагедии. Увы, Нанскому это было неизвестно.

Примерно в половине четвертого госпожа Р. снова заявила, что слышала мышь.

— Куда ты дел кота, которого принес с собой? — спросила она.

— Он охотится за мышами.
— Почему я не вижу его?
— Видимо, он вас боится. Это был очень нервный кот.
— Был? Если ты не предъявишь мне этого кота сейчас же, — сказала госпожа Р., — я вызову экологическую полицию. Кроме того, я сегодня же вышвырну всю ту дрянь, которой ты загромоздил мою комнату!

На последних словах ее голос перешел в мелодичный визг.

— Но это ценные приборы!
— Можешь хранить свои ценные приборы на помойке! В моем доме их не будет!

— Хорошо, — согласился Нанский. — Я вам покажу кое-что. Давайте пройдем в мою комнату.

Конечно, переправить госпожу Р. на Карибы, где свирепствовала эпидемия бычьего лишая, было отличной идеей. Но, к сожалению, неосуществимой. Гораздо проще было нуль-трансформировать ее, информационно отделив от остального человечества, что и собирался сделать Нанский. Возможно, эта фурия будет размножаться почкованием, однако это ее собственные проблемы, потому что никто из людей ее больше не увидит. В тот момент он был так зол, что даже не думал о последствиях. Назвать его приборы дрянью!

Как только госпожа Р. сунула свой нос в установку, Нанский нажал кнопку.

Однако результат оказался совершенно не тем, на который он рассчитывал.

* * *

Голова госпожи Р. исчезла, при этом ее туловище еще несколько секунд сохраняло ту же самую позу. Затем туловище разогнулось и развело руки в стороны. В одной из дальних комнат раздался душераздирающий вопль. Нанский мог видеть, как раздувается грудная клетка безголового существа, стоящего перед ним. Очевидно, что это тело кричало, но звук доносился с другого конца дома. Нанский прекрасно видел, как пульсирует кровь в разорванных артериях шеи, но, как ни странно, кровь эта никуда не вытекала.

Его понадобилось несколько минут, чтобы осознать произошедшее. Тело госпожи Р. разделилось надвое, при этом голова ее, сохранившая информационный контакт с туловищем, продолжала жить. С теоретической точки зрения, тело осталось совершенно целым на нуль-уровне пространства, и лишь в обычном пространстве оно казалось разделенным.

Он взял тело госпожи Р. за руку и отвел к креслу, чтобы оно могло сесть. Тело было очень испугано: оно крупно дрожало, спотыкалось, у него даже подгибались колени. Усадив тело в кресло, он отправился на поиски головы. К счастью, голова все еще продолжала кричать, поэтому найти ее не составляло труда. Он остановился у двери той комнаты, откуда доносился крик, и постарался наладить контакт. Через некоторое время ему это удалось. Судя по направлению, откуда доносился голос, голова госпожи Р. лежала на полу.

— Я упала с высоты двух метров затылком вниз, — сказала голова, — я наверняка получила сотрясение мозга! Меня должен осмотреть доктор! Срочно вызови мне доктора, негодяй!

— Но доктор никак не сможет осмотреть вас, — возразил Нанский. — Как только он посмотрит на вас, вы исчезнете.

И он попытался объяснить голове все произошедшее.

— Когда все это закончится, — сказала голова, — я тебя посажу. Клянусь собственной бабушкой, я тебя посажу! Сделать такое с бедной старой женщиной, которая сделала тебе только добра! Когда ты собираешься вернуть мне тело?

— Я бы мог сделать это прямо сейчас, — сказал Нанский, — я бы мог трансформировать его по частям, в десять или двенадцать этапов. Все части бы остались живы. Я думаю, что если бы их приложить друг к другу, они бы соединились.

— Ты в этом уверен?

— Нет, — чистосердечно признался Нанский. — Вполне возможно, что ваше тело будет продолжать рассыпаться на части, сколько бы мы ни прикладывали эти части друг к другу.

— Этот вариант не проходит, — сказала голова. — Придумай что-то другое.

— Я увеличу размер переходной камеры, и помещу туда ваше тело целиком. Но для этого мне понадобится несколько дней.

— Несколько дней! Как ты собираешься кормить меня все это время?

— Об этом я не подумал, — сказал Нанский. — Возможно, я поставлю на пол мисочку с кашей, а вы подползете к ней, ну и...

— По-твоему, я должна ползти, отталкиваясь ушами? Идиот проклятый! Меня не волнует, как ты это сделаешь, но чтобы завтра мое тело было целым! Завтра ко мне приезжает племянница. Она должна увидеть меня в добром здравии.

— Племянница? Сюда? — удивился Нанский.

— Конечно, сюда. Она будет гостить у меня целую неделю. Я вижу, ты собирался скрыть следы своего преступления? Не выйдет! Единственное, что ты можешь сделать, это убить меня и закопать в саду. Ха-ха-ха!

— Зачем вы это говорите?

— Потому что ты никогда не решишься на убийство, болван. Впрочем, тебя посадят в любом случае. А сейчас отведи мое тело в туалет.

Весь остаток дня он провел, ухаживая за частями госпожи Р., однако, так и не сумел покормить голову. Поздно вечером обе части хозяйки уснули, Нанский выключил свет и лег на кровать. Ночь была темной, безлунной, ветреной и неуютной. Где-то вдалеке грохотал гром. Он лежал и размышлял, пытаясь найти выход. Убить госпожу Р. он, разумеется, не мог. Возможно, у него получится как-нибудь прогнать завтрашнюю племянницу. Не пустить ее в дом. Но ведь голова может кричать достаточно громко, так, что крики будут слышны на улице. Племянница просто вызовет полицию. А что если усыпить тело? Купить крепкого снотворного и вколоть ей в вену? Но никто ведь не продаст такое лекарство без рецепта. Как-нибудь напоить ее в стельку? Так что же мне делать?

В этот момент он услышал громкое мурлыканье, и кот лизнул ему руку. Кот был черным, совершенно невидимым в темной комнате. Нанский отто-

лкнул животное, но оно прыгнуло на кровать и замурлыкало еще громче. В следующую секунду кот исчез.

— Все нормально, — сказал Нанский сам себе. — Кот это всего лишь кот. Даже если он исчезающий. А ведь ты стал тяжеленьким, Мурзик. Сколько же мышей ты слопал? Бедные Василии! Они так любили клубнику!

При слове «клубника» послышалось попискивание со всех сторон, и Нанский понял, что его комната полна исчезающих мышей. То, что кот не обратил на них внимания, ни о чем не говорило. Скорее всего, кот просто объелся мышатины за этот день. Поэтому он и был таким тяжелым.

Около двух часов ночи кот снова разбудил Нанского, прыгнув ему на грудь и чуть было не сломав ему ребра. В это раз кот весил килограмм двадцать, не меньше того. Как только животное исчезло, Нанский включил свет, подпер дверь стулом изнутри и в который раз принялся проверять свои расчеты. Ошибка обнаружилась довольно быстро.

— Как я мог так ошибиться? — сказал Нанский сам себе. — Ведь правильно триангулировать эту матрицу смог бы даже новорожденный младенец! Я никогда не делал таких простых ошибок раньше. Что со мной происходит?

Разумеется, он не знал теоремы Джексона-младшего, которая говорила об удвоении ошибок. Поэтому он не мог понять, почему его проблемы растут, как снежный ком. Его очередной проблемой был кот. И эта проблема могла оказаться самой тяжелой их всех. В буквальном смысле.

Ошибка, которую он обнаружил, приводила к очень серьезным последствиям. Кот не только удваивался в пространстве под воздействием человеческого взгляда. Кот еще и удваивался в размере. Допустим, кто-нибудь обращает свой взгляд на черного кота весом в три килограмма. В этот момент кот исчезает, и в эту же секунду в другом месте появляются два кота весом в шесть килограмм каждый. Коты следующего поколения будут весить уже двенадцать килограмм, затем двадцать четыре, и так далее. Однако, кот весом в двадцать четыре килограмма — это уже крупный и опасный хищник. А кот весом в сорок восемь килограмм? А в девяносто шесть? А если этот кот будет весить тонну? Он ведь будет ловить жителей города, как мышей!

— Стоп, стоп, стоп, — сказал Нанский. — Он не сможет питаться людьми, потому что человеческий взгляд переносит его в другую точку. Он мог бы питаться спящими людьми или по ночам. Он бы мог нападать на людей, такими темными ночами, как эта. Допустим, идет кто-то по улице, подняв воротник, чтобы защититься от ветра... И кот-то ведь черный!

В этот момент стул отлетел от двери, дверь распахнулось, и Нанский услышал громкое рассерженное мяуканье. Но соседняя комната уже была пуста: кот нуль-транспортировался в дальний конец дома.

* * *

Когда следующим утром Нанский пришел к телу госпожи Р., собираясь пожелать ему доброго утра, то обнаружил, что тело исчезло. На том месте, где оно лежало раньше, осталась большая лужа засохшей крови. Паркет

был измазан кровавыми отпечатками кошачьих лап. Причем все отпечатки были разного размера, самые крупные — величиной с человеческую ладонь. Без сомнения, расплотившиеся хищники живьем сожрали хозяйку дома.

В отчаянии он начал кричать, надеясь, что голова госпожи Р. все же каким-то образом откликнется на зов. Увы, дом оставался тих и страшен.

— Спокойно, спокойно, — сказал Нанский сам себе. — Я в безопасности до тех пор, пока мои глаза открыты. Мой взгляд это мое оружие. Главное — чтобы он не прыгнул на меня со спины. А сейчас нужно срочно убрать кровь.

Он бросился к чулану, собираясь взять там швабру, и споткнулся о недоеденное тело кота. Убитое животное весило при жизни, скорее всего, около пятнадцати килограмм. Оно было убито более мощным сородичем. Крупные коты начинали охотиться на мелких. Возможно, они поняли, что охотиться друг на друга гораздо проще, чем на людей, которые в любой момент могут посмотреть на тебя и, таким образом, сорвать охоту.

К десяти утра он закончил уборку, собрал остатки кошачьих тел, и свалил их в кучу во дворе, намереваясь закопать под корнями древовидного укропа. За одну только ночь крупные коты съели около десятка мелких. И это было только начало. Он вытер пот со лба, воткнул лопату в мягкую землю и поднял голову, услышав приветствие.

— Здравствуйте, — сказала девушка. — Я ищу тетушку Уриэлу. Вы, случайно не наш постоялец?

Девушка была чуть курноса, имела большие темные глаза, а ее маленький ротик был прекрасен, как обещание счастья. Она выглядела тонкой, как травинка, и Нанский бы отдал все на свете за то, чтобы эту травинку обнять.

Он промямлил что-то в ответ. Девушка улыбнулась ему, как родному.

— Что вы на меня так смотрите? — спросила она. — Нельзя так смотреть на девушку, которой вы даже не представились.

— Нанский, — сказал он, — Иннокентий.

— Не может быть! — удивилась девушка. — Неужели тот самый Нанский, который сформулировал теорему о нуль-состоянии вещества? Так это вы?

— Да, скорее всего, я, — ответил он.

— Я читала вашу статью в Квадронете! Вы гений. Вы только представляете, к чему это приведет со временем? Люди сумеют беспрепятственно перемещаться на любые расстояния! Полет на Марс или Сатурн займет всего секунду! Я буду рассказывать своим детям о том, что была знакома с вами! Вы дадите мне свой автограф?

— Если вы меня поцелуете, — ответил Нанский.

Девушка быстро чмокнула его в щеку и получила обещанный автограф. Нанский ощущал себя так, словно проглотил хрустальную бабочку, и та билась, пытаясь вырваться, где-то между сердцем и желудком.

— Что вы так смотрите? — снова спросила девушка.

— Как?

— Вы просматриваете меня, как мыльную оперу.

— Вы гораздо лучше мыльной оперы.

— А, значит, вы не любите сериалы, — ответила девушка. — Так как там моя тетушка Уриэла? Как у нее настроение с утра?

— Вы любите свою тетушку?

— Искренне ненавижу. Вы думаете, ее можно любить?

— Тогда зачем вы приехали?

— Она поставила такое условие. Я должна ухаживать за ней до самой смерти, и только в этом случае она включит меня в завещание. А если нет, то весь этот дом отдадут неизвестно кому. Он ведь стоит немалую копеечку, правда? Боже, как я ее ненавижу!

В эту секунду что-то тяжелое бросилось на них из зарослей укропа. Девушка вздрогнула.

— Что это было? — спросила она.

— Не знаю. Ветер, может быть.

— Нет, это не ветер. Это было так, будто там прятался тигр. Я хочу посмотреть.

— Держите глаза открытыми и старайтесь не моргать, — сказал Нанский. — И остерегайтесь барсуков.

— Хорошо, — сказала она и раздвинула ветви.

Нанский посмотрел на нее сзади и убедился, что с этой стороны она выглядит не хуже. Хрустальная бабочка в его душе значительно выросла и сейчас уже занимала все внутренне пространство. Сейчас Нанский был уже уверен, что влюбился. Он определил это по тому особенному состоянию застывшего счастья, которого никогда раньше не испытывал. Вдруг из дома послышалось громкое мяуканье.

— Что это? — спросила девушка.

— Кот.

— Кот не может орать так громко.

— Может быть, он влюблен.

— Так орать не могу даже влюбленные коты! Скажите мне правду! Правду!

— Я вас люблю, — ответил Нанский. — Это правда.

А затем он рассказал ей обо всем, что произошло в доме в последние дни. Девушка слушала его с широко открытыми глазами, а ее прелестный ротик каждый раз вздрагивал, когда события принимали новый оборот. Она не так уж сильно расстроилась, узнав о смерти тетушки.

— Неужели этот дом так дорого стоит, что, — начал Нанский.

— Что я радуюсь ее смерти? Этот дом принадлежал моей матери. А тетушка Уриэла свела ее в могилу. Так что теперь справедливость восстановлена. Теперь я буду здесь жить. Я!

— Но теперь здесь жить опасно!

— Значит, вы должны что-нибудь с этим сделать.

— Я ничего не могу с этим сделать, — сказал Нанский. — Все, что я делаю, только ухудшает ситуацию. Если так пойдет дальше, то боюсь, что вскоре весь этот город вымрет.

Девушка задумалась.

- А что, если это не случайность? — спросила она.
- То есть?
- Что бы вы ни делали, ситуация ухудшается. Возможно, если не делать ничего, она улучшится.
- В этом нет смысла!
- Послушайте, вы ведь на самом деле не знаете, с чем столкнулись. Еще ни один человек никогда не работал с нуль-состоянием вещества. Вы не думали, что ухудшение ситуации закономерно? Что ошибки должны накапливаться, так же, как накапливается мусор в доме, где никто не убирает?
- Женская логика, — возразил Нанский.
- А куда годится ваша мужская?

* * *

Она оказалась права. После того, как Нанский прекратил свои попытки исправить ситуацию, все постепенно стало на свои места. Крупные коты съели мелких, затем они выросли настолько, что уже не могли охотиться. Они просто лежали тяжелые, несчастные и неподвижные в вытопанных зарослях укропа, и время от времени тихо стонали. Достаточно было одного человеческого взгляда, чтобы увеличить их еще вдвое — и тогда сила тяжести просто ломала их кости. Последнее животное умерло через два дня. Мыши исчезли гораздо раньше, скорее всего, коты съели их всех или почти всех. Несколько громадных мертвых котов было обнаружено в разных частях города, что вызвало нездоровый ажиотаж, но не более того. Местная студия сняла гиперфильм о пришествии громадных инопланетян с кошачьими головами.

Спустя год Нанский женился на юной хозяйке дома. Он больше никогда не занимался наукой. Шестнадцать статей в Гипер- и Квадронете — вот и все его научное наследие, доставшееся потомкам. Он прожил счастливую жизнь и умер двадцать восемь лет спустя. Вскоре после его смерти его вдова опубликовала классическую работу об энтропийности информации, под псевдонимом «Джексон-младший». Тогда она и сформулировала свою знаменитую теорему о том, что ошибки, совершенные во время нуль-трансформации, имеют свойства удваиваться и расти. Сейчас, когда каждая квартира оборудована порталами тоннельных нуль-переходов, эта теорема известна каждому школьнику. Однако имя Иннокентия Нанского, первого человека, совершившего настоящий нуль-переход, известно лишь узкому кругу специалистов.

История не всегда справедлива к своим героям.

Кстати, многие очевидцы утверждают, что в городе Лисиге до сих пор водятся исчезающие мыши.

ИГОРЬ ФЁДОРОВ

ДНЕВНИК

(ПЕРЕВОД С ОЧЕНЬ ДРЕВНЕГО)

е

АМ НЕ ЗНАЮ, КОМУ И ЗАЧЕМ Я ЭТО ПИШУ. ВОТ УЖ действительно, в этой писанине нет ни капли типичного эпистолярного кокетства, мол, потом, когда я умру, достанут, бережно сотрут пыль, и тогда... Оно бы и хорошо, да только когда я умру, эти строки не сможет прочесть никто. Не потому, что некому будет читать, я не столь пессимистичен. Тут немного сложнее.

Всё моё окружение: те, кого я, лстя самому себе, называю учениками; те, кто равнодушно сторонится меня; те, наконец, кто открыто меня ненавидит, хуля и призывая на мою голову всяческие казни; прочие... Ко времени моей смерти они напрочь забудут язык, на котором это написано и, боюсь, забудут самое понятие «читать». А если вдруг, по странной прихоти эволюции, они это умение восстановят сами... Что ж, бог им в помощь, но столько ни один носитель информации не выдержит. А если и выдержит, то, поди, расшифруй, согласуй с привычными понятиями, переведи, пойми... В лучшем случае это будет любопытный документ сгинувшей эпохи, а никак не личные записки некоего индивидуума — с его радостями, болями, иронией, выпадами, намёками.

Сойдусь сам с собой в том, что пишу я это дабы упорядочить мысли и не забыть в суете, что и когда я имел в виду.

* * *

Сегодня ко мне приходил один из воспитанников. Ха! «Приходил!» До меня только сегодня дошло, сколько он добирается до моего дома — выходит из своей деревни ещё затемно, долго карабкается по гигантским уступам и в полном изнеможении ближе к полудню вползает в обитель полубога. Я, конечно, и раньше замечал, трудно не заметить, насколько стали они малы, милые мои карлики, но как-то не отдавал себе отчёта, насколько это должно сказаться в быту. Так вот, приходил...

Выяснилось, что какой-то житель деревни, то ли охотник, то ли разведчик (поймешь их!), в дальнем-дальнем странствии (надо полагать, полёта — часа два) обнаружил жилище ужасного колдуна, способного общаться с духами, повелевать ветрами и (о, ужас!) менять собственный облик. Мой Ингвар, разумеется, сразу наострил уши, я крепко ему вдолбил, что со всеми странностями — сразу ко мне. Но вот она магия безграмотности! Когда я при нём меняю личину — это привычно, понятно и обыденно. Сколько раз я объяснял, и сколько раз он видел. А вот когда охотник встречает ужасного колдуна, способного менять облик!... Это же совсем другое дело! Так,

глядишь, они и архитектуру чудом объявят! А что? Раз мы высекать из скалы такие глыбы не умеем, не умеем доставлять их по воздуху и укладывать в гармоничные пирамидальные сооружения, значит...

Ну да ладно!

От эдакой новости у меня даже слегка ослабли колени. Пришлось присесть (притворившись, что для удобства общения с ним). Конечно, по всем законам вероятности, не мог я уцелеть один-одинёшенек на всю планету. Но ведь, сколько искал, обшаривал эфир, посылал сообщения, гробил генератор, светя прожектором по всей Экумене! Может, где-то, в пределах досягаемости, кто-то, тоже случайно, был в рейсе, в экспедиции, да на Луну летал, в конце концов! И вдруг, совсем рядом... Неужели?!

И что теперь делать?

Первым побуждением было немедленно лететь. В голове даже привычно начал складываться перечень необходимого в пути. Но тут же пришлось вылить на самого себя отрезвляющий душ; боюсь, мою саркастическую улыбку он принял на свой счёт. На чем лететь, старый дурак? На руинах старого мотофлайера? На куче запчастей от штурмовика? Заправить чем? Куда лететь? А силенок на экспедицию хватит? И где ты там сядешь, если даже свершится обещанное карликам чудо, и ты взлетишь?

Короче, пришлось отослать Ингвара в деревню с кое-какими привычными дарами (подачками, если точнее) и наказом прибыть завтра.

Сию, думаю...

* * *

Значит так. Мне идти никуда нельзя. Даже если и не рухну где-то по пути, дойду, то обратно уж точно не дотяну. Да и не захочу. И что станет с карликами? И что станет с моими попытками хоть немного удержать их от полного одичания?

Значит, — послать отряд из деревни. Главным, разумеется, Ингвара. Проводник известен. Снарядить их кое-чем полезным, но не очень опасным. Карту и координаты моей базы. Рацию для связи со мной (аккумуляторы уже пол дня заряжаются). Оружие... Что бы ему дать в качестве оружия? Лучевик давать нельзя — больно опасен, заманчив для конкурентов, да и самому пригодится. Ага! Пригодилось-таки утреннее наблюдение касательно их размеров. Дам-ка я ему вибронож. Это для меня он обычный кухонный нож. А для них — во-первых, по размеру, это меч (чуть ли не двуручный!), а во-вторых, как я понимаю, он в состоянии разорубить всё ими изготовленное оружие. Сильно и стильно! Никакая встречная сволочь не усомнится в том, что идет посланец бога. А хоть и усомнится? Ну и записочку.

Вот ведь, что интересно. После веков развития шифровального дела, самым эффективным шифром оказывается вульгарный обыденный язык. Враг по определению не прочтет, а любой, кто прочтет — друг. Правильно! Надо было не в шифрах изощряться, а грамотных истреблять. Дешевле...

Ну и, разумеется, инструктаж. Что, да как, да когда, и, если, то что, и что потом. Собственно, это самое главное и самое нужное. Причем, инструктировать придется два раза. Завтра утром — Ингвара. Послезавтра — весь отряд. Чтoб прониклись.

Как бы мне это построить? Приказать? Посулить? Призвать к сотрудничеству? Наплести невесть чего? Вероятно, и то, и другое, и третье. И придется спускаться в деревню, нечего всем им тут шастать.

* * *

Вот и отправился мой отряд. В два дня, понятно, не собрались. Жаркие вышли деньки... Но и пятерка подобралась приемлемая. Без этой агрессивной тупости в глазах, бойцы хорошие... Когда я узнал, по сколько им лет — ужаснулся. Но потом вспомнил, что у них старикам — сорок, и в очередной раз устыдился. Куда же заведет их эта деградация? И в чем она ещё проявится? Рост, интеллект, продолжительность жизни, иммунитет и общая сопротивляемость организма, подверженность мутациям... Что ещё? И, ужас, это всё на фоне полного распада глобальной инфраструктуры, невозможности передачи информации в поколениях, отсутствия транспорта, связи, медицины. Быть может и поделом нам, за такие-то достижения?

Не мудрено, что на общем фоне даже мой верный Ингвар воспринимает чуть ли не полубогом. Не уверен даже, что «чуть ли не». Хочется верить, что общается со мной он не ради этого. Не только ради этого.

Выяснилось, заодно, что надо бы мне почаще самому в деревню спускаться. Пока я у себя небожительствовал, у Ингвара умер отец. Вот ведь! Никак не привыкну к этой их быстротечности. Недавно ко мне бегал! И язык существенно изменился, пришлось использовать верного ученика ещё и в качестве переводчика. Ещё пару их поколений-однодневок, и совсем друг друга понимать перестанем. Хотя, чему удивляться? Язык есть функция повседневных потребностей. А потребности у них сильно от моих отличаются.

Кстати, а хорошо я сымпровизировал, потребовав к себе детей членов экспедиции. Вроде как и заложников взял (запугал, то есть), и учеников получил (посулил), и самому не так тоскливо, всё пользу принесу (знания передам). Какие там знания! Теперь главная задача — научить самой возможности логического мышления. Посеять в головах хоть причинно-следственную связь. Если это останется, до остального и сами дойдут. Со временем.

Ну да ладно.

Экспедиция с утра стартовала. Я удалился в свою обитель. Привел в порядок комнату для учеников в дальнем крыле. Жду.

* * *

Утром состоялся первый сеанс связи. То есть, совсем утром, на рассвете. Идиот, не догадался дать ему часы. Догнать, что ли? Ещё не поздно. Впрочем, теперь после его звонков я хоть засыпать буду спокойно. Всё равно — всю ночь, как эта... на арбузе...

Короче, первый день прошел без приключений. Прошли много (это сколько?). Ночью никто не тревожил — все часовые (ха!) единодушны. Места пока знакомые. Идут дальше.

И слава богу.

Ближе к обеду (я даже встать успел!) приплелись ученики. Почему-то двенадцать. Потом сообразил: при их долголетию, и рождаемость должна быть соответствующая. Мне столько не надо. Тем лучше, будем делать отбор. Но, понятно, не сегодня. Сегодня они убеждены, что я немедленно начну спускать с них шкуры, вынимать внутренности, пить вина из черепов и жарить окорочка на вертеле над камином.

Покормил. Временно расселил. Подсунул что попроще из старых фильмов (вот и ещё одно чудо). И оставил осваиваться.

А сам отправился снова и снова обшаривать эфир. Да и телескопом давненько не присматривался. Вдруг?

* * *

Донесение с маршрута. Пока всё нормально. В самом деле, что могло случиться на таком расстоянии? Будь дело в степи, я их, наверное, в бинокль бы ещё видел. Места, можно сказать, родные. Ингвар похвалился, как он мечом завалил оленя. Ну да, олень теперь крупный зверь. Поймал себя на том, что, сопереживая им, пытаюсь мыслить и воспринимать как они. Неуютная картина.

Зато меч испытали.

Знакомился с учениками.

Провёл первичную сортировку. Элементарным вопросом «Зачем они тут?». Сразу же определилось три группы. Трое в ужасе ничего не смогли из себя выдать — эти никогда не оклемаются. Грозно, в виде наказания отправил их вниз. Навсегда. Двое пробормотали что-то о знаниях, ученичестве (переводчика не хватает!). Эти, по-видимому, будут лучшими. Оставшиеся семеро разнообразно колебались между родительской волей и моими требованиями. Разберемся позднее.

Кстати, вот ещё вопрос. То ли мне выучиться их языку, то ли обучить их моему? Скорее, второе. По многим причинам. Во-первых, их язык динамичнее. Мне что, каждый день переучиваться? Во-вторых, как, спрашивается, я буду для них всю терминологию переводить? Всё равно, половина слов из «моего» языка будет. Так лучше уж весь! А заодно и некая таинственность, герметичность прибавится. Свой-то они и так знать будут.

Тяжко мысленно вздохнув, начал с уроков языка. Хорошо, кое-какие пособия сохранились. Ну а ночью гипнозом поможем.

* * *

Несколько дней ничего не писал, не о чем было. Рутинка. Отряд идет без приключений (тьфу-тьфу-тьфу!). Ученики продвигаются. Теперь их уже семеро. В принципе, на этом можно и остановиться, посмотрим.

Рассказывал им сегодня сказку. Собственно, это с их точки зрения была сказка. А я просто вспоминал. О великой империи в центре мира. О летающих кораблях, о зеркалах связи, о людях, спящих долгие годы в ожидании излечения, много о чем. О страшной войне с применением небесного огня, смертельных болезней, мутагенных излучений... Так, поток ностальгирующего сознания. Потом увлекся, припелл какого-то странствующего принца, его встречи с народом злобных карликов, живущих под землей, поиски могущественного колдуна. И вдруг сообразил, что, невольно опережая события, повествую об отряде Ингвара.

Слушали, затаив дыхание. Надо полагать, при их незамутненной памяти, рассказ отложится надолго. Интересно, как он будет звучать в деревне — в их изложении и их переводе?

Потом сообщил, что сегодня седьмой день десятидневки, и соответственно, полагается два дня отдыха. И отпустил в деревню. Это и будет последним отсевом. Наверняка вернутся не все.

* * *

Вот и первый инцидент на маршруте. Вечером подошли к подножию гор. А утром напал дракон. И сожрал одного из отряда. Именно так, не больше и не меньше.

Долго пытался понять, о чем, собственно речь. Еле заставил Ингвара угомониться (аккумуляторы же не вечные!), расспросил медленно и по порядку. Понятно, что особо внятного ничего не добился — всё-таки со сна, жуткое нападение, в полусумерках, вопли, паника, непонятно куда бежать, и всё такое прочее. Наконец, разобрался. На них сошла лавина. Или сель. Всего-то.

Хорошее себе «всего-то». Я попытался представить состояние человека, никогда до того лавину не видевшего, и тут многие тонны ревущего потока с огромной скоростью врываются в твой сон, сметают, несут, корёжат всё вокруг. Жутко!

Кое-как успокоил отряд. Подбавил бодрости, сообщил, что с драконом они справились успешно, молодцы. Заодно поинтересовался, какую часть пути они, по мнению проводника, одолели. Оказалось, что он и сам точно не помнит, но много. О-хо-хо! Надо ученикам втолковать представления о точном измерении времени и пространства.

По карте попытался представить, куда это их занесло. Ближайшие горы... Не так уж и близко. Хорошо идут! Только, куда?

* * *

Вернулись ученики. Шестеро.

Как, собственно, и ожидалось.

Вот теперь можно и по-настоящему работать.

В глазах у них осталась настороженность, но нет уже того животного ужаса, нет постоянного ожидания беды. И, кажется, просыпается любопытство. Хорошо бы!

Обрисовал примерный план ближайшего обучения. Наметил, так сказать, перспективы. Потом чуть ли не весь день потратил на обучение пользоваться часами. Дальше пошло легче. Да и сам я понял, в чем основная трудность. Надо было сразу разобрать часы, показать, что ничего волшебного в них нет, а что созданы они людьми, и ведут себя так, как человек им приказал. Поэтому обучение работе (ха, работе!) на видике прошло куда успешнее и быстрее. По крайней мере, вставлять и вынимать диски они уже научились сами.

* * *

Отряд в горах. Пока всё нормально. Судя по бодрому, хоть и усталому, тону Ингвара, от стресса с драконом отошли. Спать в горах чем выше, тем неуютнее. Поэтому планируют не останавливаться, и к утру выйти на перевал. Что ж, им на месте виднее.

Ох, как всё это медленно! Места себе не нахожу.

Ученики ошаршили вопросом (я их уже различаю, это был Тор, из первых отобранных). С самым невинным видом он спросил:

— А где живут гномы?

Я опешил:

— Какие гномы?

— Ну, карлики, о которых вы рассказывали.

Вот те на!

Я-то сказку со своей точки зрения рассказывал. НАШУ историю им излагал! Под карликами, собственно, ОНИ и подразумевались! И что теперь?

Кое-как намудрил что-то про горы, глубокие пещеры, горнодобывающие склоны.

И задумался. В общем-то, всё логично. Теперь у них сложится непротиворечивая тройственная структура мира. Я для них — великан. Они — нормальные. И где-то есть полумифические карлики. Со временем я сам стану полумифическим. Потом они начнут постигать сложность мироустройства, встретятся с себе подобными, но дикими. Разделят мир на хороших и плохих. Соответственно, должны где-то быть хорошие и плохие великаны (ну и боги, понятно), хорошие и плохие карлики. Гномов на должность плохих я уже назначил. Осталось избрести хороших.

Да-а...

Может так и надо? Может, сами не подозревая, они подсказали мне наиболее органичную для усвоения и устойчивую во времени форму изложения?

Да, решено! Именно в таком ключе и буду излагать им историю. НАШУ историю! Историю человечества.

* * *

Ингвар доложил, что ночью с перевала видели огонь далеко внизу, в долине. Засекли направление. Наметили маршрут. Теперь хоть знают, куда идут.

Это сообщение совершенно выбило меня из колеи. Раскупорил вино. Выпил. Кажется, и не один раз. К счастью, сегодня девятый день, ученики внизу. Неужели?!

* * *

Из-за непрерывного нервного ожидания совершенно издергался, и, незаметно для самого себя, перешел в какой-то рваный полусуточный ритм. По-ворочаюсь в постели, поброжу по дворцу, дождусь связи с Ингваром, прилягу поспать, проснусь от гомона учеников, позанимаюсь с ними, дам задания, опять прилягу поспать, вскочу к закату, сказка ученикам, брожение по замку, попытки уснуть, и так далее...

Тем временем, дела продолжают идти своим чередом.

Вспомнил о своем обете чаще навещать деревню. Сходил. Вовремя вспомнил о языковом барьере, и прихватил с собой Тора. Создал тем самым, по-моему, ещё одного полубога. Пообщался с народом. Выслушал просьбы, жалобы, кое-что решил прямо на месте. По идее, должен был бы ощущать удовлетворение, но... Наверное, для возникновения таких высоких чувств не хватало обратной связи. Элементарной благодарности, что ли. Нет, всякие «спасибо», «век не забудем», поклоны до земли — были, но как-то... Не знаю... Такое впечатление, что капризный начальник раз в год выдал месячное жалование. Вроде бы и «спасибо», но «где же ты раньше-то был?». Может так оно и есть? Взяв на себя минимальную заботу о них, я, тем самым, обязался делать нечто большее? И постоянно? Не знаю. И посоветоваться не с кем.

Надеюсь, скоро будет с кем.

Отряд (теперь уже — трое, ещё один сорвался в пропасть, ураган) спускается в долину с той стороны горной гряды, связь всё хуже. Боюсь, скоро прервется совсем. И неудивительно теперь, что раньше я не мог с этим «колдуном» связаться. Мы-то, разбалованные, полагали связь повсеместной — благодаря спутникам. Подзабылось, как оно в пределах прямой видимости. Скоро придется экстрополировать время их возвращения (хотя бы в зону связи) по примерно пройденному расстоянию и средней скорости.

В иррациональном желании быть мысленно вместе с отрядом (Какое там! Ни одного эмпата, уж это бы я заметил!), начал ученикам рассказывать свою версию его путешествия. Опять получилась сказка.

С другой стороны, усиливаются мои умения ставить себя на их место. И уже не горная гряда на пути, а могучая горная система. Не одиночная лавина сходит со склона, обессиленная двумя из четырех летних месяцев, а гнездо драконов извергает из себя одного за другим огнедышащих монстров. Не вибронож в руках у командира, а всеповергающий меч в непобедимой длани героя. Так примерно.

Интересно, когда Ингвар вернется, как его встретят?

Интересно, кем меня они воспринимают, при таких-то рассказах?

Интересно, удастся ли мне этим воспитать в них ещё и гордость?

Что я могу?

* * *

Что я могу один?

Связь прервалась.

Хорошо, догадался дать Ингвару инструкции на этот счет. Чтобы не садил понапрасну батареи, следующая связь, нет, попытка связи — по достижении цели. Потом — на обратном пути, примерно в том месте, где прервалась.

Считаем. От старта до обрыва связи — примерно три десятидневки. Предположим, от него до пункта назначения — примерно столько же. (Наверняка меньше, но не хочу себя обнадеживать.) Несколько дней на отдых, знакомство, реабилитацию, гостеприимство. Ну, пусть ещё десятидневка! Три обратно. Внимание! Первый реальный шанс на связь — через семь десятидневок. Второй — если сядут батареи, а у «колдуна» их нет — через десять. Это — здоровый минимум. Ну а уж максимум...

Есть ещё идеальный минимум. До колдуна — две десятидневки. И обратно — один день. На флайере. Но это так, очередной повод для бессонницы.

Кстати, вот вопрос. Дойдут они туда, а он не транспортабелен. В смысле, как и я, перевал пешком не осилит, а транспорта нет. Что тогда?

Об этом лучше не думать. Раньше времени. (О том, что он не захочет идти сюда, не думается само собой. Всё-таки, у него «жилище колдуна», а у меня «пирамида бога»! Ингвар убедит, он мальчик умный.)

Маюсь.

* * *

В условиях полного радиомолчания активизировал процесс обучения.

Вот это фраза! Век бы такими писать!

На самом деле, я просто задался закономерным вопросом: «А что я могу?». Я, простой исследователь, застигнутый катастрофой посреди бескрайнего дикого континента, который совсем скоро стал не таким бескрайним, один на удаленной пустынной базе, с минимальным набором оборудования и средств жизнеобеспечения, оторванный от всего, что составляло обыденную комфортность и зиждилось на глобальной энергетике, информатизации, связи, регулярном общении и постоянном чувстве причастности.

Что? Я? Могу?

Помню долгие споры в Собрании о возможности цивилизации аборигенов. Тогда это были ещё нормальные аборигены. Знаний — ноль. Потенциал интеллекта — вполне. Внешность — достаточно волосато-отталкивающая. (Кстати, и рост — наш.) Одна из сторон настаивала, что, раз уж мы из одного галактического посева (просто им пока не повезло), то необходимо сделать всё возможное, дабы довести их до нашего уровня. Цивилизовать, так сказать. Предлагались методики выборочного гипнокодирования, выявления наиболее пред... при... про... вперед... А! (Жаль, взмах рукой нельзя написать!) Были, разумеется, и скептики, и сдержанные, и противники, и предостерегающие — как без них. Но кто же их слушал?! Такая удача! Такая редкость! Такой шанс!

Начали с имбридинга.

Первое генетически смешанное поколение показало, при смешанном же воспитании, очень неплохие и обнадеживающие результаты. Ну и пошло-поехало.

Скоро не осталось ни одного из НАС, который не считал бы своим долгом скреститься с НИМИ. Ах, эти дети! Ах, эта новая раса! Ах, это слияние двух миров! (Один из которых, кстати, никого никуда не приглашал.)

Как положено вселенским законам, противодействие не замедлило.

Выяснилось, что после трёх-четырёх поколений гибриды (а хоть и с восьмушкой привнесенной крови!) начинают катастрофически деградировать. Признаки я, по-моему, уже перечислял. Эйфория сменилась поисками панацеи. Стало ещё хуже.

Разделение фракций дошло до полного их слияния под эгидой одного вопроса — что же делать?!

Ответы колебались от «продолжать во что бы то ни стало» до «стереть всё с лица земли».

И тут как раз подоспел крейсер с Матери.

И неосторожно вклинился в дискуссию.

К сожалению, экстремисты всегда найдутся. Нашлись и на этот раз. И завалили крейсер, не ожидавший совершенно такой подлости. От своих! Никто ведь на нем не подозревал, что речь идет, ни много ни мало, о наших детях! Но, поскольку валили кустарно, подручными средствами, то не испепелили сразу, а так, подбили. В ответ успел пару залпов дать — по самым перспективным целям. А потом рухнула вся эта громадина аккуратно на северный полюс. Точнее, туда, где он был в то время.

Дальше — как положено. Землетрясения по всей планете. Вулканы. Цунами. Таяние ледниковых шапок. Сдвиг оси. Всепланетный мрак на три месяца. Активизация дрейфа тектонических плит.

Катаклизм в чистом виде.

Уцелели (из нас) лишь те, кто в это время был: а) далеко от крупных поселений; б) достаточно автономен; в) просто везунчик. Аборигенов (читай: гибридов), понятно, уцелело больше. В количественном отношении. Отнюдь не в процентном.

И что теперь?

А их деградация продолжается. А своих найти невозможно. А ресурсы на исходе. И не молодой уже. И знаний на всё не хватает. А с Матери ни весточки, ни проклятия.

Достойно умереть?

* * *

Примерно так я всё это им и излагал.

Не такими словами, но в таком ключе. Заодно и для себя вспомнил и по-новому переосмыслил. Неприглядная картина выходит.

Зато, честная.

Остается только догадываться, что из этого краткого курса местной истории они вынесли. Нет, опросы я проводил, отвечали внятно. Но что останется, как истолкуется?

Не становлюсь ли я мнительным параноиком?

И не тавтология ли это?

Когда уже связь?

* * *

Не могу больше!

Отправил детей на практические занятия. (Какие там «дети»! Это как с собакой. Год? Так это ж, по-человечески, лет десять? Да?) Дал им разной сложности и продолжительности задания. Кто попроще — исследуют окрестности на предмет мутаций фауны и флоры. Катаклизмы даром ни для чего не проходят. Продвинутые — проводят социологические исследования в народе и, заодно, обобщают информацию, слухи и легенды касательно соседей. Тору отдельное задание. Подобрать перспективных учеников. На будущее. Общий сбор — через десятидневку. Отчет, разбор, дальнейшие планы...

Впервые задумался о завещании. В смысле, духовном. Что мне оставить им как заповедь? Пытаюсь формулировать.

Заодно всплыла честная мысль про НЕ завещание. Чего нельзя оставлять ни в коем случае. Прошелся по складам и библиотекам на предмет.

Странно, почему такое нехорошее предчувствие?

* * *

Все сроки прошли.

Где?

* * *

Проснулся от непривычного шума.

Еле-еле сообразил со сна, что шум — снизу. Из деревни. Вышел на террасу. И сердце зашлось.

Вспышки лучевика!

И крики толпы!

И пламя окрест!

И крики!

Что происходит?

Спустился, нет, сбежал вниз.

И...

И!

Ингвар.

Усталый, израненный, гордый, победоносный, обожаемый, героический, единственный, вооруженный...

При виде меня (трудно не заметить) все привычно пали ниц — кроме него.

Я взглядом спросил: «Как?»

Он взглядом ответил: «Наверху»
Я путано кивнул в смысле: «Иди»

Он пошел, а у меня опять образовалась слабость в коленках, и я присел на первый попавшийся валун. Кажется, это было святилище в честь меня. Правильно, где ж ещё присаживаться?

Все равно, пока он дойдет, я соберусь.

* * *

Ужас!!!

Никогда не мог помыслить о подобном!

«Колдун» убил всех, кроме Ингвара!

А Ингвар убил его!

Не знаю, что и думать. (Точнее, думать вообще не могу.) То ли у моего соотечественника сдвинулись мозги, и он любых пришельцев воспринимал агрессорами, то ли Ингвар мне врёт. Насчет смерти колдуна сомневаться не приходится — лучевик и гипношлем, будь живым, он бы не отдал. Кто спровоцировал атаку? Ингвар? Колдун? Кто защищался, кто обозначал нападение, кто играл, кто бил всерьез?

Срочная эволюция?

Кстати, а где рация? Нож сдал (зачем ему нож, теперь у него лучевик), а рацию — нет. Был заряд! Но — не связывался до самого возвращения!

Да и отчет... Нечто бегло-конспективное. Вроде как, подробности потом, глядишь, и не понадобятся, некогда, внизу дела поважнее будут...

Неужели, всё?

* * *

Идут.

Правильно. Так и должно быть. Мы это заслужили. Возмездие неминуемо. Расплата. И за гордыню. И за глупость. И за самомнение. Снова тавтологии? Кому теперь это интересно?

Второй день внизу революция. Крики, вопли, выстрелы, огонь, кровь. Как и положено.

Теперь, как я понимаю, они собрались свергнуть меня. Тоже логично.

Очень надеюсь, что во главе — самые внятные. Тогда не все потеряно.

Раз уж жизнь моя была такой бездарной, пусть хоть смерть послужит...

Идут.

Двое.

Молодцы! Нечего им тут всем суетиться!

Лучевик взведен. Завещание написал. Лишнее уничтожил. Это не больно. Хотя, куда попадут...

Надеюсь, это будет Тор.

ОЛЕГ МУШИНСКИЙ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ОСЕНИ

ДЕРЕВНЕ ГЕГЕМОНИНО БЫЛО СОВЕРШЕНО ПРЕСТУПЛЕНИЕ. У бабки Матрены прямо с крыльца похитили кринку сметаны. И не какую-нибудь там плошку размером с майонезную баночку. Нет. Полноценную, литровую.

Конечно, не преступление года, но преступление осени точно. Переходящее красное знамя передовика-правонарушителя все еще прочно удерживал Алексеич, который по весне, исключительно в порядке самообороны от трех механизаторов из Синькино, отделал оных жердиной, а после гнал три версты до места проживания, где дополнительно нанес супротивникам моральный и материальный урон. Но и хищение собственности — дело серьезное. Покраж в Гегемонино не было почитай с самого развала колхоза.

Пропажу обнаружила Тамарка-дачница, для которой, собственно, эта сметана и предназначалась. К своим обязательствам бабка Матрена относилась очень серьезно, и отсутствие кринки на полочке у двери вызвало вполне закономерное удивление. Тем более, что все лето, да и два предыдущих года, никаких накладок не случалось. Каждое утро бабка выставляла на крыльцо, опять же для Тамарки, эту самую кринку, доверху наполненную парным молоком или, если то была суббота, сметаной, и прикрытую марлей. Не за спасибо, конечно. Дачница платила за это триста рублей вперед каждый месяц.

Незадолго до Тамарки на месте преступления побывал Валентино, считавший себя третьим участником молочной концессии. Разумеется, ни бабка, ни Тамарка об этом не подозревали. Охотничьи уголья Валентино лежали несколько в стороне, у дороги, но он специально каждое утро делал крюк. Забегал на крыльцо, аккуратно сдвигал марлю, и самоотверженно пробовал молочный продукт на качество. Оно ведь, бабка Матрена уже восьмой десяток разменяла, да и корова Веснушка далеко не вчера вступила в свой осенний возраст. Могли и напутать чего, на почве возраста-то. «Так пусть уж лучше я отравлюсь, чем Тамарка», — благородно счел Валентино. Местные кошки, правда, придерживались противоположного мнения. От городской Тамарки какой в жизни прок? Да она даже шкурки от сарделек прячет в полиэтиленовый пакет, и тот пакет бросает в пластиковый короб. Попробуй достань! А Валентино — настоящий кот, у которого, как известно, и в декабре март. Ценный член общества, тут не поспоришь. Но Валентино сказал, что Тамарка — наша гостья, и с этим согласился даже Прохор.

Прохор — пес старый и очень серьезный. До пенсии они с Петровичем служили в милиции. Не здесь, конечно, не в Гегемонино. Своего отделения

не было ни в одной окрестной деревушке. Даже в Красновке — а это уже поселок городского типа — имелся только пост ГАИ. Нет, Прохор с Петровичем служили в самом что ни на есть Санкт-Петербурге. Город такой большой к западу от Гегемонино. Валентино говорит: культурная столица всея Руси, а он знает, что говорит. Валентино — кот ученый. Его здесь городские оставили. Интеллигентная, вроде, семья. Он — большой ученый, с мировым именем. Она — без мирового имени, но тоже в очках. Дочка в институте учится. Ан на тебе! Снимали летом дачу у бабки Аграфены, по осени уехали, а Валентино забыли. Рассеянные эти ученые.

Но нет худа без добра. В ожидании, пока за ним снарядят спасательную экспедицию, Валентино активно занялся просвещением этой отсталой провинции. Опять же, о преступлении первый сигнализировал. Прохор внимательно выслушал кота, и недоверчиво твякнул:

— Может, бабка просто запаматовала. Склероз — штука коварная.

— У Тамарки была аналогичная версия, — мякнул в ответ Валентино. — Но против нее имеются два обстоятельства. Первое: и бабка, и Веснушка клянутся всеми святыми, что сметана была. Допустим, склерозом накрыло обоих сразу, хотя это и противоречит теории вероятности. Второе: я сразу пообщался с бабкиным домовым — еле разбудил, кстати — и у него в хозяйстве числится две литровых кринки. Одна зафиксирована на месте, а вот второй нигде нет.

— Опять ты про своих домовых, — недовольно фыркнул Прохор. — Сказки это. А еще кот ученый.

— Ну а что прикажешь делать, если я их вижу? — невозмутимо мякнул Валентино. — В городе, в бетоне они не приживаются, а тут — почти в каждом доме.

— Почему я их не вижу? Два года в деревне живу. Ни одного не видел.

— Тебе не положено, — промурлыкал Валентино. — Это я — зверь домашний, потому и вижу их. А ты — зверь дворовый. Видишь разницу?

— Разницу вижу, — твякнул Прохор. — Дворовых тоже не вижу.

— А откуда тут взяться дворовому? — мякнул Валентино. — Ты хоть одно подворье в Гегемонино видел? Дом, сарай да огород в форме геометрической фигуры, еще не изученной современной тригонометрией. И это еще в лучшем случае.

— Ладно, — рыкнул Прохор. — Пусть по твоему. Что еще показал домовой?

— Утверждает, что дело не обошлось без черной магии, — мякнул Валентино.

Прохор недоверчиво рыкнул.

— Еще один сказочник. Какой нормальный экстрасенс станет возиться с литром сметаны? Знаешь сколько они в городе заколачивают?

— А ты видел хоть одного нормального среди экстрасенсов? — вопросом на вопрос ответил Валентино. — Но это не наш случай. Думаю, домовому просто стыдно, что проспал покражу, вот и несет всякую чушь.

— А если бабка кринку сама разбила? Могла по старости лет. Разбила и выбросила? — продолжал сомневаться Прохор. — Пока этот твой спал на посту.

— Тогда бы в мусорной куче черепки были, — возразил Валентино. — А там не наблюдается ничего похожего.

— Вот как? — гавкнул Прохор. — Что ж. Считаю факт хищения установленным. Я должен его расследовать.

— А Петрович?

— Петрович в город уехал, — недовольно гавкнул Прохор. — Вчера осинку пилил. Поймал осколок. Вот так вот. Лента на бензопиле накрылась медным тазом. Петрович за новой поехал. Вернется только послезавтра. Послезавтра от сметаны даже запаха не останется. Я немедленно выдвигаюсь на место преступления.

— Я с тобой, — мяукнул Валентино.

— Ты свой гражданский долг выполнил, — гавкнул уже на бегу Прохор.

— А теперь хочу посмотреть, чем это кончится.

Они выскочили на дорогу, и побежали рядом. Дожди превратили ее в непроходимое болото, прочерченное двумя темными полосами воды в колеях. Все обитатели Гегемонино ходили по травке вдоль дороги, и уже успели протоптать тропинку.

Гегемонино насчитывало двенадцать домов, выстроившихся с обеих сторон единственной на всю деревню улицы. Улица изгибалась буквой Г, упираясь основанием в проселочную дорогу, что вела от шоссе к мосту, а перекладиной — в брод через реку Смородинку, на правом берегу которой и лежало Гегемонино. На другом берегу располагалось фермерское хозяйство Топотенко. В прошлом — колхоз “Кривой путь”. Надо отметить, что никакой идеологической подоплеки в названии не было. Кривой была проселочная дорога, что вела от шоссе к Гегемонино, через мост к колхозу и дальше, в Синькино. Вокруг лежала живописная русская природа — леса и поля в совершенно немыслимом сочетании, меж которыми и петлял тот самый кривой путь, что дал когда-то название колхозу.

Домик бабки Матрены стоял у самого брода, справа от дороги. Крытое крыльцо выходило прямо на улицу, но, в силу ветхости, сильно косило в сторону брода. Сразу за домом раскинулось картофельное поле, абсолютно непроходимое после недавних дождей. То есть, тренированный жизнью обитатель деревни пройти, в принципе, мог, но только сильно перемазавшись, пару раз упав и вынеся на сапогах — а в иной обуви туда вообще лучше не соваться — не меньше пуда липкой грязи.

По соседству с бабкой, у поворота, проживала потерпевшая, Тамарка. Дом через дорогу от бабкиного был давно заколочен, и никем, кроме Валентино и его подружек, не посещался вот уже лет пять. Даже домовой оттуда съехал. Говорят, в город подался, его там дальние родичи обещали по знакомству на склад барабашкой пристроить. А что — тоже работа. При жилье опять же, не в лесу одиноким лешим куковать. Сразу за заброшенным до-

мом начиналось сорняковое поле. Толку с него было меньше, чем с картофельного, но грязи — ровно столько же.

Напротив тamarкиного дома рос большой, раскидистый дуб, за которым желтел покосившийся домик местного агронома. Там, где улица делала поворот, у колодца собирались немногочисленные обитатели Гегемонино. Бабка Аграфена, Тамарка, бабка Матрена и почтальонша Варвара, поставив ведра на травку, неспешно и от души перемывали косточки всем окрестным обитателям. На ветке дуба сидел, нахохлившись, старый ворон Иосиф. В полемику не вступал, но слушал внимательно.

— Привет, Иосиф, — мяукнул Валентино. — Как жизнь?

— Таки это жизнь? — отозвался Иосиф. — Я вас умоляю. Нельзя уже над Смородинкой пролететь, шоб этот злодей Топотенко не шамальнул в mine из ружья. Бандит! Ви не подумайте, шо я жалуясь, но поймите таки правильно старого ворона. Он таки думает, шо я покушаюсь на его урожай. Я вас умоляю. Какой урожай? Ви видели этот урожай? Это не урожай, это материал для уголовного дела!

— Кстати, об уголовном деле, — в тон ему мяукнул Валентино. — У бабки Матрены украли литр сметаны.

— Шо ви такое говорите? — всплеснул крыльями Иосиф. — И шо ви таки на меня смотрите? Ви думаете, старый ворон таки мог совершить такое преступление? Я вас умоляю. Ви думаете, если у старого ворона нет ничего своего, таки он возьмет чужое?

— Гражданин Иосиф! — рявкнул Прохор. — Вас ни в чем не обвиняют. Вы проходите по важному уголовному делу как свидетель.

— Таки шо ж ви тогда морочите мою бедную голову?! — обрадовался Иосиф. — Ви ж таки прямо спросите, и старый ворон вам все расскажет. Шо видел, шо слышал, о шом сам догадался.

— Отлично! — рыкнул Прохор. — Как долго вы находитесь на этом дереве?

— Таки всю жизнь, — грустно каркнул Иосиф. — Какой из бедного ворона турист? Я вас умоляю.

— Гражданин Иосиф! — снова рявкнул на него Прохор. — Находились ли вы на этом самом дереве неотлучно сегодня в период с утренней дойки и по текущий момент?

— Вот таки приятно говорить с умным псом! — восхитился Иосиф. — Таки четко и ясно ставит вопрос.

— Хотелось бы услышать такой же четкий и ясный ответ, — мяукнул в ответ Валентино, запрыгивая на тамаркин забор.

— Таки не перебивайте старого ворона, и все услышите.

Отлично зная, что, если старого ворона не перебивать, он может говорить часами, Прохор решительно взял разговор в свои лапы и за каких-то двадцать минут составил список подозреваемых. Таковых набралось трое.

Раньше всех мимо бабкиного крыльца к броду проковылял Лексеич. Некоторое время спустя он же проковылял обратно. Останавливался у

бабкиного крыльца передохнуть. Передвигался в оба конца своим обычным зигзагом, что позволяло сделать вывод об отсутствии у него денег. Без предоплаты Топотенко не наливал самогонки даже лучшим друзьям. Валентино считал, что это и есть обещанный властью капитализм с человеческим лицом.

— Ви видели это лицо? — тотчас подхватил новую тему Иосиф. — Я вас умоляю. Шо в ем человеческого?

— Гражданин Иосиф, — рыкнул Прохор. — Не отвлекайтесь. Кто еще проходил мимо бабкиного дома?

Почти сразу за Лексеичем к броду прошел местный агроном Мискин. Едва разминулись. Также сделал паузу у бабкиного крыльца, чтобы переобуть сапог. Самогон Мискин не потреблял, а к Топотенко ходил для идеологических споров. Классическая коммунистическая идеология в изложении простого сельского агронома сводилась к изъятию излишков продукции у эксплуататоров с целью справедливого распределения между самыми бедными слоями населения. Фермер, надо признать, относился к идеологическому противнику без классовой ненависти. Противоправных действий не предпринимал, молочную продукцию, как и всем жителям Гегемонино, отпускал с большой скидкой, даже позволял Мискину на первое мая устраивать пикет перед воротами “Кривого пути”. Но этим и ограничивался. Никаких делимых излишков Топотенко в своем хозяйстве принципиально не усматривал.

После агронома долго никого не было, а почти перед самой Тамаркой протопал Алексашка со своими инструментами. То ли к Топотенко шел, то ли в Синькино. В трезвом состоянии Алексашка был лучшим в округе плотником и, как таковой, пользовался большим спросом. Остановливался ли плотник у бабкиного крыльца, Иосиф не заметил. Помимо людей, в районе крыльца была замечена кошка Мурлыка и компания воробьев, но Прохор решительно отшел представителей животного мира.

— Они бы не позарились на кринку, — гавкнул он. — Только на сметану. Итого у нас трое подозреваемых.

— Таки как же трое?! — заволновался Иосиф. — А этот бандит? Этот Топотенко?

— Вы его видели?

— Нет, — честно признался Иосиф. — Но он таки мог подкрасться незаметно.

— А мотив? — гавкнул Прохор.

— Формально они с бабкой конкуренты, — с забора подсказал Валентино.

— Ладно. Возьмем на заметку, — пообещал Прохор.

— Таки возьмите, возьмите. Таки...

Не слушая дальше, Прохор перепрыгнул лужу и направился к месту преступления. Взбежал на крыльцо, тщательно обнюхал все углы. Валентино взял хороший разбег, взлетел по деревянной стене на крышу и свесил от туда голову.

— Ну как? — промурлыкал он.

— Все трое здесь были сегодня, — рыкнул Прохор. — Так. Запах фермера тоже есть. Подозрительно. Еще бабка. Это понятно. Тамарка... Все. Протокол пусть Петрович пишет. У него это лучше получается.

— А ты?

— А я займусь поиском преступника. Вон как раз Алексашка идет.

Плотник бодро топал от брода. На плече — сумка с инструментами, в руках — бутылка честно заработанного самогона и кое-как обернутый газетой кусок масла вполне достойных размеров. Стало быть, к Топотенко ходил шабашить. В Синькино обычно расплачивались грибами-ягодами, да мясом, если на охоте кому сильно свезло. Еще норвили рыбу всучить, но от нее Алексашка всегда гордо отказывался, поскольку и сам был рыбовод известный. Даже состоял на особом учете у Петровича, но где он брал динамит — не мог докопаться даже Прохор.

Алексашка приветливо свистнул глазевшей на него живности, и топал мимо крыльца. В трезвом виде он был сама доброта. Прохор сбежал с крыльца, и деловито обнюхал его сапоги. Пахло тиной. Оно и не удивительно. Это раньше, при колхозе, через брод туда-сюда по делу и просто так трактора сновали. Все до песка колесами и гусеницами вычищали. А теперь стала зарастать речка. Вот уже и брод илом подзатянуло. Запахов скотного двора Прохор не уловил, хотя на обоняние не жаловался. Либо тиной забило напрочь, либо, что вернее, работал Алексашка по дому. Последнее предположение почти сразу подтвердилось.

— Где был, Сашенька? — окликнула его почтальонша Варвара.

Средних лет женщина, единственная из всех обитателей Гегемонино имевшая стабильный заработок. Остальные давно перешли на натуральное хозяйство. Это да одиннадцать километров до ближайшего магазина сильно ограничивали возможность потратить деньги, а инфляция обесценивала накопления до чувства гордости за хорошо проделанную работу. Собственно, почта в адрес окрестных деревень давно не приходила, но должность обязывала. Для местных почтальонша была и журналистом, и редактором, и глашатаем.

— К фермеру ходил, Варвара, — откликнулся Алексашка. — Перила ему на крыльце ладил. А у нас что нового? Как всегда, ничего?

— Не угадал, — улыбнулась Варвара. — Вот, у бабки Матрены кринку сметаны сперли. Прямо с крыльца.

Опиравшаяся на клюку бабка сокрушенно кивнула в подтверждение.

— Ну, дела! — подивился Алексашка. — Это кто ж такое учинил-то?

— Да вот гадаем, — за всех ответила Варвара. — Петровича ждать надо.

— Петрович — это голова, — подтвердил Алексашка. — Он враз разберется.

В знак сочувствия предложил бабке Матрене хлебнуть свежей самогоночки, но та отказалась. Алексашка не обиделся, и понес добытое честным трудом домой. Жил он неподалеку от колодца, потому и ходил через брод — так короче.

Вместо плотника к колодцу вышел Лексеич. Прямо с крыльца объявил, что сметану похитили враги России. Вначале страну разграбили, а теперь вот и до отдельных крестьянских хозяйств добрались. Пришло время собирать народ и спасать Россию. Едва прозвучал призыв к спасению страны, ворон Иосиф взмахнул крыльями и перелетел на несколько веток выше. Прохор, напротив, решительно направился к спасителю отечества.

— Ты у нас теперь за участкового, Прошенька? — ласково спросила бабка Матрена. — Сметанку-то мою найдешь?

Прохор утвердительно тявкнул, и обнюхал сапоги Лексеича, при ближайшем изучении оказавшиеся очень подозрительными. Слишком уж хороши были новенькие хромовые сапоги для спившегося механизатора. Пахло от них фермером, навозом и тиной. То ли перепутал, уходя, то ли придется принимать меры. Но это и до Петровича обождать может. В отличие от сметаны.

Тут очень кстати прибежал и последний подозреваемый, агроном Мискин. Как всегда, в съехавшей на ухо кепочке и потертом пиджачке. В них Мискин был поразительно похож на вождя мирового пролетариата, чем очень гордился. В колхозные времена подобное сходство было предметом уважительного отношения односельчан, именовавших его не иначе, как наш Ильич, но счастье редко бывает долгим. Где-то наверху постановили, что свет в конце тоннеля опять оказался огнями встречного поезда, и коммунизм отменили. Те, кто побойчее, кинулись растаскивать бесхозное добро. Пролетариат, как водится, пролетел мимо этого праздника жизни; а Мискин даже из родного колхоза, когда тот приказал долго жить, ничего упереть не догадался, и теперь бедствовал.

Прохор и его ботинки обнюхал. Абсолютно чисто, даже запах машинного масла выветрился. Этот забытый на селе запах агроном принес из Красновки, куда ездил с месяц назад, еще до дождей. Слух прошел, что новый царь-батюшка, сменивший Борису на царстве, повелел поднять Россию с колен. Мискин тогда добрался до райцентра, но в администрации ему с сожалением объяснили, что конкретно Гегемонино в виду не имелось.

Вернулся к колодцу Алексашка. Без инструментов и гонорара. Легкий запах и бодрое настроение свидетельствовали, что плотник уже продегустировал добытое и нашел качество достойным вложенного труда. Лексеич тотчас начал набиваться в гости, но Алексашке было интереснее узнать, кто так зло поступил с бабкой Матреной. Прохор еще раз обнюхал его сапоги, унюхал махорку, чихнул и отошел к тамаркиному забору. Там было повыше, посуше и на уголке даже можно было прилечь.

— Сложный случай, — мякнул сверху Валентино. — Самое время применить метод дедукции, которым пользовался великий Шерлок Холмс.

— То Холмс, — тявкнул Прохор. — А наше дело другое. Выследить вора, и тяпнуть за задницу.

— Думаешь, все так просто? — саркастически промурлыкал с забора Валентино.

— Просто, да не просто, — рыкнул в ответ Прохор. — Тяпнуть за задницу любая дворняга может. Надо же знать: кого, когда, с какой силой прикуса? Это, Валентино, целая наука.

Валентино задумчиво почесал лапой за ухом.

— И что из этого мы знаем? — спросил он.

— Кого и когда, — твякнул Прохор. — А с какой силой — покажет следствие.

Иосиф и Валентино с равным интересом уставились на старого пса, но тот не был расположен раскрывать тайны следствия. Лежал, и смотрел, как судят и гадают люди. Те перебрали всех. Между делом вскрыли пару заговоров мировой закулисы, но к разгадке тайны не приблизились. Обвинили было Лексеича. Тот со всей горячностью возразил, что вот уже полвека потребляет только спиртосодержащие продукты.

— Только пить-то тебе не на что, — сказала Варвара, всегда недолюбливавшая Лексеича. — Стянул для продажи.

— Кому? — совершенно искренне изумился Лексеич. — Деньги в деревне только у тебя водятся. Тебе я ничего не продавал, и не продам никогда! Накося выкуси!

Выкусывать предложенный кукиш Варвара не пожелала, и спор как-то сам собой увял. Алексашка зачерпнул женщинам воды из колодца, и общество начало расходиться.

— Пора! — скомандовал сам себе Прохор.

Тихо поднялся, и метнулся через лужу. Перебежал по траве, перемахнул через покосившийся забор и залег в пожухлых лопухах. Следом бесшумно прокрался Валентино. Иосиф остался на дереве, только перелетел на самую макушку. Ждать пришлось недолго. Едва агроном прислонил на место калитку, как сразу направился к сарайчику перед домом. У распахнутой и уже вросшей в землю двери стояли его сапоги, заляпанные грязью по самые голенища. Мискин воровато огляделся по сторонам, не заметил наблюдения и склонился над правым сапогом. На свет появилась темно-коричневая кринка.

— Она! — промяукал Валентино. — Домовой мне вторую показал, такая же.

— Буду брать!

Прохор громко рывкнул, и рванулся к агроному. Тот подпрыгнул на месте, оглянулся и подпрыгнул вторично. Кринка выпала из рук, и грохнулась о камень. Сметана вещественным доказательством разлилась по земле. Мискин, словно ласточка, легко и непринужденно воспарил на засохшую яблоню. Внизу бесновался Прохор, заливая все Гегемонино злобным лаем.

— Спихнуть его?! — азартно предложил Валентино.

— Нет, — рывкнул Прохор, продолжая цитировать перепуганному агроному скудность его прав. — Лучше людей позови.

— Они уже здесь, — промурлыкал Валентино.

Громкий лай Прохора привлек внимание чуть ли не всей деревни. Первыми бежали Алексашка с Лексеичем, решившие, что Прохор дерет какого-

то чужака. За ними едва попевала Варвара, временно забывшая об имевших место разногласиях. Пришаркала, опираясь на клюку, бабка Матрена. Тамарка благоразумно держалась в арьергарде. Алексашка строго прикрикнул на Прохора, и тут заметил сметану.

— Ну, агроном, — только и сказал он.

А бабка Матрена вообще ничего не сказала. Только посмотрела строго, и Мискин совсем спал с лица. Не смотря на преклонный возраст, клюка у бабки была тяжелая.

Прохор еще раз рывкнул назидательно, повернулся и спокойно направился прочь. Дальше люди сами разберутся, а в присутствии милицейского пса агронома не снимут с дерева даже совместные усилия Алексашки и Алексеича. Разве что яблоню спилят. Давно пора, кстати.

Валентино догнал Прохора уже у колодца. Хотел посмотреть процесс перевоспитания проворовавшегося агронома, но любопытство пересилило. Увязался следом, и проводил до самого дома. Там запрыгнул на крышу козуры и поинтересовался:

— Как же ты его так быстро вычислил?

— Это, как твой Холмс говорит, элементарно, — прорычал Прохор. — Все трое проходили мимо крыльца. Возвращались тем же путем только двое. Алексеича видел Иосиф. Алексашку — мы с тобой. Что получается? Обратного агроном шел или в обход через мост, или через поле. Шел бы через мост, сапоги бы не уделал. В ботинки бы не переобулся. Это подозрительно. Алексашка ходил к Топотенко. Обратный шел с самогоном и маслом. Мог и сметаны взять. Фермер не жаден. Основания для кражи нет. Алексеич мог стянуть сметану на обратном пути. Для перепродажи, как Варвара сказала. Только не в деревне, конечно. Поехал бы в Красновку, или хотя бы к шоссе пошел. А он дома остался. Хотя жажда мучает. Вон он и к Алексашке набивался в гости. Стало быть, нечего ему продавать. Агроном давно ведет политику передела излишков. Плюс бедствует. Работы нет. Охотник и рыбовод он никудышный. Шел, наверняка, снова спорить с фермером. Обратный возвращался почему-то тайком, через поле. Осталось сделать выводы, и их проверить. Результат ты видел.

Валентино мяукнул. Вдали послышались крики агронома. Не дожидаясь приезда участкового, бабка Матрена взяла процесс становления преступника на путь истинный в свои мозолистые руки.

СВЕТЛАНА ТЯПИНА

GLORIA MUNDI

*Крепнет молва на ходу и сил набирает в движенье.
Вергилий.*

ТЫ, ЧАРОДЕЙ ВЕЛИКИЙ И ЧЕРНОКНИЖНИК ИЗВЕСТНЫЙ, появишься сейчас, где бы ни находился ты — на Востоке, Западе или Севере, ты, кто открывает и прячет сокровища. Я заклинаю тебя Всемогущим, который создал и Небеса и Землю из ничего, судьей над жизнью и смертью! Я заклинаю тебя Богом Отцом, Богом Сыном и Богом Святым Духом и всеми другими именами Великого Бога: ЭЛИОН (Elion), ТЕТРА ... Тетра... чего?!», — Леонардо склонился над затертым до дыр пергаментом, пытаясь разобрать собственные каракули. Заклинание пришлось записывать впопыхах, воспользовавшись минутной отлучкой отца Джузеппе, и сейчас незадачливый чародей-недоучка мысленно клял на все корки как свою самонадеянность, так и скарედность. «Пергамент надо было брать получше и чернил водой не разводить», — сокрушался он, — что ж здесь накарябано-то, вот погань! Тетрагра...

— А, чтоб тебя, зараза, — выругался Леонардо. Пламя освященных свечей, наспех присобаченных по углам криво намалеванной пентаграммы, мигнуло, затрепетало, вознамерившись было погаснуть. По ногам потянуло могильным холодом... или просто сквозняком, но бедному заклинателю было недосуг разбирать: чуть не обмочившись с перепугу, он опознал наконец непонятное слово, мысленно вознес хвалу Пресвятой Богородице и окрепшим голосом продолжил чтение:

— Элион, Тетраграмматон, я заклинаю тебя Святой Девой Марией; я заклинаю тебя Ангелами и Архангелами, Серафимами и Херувимами, Престолами и Владениями, Пророками, Проповедниками и Апостолами, и всеми Великими Мучениками, Исповедниками, всеми Святыми Девами, Ветхим и Новым Заветом, Святым Причастием Алтаря, Солнцем и Луной, и всеми планетами, всеми теми, кто попал в Ад, всеми теми, кто добровольно терпел боль и принял смерть на кресте. Появись передо мной здесь, в человеческом облике, не вызывая ужаса и страха, и не причиняя вреда моей душе и жизни.

Дело пошло веселее. Если бы проклятый Алессандро не опозорил его при всех на веки вечные, Леонардо вряд ли решился бы призвать такого могучего и злокозненного духа, поскольку был богобоязненным и благочестивым молодым человеком... очень молодым человеком... мальчишкой... Правду сказать, затея со свиньей была чудо как хороша и остроумна, и в другой день падение в сточную канаву еще можно было бы пережить. Но в день Первого Причастия! Когда ты, разодетый, как картинка, отмытый и причесанный на пробор несешь в кармане теплое яблоко, чтобы отдать ей... а она

шевелинет пушистыми ресницами и, может быть, улыбнется! А вместо этого ты размазываешь грязь по лицу и еле сдерживаешься, чтоб не зареветь в голос, а она — о, жестокая Франческа, она звонко хохочет, и от смеха слезы катятся из ее глаз, повисая на пушистых ресницах.

Такое оскорбление может быть смыто только кровью! Его кровью! И ее... Нет, ее пожалеем... Может быть... Если прощения попросит...

В центре пентаграммы появилось размытое светящееся пятно, сквозь которое явственно проступали очертания человеческой фигуры. Леонардо вздрогнул, поперхнулся, сию же минуту прекратил упиваться предполагаемой страшной мезьей и, заикаясь, затараторил концовку заклинания, чтоб не приведи Господи, не забыть ее с перепугу. О том, что может произойти, если он сейчас собьется, молодой человек старался не думать.

— Я повелеваю тебе, чтобы ты ответил правдиво на все мои вопросы. Для начала, повелевая всеми вышеупомянутыми именами, я приказываю тебе принести мне все золотые и серебряные сокровища, и ценный жемчуг, которые находятся в твоей власти и которые ты можешь достать для меня, все, в чем я нуждаюсь — и при этом не получая власть надо мной ни при нашей жизни, ни после смерти.

— Ну ничего себе?! Хороша заявочка, — послышался из пентаграммы голос, исполненный сарказма. — Какие еще сокровища?! Какой, к воронам, жемчуг?!

Долговязый загорелый бродяга в мятой тоге, материализовавшийся в пентаграмме, не был похож на великого мага. Оглядевшись по сторонам, он пожал плечами, потер носком сандалии кривые линии творения Леонардо и понимающе хмыкнул, увидев сноп ярко-синих искр, взметнувшийся к потолку. Потом уселся прямо на пол, по-пастушьи подобрав под себя ноги, и с веселым недоумением уставился на заклинателя.

— Ты, кажется, что-то говорил о жемчугах? — поинтересовался бродяга, не предпринимая ни малейших попыток вырваться из пентаграммы. — Повтори, не понял...

— А он нестрашный совсем, — подумал Леонардо, украдкой разглядывая своего гостя, — на Пабло-конюха похож. И уж совсем было расслабился, но, вовремя вспомнив воскресную проповедь отца Джузеппе о происках врага рода человеческого, сообразил — заманивает! И, придав своему голосу всю возможную суровость, откашлялся и продолжил:

— Я говорю о тех сокровищах, золоте и серебре и драгоценных камнях — лалах, топазах, изумрудах, карбункулах и этих, как их там... алабандинах, кои укрыл ты в подземельях своего замка в основанном тобою городе Неаполе, о зловредный чернокнижник Публий Вергилий Маррон, и ты сейчас мне их доставишь, не получая власть надо мной ни при жизни ни после смерти. А не то..., — Леонардо задумался было, каким страшными карами пригрозить чародею, но осекся.

Субъект в пентаграмме раскачивался из стороны в сторону, обхватив руками колени и хохотал так, что слезы катились у него из глаз. «Ой, мама, не

могу, — всхлипывал он и затихал было, но, подняв глаза на своего потенциального владыку, покатывался со смеху еще больше, чем живо напомнил мальчику зловредного Алессандро.

— Ну, ты! Публий, как там тебя, Вергилий, ты чего! — обиженно протянул Леонардо, спровоцировав бродягу на новый взрыв хохота.

— Мальчик, — отсмеявшись, заявил наконец Вергилий, — ради всех богов скажи, тебя хоть чему-нибудь учили?! Ты читать хоть умеешь?

— А то, — огрызнулся Леонардо, — Как бы я тебя иначе вызвал?

— Кто тебя знает, — пожал плечами римлянин. — Так говоришь, читать ты умеешь. Тогда скажи на милость, откуда у сына горшечника топазы, карбункулы и прочий жемчуг?! Я тебе что, Клеопатра? Кстати, ты тут заявил, что я основал Неаполь. Неплохо, неплохо... А Рим, случаем, не я?

— Не издевайся, — совсем разобиделся Леонардо, — все знают, что Рим основал Ромул, твой двоюродный дед со стороны матери.

Мальчику показалось, что его нового знакомого сейчас хватит удар, если конечно подобная неприятность может произойти с бесплотным духом. Вергилий уже не мог смеяться, он только тихонько постанывал, уткнувшись лбом в колени. Наконец он тяжело вздохнул и уставился на собеседника.

— Ну хорошо, что хоть Рим — не я, — веско заметил Вергилий. — Хотя по поводу двоюродного деда было сильно сказано. *O tempora, o mores!* Пока я был жив, за мной бродили толпы любопытных. Нимало не стеснясь, тыкали в меня пальцами, громким шепотом обсуждали мои достоинства и недостатки, как будто я раб, которого им предстоит купить на рынке. — Вергилий поморщился. — А стоило мне умереть — опять ни минуты покоя! Если б ты знал, сколько полоумных колдунов меня призывало, чтобы прочесть корявые стихи, написанные отвратительной латынью! А один почтенный отец семейства, — ничего не могу сказать — интересный и образованный человек — с какого-то перепугу вообразил, что я должен бродить с ним по загробному миру и показывать ему каких-то иудеев и прочих варваров. Если бы не это, нашу беседу можно было бы счесть в высшей степени приятной и познавательной. Но этот как его, вот беда — запаматовал, как зовут — был скорее приятным исключением из правил. А все остальные изводят меня погаными виршами да еще вспоминают какой-то непонятный случай с корзиной. До сих пор не могу понять, что за корзинка такая! Прошу объяснить — мнутя, жмутся, подмигивают и краснеют. Тьфу! Глядеть противно, — Вергилий брезгливо поморщился. — Но тебя я могу поздравить. Ты превзошел всех своих предшественников. Где ты выкопал эту ахинею?!

— Как где? — в свою очередь удивился Леонардо, — об этом все знают.

— Неужели?! — саркастически отозвался Вергилий, — и что же еще обо мне, как ты выразился, все знают?

— Ну ... говорят, что ты сделал медного коня и медного всадника для охраны римских улиц от воров и грабителей. И с последним ударом вечернего колокола мчался тот всадник по улицам Рима и где ни увидит вора — убивал насмерть. А если которого упустил, то медные псы, мчавшиеся за

всадником, хватали злодея и загрызали его. Тоже насмерть, — зачем-то уточнил Леонардо.

Проступившее на лице Вергилия неподдельное изумление заставило мальчика запнуться на полуслове.

— Вот как, — веско произнес римлянин — Так я еще и скульптор в придачу ко всему. Или кузнец... Нет, здесь кузнец не нужен. Веришь, — пожал плечами Вергилий, — я понятия не имею, как такое соорудить. Ну, а дальше?

— А еще говорят, — продолжал Леонардо, — что ты поставил мраморный столб и провел к нему мост от своего замка. А на столбе том висела лампа из стекла, которая горела и освещала весь Рим и никогда не гасла. И было от этой лампы так светло на каждой улице, как будто там горели два факела.

— Угу... и каменщик...и , кажется стеклодув... Ну а еще?!

— А еще говорят, будто ты с помощью своих чар выкрал дочь султана из дворца ее родителя, — щеки Леонардо залил обильный румянец, — и соблазнил ее, — шепотом закончил он свое повествование.

— Угу, — мрачно кивнул Вергилий, — чем дальше, тем интересней. Может ты мне еще и объяснишь, что произошло с этой дурацкой корзинкой?!

Румянец Леонардо перебрался со щек на уши. Он уже набрал полную грудь воздуха, но с шумом выдохнул его обратно.

— Знаешь, я лучше тебе книгу принесу, где про все это написано. Ты вообще книги читать умеешь?

— Хуже того, — вздохнул Вергилий, — я умею эти книги писать. Только это, если говорить правду, я и умею. Тащи свою книгу, разберемся, с каких это пор я строю дворцы с фонарями и рою погребов с жемчугами. И что это за проклятая корзинка, о которой знают все, кроме меня!

Мальчик метнулся было к двери, но остановился и с подозрением уставился на своего пленника.

— А откуда я знаю, что пока я тут как дурак за книгой буду бегать, ты своими чарами не разрушишь мое заклинание и не подкараулишь меня за дверью?! Ты тут жалуешься: того, мол, не умею — сего, мол, не знаю, а стоит мне дать слабину — тут — то ты свое чародейство ипустишь в ход?!

— Да никакой я не чародей!!! — завопил оскорбленный в лучших чувствах Вергилий, — и стоило ль стараться для потомков, чтобы они, вконец ума лишившись, тебя ославили зловредным чародеем, корзинку глупую упомянув в придачу! — от волнения римлянин перешел на гекзаметр. — Ладно уж, — махнул он рукой, — тащи свою книгу!

— Поклянись Господом нашим Иисусом Христом, что не выйдешь за очерченные тебе пределы и не причинишь вреда ни телу моему, ни душе, — провозгласил Леонардо.

— Понятия не имею о ком ты, — пожал плечами Вергилий, — но если тебе так будет спокойней — клянусь!

Выйдя из комнаты, Леонардо снял со стены увесистое распятие, и, подкравшись на цыпочках к двери, прислонил его аккуратно к замочной скважине. Потом прислушался. Вергилий сидел тихо, не предпринимая попыток к

бегству. Мальчик для верности пробормотал коротенькую молитву и помчался за обещанным.

— Так, — командовал Вергилий через несколько минут, — Возьми ее в руки, стань здесь и переворачивай страницы, когда я скажу. Кстати, было бы намного проще, — заметил он, если бы ты перестал дурить и просто дал ее мне.

— Нет уж, дудки, — огрызнулся Леонардо, — А если ты задумал какую-нибудь каверзу и, ухватившись за эту книгу, утащишь мою душу в преисподнюю? А если просто порвешь? Да отец меня прибьет! Читай так.

— Да ну тебя к воронам, — огрызнулся узник пентаграммы, — и так справлюсь. Листай давай!

После прочтения первой страницы Вергилий хохотал так, что спугнул голубей, ночевавших на чердаке, после седьмой только мрачно хмыкал, а, дочитав до конца главы, нахмурился и застыл, уставившись в одну точку.

— Эй! Эгей! Ты чего, — забеспокоился Леонардо.

— О, Феб, скажи, затем ли я старался, и днем и ночью выверяя строки, отказывал себе в необходимом, чтобы стихи достигли совершенства — и все затем, чтобы спустя столетья одно лишь знали обо мне потомки: Вергилий нагишом сидел в корзине и добывал огонь из женских гениталий, — пробормотал великий римлянин и грустно покачал головой.

— Не огорчайся, — успокаивал его Леонардо, — подумаешь, с кем не бывает!

— Со мной не бывает! — вскипел Вергилий, — не было этого! Не было! Слушай, мальчик, — и приступ гнева у великого поэта опять сменился меланхолией, — нет ли у тебя, скажем, вина? Неразбавленного? После таких новостей только и остается, что напиться...

— Есть, как не быть, — обрадовался Леонардо, — вот и отец мой так говорит. — Не грусти, Публий, как там тебя...Вергилий. Сейчас мы быстренько все организуем. На каждого болтуна обижаться жизни не хватит...и смерти тоже... Сейчас! Я мигом!

— И сыру! Сыру не забудь! — успел крикнуть Вергилий в сторону закрывающейся двери.

* * *

— И ты, ик, совсем-совсем не умеешь к'лдовать? — заплетающимся языком выговорил Леонардо, отхлебнув из большой кружки.

Кувшин, подвешенный над синим огнем пентаграммы, закипел, вздымая клубы ароматного пара. Конструкцию из блоков и веревки Леонардо, немного поразмыслив, соорудил за десять минут, когда бесплотный Вергилий, обнаружив, что не может ни пить вино, ни жевать сыр, разразился тирадой из новых скорбных гекзаметров, способных разжалобить даже камень.

— С...всем! М-мне ж'ль. Очнь жаль, — и Вергилий с наслаждением вдохнул винные пары. — Кстати, с кувшином ты ловко пр'думал! Когда вы...вырастешь, сам сделаешь, этого, медного... который насмерть... И никакой ча...ча... родей тебе не понадобится.

— Ага, — насупился Леонардо, а про меня потом напишут, что я был каким-нибудь поганим содомитом или вообще, бородатой женщиной... Ну их...придумки эти всякие...

— Они могут... Да ладно тебе! — нетрезвый поэт потянулся было, чтобы похлопать по плечу собеседника, но наткнувшись на невидимую препопу над линией пентаграммы, живо отдернул руку и, замысловато ругаясь по — латыни долго тряс обожженными пальцами. — Сейчас допьем и сходим, Алессандро твоему по ушам навешаем, для этого никакого к'лдовства не надо. А что касается же- же...

— Женщин, — подхватил Леонардо.

— Да, ж'нщин. То это тебе лучше не ко мне. У нас там один тип появился...носатый такой... Тоже Публий...Так тот целую книгу написал. «Искусство любви» называется. Слушай, а давай ты его сюда призовешь, он тебе и расскажет все, что нужно в лучшем виде! — Вергилий опять вдохнул пар, клубящийся над кувшином.

— Нет, — спустя минуту покачал головой римлянин, — его — не стоит. Он после ссылки малость умом тронулся. Впал в меланхолию. Сидит там у нас, новую книгу пишет. «Письма издадека-2» называется. Все жалуется: то ему не так, это не эдак, то жарко ему, то холодно. В общем, занудствует по — всякому.

— Знаешь, — Вергилий даже вскочил, — а давай сделаем вот что! Давай Энея призовем. Того, которого из Трои. Я когда «Энеиду» писал, извелся весь: правильно ли угадал, ничего ли не перепутал. В Грецию даже ездил, чтобы узнать. Вот сейчас мы его призовем и обо всем хорошенечко расспросим.

— Кто призывать будет, я что ли? — с опаской спросил Леонардо.

— Нет, я! Кто у нас тут колдун и чародей?!

Леонардо с Вергилием весело расхохотались.

Сказано — сделано. Когда внутри второй, еще более криво накарябанной пентаграммы закрутилось облачко, собутыльники разом протрезвели.

— Вот он, великий миг! Сейчас, сейчас мы все узнаем, — шептал Вергилий, нервно комкая полу тоги, и когда в десяти сантиметрах от него материализовался кряжистый бородач в плаще из козьих шкур, поэт обратился к нему со следующей учтивой речью:

— Радуйся ты, о, Эней, кто в Италию первым из Трои —
 Роком ведомый беглец — к берегам приплыл Лавинийским.
 Долго тебя по морям и далеким землям бросала
 Воля богов, злопамятный гнев жестокой Юноны.
 Долго и войны ты вел, — до того, как, город построив,
 В Лаций богов перенес, где возникло племя латинян...

Учтивую речь прервал могучий рев, от которого, казалось затряслись стены.

— Кто?! Я?! В какой еще, к воронам, Лаций! Хороша заявочка!!!

Хотя в литературе поэт и наделялся могуществом волшебника, однако не избежал посрамления от женщины, подвесившей его в корзине между землей и окном спальни. Впервые эта история была описана на страницах одного манускрипта XIII века и за вычетом обильных описок выглядит так: «Среди деяний римлян рассказывается о выдающихся чудесах, совершенных Вергилием, обладавшим всеобъемлющими знаниями в магических искусствах. Он служил Нерону, который в то время был императором города Рима. И вот, проникшись плотской и сердечной любовью к дочери Нерона, прекрасной обликом обладательнице сиятельного титула, он лишь страстностью, без всякого колдовства добился своего: она указала подходящее время и место, где магистр смог бы надлежащим образом осуществить свое стремление. Когда он, распаленный лихорадкой желания, ночью пробрался к жилищу девы, вышло так, что девица, хитрая и злобная, как это водится среди женщин, поместила достопочтенного магистра, расставшегося со всей своей одеждой, в корзину и продержала его подвешенным на полпути — посередине башни — вплоть до самого восхода солнца. Притом он оказался подвешенным столь искусно, что не мог ни подняться, ни спуститься, не рискуя разбиться насмерть. Молва об этом событии разнеслась среди жителей города Рима.

Оскорбленный в лучших чувствах Вергилий наслал на город Рим полную тьму — потушил все огни, да так, что огонь можно было извлечь только из интимных мест Нероновой девицы. А по-другому никто и никак в городе Рима не мог зажечь огня. Осознав надвигающуюся опасность, [император] приказал подвергнуть скромность девы всеобщему поруганию и, руководствуясь заботой об общественном благе, созвал народ, чтобы объявить всем: каждый, кто приблизится к дочери императора, получит огонь из ее интимных мест.

Я. Горелов .Предисловие к сборнику
«Великие некроманты и обыкновенные чародеи»,
серия «Азбука Средневековья»: Издательство «Азбука-классика»;
Москва; 2006

АНТОН ТУДАКОВ

МОМОСУКЕ И БЕЗГОЛОВЫЙ ПРИЗРАК

ВОСЬМОЙ ГОД ЭПОХИ КЭЙТЁ БРОДИЛ ПО ДОРОГАМ страны Ниппон один ронин по имени Момосукэ. Его господин, Кимура Удзисато, погиб в битве при Сэкигахара вместе со многими сторонниками Тоётоми Хидэёри, разбитыми армией нынешнего сёгуна Токугавы. Сам Момосукэ спасся чудом — потерявшего сознание от ран, его с поля битвы вынес верный конь. Но, как известно, нет для самурая ничего хуже, чем остаться без господина, а потому Момосукэ не раз задумывался о совершении сэпсуку. Останавливали его лишь слова господина Кимуры о том, что нет особой чести попусту сложить свою голову. Самураю даровано право умереть за господина, говорил он, а не после него. Самурай не должен спешить бесцельно покинуть этот мир, даже если господин мертв. А потому Момосукэ стал ходить из деревни в деревню, где за рис давал молодым самураям уроки владения мечом, ибо в этом он был известный мастер. А иногда, плюнув на свое происхождение, просто помогал крестьянам с их делами, лишь бы вечером была у него миска риса да тыква, полная сакэ.

Ходить ему пришлось пешком — пока он отлеживался раненым после битвы в какой-то развалюхе, неизвестные воры украли у него и коня и доспехи, оставленные на улице. Так и остался Момосукэ только при своих мечах, которые даже в бреду не выпускал из рук, да острым языке. И вот как-то раз под самые осенние дни Хиган забрел Момосукэ в одну деревню, что находилась в местности Ёсино.

Не радовала глаз эта деревня. Заборы и дома стояли покосившиеся, на улицах грязь, да и люди какие-то странные. Все жалкие, оборванные, по стенам жмутся, а в глазах страх затаился. Таращатся на Момосукэ, пальцами на него показывают да между собой перешептываются. Как будто самурая никогда не видели. Однако же никто Момосукэ слова не сказал, не подошел. Так прошел он полдеревни, когда вышел ему навстречу седой дед, опирающийся на плечо совсем юной девушки, да такой красавицы, что не у каждого даймё при дворе встретишь.

— Здравствуйте, господин самурай, — говорит дед. — Я деревенский староста Дайкуро. А это моя дочь Макико.

Поздоровался и Момосукэ.

— А скажите, дедушка, — спрашивает, — Что это у вас все на меня так пялятся, как будто я не я, а черт из преисподней вылез?

Покачал дед головой и говорит:

— Не к добру, господин самурай, вы нечистую силу упоминаете в наших краях, ой не к добру... Но, должно быть, вы устали с дороги и проголодались. Позвольте вас накормить сначала, а за ужином я и разьясню

все. Хотя, господин самурай, зря вы в наши края забрели... А вы чего налетели как вороны? — прикрикнул дед на крестьян. — А ну марш по домам, вечер уж скоро!

Удивился Момосукэ таким словам. Сколько жил он на свете, а никогда с нечистой силой не встречался. А тут — на тебе! Но в животе у него урчало, да и прав был дед — ночь на носу. Так что если в этих краях какие чудовища водятся, то в темноте с ними лучше не встречаться.

В доме старосты, поглощая варёный рис, Момосукэ бросал украдкой взгляды на Макико и удивлялся тому, как такая девушка могла миновать внимание местного даймё и содержателей веселых кварталов. Но спрашивать у Дайкуро об этом было бы неуместно, а потому он завел другой разговор.

— Скажите, дедушка, что же такого случилось здесь, что заставляет вас вздрагивать от одного упоминания нечисти?

— Ох, господин самурай, — вздохнул Дайкуро. — Не хотелось мне вас расстраивать, да придется. Проклята наша деревня. Вот уже третий год, как каждую ночь приходит к нам страшный призрак, бродит между домами, людей пугает и требует жертв.

Момосукэ при этих словах чуть не подавился рисом.

— Что за жертвы такие?

— Да всего у нас в деревне несколько детей было... А теперь вот только моя дочь и осталась.

— Так он детей забирает?

— Именно, господин самурай. По одному ребенку на каждое равноденствие. Пробовали мы в первый раз не отдавать ему ребенка, да он такое устроил... Тогда я и поседел. Призрак так буйствовал, так мы страху мы натерпелись... А потом люди умирать начали, один за другим, каждый день по человеку. Пришлось нам маленького Фусу и отдать, — старик покачал головой. — Чуть родителей его не зашибли, он у них единственный сын был...

— А что же они не сбежали или не пригласили монахов, чтобы изгнать призрака? — удивился Момосукэ.

— Пробовали, да как выяснилось, одним призраком проклятье не ограничивается. Никто ни уйти из деревни не может, ни войти в нее. Кто убежать пытался, говорят — в какую сторону не пойдешь, все одно обратно приходишь. А вы, господин самурай, первый живой человек, который пришел сюда за три года. Потому-то люди на вас так и смотрели. Я и сам, честно говоря, не знаю что думать.

Ай-ай-ай, вот это попал, подумал Момосукэ, и от удивления стал почесывать себе затылок. И какая нечистая меня в эти края занесла? Ведь будь он какой бонза, так прочитал бы пару-тройку молитв и изгнал бы зловредного призрака. Или был бы волшебником, вроде сказочного Абэ-но Сэймэя, так запер бы дух в тыкву, магической полоской-фуда запечатал. А он ведь самурай, и кроме как фехтовать, ничему более не обучен.

Но тут упал взгляд его на красавицу Макико, и сжалось сердце Момосукэ. Ведь на носу уже осеннее равноденствие, со дня на день и ее очередь придет. До того ему жалко девушку стало, что отставил он свой рис и говорит:

— Вот что, дедушка, хоть я не волшебник и не монах, а не могу смотреть, как чудовище над всей вашей деревней измывается. Не буду сегодня ночью спать, пойду посмотрю, что это за призрак такой, что невинные детские души ему покоя не дают. Глядишь, что-нибудь да и придумаем.

Старик, услышав эти слова, аж затрясся, подполз к Момосукэ, кланяется, за руки хватать начал.

— Господин самурай, да как же так? Да мы для вас все сделаем, только помогите моей Макико! Ведь я лучше сам ее жизни лишу, чем этому чудовищу отдам! Давно бы уже жизни лишил, да посмотрите, какой она цветок! Разве ж на такую рука подыметься? Но не сегодня-завтра все равно придут и отнимут ее у меня, потому что нет больше детей в деревне. Все надеются, что как только призрак заберет Макико, спадет заклятье!

Тьфу на вас, подумал при этих словах Момосукэ, что за люди! Детей своих скормить призраку готовы, лишь бы самим в живых остаться. До какого греха страх только не доведет.

Как стемнело, вышел Момосукэ на улицу, караулить чудовище. Старик его проводить побоялся, только до порога дома и довел. Три года, говорит, его здесь видим, никаких сил больше нет терпеть. А сам цепляется за самурая, шагу ступить не дает. Момосукэ еле от него отбил, затолкал деда в дом и бегом к воротам в деревню. По словам Дайкуроу призрак в деревню через ворота въезжал, не скрываясь.

Ночь выдалась на удивление ясная, лунная, так что от ворот Момосукэ вся дорога видна оказалась. Вьется между рисовых полей, неисхоженная, заметно, что ею люди давно не пользуются. И тишина вокруг — вся деревня как вымерла, за околицей ни птиц не слышно, ни цикад. Нигде такого Момосукэ не видывал — не иначе как призрак все живое в округе разогнал. Сидел Момосукэ час, два, уж час Мыши надвигается, а ничего не происходит. Начало его в сон клонить, как вдруг набежали на луну облака, вокруг потемнело, и показалось ему, что кто-то по дороге едет.

Присмотрелся он — и точно, скачет на черном коне самурай в богатых доспехах. Вот, дурак старик, подумал Момосукэ, насочиняли сказок детей пугать, и верят в них. Небось после войны сборщики налогов сюда не дошли, а сами крестьяне просто нос высунуть за ворота боятся.

Смотрит Момосукэ, а самурай прямиком к деревне скачет. Собрался он, было, на дорогу выйти поприветствовать путника, да тут луна из-за облаков выглянула. И видит Момосукэ, что у самурая головы-то нет! И конь под ним не простой — глаза как угли горят, из ноздрей дым валит, пасть полна зубов волчьих, а вместо копыт когти как у тигра. Так и зас-

тыл Момосуке у ворот, шагу ступить не может. Вот он какой, оказывается, местный призрак.

Подъехало чудовище к воротам и встало напротив Момосуке. Смотрит тот, а к седлу коня привязаны отрезанные головы, как у настоящего самурая после битвы. Взял призрак одну голову, поднял за волосы, а та сразу глаза открыла.

— Что тебе надо здесь, безумец? — прошипела отрезанная голова, едва открывая рот. — Уйди с дороги, пока сам головы не лишился.

Момосуке волю в кулак собрал и говорит:

— Э нет, господин призрак! Долго я брожу по дорогам Нишпон, всякое видел, но чтобы такое как здесь... Скажите, за что вы преследуете этих людей? Какое страшное преступление они совершили?

Момосуке еще в разговоре со стариком Дайкуро смекнул, что не простой призрак в этих краях завелся, а дзю-он, мстящий дух. Такие где попало не появляются. Похоже, три года назад жители деревни совершили что-то такое, от чего дух стоящего перед ним самурая до сих пор не упокоен. По уму плюнуть бы на них, неспроста призрак, значит, их мучает, да уж больно месть жуткая оказалась.

Рассмеялась отрезанная голова так, что все поджилки у Момосуке затряслись. А призрак повертел ее в руках, повесил на место и другую взял.

— Значит, хочешь знать, что совершили жители этой деревни? Так слушай. После битвы при Сэкигахара оттуда бежало множество самураев, выстулавших на стороне Хидээри. Многие из них были ранены...

— Ну, это вы мне, господин призрак, не рассказывайте, я и сам там был. А при чем тут жители деревни?

— А ты смелый, как я погляжу, — голова жутко оскалилась. — Так знай же, что жители этой деревни заманивали к себе беглецов, а потом отрезали им во сне головы и забирали их доспехи и оружие на продажу. И теперь души умерших требуют отмщения.

Призрак показал рукой на висящие у седла головы.

— Неужели ты считаешь, что эти крестьяне не заслуживают наказания?

Момосуке почесал рукой в затылке. Прав-то оно, конечно призрак прав. Но тут он снова вспомнил жмущуюся в угол Макико.

— Господин призрак, а не кажется ли вам, что родители уже достаточно наказаны? Так за что страдают их дети?

— А у погибших разве не было своих семей, а, Момосуке? — призрак наклонился к нему, и мертвая голова закачалась прямо перед носом самурая. — Разве не плакали их жены и дети, когда те не вернулись из битвы? И ведь они не в бою погибли, а были подло убиты кучкой крестьян-мародеров. Ты бы хотел умереть так, а Момосуке?

Голова снова жутко захохотала.

— Я вижу, ты здесь, чтобы остановить меня. Что ж, сегодня благодаря твоей смелости крестьяне будут спать спокойно. Но если завтра они не придут Макико на это место, умрут все оставшиеся в живых.

— Господин призрак, позвольте, но неужели никак нельзя помочь невинной девушке? Если бы вы видели крестьян, то убедились бы, что их наказание и так страшнее всякой смерти! За эти три года они сполна расплатились за содеянное. Неужели надо лишать жизни последнего ребенка в деревне?

Взвился черный конь на дыбы, из пасти у него огонь повалил.

— За преступления, Момосукэ, всегда отвечать положено. Кого кара за них на этом свете не настигнет, тот платить за них будет на том! — прогремел призрак. — А ты приходи завтра снова, посмотрим, какой ты смелый.

При этих словах небо снова затянуло тучами, и призрак исчез во вспышках молний.

На следующую ночь Момосукэ вновь стоял у ворот. Рядом рыдала юная Макико. Как ни стенал отец, а крестьяне заставили его отдать дочь и отвели ее к воротам. Они бы и привязали девушку там, как предыдущих жертв призрака, да Момосукэ вытащил меч и разогнал всех. Крестьяне пошипели, но разбрелись по домам. И правильно — куда девчонка денется? Из деревни сбежать нельзя, ни в один дом ее не пустят... А в то, что самурай ее своими мечами сможет защитить, никто не верил. Даже сам Момосукэ.

А потому бродил он у ворот как зверь, не в силах придумать, как спасти девушку. Несчастливая дважды пыталась сбежать от Дайкуро, который хотел спрятать дочь от односельчан. Она собиралась сама идти к воротам и ждать призрака, надеясь, что ее смерть спасет отца. Но старик не отпускал Макико от себя ни на шаг, пока не пришли крестьяне и не увели ее силой.

И вот снова по дороге прогрохотали когти призрачного коня, и перед воротами объявился безголовый призрак. Вскрикнула Макико при его виде и упала, лишившись чувств.

— Итак, Момосукэ, я смотрю, ты действительно не испугался прийти сюда во второй раз, — прошипел призрак. — Что же ты хочешь от меня?

— Господин призрак, да тоже что и вчера — чтобы вы простили этих несчастных и оставили их в покое. Эти крестьяне достаточно пострадали за свои грехи.

Призрак рассмеялся.

— Значит, ты все еще жалеешь убийц? Смотри Момосукэ, — призрак выхватил голову и протянул ее перед собой. — Узнаешь ее?

Момосукэ в ужасе отшатнулся — в руке призрака болталась его собственная голова.

— Как же так? — прошептал он, схватившись за горло.

А призрак страшно преобразился, и в седле возникла укутанная во тьму гигантская фигура в чудовищных доспехах цвета засохшей крови. Каждая пластина на них была изукрашена извивающимися чудовищами, по содэ извивались змеи, а шлем-кабuto скалился человеческим черепом.

— Я царь мертвых Эмма, Момосукэ, — прогремел бывший призрак. — И с твоей помощью буду вершить суд над каждым из убийц, проживающих в этой деревне. Скажи мне, Момосукэ, разве ты не помнишь, как эти негодяи лишили тебя жизни во сне, беспомощного и раненного? Это я позволил тебе остаться в мире живых и три года ходить по землям Ниппон, чтобы ты вернулся сюда и сказал мне — неужели ты до сих пор считаешь, что они достойны жалости?

Момосукэ почувствовал, как у него сдавило горло, но нашел в себе силы ответить:

— О великий царь Эмма, единственное, о чем я сейчас жалею, так это о том, что теперь мне нечего отдать взамен жизни Макико и ее односельчан.

Страшно поразился Эмма этим словам.

— Великий царь, — продолжил Момосукэ. — Мой бывший господин Кикура Удзисато всегда говорил, что самурай не должен легкомысленно относиться к своей жизни и знать ей цену. Я не сумел отдать свою жизнь за него и с тех пор всегда относился к ней бережно. Глупо было бы потерять то, что так ценил мой господин, в драке с каким-нибудь деревенским задирой. Быть может мне плевать на крестьян, которые откупались от вас своими детьми, но мне жаль ни в чем не повинную Макико.

— Но почему тогда ты просишь прощения всем?

— Господин Эмма, Макико очень привязана к своему отцу. Если бы я мог спасти жизнь ей, но не мог бы спасти отцу, разве она не страдала бы от этого? Но даже если я бы мог спасти их обоих, то кому бы они стали нужны одни? Получается, что если я хочу помочь Макико, значит просить прощения надо всей деревне. Ведь они только лишь люди, подверженные слабостям. Когда им было хорошо, они жили как все. Когда началась война, самураи и асигару вытоптали все их посевы, забрали рис и скот, заставили голодать и бедствовать. Так как можно удивляться тому, что они убивали их потом исподтишка?

— Погоди-ка, Момосукэ, — прервал самурая Эмма. — Не хочешь ли ты сказать, что на самом деле готов простить их?

— Великий царь, как я уже говорил, я сожалею лишь о том, что жизнь моя была потрачена впустую, и я не могу теперь предложить ее тебе взамен жизней этих людей.

Эмма погрузился в размышления.

— Не такого я ожидал, когда оставлял тебя в мире живых, Момосукэ, — произнес наконец он. — Ты должен был стать последним судьей этих людей, ибо все остальные их жертвы — Эмма указал на висящие у седла головы, — прокляли их. Однако ты, как я посмотрю, оказался куда как более благороден. А потому я исполню твою просьбу и награжу тебя самого.

Разверзлась под ногами Эмма земля, и его конь со своим страшным грузом ступил в расщелину.

— Отныне, Момосукэ, я снимаю проклятье с деревни. Передай ее жителям все, о чем я тебе говорил. Скажи им, чтобы помнили о том, что краток миг пребывания на земле, и в конце концов придет время предстать передо

мною. Так что пусть постараются прожить оставшееся время так, чтобы мне не пришлось жалеть о том, что я простил их грехи.

— Благодарю вас, господин Эмма, — поклонился Момосуке. — Но как я передам им ваши слова, если мне пришло время спуститься в Страну Корней?

— Э нет, Момосуке, — остановил его Эмма. — За твое благородство я оставляю тебя среди живых. Ты проживешь ту жизнь, которую у тебя отняли, и лишь после этого вернешься ко мне.

Земля сомкнулась над Эмма, и дорога вновь стала ровной, как будто ничего не было.

А Момосуке остался стоять ни жив, ни мертв, не веря в свое счастье. Так он и простоял до рассвета, пока не пришла в себя Макико.

На следующий день Момосуке собрал все украденные у мертвых самураев вещи, взял с собой Макико и Дайкуро, и уехал в Эдо. Самурайское добро он вернул семьям погибших, за что получил в благодарность много денег и стал известен даже сёгуну. За такой благородный поступок тот простил ему участие в битве при Сэкигахара на стороне Хидэёри и даровал должность в бакуфу. Момосуке и Макико поженились, и остались в Эдо. И никогда больше не возвращались в родную деревню Макико.

Некоторые, очевидно необходимые, пояснения к рассказу.

Формально рассказанная история относится к т.н. «*кайдан*», говоря по-русски — страшным сказкам, страшилкам.

Битва при Сэкигахара произошла в 1600 году. Для читателя достаточно будет знать, что в результате победы в ней к власти в Японии пришел один из военных кланов, Токугава. Главы клана правили страной более 250 лет в качестве военных правителей — сёгунов.

Имя главного героя читается с ударением на последний слог, фактически звучит как Момоскэ.

Ронин — самурай, оставшийся без господина.

Сэппуку — несколько более правильное название всем известного характера.

Хиган — недельный период, начинающийся за три дня до Дня Равноденствия. В это время японцы посещают могилы предков.

Даймё — князь провинции.

Содэ — наплечные пластины в самурайском доспехе.

Асигару — пешие воины неблагородного происхождения

Бакуфу — правительственный аппарат сёгунов, сёгунат.

ВЛАДИМИР РОГАЧ

LOVEЦ

ЛЕГ НЕ БЫЛ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ОХОТНИКОМ В ОБЩЕПРИНЯТОМ смысле этого слова, скорее — любителем, во всяком случае, сам себя таковым считал. Даже название себе придумал — ловец. От привнесенного с Острова в великий и могучий короткого и емкого «love», значит.

Но, любитель не любитель, а деньги за свою работу Олег получал приличные (а иногда и просто неприлично большие), да и лицензию имел соответствующую — на отлов. На out-love, надо понимать.

Солидная в нужных кругах репутация обеспечивала Олегу достаточное количество заказов, из которых ловец уже довольно давно мог позволить себе выбирать, чем и пользовался, легко и непринужденно отклоняя «непристойные предложения», как сам называл грязноватого оттенка заявки.

* * *

— Скажите, каковы же ваши методы охоты? — широко распахнув бездумно-синие глазища, задала дежурный вопрос журналистка.

Его спрашивали об этом столько раз, что каждый очередной вопрос на эту тему вызывал у Олега зевоту и желание поохотиться на вопрошающего. И все-таки он снова и снова терпеливо отвечал.

— Метод у меня один — я влюбляюсь в жертву. Безоглядно, безрассудно — и по гроб жизни, как говорится.

— И гроб, разумеется, предназначен несчастной дичи? — глубоко и часто начинает дышать корреспондентка, мечтая изобразить из себя несчастную жертву, в которую влюбляются по гроб..

«Нет уж, милочка, — думает про себя Олег, не спеша отвечать и придавая лицу выражение искренней заинтересованности неестественно выдающимися прелестями собеседницы. — В таких, как ты, влюбляются не по гроб, а скорее по горб. Влюбился — и тащишь потом. Вы не дичь даже, хотя и несете ее в любом разговоре, вы — ноша. Груз. Мешок с арбузами, которые вываливаются из декольте...»

Ловец гасит в себе растущее раздражение. Еще чего доброго, и впрямь откроет сезон с этой вот... с арбузами.

— Нет, милочка, — заставив себя успокоиться, вкладывая в голос менторские интонации, отвечает Олег. — Гроб предназначен отнюдь не жертве.

— А кому же?

— Чему, милая. Моей любви.

Это и есть метод охоты. Влюбиться до полной потери рассудка — и преследовать объект своей страсти, не отставая ни на шаг, ни на миг. Всегда ря-

дом, всегда восторжен. Влюблен и безумен. И ни в коем случае не думать о возможной безответности своего чувства, о безнадежности ухаживаний. Ведь самое важное в любви — взаимность. Надо только любить, верить, надеяться и терпеливо ждать чудесного «да»...

А тогда — жертва оказывается в полной твоей власти. Потому что это — любовь. Это — смертельно. И ловец ни в коем случае сам не убивает жертву — он убивает свою любовь к ней, а уже его нелюбовь (out-love которая) делает все остальное.

Выполнит за сделавшего свое дело ловца грязную работу.

Убьет.

— А вы могли бы влюбиться, — синеекая и пустоглазая замирает, перебирая в бессмысленно очаровательной головке возможные кандидатуры, — ну, скажем, в меня?

И тогда Олег, не выдержав, ее обидел.

— Влюбиться? — переспросил он. — Нет, конечно. Но поохотился бы с удовольствием, — добавил он, произнеся «поохотиться» так, что первая ассоциация, которую вызовет это слово, непременно будет связана с «почтостью».

— А разве это не одно и то же? — нисколько не обижается красавица, старательно демонстрируя глубину поистине бездонного декольте. — В смысле, для вас?

— В вашем случае — нет, — отрезал Олег. — Интервью окончено. А то, чего доброго, я и впрямь решу вас убить.

— А вам бы этого не хотелось? — делая томное лицо, спрашивает излишне недалекая, а потому не вызывающая ни малейшего желания сблизиться, чудесница микрофона, от манеры которой с этим самым микрофоном обращаться Олега аж перекосило. Должно быть, она считает, что это очень эротично...

— Нет, я не работаю бесплатно, — бросил Олег, вставая из кресла так резко, что девица со своим фаллоимитатором отшатнулась. — А заказа на вашу особу мне пока не поступало.

После этого ему перебирали и перемывали косточки почти две недели — на двух местных каналах, местной же радиостанции и в трех желтых от частого использования газетах. Кто-то по незнанию запустил информацию в И-нет, но там на ловца и так уже было вылито достаточно грязи. Вонять воняет, а рейтинг поднимает.

Заказов было много, как никогда.

И, как никогда многим, он отказал.

* * *

— Простите, а что вы здесь делаете? — спросила жертва.

— Я вас ловлю, — обезоруживающе улыбнувшись, признался Олег, однозначно давая понять, что «ловлю» — это в первую очередь «love» и «you», а уже очень потом — все остальное.

Женщина нахмурилась.

— Покажите вашу лицензию, молодой человек, — произнесла она после долгой паузы, требовательно протягивая руку.

«Какая изящная у нее кисть, — восхищенно думал Олег, не умея оторвать восторженного взгляда от тонких пальчиков, от просвечивающих сквозь нежнейшую, как-то болезненно бледную кожу, пульсирующих в такт с биением его сердца вен. — Господи, как она красива...»

Он обреченно протянул прямоугольник лицензии, и, уже отдавая бумагу в эти трепетно любимые руки, застенчиво и неловко коснулся запястья мгновенно пересохшими губами, болезненно обжегшись этим поцелуем. Разумеется, она возмущенно отдернула руку, но память об этом мимолетном прикосновении уже выжигала Олега изнутри. Ловец готов был отдать жизнь даже не за еще один поцелуй — только за одну лишь надежду, что возможно еще хоть когда-нибудь прикоснуться губами к этим рукам. И тогда его поцелуй уже не будет столь беспомощно неумел! Он обожжет и ее! Она все поймет...

— Все понятно, — брезгливо возвращая лицензию, бросила женщина, старательно держа бумагу за самый краешек, чтобы ни в коем случае не дотронуться до руки этого... этого... — Значит, отлов? — скорее утвердительно, нежели вопросительно, произнесла она, пряча ладони в карманах короткого, по последней моде, плаща.

— Out love, — поправил Олег, просто задыхаясь каждым звуком голоса своей удивительной собеседницы.

— И кто заказчик? — мягкие, но при этом четко очерченные маленькие губы сердито поджались.

«Она практически не пользуется косметикой! — у Олега кружилась голова уже от одного того, что он имеет счастье просто находиться рядом с этой невероятной женщиной. — Впрочем, ей и ни к чему...»

— Какое это имеет значение? — с трудом поймав ускользающую нить разговора, выдавил ловец, в горле у которого застрял удушливый комок, мысли в голове путались, а самого его потихоньку била легкая дрожь. Он даже испугался, что может потерять от восторга не просто рассудок, но и сознание. Прямо сейчас и растянется у ее ног. У этих очаровательных ножек...

— Действительно, — вздохнула жертва. — Какое это имеет значение...

И Олег потерял сознание.

* * *

Потом он еще долго преследовал ее с упорством истинного охотника или влюбленного. Букеты, конфеты, безумные выходки, стихи в почтовом ящике и серенады под балконом. И — приглашения, просьбы, мольбы...

Они постоянно сталкивались — на приемах, в театре, в кино, в кафе, у нее на работе, просто на улице.

— Охота вам этим заниматься? — спросила она однажды сочувственно, видя, как искренне он страдает. — Ведь это безнадежно.

— Это — охота, — напомнил он.

Наверное, смешно, но уже через два дня она согласилась прийти на свидание. И не пришла, едва не разбив ловцу сердце. А когда они встретились все-таки на третий день (он провел ночь у ее двери, не смея постучаться), она горячо извинялась, рассказывая, что пришлось срочно уехать к заболевшей так не вовремя сестре, что...

— Это не важно, — сказал он, легонько касаясь ее щеки. — Главное, ты здесь. Ты со мной...

Она убежала, захлопнув перед ним дверь квартиры, так, что едва не ударила по лицу, и даже вызвала милицию, сотрудники которой не решились забрать пылкого влюбленного, не усмотрев в его действиях и намека на состав какого-нибудь правонарушения.

А еще через день она пришла на свидание.

Их любовь была как молния — бурная, яркая, опасная. На них смотрели с осуждением и нескрываемой завистью, ими откровенно любовались. Ее подруги, став свидетельницами их даже мимолетных встреч, устраивали мужьям и любовникам разнос — те казались им после этого не способными и на сотую долю той удивительной любви, что сквозила в каждом слове, жесте, вздохе Олега.

А потом все кончилось — внезапно и страшно.

Однажды он отлучился и не вернулся вовремя.

Она умерла, не дождавшись.

* * *

— По-вашему, это хорошо — то, что вы делаете?

— Это моя работа.

— Но ведь бедные женщины!..

— А кто вам сказал, что только женщины?

— То есть? — ведущая шоу поперхнулась, не сумев проглотить за раз подобное откровение. — Вы — гей?

— Я — ловец. Закажите мне убить вашу машину, и я влюблюсь в нее. В очертания кузова, в уют салона, в божественность света фар, в гул мотора и шорох ли, визг ли шин. Я сделаю так, что и она влюбится в меня, не позволяя уже никому другому ездить, даже прикасаться к себе. Для меня она выиграет любой заезд, независимо от того, с кем придется состязаться — хоть с космическим кораблем. А потом она просто развалится на куски от тоски, хотя и будет совершенно исправна. Сгорит ли, произвольно ли тронется с места, мечтая найти меня — все равно она уже будет обречена и, в конце концов, погибнет.

— Машина?

— Да. Я ведь говорил о машине? — Олег повернулся к аудитории. Присутствующие тупо захлопали — у них это на уровне рефлекса: участник шоу

что-то говорит, умолкает, потом — аплодисменты. Потом по рукам пойдет микрофон и они станут задавать дежурные банальные вопросы.

У Олега появилась нехорошая мысль влюбить в себя публику и...

Нет, нельзя. Потому что есть риск, что влюбятся еще и те миллионы, что таратаются сейчас в телевизионные экраны. И, едва завершится передача, они просто все погибнут. От любви. Это ведь и есть его специальность — от-love.

— А какие еще были случаи в вашей, наверняка, богатой практике охотника?

— Однажды мне заказали страну.

— И как? — ведущий глупо ухмыляется, безуспешно ища поддержки у аудитории. Не находит. Потому что там тоже поняли, о какой стране идет речь. Они и сами, многие из них, когда-то жили в этой стране — великой и могучей. А потом этой страны не стало...

— Это было не сложно. Я — патриот, а потому, естественно, люблю свою родину. Любил...

* * *

— Ты можешь убить Ее?

Олег оценивающе посмотрел на потенциальную жертву и на потенциального же пока клиента.

— Это же камень.

— И что? — окрылся заказчик. — Проблема? А кто хвалился в прямом эфире, что и машину, и страну...

Олег замотал головой, раздраженно морщась.

— Я не о том, — оборвал он клиента. Пожалуй, уже — клиента. — За что?

— Это важно? — заказчик и впрямь походил на крысу, и вызывал вполне естественное желание запустить в него ботинком. Говорят, во вполне определенных кругах клиент известен как Большой Мышь. Хотя, крыса же...

— Нет, — равнодушно пожал плечами ловец, уже начиная охоту. — Но, по-моему, проще было бы кувалдой...

— А я вот хочу, чтобы ты! — заявил этот придурок, демонстрируя пресс «бабок». Судя по энергичности жеста, это имеется в виду гонорар.

— Ну, хорошо...

* * *

Это был просто камень. Необработанный громадный булыжник — но он заставил себя полюбить его. И его заставил. Ее, если помнить слова клиента.

Это и впрямь оказалась Она.

Однажды Олег, внутренне дрожа от сдерживаемой страсти, в очередной раз прикоснулся к шероховатой поверхности глыбы...

Шорох осыпающейся каменной крошки — словно шелест сбрасываемой новобрачной одежды. И в бесформенном монолите проступили очертания прелестной женщины, готовой, кажется, вот-вот ожить, сделать движение на встречу возлюбленному.

— Зови меня — Роден, — произнес Большой Мышь, неслышно вошедший в мастерскую и до того безмолвно наблюдавший за происходящим.

И выжал до упора спусковой крючок пистолета. Ему пришлось выстрелить еще трижды — благо, оружие было установлено на автоматический режим. Ловец успел влюбить в себя первые пули — те упали к его ногам беспомощными каплями расплавленного страстью металла. Но последняя добралась до его кружащейся от молниеносных и изматывающих романов головы...

Каменную фигуру забрызгало кровью.

Заказчик хмуро улыбнулся.

— Вот и еще один «подлинный Роден». Эй, Михалыч! — позвал он помощника. — Прибери здесь, а девку каменную — в коллекцию.

Михалыч, поджав губы, осмотрел скульптуру. Никто из прежних, использованных Большим Мышем ловцов, не достиг подобного совершенства — и все равно полученные с их помощью изваяния шли у ценителей на ура. Даже страшно вспомнить, какие там были суммы — за неизвестные «подлинники Родена». Вообще-то, специалисты сразу и однозначно определили, что выставаемые шефом скульптуры к автору «Мыслителя» и «Вечной весны» не имеют никакого отношения, но и оценили их — Роден, должно быть, в гробу перевернулся от зависти. И до сих пор вертится. Сейчас — особенно.

— Михалыч, ты че там?! Поторапливайся!

— Я вот думаю, Сергей Игнатьевич... — у Большого Мыша были и вполне человеческие паспортные данные. — А ведь он мог реально оживить ее... Как этот... Пигмалион!

Сергей Игнатьевич придирчиво осмотрел заляпанную кровью каменную фигурку.

— Да, занятная вышла бы краля, Михалыч. Я бы с ней с удовольствием и сам... Только ведь этот урод ее все одно бы убил. А так — любуйтесь, люди! Вот вам искусство настоящее и большое! А оно, известно, требует!

Михалыч и его шеф еще раз глянули, не сговариваясь, на плод усилий убитого во имя искусства ловца — и обоим показалось, что изваяние дрогнуло, словно вздохнуло. Михалыч торопливо перекрестился, а Сергей Игнатьевич, он же Большой Мышь, обильно выматерился, добрым словом помянув покойника. Но, кажется, обошлось — при повторном внимательном рассмотрении камень остался камнем.

Мертвым.

Ловец выполнил свою работу.

* * *

— Ты кто? — спросил, придя в себя, Олег.

— Я — Смерть.

— Вообще-то я не работаю бесплатно, — вздохнул ловец. — Ну, да ладно. Сделаю исключение — но только для тебя. Я люблю тебя...

ЮЛИАНА ЛИНКС

ЛИШНЯЯ

ЕОСНЫ, СОСЕНКИ МОИ. МНОГОЛЕТНИЕ КРАСАВИЦЫ. Хвойное убранство над головой. Колочий ковер под ногами. Иной готов полжизни отдать за пару деньков в этом ароматном великолепии. Аккуратно присаживаюсь на небольшой пенек, затравленно оглаждаюсь по сторонам. С треском падает под ноги огромная шишка-красавица, стрекочет откуда-то сверху возмущенная потерей белка. Счастливица. Она дома. В отличие от...

В который раз в последнюю минуту удерживаю наворачнувшиеся на глаза слезы.

Нельзя.

Нельзя плакать.

Нельзя выдавать себя.

Ни горем, ни радостью.

Хозяин снизошел до помощи.

Хозяин подарил приют. С одним единственным условием — что не выдам себя ни единым вздохом нечаянным, что стану тенью невидимой. Тени не умеют плакать, не умеют смеяться. По крайней мере, до тех пор, пока остаются тенями. Там, где появляются эмоции, для тени места не остается.

Белка — пушистый огненный комочек — бросает на меня полный укора взгляд (и она туда же!) и, махнув хвостом, исчезает в пушистой зелени.

Я закрываю глаза. Огромный огненный хвост заслоняет собой небо. Загораживает деревья. Подминает под себя все живое.

Не сберегла. Не сумела.

Колючая ветка царапает лицо, отгоняя дурное видение. Хруст за спиной. Оборачиваюсь и мысленно вздыхаю с облегчением. Это всего лишь люди. Парень с девушкой. Романтики, видимо, захотели. По весеннему лесу прогуляться надумали. Их можно не бояться. Они, в отличие от наших, меня не увидят. За прошлое не осудят. В лицо презрительно не плюнут. За спиной шептаться не станут.

Пых-пых-пых!

Вот тебе раз! Ежик с ежихой брачный период затеяли. Прямо на тропинке, бесстыдники!

Пых-пых-пых!

Прикрыть бы их чем-то... От любопытных глаз. Вот только чем? Тут тебе ни лопухового листа широкого, ни кустика какого. Одни иголки.

Пых-пых-пых!

Ну все, допыхались! Парень с девушкой останавливаются, оборачиваются удивленно («Что за странные звуки?»). Смотрят на колючую парочку, хихикают весело. И глаза горят, восхищенно так. А ежам хоть бы хны! Только и знают, что свое «Пых-пых-пых!»

Посмеялись молодые люди и дальше пошли. Порядочные. Бывает же. И внезапно мне так весело стало, так легко. Неожиданный странный порыв туманит рассудок, я запрокидываю голову и хохочу. Радостно, беззаботно, искренне. Взмахом руки вспушиваю еловые ветки, подбрасываю вверх потерянную белкой шишку. И...

Ветер — не по-весеннему холодный — врывается на поляну непрошеным гостем. Затихают на тропинке ежики, опасно пригнувшись. Обиженно хмурит брови девушка в ответ на неосторожную фразу спутника, раздраженно отталкивает любимого, бежит прочь от него. Тот, рассердившись, хватается рукой за молоденький еловый саженец. Не выдержало юное деревце горячей руки, треснуло пополам, жалобно вскрикнув на прощание. Застонали, глядя на беспредел, вековые сосны. И, прежде чем я глазом успела моргнуть, высыпали на поляну лесные охоронцы.

— Опять она!

— И зачем ей только Хозяин дозволил?..

— Ох, если бы не Хозяин...

— Свой лес не сберегла, теперь и наш погубит!

— Ааааааааааааа! Елочка моя-я-я!!!

Я рухнула на землю, не в силах ответить что-либо. Да и что тут отвечать? И так все ясно: правы вы, правы! Не оглядывайтесь на Хозяина, убейте меня прямо здесь, прямо сейчас. Лучше уж совсем не жить, чем вот так, без права на грусть и улыбку.

Убейте. Не имею я права на жизнь. Не по закону это. Хозяин должен умирать вместе со своим лесом. Кажется, у людей-моряков есть жестокое, но справедливое правило: «Капитан уходит с корабля последним». С тонущего корабля. А Хозяин уходит последним из своего леса. Вместе со своим лесом. С горящим в лютом огне...

Моего леса больше нет. Уже три недели, как нет. Я пережила их всех — все свои дубки, липки, осинки; я видела, как один за другим бросаются в полыхающий огонь мои подопечные — лесные охранители. Вот загорелся добряк Лесовичок, вот пылает красавица Травянка, вот догорает толстушка Ягодница... Все погибли, все. Одна Птичица спаслась — унесли ее с собой пернатые друзья, хорошо, значит, о них заботилась. Как я уцелела? Ума не приложу! Долго металась, нетронутая огнем, от одного подопечного к другому. Могла бы вытащить кого-то из них, могла бы спасти, да права не имею. Как и Лесовички с Травницами и прочими охоронцами не вправе уйти от пылающих своих владений. Должны остаться до конца. Сгореть дотла.

Ничего не поделаешь. Горит лес, горят и все его охранители. Может, в наказание, за то, что не сберегли. А может, просто потому, что нет жизни охранителю без охраняемого.

Хозяин уходит последним. Огонь — убийственная стихия — не касается его до самого конца. А потом, в один момент, растворяет в горячих объятьях.

Я сидела на дымящейся земле, среди догорающих, так любимых мною деревьев. Сидела, сжав в ладонях крохотный кленовый росточек — единственное, что удалось спасти в этом аду. Сидела и ждала, когда же огонь, наконец, обо мне вспомнит.

Не вспомнил.

Просидела, прождала. А потом встала и пошла. Брела, не разбирая дороги, путая день с ночью. А в первом же попавшемся лесу упала без сил.

Я была Хозяйкой лиственного леса. А теперь — незваная гостья в хвойном. Была лесной повелительницей, а стала жалкой приживалой, паразиткой на чужом теле, вредительницей, которая одним неосторожным вздохом способна погубить того, кто осмелился дать ей приют.

Распластываюсь по земле, в отчаянии накрываю голову руками. Слезы текут ручьем, оставляя след из выжженной земли и внезапно пожухлой травы. Зачем я выжила?

— Убирайся! Ради родной Матушки Природы, убирайся из нашего леса! — отчаянно кричит надо мною Травянка. Или это Грибница? Не разбираю. В своем лесу каждого охоронца за версту различала, а тут...

— Уходи! Прошу тебя! Все мы просим: уходи, пожалуйста! Не доводи до предела...

Ничего не ответила я. Не успела.

Зашептались сосны, заскрипели ветви, притихли разъяренные охоронцы. Загремел над головой знакомый властный голос:

— Что расшумелись, аки воробьи желторотые? Иль заняться вам нечем? Ошибаюсь я или вам всем в других местах сейчас быть положено?! Ну-ка марш на свои участки! До трех считаю! Раз...

На счет «два» ни одного охранителя на поляне не осталось.

Медленно поднимаюсь на ноги.

Мрак. Дым. Шум в висках. Дрожь по телу. Пламенная пляска перед глазами.

Пытаюсь сфокусировать взгляд на Хозяине.

Боль. Отчаяние. Безнадега, полнейшая безнадега. Одиночество. Холод. Боль.

И обессилено падаю ему на руки.

В себя прихожу на твердой лавке в Хозяйской избушке. Славные эти избушки, всегда появляются там, где это Хозяину необходимо. А другой — хоть человек простой, хоть лесной охоронец — век будет искать, не найдет.

— Не могу я, Хозяин, не могу, — сама не замечаю, как слова начинают литься из уст моих. — Мой лес, моя жизнь, я все потеряла. И тебя подвела.

Меня все ненавидят. Зачем я выжила? Почему не сгорела? Позволь твоим охоронцам убить меня. Пусть сделают это, ведь сама не смогу!

Я не говорю — кричу. Ору не своим голосом, даже не пытаюсь сдерживать рыданий. А за окном бушует ветер, нет — ураган. И с каждым моим криком, с каждой моей слезинкой он все усиливается, воеет, словно раненый зверь, гнет до земли высоченные сосны. А Хозяин будто и не замечает, что во владениях его творится. Смотрит на меня сурово, но в то же время как-то ласково. И не перебивает, дает выкрикаться, выплакаться.

— Отдай, слышишь, отдай меня своим охранителям! Только попроси, чтобы быстро... Слышишь? Я бы ушла попросту из леса твоего, да идти мне некуда. В любом лесу я теперь чужою буду...

— Не чужою, — заговорил, наконец, Хозяин, — лишней. Чужими мы — лесные творенья — среди деревьев по определению быть не можем. А вот лишними... Не жить в одном лесу двум Хозяевам. Потому-то и не воспринимают тебя мои владения.

— Одно другого не лучше, — всхлинула я. — В любом случае, не жить мне...

— Ну прекрати, — Хозяин осторожно обнял меня за плечи, — прекрати истерику. Ты — Хозяйка Леса, а рыдаешь, как неопытная Травница.

— Я — Хозяйка??? Шутишь, вестимо? Я никто! НИКТО!!! Жалкое ничтожество! Я...

— Хватит!!! Как думаешь, почему не ты сгорела с лесом своим?

Равнодушно пожимаю плечами.

— Смалодушничала. Ушла раньше, чем огонь до меня добрался.

— Дурочка. Сама хоть веришь в то, что говоришь? Тебе ли не знать, что уйти от того огня невозможно. Если только сам не отпустит. А отпускает он редко. Всего с полсотни случаев за всю историю наберется.

Снова пожимаю плечами, не осмеливаясь взглянуть Хозяину в глаза. Мудрый он, Хозяин. Гораздо мудрее и опытнее меня. И не только меня. О нем давно молва ходила, как о самом разумном и справедливом лесном владыке. Из других лесов за советом нередко обращались. Повезло мне, что невидимая тропка вывела меня именно на его земли. Другой, небось, и к лесной окраине не подпустил бы.

— И что же мне делать теперь? — спрашиваю еле слышно, почти не шевеля губами.

Вздыхает Хозяин.

— Здесь оставаться тебе нельзя, в этом нет сомнений. Ты либо сама с ума сойдешь, либо лес мой разнесешь на бревнышки. Но раз уж живой из огня вышла, значит, где-то есть тебе место. Где-то ты нужна. Очень нужна.

— И где же? — удивленно вскидываю бровь. — Сам же говоришь, нет места двум Хозяевам в одном лесу!

— А кто говорит о двух? Ты лучше скажи, что у тебя в складках одежда спрятано?

Смущенно разглаживаю руками смятую и изрядно увядшую за последние три недели юбку. О чем это владыка? Ничего я от него не прятала, и прятать не собираюсь. Ах это! А я уж и забыла про него! Пальцы нащупывают притаившийся в недрах юбки крохотный кленовый росточек — единственное, что удалось вынести из огня.

— Да, да, именно о нем я и толкую. О будущем клене. Первом клене в твоём лесу.

— Где? Где мне посадить его?

— Не знаю, детка. Сама ты решить должна. Вот, держи, — он протягивает мне внушительную флягу с вязкой зеленой жидкостью, — это поддержит твои силы, пока не определишься, пока не найдешься.

— Спасибо! — я поднимаюсь на ноги, чувствуя, как силы потихоньку возвращаются ко мне. — Ты так добр... Не знаю, смогу ли я отблагодарить...

— Сможешь. Если найдешь, что ищешь. Иди, Хозяйка! Иди туда, куда подскажет сердце. Оно одно знает верный путь.

* * *

Иди.

Легко было говорить Хозяину. Я иду уже не один месяц и даже, кажется, не один год. За свое путешествие насмотрелась на всякое. Встречались мне и гостеприимные леса (зелье Хозяина ненадолго делало меня безопасной для чужих владений), встречались и откровенно враждебные. Я видела бескрайние степи и безводные пустыни. И нередко хотелось остановиться, сдаться собственной усталости, выдохнуть: «Я пришла, я дома, я останусь здесь!» Но... сердце молчало.

Мне повстречался вымирающий лес, деревья которого гибли от неизвестной болезни. «Останься! — просила меня тамошняя Хозяйка. — Твои владения сгорели, давай спасем мои! Вместе. Твой кленовый росточек может стать свежей кровью для моего изможденного леса. Я подарю тебе место во владениях своих. Сделаю Травницей, все равно мои почти все зачахли... Или Лесовницей, Смотрительницей рощи, той, которую из твоего клена вырастим. Или... Ну куда ты пойдешь? Сколько еще будешь бродить по свету? Не надоело? Останься!» Но мое сердце молчало. А кленовый росточек сиротливо, словно потерявшийся рысенок, жался к ладони.

Мне попадались болотные топи с Королевой-изгнанницей. Изгнанницей — потому что не станет никто по доброй воле жить в вязкой грязи. Ну, а почему Королевой, надеюсь, объяснять не нужно. «Думаешь, где-то рай лесной тебя ждет? Опомнись! Ты изгой — такой же, как и я! Выбирай себе болото. Только эти и вон те — мои, не тронь! Да и выкинь, наконец, свой клен, посмотри, лучше, сколько камышей вокруг...» Испуганно заворочался в складках юбки кленочек. Возмущенно екнуло сердце.

Встречались мне и... Да много чего встречалось! Но такого, как это, раньше видеть не приходилось. Пустыня. Странная до невозможности. И странностью этой пугающая. Хотя, может и не пустыня это вовсе. Ведь не пусто здесь. Только как-то не так, как должно быть. Вместо земли — бетон. Вместо деревьев — вышки какие-то каменные. Даже воздух тут неправильный... Это и воздухом-то назвать сложно.

Удивленно озираясь, присаживаюсь на лавку деревянную, похожую на те, что в хозяйских избушках стоят. И такая усталость на меня наваливается. Усталость. Но усталость приятная. А вместе с ней — уверенное спокойствие. Рядом пристраивается молодая парочка. Смеются, дурчатся, меня, само собой, не замечая. И я вижу, как привядший букет в руке девушки в один миг вдруг посвежел. И птички вокруг как-то слишком весело расщебетались. И вообще — я дома! Мысль простая до неприличия и в то же время до невозможности неожиданная сразила меня стремительной молнией.

Дома.

Да, эти каменные джунгли, это странная местность — мой новый дом. Место, где я действительно нужна. Мертвая пустыня, которой я должна помочь зазеленеть.

Медленно опускаюсь на землю, свободную от каменных оков, нащупываю в складках юбки свой драгоценный росточек.

Дома.

В этих джунглях будут деревья! В *моих* джунглях будут деревья!

Крохотный кленочек тянется к Солнцу. Наконец-то, у него появился шанс. *У нас* появился шанс.

Дома. Мы дома.

5 — 9 января 2008

АННА БЕРЕЗА

ЖИЗНЬ СЕМЕНА ФЕДОТОВА, ИЛИ АЛЛЕРГИЯ НА ЧЕРНЫХ КОШЕК

Т ФЕДОТОВА УШЛА ЖЕНА. ОДНАЖДЫ, СОЛНЕЧНЫМ ЛЕТНИМ днем, взяла собранный заранее чемодан и ушла.

Она сказала:

— Ты, Федотов, хороший человек.

Наклонилась застегнуть босоножки. Из-под короткого цветастого сарафана сверкнули белоснежные трусики, осветив напоследок темную, тесную прихожую...И ушла.

Вот так, не по-человечески, чисто по-женски — ничего не объясняя. Пожала плечами, улыбнулась виновато и счастливо...А у Федотова, как нарочно, во рту пересохло, язык, будто скотчем к небу прилепили — так и не смог спросить, где жена прятала заранее собранный чемодан. Почему-то этот вопрос больше всего тревожил Федотова. Воображение рисовало жуткие картины тихой подлости. Вот спит на супружеской кровати Федотов, уютно похрапывая и невинно полуоткрыв рот. А его жена встает голая с кровати (она всегда спала голая) и крадется к шифоньеру, затаив дыхание и оглядываясь... Три дня назад друзья подарили Федотову кровать. Федотову и его жене. На годовщину свадьбы. Новую, широкую кровать, с модным гипоаллергенным матрасом. Никто из друзей Федотова не мог без запинки произнести мудреное слово «гипоаллергенный» ...Так в дружной компании обнаружился чужак. Откуда не возьмись взявшийся модный писатель философских притч — Павел Карелин. Он один спокойно, бегло, без нажима произносил заковыристое слово, и смотрел со сдержанным достоинством и слегка свысока на разомлевших от его образованности дам. Каким ветром занесло сюда писателя — никто не знал. Сам Павел кивал на спящего лицом в салат Егорыча. То ли намекал на его бескультурное поведение, то ли Егорыч мог поведать историю о том, как модный писатель затесался в их компанию.

Впрочем, мы отвлеклись. Главным событием того вечера было все-таки то, что Федотову подарили новую кровать. А новые кровати, как известно, отличаются тем, что не скрипят, когда жены среди ночи встают и начинают складывать свои вещи в чемодан.

...Федотов широким целеустремленным шагом прошел на кухню, выпил воды из под крана и стукнул что есть силы огромным кулаком по посудному шкафу. Загремела похоронным звоном посуда, покосился старый дешевенький шкаф.

— Эх, была бы старая кровать!!! Уж она бы заскрипела, как положено. Не ушла бы стерва!

В величайшем волнении выбежал Федотов из опостылевшей теперь квартиры.

Федотов и Егорыч зашли в ближайшую пивную, гордо именуемую пабом. Сели за пыльный пластмассовый столик. Заказали бледному, ушастому официанту пива и рыбы. Тот заказ принес быстро, еще и пыль на столике протер рукавом рубашки.

— Каюсь, Семен, — признался Егорыч, — это я писателя тогда к вам в гости пригласил. Я, он мне сказал, собираю материал для новой книги. Я и пошел ему навстречу. Думал — человек, а он что гад...

— Так это она к нему?

— А ты не знал? — Егорыч от изумления рот раскрыл.

Сверкнула, извиваясь, молния. Ударил гром. Гроза опутала город нервными ломаными молниями.

— Вот ведь, — пыхтел Егорыч, — живет себе человек: пьет, гуляет, деньги одалживает и не возвращает. Мразь и сволочь, одним словом. Только молнией его невзначай пришибет, так сразу уже и невинная жертва.

— Это ты о ком? — уточнил Семен.

— Так о себе же...

— А тебя разве молнией пришибло когда?

— Так ведь может, — уверенно сплюнул Егорыч.

Егорыч потрепал Федотова по плечу, вытерев об рубашку Федотова жирные, в копченом сале, пальцы. Семен покосился — Егорыч руку тотчас убрал, пробормотав невнятно:

— Никакого сервиса. Салфеток и тех не выдают.

Но заметив, что Федотов о салфетках не думает, сказал громко вздохнув:

— Ты это правильно, Семен, решил. Вертать бабу надо. А писателя этого в такую историю завернуть...

— Я вот думаю — кирпич на голову. Вот и вся история, — угрюмо отрезал Семен.

Егорыч несогласно замотал головой.

— Эх, простой ты человек, Федотов. Одного ты не понимаешь. Она отчего ушла к этому писателю?

У Семена глаза блеснули недобро:

— Ну, это я как раз знаю.

— Ну и?

— Это оттого, что кровать нам новую подарили, а старую мы выбросили, а новая не скрипит, зараза, совсем, — Семен в сердцах стукнул кулаком по столу.

Егорыч часто заморгал выгоревшими короткими ресницами.

— Кровать-то тут причем? У писателя этого и вовсе никакого дивана нет. Матрац на голом полу. Там и кувыркаются...

— А ты откуда знаешь?! — глаза Федотова потемнели от ярости. Он схватил Егорыча за тонкое, в пупырышках горло.

— Знаю, — захрипел Егорыч, — Моя Маруся ходит прибираться к этому писателю. Она всю его обстановку знает.

Семен отпустил Егорыча, тяжело обмяк на стуле:

— А что ж это, модный писатель, а спит на полу?

— Богема, — понимающе протянул Егорыч, — Жена твоя ушла к писателю этому, потому что он личность неординарная, понимаешь? Так что кирпич на голову — это не выход из ситуации.

— А какой выход?

— Убийство — последний довод политиков, убийство по личным мотивам — типичное пижонство. Да и эффекта ноль. Ну, убьешь ты его, а жена твоя и мертвого этого писателя любить будет.

— Ну, уж не настолько он неординарный, чтобы даже мертвым живую бабу удовлетворить, — резонно заметил Семен.

— Тьфу ты, чепуха какая тебе в голову лезет! — возмутился Егорыч. — Я тебе говорю, что она духовно хранить ему верность будет. Ду-хов-но!

— Духовно? — переспросил Федотов и вспомнил тяжелые упругие груди с темными, как вишня сосками, белые покатые плечи, полуоткрытый от страсти рот, горячее, как июльский ветер дыхание...

— Пусть хранит ему духовную...верность, — произнес Семен хриплым голосом.

— Темный ты человек! — Егорыч не удержался и треснул Федотова кулаком по лбу. В голове Федотова прояснилось.

— Я знаю, к кому обратиться, — твердо сказал Егорыч, — слушайся меня.

Когда Федотов и Егорыч пришли в хижину на реке, Стратов ничем таким особенным не занимался. Он рубил дрова, и пот крупными градинами слетал с его красно-коричневых бицепсов и узкого лба. Увидев гостей, Стратов отбросил топор в сторону и, дернув лысой головой в вязанной, лимонного цвета шапочке, произнес:

— Ыы...

— Он нам не рад, — перевел Егорыч

— Понял, — кивнул Семен, и тут же, как было условлено, извлек из-за пазухи литрушку водки.

— Угу... — протянул Стратов, выстрелив маленькими глазками в Федотова.

— Мало, — прошептал Егорыч

И Федотов достал и заднего кармана штанов еще поллитры.

Ничего не говоря, Стратов повернулся и пошел в хижину. Егорыч и Федотов переглянулись и двинули за ним.

Из закуски у Стратова оказалась только вонючая вяленая рыба. Федотову даже показалось, что в вялой рыбьей плоти шевелятся маленькие, похожие на белые реснички червяки, но Стратов взглянул на Федотова строго, и Семен не стал больше сильно присматриваться к предложенному угощению.

После распитой поллитры Стратов спросил:

— Ии...зачем вы пришли?

- От Федотова жена ушла, — начал Егорыч.
- К писателю, — уточнил Федотов.
- Не люблю, — тоном человека с непоколебимыми жизненными принципами сообщил Стратов.
- Аналогично, — поддакнул Егорыч, — так вот. Жену надо бы вернуть.
- Ыы... пустое. Каких-нибудь двадцать — тридцать лет и писатели вымрут как динозавры. Бесплезнейшая профессия в эпоху визуализации, виртуализации материального и материализации виртуального...
- Так-то оно так, — убежденно закивал Егорыч, не понявший ни полслова, — но парень тридцать лет ждать не может. На кой ляд ему его жена через тридцать лет?
- Не нужна она мне через тридцать лет, — подтвердил Федотов.
- Да... Старуха у разбитого корыта, заезженный образ... — Стратов глубоко затянулся сигаретой и медленно, задумчиво выпустил дым кольцами.
- И старуха ему никакая не нужна, — досадливо нахмурился Егорыч, — ты, слышь, Стратов, въезжай в то, что тебе говорят.
- Кирпичом по голове — самое милое дело, — деловито предложил Стратов.
- Вот и я говорю кирпичом! — обрадовался Семен.
- Ты погоди, Стратов! — возмутился Егорыч, — я тебя как умного мужика, так сказать, рекомендовал, а ты «кирпичом». Несерьезно...
- Зато правильно, — флегматично стоял на своем Стратов.
- А помнишь, Стратов, — перешел на интимный шепот Егорыч, ты мне по пьяни один раз признался...
- Ну, ты вспомнил. По пьяни... Я давно в завязке. До белых чертиков не напиваюсь. Печень не контактит, — Стратов опрокинул еще рюмку.
- До белых чертиков может и нет, — ехидно продолжал Егорыч, а до черных кошек?
- Стратов вздрогнул всем телом. Над столом нависла такая тишина, что Федотов припомнил свою давнюю кандагарскую контузию и помотал головой, пытаясь вернуть себе слух.
- Стратов вышел, но через несколько минут вернулся. В правой руке он держал черную кошку, по всей видимости, мертвехонькую. Хозяин хижины угрюмо бросил труп на стол
- Что это? — оторопело спросил Федотов.
- Мумия египетской черной кошки, — Стратов снова закурил.
- И на кой она мне?
- А ты у Егорыча спроси.
- Егорыч деловито ощупывал морду и хвост забальзамированного зверя.
- И как это действует? — осведомился он у мрачного Стратова.
- Безотказно. Ночью, в полночь, надо шепнуть имя жертвы, и кошка сама ее найдет.
- Ты хочешь сказать, что эта тварь по ночам оживает? — поежился Федотов.
- Ей достаточно взглянуть жертве прямо в глаза. Если у человека был талант, он исчезает бесследно в ту же минуту... Я на себе испробовал.

- У тебя был талант?
- Он был поэтом, — ответил Егорыч за Стратова.
- А зачем?
- А зачем мне эта дырка в голову?
- И талант пропал бесследно? — не унимался Федотов.
- Да, — задумчиво ответил Стратов, — только иногда в полнолуние...
- Что? — в один голос спросили Федотов и Егорыч
- Да ничего... выть хочется.

ЭПИЛОГ

Федотов взял у Стратова чертову кошку, и ровно в полночь произнес громко и по складам имя своего обидчика: «Павел Карелин». На всякий случай повторил он это имя три раза. Кто знает эту тварь. Волшебная, но все-таки не человек, мозгов мало. Тварь моментально оживилась, превратившись из засохшей мумии в быструю как тень, совершенно живехонькую черную кошку. Кошка взяла след и умчалась. Несколько дней ее не было, наконец, она вернулась...

— Ну, как?! — дернул ее за хвост Федотов. Кошка протянула Семену номер завтрашней газеты. Развернув газету, на странице тринадцать Федотов прочитал заголовок статьи: «Известный бразильский писатель Пабло Коэльо внезапно потерял свой талант».

Федотов пошатнулся и в ярости заорал:

— Ты, тупая, глухая тварь! Я же три раза по складам повторил! Павел Карелин! Не Пабло Коэльо!

Кошка махнула хвостом и сказала басом:

— Павел Карелин и так бездарность.

— Он модный писатель, он книжки миллионами издает!

— Какая тебе разница, Карелин, Коэльо...

Федотов схватил наглую тварь за горло, и начал душить, но кошка, малодушно струсив, превратилась вновь в засушенную мумию...

Вот примерно так, а может, и иначе, закончилась эта история. Трудно сказать, повлияла ли каким-то образом на судьбы мира пропажа таланта у Пабло Коэльо, но одно я знаю точно. У Павла Карелина и жены Семена Федотова все хорошо. Егорыча через несколько дней все-таки пришибло молнией, Стратов каждый месяц в полнолуние пьет горькую и воет на луну, а у самого Федотова с той самой ночи началась жуткая аллергия... на черных кошек.

ДМИТРИЙ ЛИСОВИН

ПОЛОМКА

ГЕНЕРАТОР МОНСТРОВ ДО СИХ ПОР РАБОТАЕТ НЕ ТАК, как нужно» — первые слова, которыми меня встретил шеф.

Я схватился за голову. Этот ангельский агрегат меня уже достал. Вот уже двадцать пять смен он перманентно барахлит.

— Что на сей раз? — обреченно спросил я.

— Увы, мне не докладывали. Сходи сам посмотри, а я уж постараюсь замять это дело, чтобы главный не так чувствительно по рогам настучал. Совсем теперь ковра не избежать, он и так на нас в обиде.

«Еще бы, не в обиде», — мрачно думал я. — «Из-за этого генератора работа уже херувим знает сколько тормозит. Только дурак мог надеяться, что начальство не просечет».

Видя мою расстроенную физиономию, шеф только пожал плечами. Он вообще неплохой мужик, не из тех, которые жить не могут, с утра не поездив подчиненному по мозгам. Наоборот, не любит приносить пакостные новости. А что делать?

Мне осталось только вздохнуть и направиться на рабочее место. Вот что ему надо, этому генератору? Почему цех катаклизмов — а он в пять раз больше и вдвое древнее — ни разу, подчеркну, НИ РАЗУ не дал сбоя, а это.... Ну, скажем, тоже старый — так три раза все детали уже меняли, все вычистили, просчитали, прокляли тринадцать раз по всем правилам — хоть бы хны.

И именно недавно испортился, зараза. Ни фига, ни фига, и тут нате — ФИГА! Выдает такую продукцию, что даже Фрэнк за живот хватается. Сначала смеется, а потом обходит аппарат десятой дорогой — засосет еще, а мало ли чего от него теперь ждать. Переоверкает так, что себя в зеркале не узнаешь. Кто-кто, а Фрэнк в нем разбирается.

Слава главному, с нас спрос не такой, как с Департамента Искусителей. У них, правда, и штат соответствующий — шесть с копейками миллиардов и растет, по числу клиентов. Да и задача поважнее. Недаром говорят: «Дурак пойдет в Мучители, умный во Вредители, хитрый — в Искусители».

Я приоткрыл дверь и заглянул к нашим «умным» — военным психологам. Ребятам с каждым годом все сложнее. Мир во всем мире, что ж вы хотите. Есть, правда, у них человек на примете — недавно встал у руля одной страны ему под стать, и за пару лет три мелких войны устроил, не без нашей помощи. Надеются его раскатать на что-то грандиозное, вроде Третьей мировой. Кто его знает, а вдруг получится. Тип нестабильный, но наглый, и, главное, влиятельный. По-моему, он просто псих.

Так, для галочки загляну в «катаклизму».

Здесь все как обычно — работает, не шумит, не ломается. Впрочем, не шумит — скорее метафора. Помню, уже при мне запускали вулкан Кракатау. Тогда психологи вместе с расчетами со стульев полетели от взрыва, потом шефу пожаловались, правда, скорее из желания нервы успокоить, чем со зла. Да мы сами чуть не оглохли. Жаль, что такое удастся повторить раз в две тысячи лет, но ничего не поделаешь — главный реактор долго греется. Еще повезло, что Тамборо подогрели за пятнадцать смен до того — и то перерасход вышел. Потом Мучители визжали, что им лавы не хватило. Перебьются. У них дело нехитрое, а нам Атлантиду топить.

Мелкие же аппараты работали исправно — по большей части погодные, но есть и сейсмические, и вулканы. Время от времени один из них выдавал новый толчок или торнадо.

О, кстати, катастрофщики мне намекали, что пора бы, мол, поставить еще несколько генераторов. Их можно понять — тоже трудно становится: умнеет клиентура, растет морально и успевает попрятаться. Это вам не Древняя Греция. Вот только не видать им расширения, пока не разберемся с этим генератором монстров. Не потому, что я вредный или там шеф, а просто потому, что нам средства не выделяют на расширение из-за этого благословенного генератора! Мол, не оправдываете вы, товарищи Вредители, возложенной на вас функции. Да наш департамент старше всех их, вместе взятых! Всю жизнь оправдывали, тут — нате! Работников мне толковых, побольше! А их нет!

Кстати, откуда это словечко, «товарищи»? А, все оттуда же. Из генератора. Работа была великая, нам всем за это благодарность вынесли. Генератор выплюнул двоих, психологи их натаскали, выпустили, а потом натравили друг на друга. Кто же из них так говорил, с таким акцентом... нет, не агрессор, другой. Как его хоть звать-то? Сти... Ста... грузин какой-то. А, неважно. Зайдем в чистилище, он вроде там сидит, агрессор-то — у нас, у Мучителей, точнее. Ничего, второй тоже навряд из чистилища выйдет.

Да, это и был, наверное, последний удачный рывок генератора. С тех пор — все. Как отрезало. Ох, не хватает мне толковых работников, ох как не хватает.

С этими мрачными мыслями и вхожу в Зал пакостей, где и стоит «виновник торжества» — занимает ползала, а толку... Около него Фрэнк с полным набором инструментов — самый толковый работник, даром что сам в свое время вылез из генератора. За свою жизнь он через него прошел раз двести, если не больше, так что знает его досконально и изнутри, и снаружи. А еще Фрэнк умен, образован в меру и с механизмами на «ты» — он сам ходячий механизм, набор болтов и скоб. Поэтому он и чинит этот дегенератор. Вот Влад, бедолага, хоть и побывал внутри у механизма вдвое больше, а к технической работе не приспособлен вообще — вот и остается ему пить кровь людскую там и выскакивать из машины

здесь. А еще жаловаться, что генератор его скоро вообще измочалит. Да и прав он. В последнее время барахлящая машина превращает его в какие-то жалкие и смешные пародии на себя.

— Ну как? — спрашиваю.

Фрэнк поворачивается ко мне всем своим необъятным корпусом. Хо-рош — два с половиной метра ростом, столько же в объёме, вся фигура вы-дает чудовищную силу. Голова огромная, похожа по форме на чурбан, обло-женный тухловатым мясом.

— Плохо дело, — изрекает он. — Я не знаю, чего ему на сей раз не хвата-ет. Он коверкает все, до чего дотянется. Опять нас с Владом засосал — вро-де обошлось. Обратней искорежил половину, над ними теперь только сме-яться можно. Все эти тролли, инопланетяне, мумии... это идиотизм!

— Сам-то ты как думаешь? — спросил я прямым текстом.

— Скорее всего, контур веры. Все остальное мы уже поменяли.

О нет. Только не это.

— Ты уверен?

— Суди сам, босс. Модели выходят способными только детишек пугать. В них никто больше не верит! Все детали мы уже заменили, и только кон-тур до сих пор стоит!

Я не воспринимал его слова. Если контур полетел — все. Прощай, гене-ратор монстров, чудовищ и тварей. Люди больше не во что не поверят.

— Выключи его. Совсем. Быстрее! Если он засосет всех...

Фрэнк бросился обесточивать генератор. Бросился — сильно сказано, скорей, поковылял на негнущихся ногах.

Глядя на него, я понял, что контур не вышел из строя сразу. Он начал ло-маться еще сотни лет назад. Тогда и начали выскакивать из генератора кри-вобокие чудовища. Взять того же Фрэнка — не могла машина сделать ему мощные ноги? Да, они-то мощные, но собранные наспех — а как же иначе, если в качестве материала было только семь трупов. Вот и шатается Фран-кенштейнов монстр, переваливается на своих слоновьих ногах. А ведь гене-ратору раньше ничего бы не стоило придумать ему более удобную легенду, наделить его большей силой, ловкостью и скоростью.

Я кинулся ему помогать.

— ...Вроде бы все, — произнес он наконец.

— Нового контура у нас нет, — сказал я ему. — Я пойду к шефу, попро-шу у него, чтобы пробил. Ты стой здесь и никого не подпускай. Особен-но Дракулу.

Я мрачно шел по коридору. И так, часть методов работы отпала. Испокон веков мы, как и положено, искушаем людей, терзаем их души после смерти и — работа такая — устраиваем всякие пакости. Все как положено — катак-лизмы, войны, неудачи, несчастные случаи и сверхъестественные силы. Вот теперь последним пришел конец.

— Вот такие дела... — закончил я, сидя напротив шефа.

— Знаешь, Тринадцатый, я тут был у главного... — начал он.

— И?

— Он уже в курсе. Все больше людей, попадающих к нам, уже не верит в мифических чудищ. Они до того удивляются, попадая к нам!

— И что же он сказал? — с надеждой подался я вперед.

— В общем, это не наша вина. Генератор стар, а контур всего один, и как его заменить — неизвестно.

— Стар? Да ведь его поставили всего семь тысяч лет назад!!!

— Нет, сынок. Он существовал задолго до нас. Тогда, когда ты сказал, его лишь перевезли сюда. Более того, мы сами — его порождения.

— Что?! Это невозможно!

— Увы, это так. Мне это сообщил лично главный. Так вот, его постановление: генератор отключить. Навсегда. Он, как видишь теперь, может затягивать и нас. Если он поврежден, то ... сам понимаешь. И приналечь на другие методы.

...Не люблю я эту канцелярщину, думал я, составляя отчет и заключение. Но нужно.

«...поскольку генератор неисправен, не приносит ощутимой пользы и опасен...»

Так, значит. Получается, мы, которых люди именуют духами, злыми богами, демонами и чертями — на самом деле порождения неизвестно откуда взявшейся машины. Забавно звучит — дьявол из машины. Значит, генератор способен изменять и нас. Тем более, лучше к нему не подходить. Если люди перестанут верить в нас...

Хотя, может, ничего и не изменится. Меньше верят — больше грешат. Больше народу окажется здесь. Посмотрим.

«...и усилить воздействие через другие методы, в частности — катаклизмы».

Подпись.

«Главный технолог департамента Вредителей Черт Тринадцатый»

А теперь в цех катаклизмов.

Говорят, кто-то из людей предсказал, что где-то в эти годы наступит конец света. Ну, этого не будет, но веселую жизнь гарантировать им можно.

Я вошел в цех.

— Все реакторы на полную мощность!!!

МИХАИЛ БАБКИН

ИНИЦИАЦИЯ

И

ВАН ПЕТРОВИЧ, СОРОКА ДВУХ ЛЕТ, ХОЛОСТОЙ, НИГДЕ не партийный и никогда не работающий, сгорел в один момент, как спичка в доменной печи — тьфу, и нету.

Кто знает, из-за чего оно всё отчаянное приключилось: то ли наш Президент с ихним не договорился, то ли наоборот, но упала на дом Ивана Петровича атомная бомба и сожгла его. Вместе с жителями многоэтажки и всем городом заодно. Ну и с дачными окрестностями, само собой. И с прилегающими деревеньками, где коровки, свинки и пастушата на утренней росе; такая вот неудобная заковыка вышла.

Разумеется, воспарил тогда Иван Петрович в чёрные небеса... вернее, дух его воспарил: и впрямь, какая-токая у него теперь была телесность? Вероятностная неопределённость, да и только; одна отрицаемая наукой душа — ныне сонная, в обнимку со сгоревшим одеялом.

Вокруг Ивана суетились ширококрылые потные ангелы, вычёрпывая массу прочих душ погибшего города и вмиг улетаая к звёздам как фейерверочные залпы: действовали ангелы весело, споро, с рабочим матерком и залихватски — работали, в общем. Спасли то, что можно было спасти.

Но во всём этом бедламе Иван как-то в стороне остался, то ли завис по началу неправильно, то ли с детства ликом не удался — проигнорировали его. Забрали прочих, а Ивана не заметили, ну-ка, остался висеть один одишёнек над былым величием города.

Под ногами клубился серый атомный прах, в звёздном небе певуче летели призраки сожжённых птиц, а Иван продолжал висеть, зябко подёргивая ногами и кутаясь в лохмотья одеяла.

Час висел, два — ан никого! Ни одной крылатой сущности, чтобы забрать его в райские чертоги. Ну или в адские подвалы, какая хрен разница: главное, определиться. А то так и останешься никем не востребованным, а это крайне плохо, особенно с учётом нынешнего положения.

Однако ж вскоре явились ожидаемые: трое крылатых, то ли ангелы, то ли черти, поди пойми в пепельной мути, с подвешенным перед ними столом — канцелярским, верным, со школьными чернильницами прошлого века, бумагой и гусиными перьями — и стали задавать Ивану дивные вопросы. Даже не представившись.

— Насколько нам известно, — сказал невесть кто и что с левой стороны стола, — вы нарушили практически все заповеди Господа нашего: неверие в Него и кумирство на предмет денег в первую очередь. Также всуе помина-

ние имени Его, по молодости субботняя работа на текущих халтурках, конкретное непочтение родителей, в дальнейшем — настоящее убийство сослуживцев сплетнями и злостными комментариями; текущее прелюбодение с секретаршей и воровство крупных сумм с банковского счёта личной фирмы. После идут ложные свидетельства и донос на близких своих, повлекшие отбирание дома у гражданина Смердякова и запланированный переход его жены к вам. Вопросы есть?

— Ни сном, ни духом, — честно ответил Иван Петрович. — Ни в одном из десяти грехов не причислен, вся жизнь как на ладони! У вас неверные сведения. Ошибочка вышла, граждане судьи!

— И впрямь, — неохотно подтвердил невесть кто с правой стороны стола, — явная ошибка. У нас дело на кого? На Пупло Иоанна Петровича, скончавшегося десять лет тому назад... А разбираемся только сейчас и не с тем! Но фамилии схожи, отчего ж и нет, — тут правосторонний сильно засморкался в платок, на том его речь и закончилась.

— Я попрошу! — сердито застучал кулаком по столу средний, — будьте любезны! Души врать не умеют, стало быть мы имеем дело с чем-то неопределённым, что и не жило фактически, коли нет грехов... Не надо наводить тень на исторические события, не надо! В любом случае есть кассационная комиссия, пусть она и решает, — с этими словами и стол, и некие всякие исчезли, оставив напоследок запах озона да трубный отголосок сморкания.

Иван Петрович был один.

Но не надолго: в фонтане огней, в сполохе взрывов к нему явился представитель означенной комиссии — явно дьявол, с рогами, копытами и рыжей шерстью повсюду. Даже в промежности.

Оглядев Ивана с хитрым ленинским прищуром, рогатая скотина сердито молвила что-то вроде: «Мля, не мой профиль, никаких грехов» — и исчезла, растаяла в ничём.

Иван опять оказался в одиночестве.

Судя по всему, ни Раю, ни Аду он не принадлежал — так себе, бесхозное хрен знает чего, никому и никак не требуемое. Это было обидно.

И потому, выждав ещё некоторое время и заодно уронив в звёздную темноту любимое одеяло — что окончательно расстроило Ивана Петровича — озлобленный и печальный, он ляпнул в сердцах:

— Да будет свет! — чтобы увидеть, куда оно упало.

И вдруг стал свет.

А дальше Иван Петрович теряться не стал...

Представляем вашему вниманию синопсис книги уже весьма известного украинского писателя-фантаста Яны Дубинянской. Хочется еще добавить, «молодого писателя» (те, кто с Яной знаком, поймут, почему на язык просится подобный эпитет), хотя писательский опыт у Яны уже насчитывает не один год и не одну изданную книгу. И читатель нашего журнала знает ее не понаслышке. Мы не раз публиковали рассказы и повести Яны Дубинянской на страницах РФ, а также рецензии на ее произведения. Сейчас же хотим познакомить вас с отрывком из ее нового романа под названием «Глобальное потепление», который в ближайшее время выйдет в свет в московском издательстве «ПрозаиК». Синопсис, по традиции, завершает мини-интервью с автором.

ЯНА ДУБИНЯНСКАЯ

ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ ФРАГМЕНТ

МНЕ ВСЕ-ТАКИ ИНТЕРЕСНО, — ЩУРЯСЬ НА ЗАХОДЯЩЕЕ солнце, сказал Ливанов. — Что ты с ней сделаешь, если... когда найдешь?

Вопрос адресовался Юрке Риберу, и тот уже открыл было рот отвечать, однако встрял Колька Иванченко, что само по себе было невероятно: опередить Рибера по части скорости ответа или вопроса не удавалось никому, Ливанов помнил еще по Пресс-лиге. И вдвойне удивительно было с Юркиной стороны уступить приторможенному банановому дайверу, казалось бы.

— Куплю коттедж на Острове, — мечтательной скороговоркой начал Колька, — в смысле, всем ребятам по коттеджу, и вам с Юлькой тоже. Отправлю моего оболтуса учиться. Брошу заначку в швейцарский банк. А на остальное, как и было задумано, порешаем проблемы в стране.

— В вашей стране? — уточнил Юрка Рибер. — Не свисти, Коля. В вашей стране проблемы нерешаемы по определению. Вы по-другому не умеете жить.

— А вот этого не надо! — обиделся за державу дайвер. — Вам легко рассказывать: сначала сидели на нефти и газе, потом благополучно перебрались на Безледное и Беломорское побережье, на эти ваши Соловки! Я, кстати, не был никогда, и ничего. Разумеется, что за проблемы при таких ресурсах — с вашим климатом и курортной зоной в полстраны?!

— А ты приезжай, — посоветовал Ливанов. — Там хорошо, тебе понравится. Съездишь хоть раз — будешь совсем по-другому говорить.

Здесь тоже было хорошо. Смеркалось, дул теплый ветерок, на море поднялось небольшое волнение, и база едва ощутимо покачивалась под ударами волн. База была другая, дальняя, чуть более обжитая, годная для ночлега. Сидеть на вобравшем в себя дневное солнце ржавом железе было твердо, но тепло и приятно. Для полноты ощущений Ливанов посадил бы на колени Юльку — но она демонстративно разместилась далеко напротив, смотрела исподлобья, молчала и до сих пор обижалась. А ведь он, между прочим, сразу после

всплытия извинился, хотя в душе продолжал считать свою подводную выходку смешной и удачной. И снять с Юльки купальник у него почти получилось.

— Кстати, о ресурсах, — заговорил Ливанов. — Вот возьмем ваш культурный шельф. У нас-то давно все расчистили, а здесь... Да я бы на вашем месте организовал тут такое! Дайверский экстремальный туризм, подводное сафари с монстрами, — он подмигнул обиженной Юльке, — да черт знает что можно придумать на этих развалинах! Дать широкую рекламу, и туристы ехали бы отовсюду с баблом. Для вашей, между прочим, страны.

— Для того, чтобы ехали туристы, Дима, — скучно возразил Юрка Рибер, — надо сначала построить инфраструктуру. Дороги, отели, провести водопровод и канализацию. И куда-нибудь деть здешних дайверов. Короче, сразу видно, что ты писатель.

— Да я понимаю, — махнул рукой Ливанов. — Я пытаюсь объяснить, как оно было бы в нормальной стране. Без поправки на банановый... на местный, так сказать, менталитет.

— Ты не прав, — сказал Колька Иванченко. И твердо, убедительно аргументировал: — Ты абсолютно не прав. Это у вас менталитет.

— Ага, — отозвался Рибер. — Сейчас ты нам расскажешь, мол, у нас неправильные выборы, мы все под колпаком и не знаем, что такое свобода.

— Еще нас зомбируют наши масс-медиа, — подсказал Ливанов.

— Да ну вас, — отступил Колька. — Давайте лучше выпьем.

И был безоговорочно поддержан.

Они выпили на троих: застенчивые студентики уползли в домик готовиться ко сну, а Юлька пить отказывалась, хотя все по очереди ей предлагали. Сидела в своей любимой, как успел заметить Ливанов, позе — руки замком, подбородок на коленках — минимизированная донельзя и на вид совершеннейшая девчонка. Она была смешная и очень уместная здесь, в контексте этого вечера, культурного шельфа, безумной экспедиции и маловменяемой страны. Он был доволен, что удалось оставить Юльку здесь, без нее определенно чего-то не хватало бы, утратился бы вроде и необязательный, но правильный, завершающий композицию элемент. Стремительно, по-южному, темнело, и ее лица было уже не различить, а тем более его выражения. Скорее всего, еще дуется, и так оно даже интереснее.

Ливанов встал, потянулся и направился к дальнему краю базы. Поверхность моря — ему все равно казалось, что это море, хотя дайверы называли его шельфом и никак иначе — призрачно, серебристо светилась, россыпь блуждающих огоньков мерно покачивалась на волнах. Из-под ливановской ноги с грохотом покатила банка из-под пива, или что-то вроде того, и звучно плюхнулась в воду, распугав тишину и сияние. Он вернулся к компании, разумеется, на гораздо более выгодную позицию, присев на теплый ящик у Юльки за спиной.

— ...я только думаю, как лучше сделать, — говорил Колька Иванченко. — Просветить все, а потом посмотреть — или отсматривать по сегменту?

— Естественно, по сегменту, — сказал Рибер. — Если она в первом или во втором, нафига делать маргышкину работу?

— Оно, конечно, так, но ведь это кататься каждый раз на берег. И не хотелось бы прямо сейчас распаковывать аппаратуру.

— Почему?

Николай замылся, и тут прозвучал внезапный и звучный, как сигнал корабля в ночи, Юлькин голос:

— Сопрут.

Ливанов придвинулся ближе. Под ее затылком серебрились не попавшие в основной узелок волнистые волоски, похожие на свечение ночного моря. Он поцеловал ее в шею, Юлька дернулась, резко двинув назад локтем, но не попала.

— Сопрут, — покаянно подтвердил Колька. — На вашем месте я бы вообще не привозил сразу оргтехнику, ну да ладно. Я сказал ребятам, что в том контейнере всякие соки-воды, наши такого не пьют.

— Не свисти, — отмахнулся Юрка. — Я к дайверам тысячу раз ездил, и никогда ничего не крали. А ты уверен, что просветка ее покажет? Там же могло все занести песком, и даже скорее всего.

— Но сама же капсула полая! Если она разгерметизировалась, то все, кранты. Но не должна была. Знаешь, Юрка, о чем я думаю? — в Колькином голосе прорезались мечтательные, ностальгические нотки. — Если б ее нашли еще тогда, как имелось в виду, мы теперь жили бы совсем по-другому...

— А ты не купил бы коттедж на Острове.

— Это точно. Давай выпьем.

Ливанову налить не предложили, они, кажется, забыли о нем на своей общей, тихой и душевной кладоискательской волне. Удивительно вообще, как это двое немолодых, потрепанных жизнью мужиков безоговорочно поверили в легенду, основанную, насколько он понял, на газетной утке черт-то какого, еще до глобального потепления, года выпуска. Ну допустим, Колька, он дайвер, и этим, по идее, все сказано (Ливанов не до конца разобрался пока, что именно); но ведь Рибер всегда производил впечатление человека адекватного, хваткого и прагматичного. Кризис середины жизни принимает порой причудливые формы. Хотя по сути у всех он соткан по мелочам из незначительных и крупных неудач, нелюбимой работы, усталости и отсутствия счастья, и накрывает обвалом и врасплох, причем независимо от страны.

Думать дальше в том же направлении не хотелось. Ливанов наклонился к Юльке, обхватил ее за плечи и жарко прошептал в шею неподалеку от уха:

— Не дуйся. Я больше не буду. Я же знаю, что ты все равно мне не дашь.

Она вывернулась, обернулась. Глаза у нее были черные, с точечками морского свечения, а ответа она вовремя не придумала, только беззвучно шевельнула губами.

— Ты смешная, — сказал Ливанов. — За это я тебя и люблю.

* * *

Утро было неподвижное, светло-сизое, мутноватое и словно слегка искаженное толстой линзой — и небо, и культурный шельф. Над водой еще держалась прохлада. Упустить дивное состояние было жалко, но хотелось пол-

ного кайфа, и Юлька вернулась в низкий душный домик, по-быстрому сварила на походной плите кофе, вышла со стаканчиком наружу и села на бочку с краю базы, свесив ноги вниз, поближе к еле слышному плеску. И кайф стал абсолютным, недостижимым, наверное, больше нигде. Остаться определенно стоило — хотя бы ради этого.

Так называемая экспедиция, разумеется, дрыхла без задних ног. По Юлькиным расчетам, основанным на количестве пустых бутылок в контейнере, проснуться ее участники должны были не раньше полудня. Ну допустим, не считая студиков, но толку с них.

Вообще интересно, — размышляла Юлька, наслаждаясь растворением кофейного аромата в утренней дымке, горячего вкуса в мимолетной прохладе, умных мыслей в мечтательном созерцании, — почему они, северные, с таким всепобеждающим наивом уверены в своем праве на нас, на наши сокровища, на всю нашу страну? Разумеется, никакой капсулы нет и быть не может, но представим на мгновение, что она есть, что и вправду лежит на дне, замурованная в одну из многочисленных лестничных ступеней. Чья это лестница, чей затопленный город, чей культурный шельф?! Капсула принадлежит нашей стране, говорил Серега, и был прав, хоть и дурак.

А им пофиг. Они чувствуют себя здесь как дома, хозяевами, начальством! — посмотреть на того же Рибера, о Ливанове промолчим. Если они ее найдут, то и Кольке Иванченко преспокойно дадут под зад, не говоря уже о прочих дайверах, о ней, Юльке, лично и о стране в целом. А между прочим, те, кто капсулу закладывал, планировали слегка по-другому... Хотя никто ничего не закладывал, конечно.

— Чего подскочила так рано?

— Я всегда так встаю, — не вздрогнув и не оборачиваясь, бросила Юлька.

— Это правильно, — одобрил ливановский голос. — Я сам не сплю помногу.

Ливанов со скрежетом сел рядом, и Юлька превентивно отодвинулась. Выдержала паузу и оглянулась через плечо: глаза у него были, как она и ожидала, нахальные и смеющиеся, в красных прожилках, а физиономия ничего, не очень опушшая.

— Кофе, — сказал он, жадно раздувая ноздри. — Свари мне тоже.

— Сам себе сvari.

— Зараза ты. Слушай, Юлька, у нас с тобой вчера что-то было?

Он почти спрятал наглуую ухмылку и смотрел вопросительно, озабоченно даже. И надо было ответить что-нибудь бритвенное и парадоксальное, под корень и наотмашь, чтобы знал и прекратил! — но ничего подобного в голову, разумеется, не пришло, и Юлька разозлилась на себя в разы больше, чем на него. Хотя и на него тоже, не без того.

Ливанов кивнул, как если бы получил исчерпывающий ответ:

— Это хорошо. Представляешь, как обидно, если б что-то было, а я не запомнил ни черта? Нет, у нас с тобой все произойдет на уровне, вот увидишь. Сделай кофе, тебе жалко, что ли?

— Не мечтай, — прорезалась Юлька. Вышло малость расплывчато.

— Сделай, сделай.

Юлька допила кофе и захотела еще. Только поэтому встала, прошла в домик и сварила по стаканчику себе и Ливанову. Когда она вернулась, утреннюю дымку уже размело по воде, поднималось солнце, зажигая по шельфу ослепительные искры, воздух стремительно нагревался, и бочка оказалась ощутимо теплой даже сквозь шорты, чтобы не сказать горячей.

Ливанов жадно схватил стаканчик, спасибо, естественно, не сказал, да и пить не торопился, зато заговорил азартно и увлеченно, причем, что удивительно, уже на другую тему:

— Я тут себе прикидываю, Юлька. Вот мы с тобой вчера придумали насчет подводного туризма на культурном шельфе, — придумал, помнится, сам Ливанов, но спорить с ним она не стала. — Здорово же можно закрутить! Экскурсия по затопленному городу, фото возле памятников, и рядом, для сравнения, старые фотки тех же мест с того же ракурса. Можно целыми альбомами шлепать! Театр так вообще песня, я себе представляю подводную оперу, толстых тетенок в бархате, в аквалангах и с пузырьками... Отдельно экстрим-туры, монстров мы с тобой, думаю, обеспечим, — он подмигнул точь-в-точь как вчера, и Юлька опять позорно покраснела. — Ну?

— Что ну? — не поняла она.

— Скучная ты. Подумай, классная же идея! У нас хотели сообразить что-то подобное на основе бывшей северной столицы, но пока спохватились, там уже все илом затянуло, кроме шпилей, ее ж изначально строили черт-те на чем, на болотах... А у вас — только развернись! Юрка говорит, нету инфраструктуры. Инфраструктура фигня! Подгоним какого-нибудь местного кондишенного магната с баблом...

Он произнес подряд несколько чересчур знакомых, причем именно в такой вот связке, слов, — и Юлька напряглась куда сильнее, чем во время проигранной подчистую эротической пикировки. Утро окончательно потеряло очарование, прохладу и легкость. Надо что-то решать. С фильмом, с Кешкой, с его кондишенным спонсором и с Ливановым в титрах. Надо с ним поговорить, и лучшего момента, чем сейчас, уже, наверное, не будет. А как с ним говорить, как сформулировать и расставить акценты, сбалансировать между просьбой о помощи и предложением сотрудничества? — ведь реально-то нам не нужно ни того, ни другого, только его имя. А также дальнейшее невмешательство и отсутствие; вот и попробуй объяснить ему, творческой личности, блин.

И еще Соловки, подсказал тягостный внутренний голос. Нет, Соловки — это уже слишком. Но ведь он сам предлагал. Хотя он всем, наверное, предлагает, от него не убудет. Короче. Блин.

Последние сутки Юльке ничего не приходилось решать самой, вот она и втянулась, расслабилась, потеряла тонус, вошла во вкус. И как теперь?..

Ливанов между тем развивал перед ней грандиозный план организации туристической империи на культурном шельфе. Разумеется, ему и в голову на приходило, что это не его шельф и не его страна, что у него нет ни морального права, ни реальных возможностей распоряжаться здесь, — им, со-

ловецким гостям, такое никогда не приходит в голову. Самовлюбленный, самозабвенный; да если я сейчас начну о чем-то ему говорить, поняла Юлька, он попросту не услышит ничего, разве ж я могу сказать что-то хоть приблизительно столь же интересное и важное, как то, о чем вещает он сам?

Она, кстати, совсем отвлеклась.

— ...прикинем маршруты. Как ты на это смотришь?

— Чего?

Ливанов поглядел странно. Будто бы предположил на мгновение, что она его не слушала, однако сразу отмел такую версию как несовместимую с объективной реальностью. Повторять, естественно, не стал, но развил мысль достаточно конкретно, чтобы Юлька восстановила пропущенное по контексту:

— Болтаться битый час у лестницы и смотреть, как Николай будет отснимать ступеньки, меня ни разу не вдохновляет. Ну так что, составляешь мне компанию? Обещаю не приставать.

Юлька засмеялась:

— Разве тебе можно верить?

— Мне?! — он артистично изобразил крайнее возмущение: — Да я самый честный писатель и публицист из всех, кого лично знаю! И потом, фиг у нас с тобой что-то выйдет в этих аквалангах.

Она представила себе данный фокус, по телевизионной привычке, картинкой, и выпала, переломившись от хохота. Конструкция базы задрезжала в унисон; как-то слишком, успела подумать Юлька, приняв на свой счет, — но это выползли наружу студенты. Успели увидеть, как хохочущий Ливанов от полноты чувств загребает ее в охапку, и деликатно попрятались назад. И почти тут же, создав полную иллюзию метаморфозы с объединением двух сущностей в одну, из домика выглянул Юрка Рибер. Свежий, трезвый, деятельный, готовый к труду-обороне.

Через два с половиной часа экспедиция в полном составе (Кольку Иванченко расталкивали всем миром, долго и креативно, особенно отличился, разумеется, Ливанов) поплюхалась аквалангами вперед с трамплина на краю базы, взбурлив газом воды культурного шельфа.

...На подплыве к театру Ливанов взял Юльку под локоток, свободной рукой рисуя перед ней широкие перспективы светлого будущего — в стилистике тех памятников, которые стоят на затопленных площадях в любом городе культурного шельфа, а на материковой части нашей страны несколько десятилетий подряд были торжественно сносимы, видимо, за неимением более насущных проблем. Юлька кивнула и свернула следом за ним.

Ливанов плыл по-дилетантски, длинными сильными гребками, куда мощнее, чем нужно, бултыхая ластами. Однако скорость он развивал неслабую, Юлька и сама начала нерентабельно дергаться, стараясь поспеть за ним; главное не выпускать из виду, не позволить повторить вчерашнюю шуточку с монстром из дайверского фольклора. Обиделась Юлька вовсе не на сексуальный ее подтекст, каковой и отследила-то уже потом, задним числом. Но она и вправду перепугалась, и до сих пор передергивало, стоило вспомнить об

этом идиотском страхе, — точь-в-точь как от воспоминаний о некоторых конфузах по работе и по жизни, давних, глупых и выеденного яйца не стоивших, но почему-то все равно годами свежее-острых и стыдных. Со временем, впрочем, сглаживалось, притуплялось. В данном случае, твердо решила Юлька, нам не понадобится много времени. Было бы попросту несправедливо, неравновесно. Ведь им, соловецким, с их неистребимым комплексом превосходства, наверное, вообще никогда не бывает стыдно.

Он обернулся через плечо и, кажется, подмигнул сквозь маску. Юлька поднажала, почти догнала и погребла рядом. Прямая улица уходила в перспективу, из-под песка виднелась кое-где брусчатка, расчерченная бурными и зелеными водорослями между квадратными камнями. Ливанов преувеличенно жестикулировал, похожий не то на глухонемого, не то на представителя очень южной национальности, что он конкретно имеет в виду, понять было абсолютно невозможно, зато смешно. Юлька смеялась и тоже отвечала каскадами жестов. Серьезная часть состава экспедиции была окончательно потеряна из виду.

Нет, вообще он хороший, думала Юлька, крутя ладонью с растопыренными пальцами у виска в ответ на его вертикально расставленные и зубастой пастью смыкающиеся руки. Если вот так, без единого слова, на мигах и жестах, в которые каждый вкладывает собственный смысл, — почему бы и не понять друг друга? Они, северные соседи, до недавнего времени вообще не видели разницы между собой и нами, своей и нашей страной, на голубом глазу считая вторую неотъемлемой частью первой. Если до них и дошло, наконец, что у нас отдельная страна, так только из-за глобального потепления. На нашем фоне особенно здорово получается выглядеть благополучными, стабильными и процветающими, с правильными властью, экономикой, культурой и климатом. Для чего, хочешь — не хочешь, приходится дистанцироваться. В ущерб взаимопониманию; но кто ж станет о нем жалеть, ест вещи куда более важные и прагматичные...

Ливанов заплыл за угол остова дома, построенного когда-то из крупных кусков ракушечника, а потому похожему теперь на естественное образование моря, вроде кораллового рифа. Мелькнул в сквозном проеме черный плавник ласта. Юлька завернула следом — и Ливанова не обнаружила.

Начинается, подумала с раздражением, плавно, через нервный смешок, переходящим в щекотное и скорее веселое предчувствие чего-то хулиганского и непредсказуемого. Отсюда не следует, что она не продумала наперед стратегию и тактику: если сунется со спины, то локтем под дых и сразу опрокинуться назад всеми аквалангами. Если спикирует сверху... ну, сверху у него фиг получится, для этого он слишком чайник в подводном плавании. И вообще, в тот раз у него вышло подкрасться незаметно только потому, что она, Юлька, не ожидала ничего подобного. Может, нарочно прикинуться глухонемой ветошью, наблюдая боковым зрением за ливановскими маневрами?.. то еще зрелище, могу себе представить.

И тут ей пришла в голову лучшая идея. Довольно ухмыльнувшись, Юлька нырнула в оконный проем, высокий, метра два с половиной, начинав-

шийся почти от бывшего пола. Засела в засаду в углу, невидимая с обеих перпендикулярных улиц, и осматрелась по сторонам.

Это был не магазин и не офис, а жилая квартира. Здесь жили люди — еще лет двадцать назад. На широком выщербленном подоконнике лежал перевернутый цветочный горшок, в нем наверняка нашли убежище какие-нибудь маленькие рыбки или рачки. Разлапистые пятна бурых водорослей замещали собой рисунок на бывших обоях. Противоположную стену занимал мебельный гарнитур, чересчур громоздкий, чтобы его могли вывезти отсюда, разбухший, но почти целый, одна створка в завитках облупленного лака еще висела косо на единственной проржавевшей петле. Длинные полки были пусты: наверняка здесь стояли книги, сообразила Юлька. Книги-то хозяин вывез, ему казалось, наверное, что это бог вещь какая ценность...

Ливанов неожиданно тронул ее за плечо, и Юлька, не оборачиваясь, сбросила его руку. Очертила комнату кругообразным жестом: смотри, мол. Понимаешь?..

Если он и поймет, то все равно что-то свое. И никакой возможности сверить.

Она обернулась — и никого похожего на Ливанова не увидела.

Гигантский, словно мебельный гарнитур напротив, бесформенный бурозеленый осьминог (спрут?!) перевесил через подоконник половину толстого пупырчатого брюха и деликатно дотрагивался до нее кончиком тугого изогнутого щупальца.

— *Итак, «Глобальное потепление»: антиутопия? роман-катастрофа? Или роман оставляет людям и странам хоть какую-то надежду? Понятно, что затопило не всё и не всех, но какова перспектива?*

— Веселенький такой постапокалипсис. По сюжету потепление уже лет двадцать как произошло, и описываемые страны — «наша» и «эта» — вполне приспособились к жизни в изменившемся мире. Наша страна вообще не очень-то заметила перемены, т.к. перманентный экономический и политический кризис, торжествующий абсурд и жизненный экстрим у нас присутствовали всегда. Ну, сельское хозяйство перешло на бананы, которые все равно вымерзают под Новый год, зато из Антарктиды завозят ГМ-яблочки, они дешевле. Ну, затопило треть территории, образовался «культурный шельф», где живет мародерством новая социальная, вернее, асоциальная прослойка дайверов. Ну, у олигархов отдельная жизнь на гламурном Острове (бывшем полуострове, понятно), под кондишенным куполом. Однако обычные люди все равно как-то крутятся, работают, выживают и даже получают удовольствие от жизни, как главная героиня, тележурналистка.

А в этой стране вообще все хорошо. Стабильность, процветание и любимая народом власть остались как были, зато теперь там еще и чудесный климат. Экономика переориентировалась на курортную зону вдоль Северного Безледного побережья (особенно крут детский лагерь на Соловках),

эту страну полюбили во всем мире, все едут сюда отдыхать. Правда, очень обидно, когда наша страна ежесезонно с особым цинизмом снижает цены на газ (который, собственно, уже не нужен, однако все равно покупают для самоутверждения). Да и в целом в этой стране нет счастья. И не будет, считает главный герой, писатель, поэт, публицист и моральный авторитет нации.

Что же касается надежды, то она, разумеется, есть всегда. Но, должна предупредить, финал этой веселой истории гораздо более жесткий, чем мне самой хотелось бы и даже казалось всю дорогу.

— *Где планируется к выходу? Будет ли украинский перевод?*

— Книга выходит в московском издательстве «ПрозаиК», там же, где и «Н2О». Украинский перевод, конечно, в планах есть, но поскольку по украинским издателям кризис ударил гораздо жестче, чем по российским, трудно сказать, насколько это ближайшие планы.

— *Предыдущий твой роман, «Н2О», был издан как мейнстримный текст. Надеюсь, это не отречение от фантастики (тем более, что роман-то все равно фантастический)? И, поскольку у нас приобрести эту книгу не так-то просто, — не могла бы ты несколько слов сказать и о ней?*

— Роман, конечно, фантастический, однако это не фэнтези, не космоопера и не фантбоевик, а потому в условиях все более жесткой форматной политики издательств, печатающих фантастику, мне с ним была прямая дорога в мейнстрим (люблю это слово, оно такое романтическое, жюльверновское слегка). Кстати, там, в мейнстриме, фантастики сейчас гораздо больше, чем они признаются.

Правда, «Н2О» стала куда менее фантастической книгой, чем задумывалась, когда описанный там всемирный кризис действительно произошел. Но для меня это прежде всего роман о свободе, личной, социальной, глобальной, силе безусловно деструктивной, ведущей к мировой катастрофе — но при этом необходимом условии существования человека.

А приобрести его можно в интернет-магазинах, довольно многих. «Вживую» действительно труднее.

— *Самый традиционный из традиционных вопросов: каковы твои творческие планы?*

— Пишу роман и не скажу, о чем. Это ведь традиционный ответ?

— *Самые сильные книжные впечатления последнего времени? Оказали эти книги влияние на то, что ты пишешь сейчас?*

— Ну, прямых литературных влияний я все-таки стараюсь избегать (не уверена, что хорошо получается). Из прочитанного в последнее время, наверное, выделю «Почерк Леонардо» Дины Рубиной — кстати, очень яркое доказательство взаимного проникновения мейнстрима и фантастики.

Беседовал М. НАЗАРЕНКО

КРИТИКА,

#

ПУБЛИЦИСТИКА,

#

ФАНТАСТИКОВЕДЕНИЕ

НФ-очерк

1. Павел Амнуэль / И АКТЕР ЩУКИН В РОЛИ ЛЕНИНА... 244

Критика, публицистика, обзоры

2. / РЕЙТИНГ «F-ZONE» 250

Рецензии

3. Марина Соколян / ПРИВИД ЖІНОЧОГО ЩАСТЯ 255
 4. Мария Великанова / ОДИССЕЯ КАПИТАНА РАСКОНЫ 257

Кинопортал

5. Яна Дубинянская / ВОЗМОЖНОСТЬ «ОСТРОВА» 259
 6. Лев Гурский / ТЕЛЕФОН ДЬЯВОЛА – 666-666 263

Новости Фэндома

7. / OPUS MIXTUM 270

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

И АКТЕР ЩУКИН В РОЛИ ЛЕНИНА...

В 1993 году на русском радио РЭКА в Израиле существовала еженедельная программа, которая называлась «В мире реальной фантастики». Передача шла в прямом эфире, продолжалась час, вели мы ее вдвоем с радиокomentатором Алексом Иш-Шаломом. Передача замышлялась сначала вовсе не для разговоров с экстрасенсами и народными целителями. Идея была в другом: рассказать об огромном мире фантастической литературы и о том, как фантастам удается придумывать столько нового.

Приспосабливаться к жизни на новом месте всегда сложно. Без воображения, без фантазии окружающий мир видится в одном лишь черном цвете... Представлялось: вот расскажем мы радиослушателям, как фантазируют фантасты, как находят они неожиданные и нетривиальные идеи, и все новые репатрианты сразу начнут мыслить раскованно, и жизнь в Израиле у них пойдет, как по маслу...

Чтобы проверить уровень фантазии новых репатриантов, мы давали радиослушателям простые задачки на воображение. К примеру: «В 1942 году вожьд всего человечества Сталин придумал новый орден имени Александра Невского. За особые военные заслуги. Естественно, на ордене должен был быть изображен князь собственной персоной. Но во времена Невского не было фотографии, да и художники, видать, повывелись. В общем, портретов Невского не сохранилось. А изобразить его лик на ордене нужно так, чтобы сразу стало ясно, чей это там гордый профиль. Как быть?»

Минут через десять после того, как задача «ушла в эфир», позвонил Михаил В. из Хадеры и дал правильное решение (не буду говорить какое, догадайтесь сами. Кстати, именно это решение и было предложено в 1942 году). Похвалив Михаила, мы решили было перейти к следующей задаче, но победитель не желал покидать эфир.

— А вы знаете, — продолжал он, — что это не был единственный случай? Более того, я обнаружил, что часто все происходило наоборот. Хотите, расскажу?

Судя по всему, Михаил настроен был на долгий разговор, но ведь передача в прямом эфире имеет свою «драматургию», операторы показывали нам, что на линии дожидаются очереди минимум трое, и нам с Алексом пришлось обещать Михаилу связаться с ним «как-нибудь в другой раз».

Но другого раза не представилось. К сожалению. И в том я вижу свою личную вину. Примерно через месяц после передачи мне позвонила Наташа В., дочь Михаила. Оказывается, отец ее скоропостижно скончался — ему не было и семидесяти, но что поделаешь — сердце... В его бумагах Наташа обнаружила папку, на обложке которой было написано: «для 'Мира реаль-

ной фантастики'». Я не стал просить ее пересылать папку на улицу Леонардо да Винчи, где находилась студия, а отправился в Хадеру. Ничего особенного, впрочем, не ожидая.

— Папа в «той жизни» был историком, — рассказала Наташа, — работал в архиве. У него случались неожиданные идеи. И никто его там слушать не хотел. А здесь он вообще этим не занимался. Не успел. Почитайте, если вам интересно.

* * *

Интересно мне стало после третьей страницы. На первых двух Михаил терпеливо объяснял, что к истории нужно относиться не как к чему-то совершенно незыблемому, а как к процессу, который продолжается и сейчас. Утверждение было вполне тривиальным, но истинный его смысл я понял, когда перевернул третью страницу.

В автобусе я прочитал всю папку. Просмотрел рисунки. И потом в течение месяца не мог думать ни о чем другом.

Собственно, я и сейчас вовсе не уверен, что Михаил В. прав. Более того, я скорее уверен в обратном. Но, несмотря на это, не могу отделаться от мысли, что столь красивая идея не может быть неправильной. Если в совершенно реальном мире спокойно сосуществуют экстрасенсы и вампиры, колдуньи и полтергейст, обычная почта и телепатия, то почему бы...

Однако по порядку.

* * *

В юности Михаил В. историей не очень увлекался. Он окончил журфак и работал в районной газете. Писал о героях соцтруда. Бывало, что и сам создавал таких героев из ничего, если в номер нужно было срочно сдать материал с показательным примером. В общем, он не был ни диссидентом, ни даже человеком радикальных взглядов. Однажды его послали в городской архив написать репортаж о славных трудовых подвигах «бумажных червей». Михаил В., будучи типичным представителем «хомо советикус», не задумывался над тем, что городские архивы скрывают информацию куда более захватывающую и порой страшную, чем о том рассказали ему сотрудники. Но архив его заинтересовал, и как-то раз он пришел в знакомый уже читальный зал, чтобы посмотреть, о чем писали местные газеты десять лет назад (на тридцать лет в прошлое его без соответствующего разрешения уже не допустили).

Один материал привлек его внимание. Не только к теме, но к истории как науке. Рассказывалось о том, как местные спекулянты продавали билеты на американский супербоевик «Спартак». И вот что особенно возмутило автора заметки: спекулянты утверждали, что актер как две капли воды похож на самого Спартака. Дурят народ! Кто ж знает, как выглядел Спартак, если никто его портретов не писал?

Даже Михаилу В. при всей его совковости пафос этот был смешон. Но вопрос почему-то застрял в мыслях, хотя и казался, вроде бы, нелепым: а

может, действительно, актер, входя в образ, даже и внешне становится похож на своего героя? Нет, не о гриме речь, а о сущности.

Будь он искусствоведом, такая проблема показалась бы ему банальной и недостойной Станиславского вместе с Немировичем-Данченко. Но Михаил был журналистом и решил провести журналистское расследование.

Он поступил очень просто, и, если читателей «РФ» эта проблема заинтересует, они смогут сделать то же самое, что и Михаил. Естественно, с тем же результатом. Тем более, что прошло лет сорок, материала накопилось вполне достаточно...

Так вот, Михаил В. выписал в публичной библиотеке все номера журналов «Искусство кино» и «Советское кино» и стал изучать физиономии героев исторических лент, сравнивая их с рисунками, портретами, гравюрами и фотографиями (если таковые уже можно было найти) прототипов.

Он составил картотеку, в которую сначала вошли сто тридцать семь весьма известных актеров — наших и зарубежных. И сто тридцать семь прототипов. От Спартака до Иосифа Сталина.

Вывод, к которому он пришел, заставил Михаила засесть за учебники биологии и физики. Там он не обнаружил ровно ничего для него интересного и тогда совершил поступок, которого от преуспевающего журналиста никто не ожидал. Он поступил на первый курс исторического факультета местного университета. Это, кстати, был его последний шанс, потому что в то лето Михаилу исполнилось тридцать четыре года.

Я понимаю, что любой посторонний человек логику рассуждений Михаила В. счел бы антинаучным бредом. Мне она тоже показалась таковой, и я читал «мемуары» с интересом не потому, что поддался логике, но потому, что не мог не поддаться убежденности. Видите ли, я довольно часто встречался с истинными фантастами в науке, в лучшем смысле этого слова, людьми, которые предлагали идеи, считавшиеся безумными, а позже подтверждавшиеся. У этих людей особая система рассуждений. Ей поддаешься независимо от того, веришь ли в ее правильность. Безумие очаровывает. Кстати, я имею в виду истинное безумие первооткрывателей, а не подделку, видимость, желание произвести впечатление, с чем приходится сталкиваться гораздо чаще.

Вот вывод: известные актеры, игравшие роли исторических личностей, в той или иной степени этими личностями являлись. Между актером и прототипом возникала устойчивая биофизическая связь. Более того, если некий актер изначально не был чисто физически подобен прототипу, его ожидала неудача, а фильм обязан был провалиться.

Кстати, тогда же Михаил В. пришел к любопытному выводу, который он, судя по всему, записал в «меморандум» значительно позднее. Я уже говорил, что Михаил не был диссидентом по натуре, а вывод, к которому он не мог не прийти, выглядел антисоветским, вот и пришлось ему носить это знание в себе, не решаясь доверить бумаге, на которую всемогущий КГБ даже и не думал покушаться.

Ни одна из советских картин, посвященных образу Ленина, не могла быть хорошей, не могла стать явлением киноискусства. По той простой причине, что Щукин, Калягин, Смоктуновский и все прочие исполнители роли Ленина принадлежали к иному типу, обладали иным строением черепа, иной фигурой, грим лишь подгонял кое-какие сугубо внешние характеристики. Это было исключение, прекрасно иллюстрировавшее (по мнению Михаила) общее правило: для исполнителя роли вождя революции нужен был соответствующий психофизический тип. «Ленин в Октябре» и «Кремлевские куранты» были бездарны не потому, что сценарий фальсифицировал историю (кстати, о фальсификации истории Михаил в то время думал меньше всего, поскольку полагал, что история в этих фильмах если и подправлена, то очень незначительно), а потому, что актер — исполнитель роли Ленина — не соответствовал нужному типу, не мог войти с прототипом в биофизический контакт и, следовательно, не мог сообщить фильму дух правды. Дух, кстати, совершенно неощутимый, необъяснимый, но прекрасно узнаваемый профессионалами-критиками и непрофессионалами-зрителями.

К началу семидесятых годов в картотеке Михаила были собраны двести тридцать три исторических фильма. Двести одиннадцать из них полностью соответствовали его главной идее. Остальные двадцать два (в основном, что любопытно, ленинской или сталинской тематики) оказались исключениями, полностью подтверждающими правило.

Хочу сказать, что при всем видимом безумии идеи, Михаил поступил строго научно, хотя, возможно, и сам не отдавал себе в том отчета. Что делает настоящий ученый, прежде чем приступить к объяснению чего бы то ни было? Он создает банк данных, проводит систематизацию. Он классифицирует собранный материал и подвергает его статистической обработке. Все это Михаил проделал.

Он окончил исторический факультет университета, когда ему исполнилось сорок лет. Довольно зрелый, мягко говоря, возраст для того, чтобы начать жизнь заново. Михаил устроился на работу в городской архив — в тот самый, куда он пришел впервые, еще не думая о том, как это изменит его жизнь. Теперь он мог вести переписку, мотивируя свои странные вопросы необходимостью научных изысканий. В папке было собрано немало писем, посланных Михаилом известным актерам, естественно, советским. К сожалению, английским языком Михаил так и не овладел. Я перебирал листки, мне казалось, что большая часть ответов была типичными отписками. Любимцы публики воображали, что некий архивариус просто желает обзавестись автографами. Но что любопытно — ответили почти все. В папке были копии писем Смоктуновского, Калягина, Петренко, Ульянова, даже Муслима Магомаева (сыгравшего, оказывается, роль Низами в малоизвестном азербайджанском фильме).

Михаил внимательно проанализировал все ответы, я внимательно изучил его анализ и не нашел методических «ляпов». Вывод, к которому пришел Михаил В. был таким:

«Актёр, играющий роль реального исторического лица, во время творческого процесса вступает во вневременной контакт со своим прототипом. Связь возникает на уровне подсознания, но в ряде случаев при возникновении какого-либо стресса (например, во время съёмок), эта связь может стать и вполне осознанной, на уровне «вопрос-ответ». Необходимое условие: актёр должен быть не середнячком, он должен полностью войти в образ. У актёра «средней руки», даже если он изучил эпоху, даже если он похож на прототипа, как родной сын, даже если он воображает, что полностью овладел ролью, все равно контакта не произойдет. По-видимому, актерский талант не является чем-то эфемерным. Это вполне измеримая особенность человеческого интеллекта, человеческого подсознания, именно она, эта способность перевоплощаться, и отвечает в организме за иную способность — вступить в контакт с реальными личностями, жившими в прошлом».

Эту цитату я выписал из тетради Михаила В.

В тетради было еще своеобразное интервью, сфабрикованное Михаилом по письмам актёров. Он задавал свои вопросы, а в качестве ответов использовал цитаты из писем. Получился обобщенный опрос, очень любопытный, хотя, возможно, не вполне убедительный. Нужно учесть, что, формулируя ответы, Михаил подтасовывал несколько писем, часто очень разных по характеру.

«Вопрос. Когда на съемочной площадке Вы входите в кадр как историческая личность, ощущаете ли Вы исключительно влияние выученного текста, режиссерских указаний или есть что-то еще, чем Вы обычно не делитесь с окружающими?»

Ответ (компиляция из шести писем). Очень часто возникает ощущение, что я не управляю своими поступками. Нет, конечно, я произношу нужный текст, но при этом знаю, что Петр Первый сказал бы это иначе. Или не сказал бы вовсе. И мысленно делаю то, что считаю нужным. То есть, не я, а адмирал Ушаков. Говорю одно, хожу, как положено, а поступаю иначе, я не очень ясно выражаюсь, но думаю, Вы меня понимаете. Будто кто-то внутри думает и подсказывает, а я сопротивляюсь. А иногда не хочется сопротивляться. Тогда я делаю то, что должен, и мой внутренний голос говорит, что я прав. Нет, это не внутренний голос, потому что я просто не могу думать обычно теми словами, видеть те образы, что вижу, когда стою в кадре. Однажды я таки сцепилась с режиссером, ну, Господи, Софья Ковалевская была стервой, что он из нее селедку сделал? Бездарный сценарий, а я что же? Я им хотела прямо на площадке доказать теорему одну, ну, я не знаю, что за теорема, я все позабыла, когда этот идиот кричать начал, но до этого — точно, могла бы и доказать. Что откуда бралось? И фортификацию ревеллина я могу по памяти хоть сейчас нарисовать, да с историками спорить неохота. Кто я — актёр, пусть даже известный...

Вопрос. Можете ли вспомнить что-то конкретное, связанное с личностью Вашего героя, такое, что пришло в голову неожиданно, было бы будто подсказано Вашим героем?

Ответ. Сколько угодно. В роли Ломоносова, помню, во время репетиции подумал, что ерунда все это, что минерал внутри устроен совсем не так, как этот Штейнзальц показывал намедни, под рукой оказалась бумага, и я нарисовал схему, так эпизод пришлось отыграть заново, потому что я нарушил режиссерский сценарий... И пришло мне вдруг в голову, что у Свислочи, на правом берегу, мы этих тевтонов человек сто положили, точно увидел — где и как было, холм этот... Потом забыл. А через год был в отпуске в Белоруссии, попал на тот берег... Будто толкнуло — вспомнил. Все один к одному! И холм тот, и лощина... Я и сейчас убежден: если копать, то непременно найдем там остатки доспехов, а может, и кости сохранились»...

В тетради Михаила В. я насчитал семьдесят три эпизода, аналогичных описанным. Ситуация «подсказок из прошлого», вполне проверяемых подсказок, кстати. Идей, которые просто не могли прийти в голову актеру Н. или актрисе К., но вполне могли принадлежать Ломоносову или Софье Ковалевской.

Могли бы. Но принадлежали ли?

Опубликовать все записи Михаила В., к сожалению, невозможно. Во-первых, нет у меня такого права, в примечаниях автор записок прямо пишет: без разрешения не публиковать. Во-вторых, все написанное прежде всего нуждается в тщательной перепроверке. Потому что идея Михаила В. слишком уж крамольна с точки зрения современной физики, чтобы принять ее на веру.

И еще одно обстоятельство, о котором Михаил В. не упоминает. Потому ли, что эта мысль не приходила ему в голову?

Всем известно, что многие исторические личности совершали время от времени поступки, мягко говоря, не вполне логичные. Историки и биографы бьются над загадками поведения Лапласа, Наполеона, Рузвельта, Льва Толстого... А не нужно ли поступить иначе? Поговорить с теми выдающимися актерами (кстати, почему только кино, чем театр хуже?), которые когда-то играли роли Лапласа, Наполеона... И сопоставить. Если существует какая-то связь времен, контакт личности из прошлого с человеком из настоящего, то влияние может быть обоюдным! И не стал ли причиной ухода Льва Толстого из Ясной Поляны какой-нибудь поступок актера Н., сыгравшего роль Льва Николаевича много десятилетий спустя?

Между прочим, образы многих исторических деятелей еще ждут своего театрального или экранного воплощения. Роли эти еще не сыграны. И не нужно ли уже сейчас очень внимательно подбирать актеров? В сущности, именно они, актеры, не подозревая того, способны изменять историю.

Жаль, что не довелось поговорить с Михаилом В. Может, у него уже были какие-то идеи на этот счет?

От редакции.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей «РФ» один из самых интересных фантастиковедческих проектов последних лет — **рейтинг «F-zone»**.

Несколько лет назад известные критики **Сергей Шикарев** и **Василий Владимировский** предложили коллегам регулярно, раз в квартал, оценивать новинки фантастики, изданные в России — как русскоязычные, так и переводные тексты, как художественные, так и критические. Итоги с комментариями экспертов публиковались в газете «Книжное обозрение». Принцип организации экспертизы в «F-зоне» аналогичен премии «Портал», поэтому мы не могли пройти мимо такого начинания.

РЕЙТИНГ «F-ZONE»

Прежде чем вы, читатели, ознакомитесь с результатами **рейтинга за август-октябрь 2008 года**, мы попросим Сергея Александровича немного рассказать о проекте.

— *Как возникла идея рейтинга?*

К созданию рейтинга подтолкнуло сразу несколько причин. Во-первых, это, конечно, желание сориентировать читателя в «девятом вале» книжных изданий фантастического жанра (в последнее время, впрочем, волею обстоятельств сходящем на нет). Во-вторых, понимание недостатка рецензий как все-таки субъективной системы оценок. Вводные условия привели к мысли о востребованности некоей шкалы оценок, равно независимой как от тиражей произведений и их коммерческого «ореола», так и от литературных вкусов конкретного критика. Было интересно опробовать в литературном пространстве метод экспертных оценок, уже доказавший свою эффективность в многих областях человеческой деятельности.

Экспертами стали люди, чья деятельность связана с фантастикой: критики, книготорговцы, деятели фэндома с совершенно разными художественными предпочтениями и взглядами на литературный процесс.

Искренне благодарен всем критикам, профессионалам и любителям фантастики, согласившимся принять участие в этом проекте и уделяющим ему свое время.

— *Какие задачи Вы ставите? Какие лакуны в литературном («читательском») процессе призван заполнить рейтинг?*

Основная задача рейтинга — дать любителю фантастики дополнительный инструмент выбора фантастических книг, достойных прочтения. При этом важно не навязать ему мнение критика (не секрет, что и негативный отзыв конкретного критика для кого-то послужит лучшей рекомендацией к прочтению), а создать систему координат, в которой каждый мог бы найти книгу по своему вкусу.

В настоящий момент развиваются системы рекомендательных сервисов — компьютеризированный аналог дружеских советов к прочтению тех или иных книг. К сожалению, и дружеские рекомендации, и уже су-

ществующие подобные сервисы нивелируют художественный уровень книг, «не замечают» оригинальных, новаторских произведений, ища правду на стороне больших тиражей. Вот эту лагуну и хотелось бы заполнить на благо читателю фантастики, и прежде всего — читателю профессиональному.

— *Какие перспективы и планы «F-зоны»?*

В планах спокойная рутинная работа над регулярными выпусками рейтинга, как в печатном виде, так и в сети Интернет. В перспективах — расширение круга экспертов и реализация возможности параллельного читательского голосования.

Победители	Баллы	
Золотая полка	78	Лайон Спрэг де Камп "Лавкрафт: биография" (Амфора)
Серебряная полка	52	Антология "Лучшее за год XXIV: Научная фантастика, космический боевик, киберпанк" (Азбука)
Бронзовая полка	47	Антология "Свой-чужой" (Эксмо) новое издание
		Майкл Чабон "Союз еврейских полисменов" (Амфора)
Итоговый список		
4 место	42	Дяченко М. и С. "У зла нет власти" (Эксмо) новый сборник
5 место	41	Пелевин В. "П5" (Эксмо)
6 место	40	Толкин Д "Дети Хурина" (АСТ)
7 место	38	Ант. "Порох в пороховницах" (АСТ)
8 место	36	Кудрявцев Л. "Виртономикс" (Лениздат)
9 место	35	Ант "Возвращение Ктулху" (Азбука)
10 место	34	Ант "Ужасы" (Фантастика)
11 место	33	Сб. "Наше дело правое" (Эксмо)
12 место	32	Тырин М. "Контрабандист" (Эксмо)
13 место	31	Хьюарт Б. "Мост птиц" (АСТ)
14 место	26	Новак И., Ночкин В. "Русский космос" (Эксмо)
15 место	25	Лессинг Д. "Шикаста" (Амфора)
16 место	22	Акунин Б. "Квест"
17-18 место	21	Янковский Д. "Воины Ветра" (Эксмо)
17-18 место	21	Пехов А. "Искра и свет" (Армада)
19-20 место	20	Лессинг Д. "Браки между Зонами Три, Четыре и Пять" (Амфора)
19-20 место	20	Геммел Д. "Вечный ястреб" (АСТ)

Остальные	
Крапивин В. "Бриг "Артемиды" (Эксмо)	19
Злотников Р. "Прекрасный новый мир" (Армада)	19
Лессинг Д. "Сириус экспериментирует" (Амфора)	18
Золотко А. "Пехота Апокалипсиса" (Армада)	18
Уильямс Л. "Расследование ведет в ад" (АСТ)	18
Зыков В. "Конклав Бессмертных. Проба сил" (Армада)	17
Ант. "Оборотни" (Азбука)	17
Головачев В. "Последний джинн" (Эксмо)	17
Калугин А. "Форс-мажор" (Эксмо)	17
Мур К. "Вампиры. A Love Story" (Фантом-Пресс)	16
Лессинг Д. "Маара и Данн" (Амфора)	15
Рудазов А. "Демоны в Ватикане" (Армада)	14
Эльтеррус И. "Мы - будем! Выбор" (Армада)	14
Харрисон М. Д. "Вирикониум" (АСТ)	14
Ли Ш., Миллер С. "Завтрашняя запись" (АСТ)	13
Зан Т. "Зеленые и серые" (Эксмо)	13
Сб. "Чистое небо" (Эксмо)	12
Федорова Л. "Путешествие на север" (АСТ)	12
Вольнов С. "Рабы свободы" (АСТ)	11
Орловский Г. Ю. "Ричард Длинные Руки - лорд-протектор" (Эксмо)	11
Семенова М., Разумовский Ф. "Ошибка "2012". Игра нипочем"	11

(Азбука)	
Роллинс Д. "Бездна" (Эксмо)	11
Лессинг Д. "Повесть о генерале Данне, дочери Маары, Гриоте и снежном псе" (Амфора)	10
Некрасова Н., Кинн Е. "Самое Тихое Время Города" (Армада)	10
Недуруб С. "Песочные Часы" (Эксмо)	10
Петтерсон В. "Аромат теней" (АСТ)	9
Маккефри Э. и Т. "Драконье пламя" (Эксмо)	9
Щербань Н. "Быть ведьмой" (Армада)	9
Расселл М. Д. "Дети Бога" (Эксмо)	9
Гурова А. "Мельница желаний" (АСТ)	7
Малицкий С. "Оправа для бездны" (Армада)	7
Степанов Н. "Азоринд" (Армада)	7
Симонова М. "Жертвоприношение" (Эксмо)	7
О'Санчес "Ремесло Государя" (Лениздат)	7
Гаглов Э. "Во славу Блистательного Дома" (Лениздат)	6
Бриггз П. "Удар Ворона" (АСТ)	6
Живой А. "Великий царь" (Лениздат)	6
Дуглас Й. "Боевой космос" (АСТ)	6
Иванович Ю. "Уникумы Вселенной" (Эксмо)	6
Скальци Д. ""Последняя колония" (Эксмо)	6
Бриггз П. "Тень Ворона" (АСТ)	5

Белянин А. и его друзья "Чего хотят демоны" (Армада)	5
Свиридов Т. "Миры непримиримых" (Армада)	5
Выставной В. "Планета на прокатку" (АСТ)	5
О'Санчес "Добудь восход на закате (Суть омстрова)" (Лениздат)	5
Юрин Д. "Проклятие дома Ортанов" (Эксмо)	4
Якубович В. "Санитарный инспектор" (АСТ)	4
Кэри М. "Мой знакомый призрак" (АСТ)	4
Голден К. "О святых и тенях" (Эксмо)	3
Сухов А. "Техномаг" (Эксмо)	3
Барон А. "Эскадра его высочества" (Лениздат)	3
Веста А. "Хазарская охота" (Олма)	3

Список экспертов:

1. Арбитман Роман (Саратов)
2. Березин Владимир (Москва)
3. Владимирский Василий (Санкт-Петербург)
4. Назаренко Михаил (Киев)
5. Некрасов Сергей (Тверь)
6. Ройфе Александр (Москва)
7. Синицын Андрей (Москва)
8. Соболев Сергей (Липецк)
9. Харитонов Евгений (Москва)
10. Шикарев Сергей (Москва)

Составление списка книг:

- Алексей Буслаев

Результаты голосования экспертов опубликованы на сайте интернет-партнера рейтинга www.litres.ru

МАРИНА СОКОЛЯН

ПРИВИД ЖІНОЧОГО ЩАСТЯ

**Яна
Дубинянська**

**Дружини
привидів**
НОРА
ДРУК

Дубинянська Яна. Дружини привидів. — К.: Нора-Друк, 2008. — 240 с. М'яка палітурка. Серія: ПК (Популярні книжки).

На останньому Форумі Видавців Яна Дубинянська презентувала свою нову україномовну книжку, що містить дві повісті: «Дружини привидів» і «Комуна». З «Комуною» постійні читачі «Реальности фантастики» уже мали нагоду ознайомитись (№3, 2007), і повість викликала тоді тривалі та гарячі дискусії. Нагадаймо: так звані «комуни» — спільноти людей, що мають особливі здібності — від уміння писати вірші і аж до левітації та пірокінезу. Таких диваків замикають і обмежують в правах, лише зрідка дозволяючи відвідати Париж — місто, цілком віддане «комуністам»... Ми ж поговоримо докладніше про титольну повість «Дружини привидів», права на екранізацію котрої, до речі, придбані російською студією «Централ партнершип».

Скільки того жіночого щастя, кажуть, — аби був поруч коханий, а більше нічого й не треба. Це, звісно ж, вигадка, спрощення, і героїня повісті береться спростувати цю втішну ілюзію, відшукавши щастя справжнє, живе, на відміну від його «фантому-відбитку». Але чи вдасться їй це, коли Вікторія — одна з тих, кого називають «дружинами привидів»?

Повість розповідає про дивовижний феномен, що став наслідком ядерної катастрофи: опісля аварії на військовій базі, неподалік від неї почали з'являтися «фантоми» рятівників-пожежників. Феномен вивчається, проте громадськості мало що відомо, зокрема тому, що пожежу на, скажімо так, «їхній» військовій базі гасили «наші» солдати елітного спецпідрозділу. Аварія тоді зaledве не спровокувала війну, і, хоча мир вдалося зберегти, доступ «наших» до зони лиха був закритий. За одним винятком. «Їхні» охоче запрошують до «Ф-зони» вдів загиблих героїв. Адже заради контакту зі своїми дружинами передусім і матеріалізуються згадані «фантоми-відбитки» рятувальників.

Героїня повісті, Вікторія Марченко, користується наданою «їхніми» можливістю і вирушає до Ф-зони, аби з'ясувати природу феномену «іва-сиків» (як призвичаїлись кликати привидів «їхні» цинічні ЗМІ) і, коли пощастить, відшукати там і власного чоловіка.

Ф-зона обладнана всім, що потрібно для безжурного життя — тут розкішні готелі, безкоштовні ресторани, вільний доступ до всіляких послуг та розваг. Дарма, що тут досі «фонить» опісля аварії і потрібен серйозний особистий захист, жінки охоче приїждять до спеціально зведеного для них містечка. Дехто з них справді

мріє зустріти — бодай би привид! — коханого, інші ж прагнуть легкого життя, заробітку чи заміжжя закордоном. Досить сказати, що дехто з «вдів» ніколи й не мав чоловіка-військового, радше — добрі зв'язки та відповідну довідку.

«Дурняк» завжди породжує зловживання, і Вікторія, заледве ступивши до міста, наживає собі купу проблем з нелегалами та «підпіллям». Цікаво, що за всіма цими цілком реальними поневіряннями, якось випадає з уваги, що жінка приїхала відшукати не просто диво — але диво найголовніше, адже йдеться про таємницю людського посмертя. Що таке ці «фантоми-відбитки»? Матеріалізована душа загиблого чи просто видимий спогад, радіаційна «фонограма»?

Для жінок, що знайшли в Ф-зоні свою половинку, «івасики» — такі самі живі люди, як і решта. А що не можуть виїхати із зони та відрізняються дещо від себе, колишніх, так то не біда. Кого ж не змінить катастрофа? Головне — так-так! — коханий поряд, такий, як і був, ба навіть кращий. Для інших жінок, тих, що із довідками, фантоми — свого роду злі духи, енергетичні вампіри, які буцімто живляться енергією жінок. Жодна із них, проте, не відмовляється чомусь від товариства «івасиків»... Для вчених, а є «на зоні» й такі, «івасики» — лише голограма, ілюзія, аж ніяк не душа і тим паче, не жива людина. Вікторія найближче підходить до розгадки, однак її завдання складніше, ніж в інших вдів. Такою самою непростою буде і знайдена нею відповідь.

Попри гарне, реалістичне та емоційно переконливе виконання, повість приваблює ще й тим, що досить неоднозначно трактує стосунки жінок та чоловіків-привидів, ставлячи таким чином питання гендерно-міфологічне. Чому виникають «фантоми-відбитки»? Що викликає їх до життя? Вчені-підпільники Ф-зони стверджують, що привиди мають інші пріоритети, ніж звичайні чоловіки. Зокрема, їм не цікава ані політика, ані військова справа; натомість, головним їхнім пріоритетом стає щастя коханої. То що таке «івасики»? Чи не, часом, втілення жіночих мрій?

Нам відомий міф про Адоніса, прекрасного юнака, що загинув на полюванні, та котрого закохана Афродіта відвоювала із царства тіней. Відтоді він частково «там» і частково «тут», до того ж, стараннями жінки, хоч і богині. Чи краще сказати, богині саме тому, що жінки? Наші пращури вірили в нероздільний зв'язок життя та жіночого начала, і саме цей зв'язок і відтворено в міфі про Адоніса. У повісті Дубинянської жінки не лише сприяють матеріалізації своїх коханих «фантомів», але й, несвідомо, змінюють їх на власний смак. Може, це воно і є, шукане жіноче щастя?

Втім, чого варте таке щастя? Жива людина має не лише переваги, але й недоліки; вона змінюється і розвивається, і саме тому вона — реальність, а не чиясь прекрасна вигадка. Радіоактивний розпад в такому разі — гарна метафора розпаду особистості, що з тої чи іншої причини втрачає цілісність.

Власне цілісності прагне Вікторія, і, прочитавши повість, читач дізнається, чи вдасться їй визволити власного Адоніса із царства мертвих. Втім, слід розуміти, що у всього — своя ціна. Та й не цікаво, коли все в житті дається задарма; ми знаємо, до чого це призводить.

МАРИЯ ВЕЛИКАНОВА

ОДИССЕЯ КАПИТАНА РАСКОНЫ

Андрей Уланов. Крысолов. Фантастический роман. — М.: ЭКСМО, 2008. — 416 с. (Серия «Боевая магия»).

Много ли может наворотить человек с ростом и амбициями Наполеона, фантазией Рокэ Альвы и деловой хваткой бульдога, если ему втемяжится в голову, буд-то отдавать три с половиной процента товарооборота страны пиратам — это слишком жирно? История учит нас, что своротить горы такой персонаж вполне способен. Уланов ничему не учит, он просто рассказывает историю славных деяний благородного тана Диго Раскона, который, прослужив некоторое время в канзначействе и получив представление о схемах злоупотреблений, вдруг решил, что ему жизненно необходим фрегат. В морском деле «маленький тан» понимал так же, как среднестатистический читатель фэнтези: знал о существовании стакселей и брамселей, но не смог бы отличить их друг от друга. Поэтому взял в первые помощники опытного морского офицера — и, не колеблясь, отправился в плавание.

Автор может запудривать читателю мозги, изобретая королевство Иторен, кумберляндцев и бешбешей, магию и нелюдь, но мозги упорно не запудриваются: предельно ясно, что речь идёт о завоевании Испанией титула владычицы морей. Этаким капитан Блад наоборот: хорошие испанцы (простите, иторенцы) и плохие англичане (пардон, ликты); хорошие охотники на плохих пиратов. Впрочем, «хорошесть» тут условная. Раскона режет людей ничуть не менее зверски, чем пираты, попутно объясняя особо непонятливым, что благородный «путь воина» здесь ни при чём: война идёт. Маленький тан преследует исключительно интересы королевства — и, разумеется, к патриотизму совершенно не примешивается жажда мести за гибель его семьи от рук пиратов.

В начале повествования Диго Раскона чётко осознаёт, что на море он — слепой котёнок, и потому доверяется первому помощнику, однако с завидным рвением изучает морское дело, мечтая стать настоящим хозяином на фрегате «Мститель». Превращение сухопутной крысы в настоящего капитана описано прекрасно, Уланов сочетает традиционную достоверность в описании морских сражений с достоверностью психологической. На редкость удачно в мир, аналогичный нашему, влетают реалии фэнтези — обычно, увы, авторы не могут похвастаться гармоничным соединением чистого вымысла и правды, прикинувшейся выдумкой. Созданы сочные, запо-

минающиеся образы героев разных планов; коку посвящена пара фраз, но он запоминается. Обычные для этого автора аллюзии и скрытые цитаты органично вмонтированы в текст — даже, казалось бы, совершенно чуждая этому миру песенка Леонидова про маленькую роль, ту, в которой всего четыре слова: «Мы прорвёмся, мой король!». И всё же чего-то не хватает для того, чтобы разговор об этой книге ограничить восхвалениями.

Прежде всего — перед нами вовсе не роман. «Крысолов» — цикл рассказов, точнее, повесть и четыре рассказа, обрамленные прологом и эпилогом. Повесть занимает половину текста, остальные части небольшие. Они вполне смотрелись бы как единое целое, если бы между повестью и первым рассказом не зияла пробоина величиной с две капитанские каюты. В пробоине — годы, за время которых Диего Раскона из обычного, не очень опытного капитана стал мудрым морским волком, просоленным до полной невозможности утонуть. Странно сначала наблюдать за тем, как фрегат «Мститель» выбирает себе противника послабее, а через несколько страниц видеть, как он выплывает из-за острова, словно огромный рояль, спасти другой корабль от превосходящих сил противника. Разумеется, опыт — великое дело, но в тексте это звучит фальшивой нотой, ведь не показано, как опыт был получен. В результате повествование разваливается на две части: первая — отличный роман становления, вторая — сказания о славных подвигах морского волка со стажем. Кроме того, увязывая разные тексты в один, автор не озаботился обыграть в «романе» название: слово «крысолов» встречается только на обложке. Язык в целом хорош — плохим языком не написать яркие образы и захватывающие приключения — но достаточно опытный Уланов почему-то не захотел избавиться от пары «диалогов для читателя», где герои увлечённо рассказывают друг другу прекрасно известную им обоим информацию.

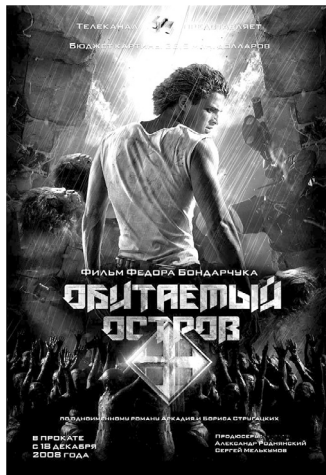
Отдельно надо сказать про замечательного корректора, поработавшего над книгой. В словосочетании «старина Фишер» нет ничего плохого — до тех пор, пока не понимаешь, что на его месте должно было быть «старшина Фишер». Представляете, насколько в разных ситуациях употребляются эти обращения, правда? Таких смешных моментов в тексте непростительно много.

Тем не менее, все эти недочёты — ложка, ну хорошо, котелок дёгтя в бочке отборного мёда. «Крысолов» — замечательная книжка про морские приключения, так что если в вашем книжном шкафу стоят «Одиссея капитана Блада», «Красный корсар», рассказы Конан Дойла про капитана Шарки и множество других подобных историй, озаботьтесь местом и для этого произведения.

ЯНА ДУБИНЯНСКАЯ

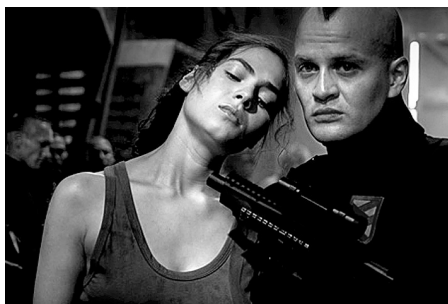
ВОЗМОЖНОСТЬ «ОСТРОВА»

Странноватое занятие — писать рецензию на фильм, который абсолютное большинство уже видело, а к выходу журнала уж точно посмотрят все. А кто не смотрел и не собирается — тот гордится этим как выражением своей эстетической и гражданской позиции. На фильм, который давно обсудили на всех интернет-кухнях, разобрали по кадрам, похвалили и обстебали в нем всё, что могли, восхитились и ужаснулись всеми его создателями поименно, навели прицельную оптику на каждую дверную петлю, цепко отловили каждую киноцитату либо аллюзию и раскопали все смысловые слои до, а то и гораздо глубже стругацкого периода. Не скажу за весь цивилизованный мир, но в среде любителей фантастики «Обитаемый остров» буквально забил собой информационное и коммуникативное пространство, не оставив шансов ни газу, ни кризису, но говоря уже о каких-нибудь «Стилягах».

В этом потоке мое скромное мнение, никак не первое из высказанных (как восторженная рецензия Дмитрий Быкова в «Огоньке»), никак не решающее (как одобрительный отзыв Бориса Стругацкого), разумеется, ни разу не релевантно. Я видела фильм еще в декабре, на допремьерном показе, за что спасибо Марине и Сергею Дяченко (кто хмыкнул, смело можете дальше не читать), и очень жалко, что эта рецензия не была написана тогда, пока впечатления были свежими, а «круг посвященных» — узким. Я бы развернулась как следует, подробно и со вкусом, но сейчас в этом уже нет особого смысла. Разве что конспективно.

Ну да, мне понравилось. Понравился Максим (Василий Степанов), красивый парень, и ничего в нем нет чересчур гламурного, и улыбается он правильно, до последнего пытаясь как-то принять неприемлемое. И напрасно, по-моему, продюсер (Александр Роднян-

ский), режиссер (Федор Бондарчук) и сценаристы (Марина и Сергей Дяченко) столько раз говорили о смене мотиваций героя по сравнению с книгой: да ничего кардинального с его мотивациями не случилось — в кино, как и в романе, Максим пытается изменить Саракш потому, что так, в таком вот

мире, жить нельзя. Любовь, пускай ее и чуть больше, чем в книге, вернее, чуть лучше видно, все же остается линией второстепенной, при том, что Рада (Юлия Снегирь) очень хороша.

Потрясающе органичен и убедителен Гай (Петр Федоров), особенно в сцене спора с Максимом на фоне новостей о вышивании крестиком. Безупречно продуман локальный мир Неизвестных Отцов с его специфической эстетикой, Папа (Максим Суханов) вызывает настоящую жуть, Странник (Алексей Серебряков) подчеркнута стерт и сдержан, прекрасен Прокурор (Федор Бондарчук) со всеми его бирюльками и сибаритской ванной. Хуже с подпольщиками: Птица (Анна Михалкова) явно мимо кастинга, да и Вепрь (Гоша Куценко) не очень — но сцена, когда в преддверии сеанса излучения выродки готовят себе палочки или жгуты, чтобы уберечь во время приступа зубы (параллельно с Прокурором, вынимающим из шкатулки ювелирное изделие для той же цели), драматургически очень точна. В этом фильме вообще много точного, абсолютных, математических попаданий, в чем его главное достоинство.

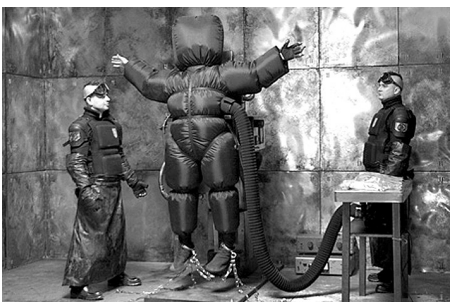
Ну да, понравилось не все. Не понравились смешные и затянутые драки родом из «Матрицы» (успела увидеть в титрах, что эпизод с Крысоловом ставил специальный человек, жаль, не запомнила фамилию). Совершенно непонятно, по-

чему «безжизненную каменистую местность», по которой шла бронетехника, надо было снимать именно в Крыму, а не, к примеру, в каменоломнях на Житомирщине. Явно не предусмотренные сценарием ассоциации вызвал в зале телефонный разговор Умника-Бондарчука с Папой... ладно, стоп. Углубляться в ловлю блох — любимое занятие определенной категории «проницательных зрителей» после просмотра любого резонансного фильма — сейчас уж точно не время.

Сложнее и намного интереснее с его социальным аспектом. Злободневным даже слишком, преувеличенно («Почему они так вас ненавидят?» — спрашивает Максим, а в ответ слышится негромкая реплика из зала: «Потому что им отключили газ»). Одна из самых классных и точных находок фильма — бэкграундовые телевизионные новости — по стилистике именно «Время» и «Вести», а не, скажем, ТСН или CNN. Интеллектуальная публика взбудоражена: как же, все-таки Бондарчук, Общественная палата, кто бы мог подумать — он что, получается, диссидент? Или это украинским сценаристам удалось каким-то образом усыпить бдительность режиссера?

И Марина и Сергей Дяченко, и Федор Бондарчук, и Борис Стругацкий в своих интервью делают один и тот же акцент: проблематика «Обитаемого острова», к сожалению, бессмертна. За сорок лет никуда ни делся ни имперский тоталитаризм, ни попытки, а вернее, вполне успешные технологии манипуляции людьми. Ретрансляционные башни и сейчас работают на всю катушку точно так же, как и в советские времена, когда писался роман. Ничего не изменилось.

Ну, кое-что все же изменилось, это очевидно. Когда-то братья Стругацкие, как мы знаем из «Комментариев к пройденному», были вынуждены по редакторскому требованию придать «Острову» «немецкий акцент», переименовав Максима Ростиславского в Каммерера, Неизвестных Отцов — Папу-Сына-Деверя, в Огненосных Творцов — Герцога-Барона-Канцлера, и даже перевести на дойч кульминационную реплику Странника «Дуррак! Сопляк!»: тогда критиковать тоталитаризм можно было только в четкой привязке к нацистской Германии (в позднем переиздании вернули всё, кроме фамилии Максима, уже использованной и в «Жуке в муравейнике»).

Сейчас можно всё. И в литературе, и в кино запросто размазывают тонким слоем по асфальту любую власть, и никому ничего за это нет. И, боюсь, дело не в торжестве демократии: просто литературы и кино ни украинская, ни российская власть давно уже не боится.

Мы сами виноваты. Мы воспринимаем книги и фильмы на совершенно другом уровне, чем это было во времена «Обитаемого острова» Стругацких, когда литература непосредственно касалась жизни, а потому реально могла повлиять на нее. Ну допустим, сегодня выход новой книги, особенно небольшим тиражом — не событие, не информационный повод, общество даже и не замечает ничего. Но тут, казалось бы: высокобюджетная картина, миллионы кинозрителей, очевидный резонанс... и тем не менее. Кто-то получил эстетическое и человеческое удовольствие, кто-то скептически разобрал по винтикам и обстебал с особым цинизмом, обменялись впечатлениями, поспорили, поломали виртуальные копья — но все это остается для нас абстрактным, не имеющим отношения к нашей реальности. Кино отдельно, общество само по себе. И это грустно.

Потому что башни продолжают излучать.

ЛЕВ ГУРСКИЙ

ТЕЛЕФОН ДЬЯВОЛА – 666-666

Потусторонние силы в кино ведут себя очень подло: вместо того, чтобы найти соперника, равного себе, они сперва нападают на самых юных и беззащитных, ищущая их, а потом заманивают тех, кто постарше, но озабочен разнообразными Проблемами и потому не может всерьез сопротивляться... Хэппи-энд в таких фильмах, конечно, возможен, если юные персонажи способны вести себя по-взрослому или если персонажи, которые постарше, могут вдруг вспомнить свое безгрешное детство. Но всего упомянутого может и не случиться. Шансы пятьдесят на пятьдесят. Как повезет.

«Бойтесь ваших желаний...»

«...они могут осуществиться!» Такова главная мысль фильма режиссера *Кристиана Чарльза* «**Правда и ничего кроме**» (Full Of It, США – Италия – ЮАР, 88 минут. «CP Digital», 2008). Сын добропорядочных и небогатых мистера и миссис Леонард, маленький, курносый и выглядящий гораздо моложе своих шестнадцати Сэм (Райан Пинкстон) приходит в новую школу. В первый же день он с ужасом осознает, что весь ближайший год будет, похоже, суровым испытанием его самолюбия. Тренер школьной баскетбольной команды отказывается взять коротышку, местные парни-акселераты над ним потешаются, школьная красotka Вики Сендерс (Аманда Уэлш) разговаривает с ним через губу и даже единственная,

кто его как будто не обижает – его новая одноклассница Энни (Кейт Марна – «Стрелок»), – относится к новичку со снисходительной иронией. Опечаленный, Сэм заходит в кабинет к школьному консультанту – Парню, Которому Платят За То, Чтобы Он Давал Советы. И жалуется на жизнь. Помятый консультант с выражением необычайной скуки на лице советует: «Хочешь понравиться ученикам – ври! В нашем обществе лжецы всегда побеждают!» И на следующий день герой начинает бестолково и неумело врать. Местным «ботаникам» он врет, что ездит на «порше», тренеру – что он в прежней школе был супербаскетболистом, учителю математики – что его домашнее задание изгрызла собака, местным качкам – что он лично знаком с голливудской звездой Кармен Электрой и что он, несмотря на малый рост, обладает мужским достоинством длиной в 42 сантиметра. Особенно вдохновенно он врет Энни: про маму-художницу, про папу-рок-музыканта, про то, что учительница литературы миссис Моран (Тери Поло – «Знакомство с родителями») в него втюрилась, а красotka Вики строит ему глазки. Понимая, что он нагородил черт те что, мальчик, придя домой, в

сердцах разбивает зеркало, а утром... Вся его вчерашняя ложь стала правдой и переиграть уже ничего нельзя! Используя незамысловатый фантастический прием (слово становится делом), авторы фильма ставят типичного лузера в условия, казалось бы, наибольшего благоприятствования. Теперь он забрасывает мячи в сетку с любого места, у него теперь новенький красный «порше» и ему есть чем помериться с одноклассниками в школьной душевой. Красотка готова отдаться ему прямо в школьном туалете, а задания по литературе можно не выполнять, потому что учительница ставит ему пятерки только за красивые глаза. И так далее. Однако, как нетрудно догадаться, новая реальность, материализовавшись из лихорадочной лжи, оказывается в итоге не такой уж приятной. Сценарист фильма Джон Лукас не без пользы посмотрел несколько лент на сходную тему (от «Ослепленного желанием» до четырех «Исполнителей желаний») и обрушил на юного героя изнанку его же фантазий — не пришлось даже прибегать к помощи джинна. Выяснилось вдруг, что маниакальные приставания красотки и уж тем более страстные домогательства училки — это совсем не здорово, что побеждать все время в баскетболе быстро надоедает, что арт-художества мамы и бурные рок-загибы папы превращают родной дом в сумасшедший дом... и что проклятая собачонка, несмотря на все предосторожности, каждое утро изгрызает его домашние задания... Зритель прекрасно понимает, что в финале все должно вернуться на круги своя — и баскетбол, и родители, учительница, и уважение одноклассницы Энни. Из всех подарков неведомого искусителя мальчику труднее всего расстаться только с двумя. И сценарист, добрая душа, вернув почти все на свои места, все-таки оставляет Сэму и «порше», и это самое. То ли бонус за хорошее поведение, то ли это просто обыкновенное чудо.

Вам звонит дьявол

И еще об исполнившихся желаниях — от режиссера *Джеймса Хута*, поставившего фильм «**Чертков мобильник**» (Hellphone, Франция, 98 минут, «Мьюзик Трейд», 2008). У французского тинейджера Сиды Супира (Жан-Батист Монье — «Хористы») нет в жизни счастья: отец давно покинул семью, да еще ушел к мужчине, мать так и застряла в 60-х, поклоняясь, словно иконе, портрету Че Гевары, денег в доме не хватает даже на парикмахера (отчего юный персонаж ходит вечно растрепанный), а вдобавок ко всему Сиде еще и угораздило влюбиться в красивую новенькую девочку Энджи (Дженнифер Деккер — «Эскадрилья Лафайет»). И как ее пригласить на свидание, если у парня нет даже

мобильного телефона? Темные силы, как известно, цинично используют людское отчаяние. Придя в темную китайскую лавчонку, чтобы купить хоть какой-нибудь мобильник за 30 евро, герой становится обладателем странной красной машинки, считающейся бракованной. Однако в руках у Сиды она включается и начинает исполнять его желания — сперва несформулированные, а потом и озвученные. Теперь-то враги нашего лузера ответят за все, а девушка, надо думать, упадет в его объятия. Однако телефон ревнив и вскоре начинает принимать решения за своего хозяина: за сделку с дьяволом надо платить... Две ассоциации, лежащие на поверхности, — это лента Джона Карпентера «Кристина» (1983), снятая по одноименному роману Стивена Кинга (в ту пору никаких бытовых мобильников не было и в помине, так что дьявол мог вселяться разве что в авто), и поставленный в 1988 году Робертом Инглундом (больше известным как Фредди Крюгер из «Кошмаров на улице Вязов») фильм «Зло-976» (в России выпущенный под названием «Телефон дьявола»). В обоих случаях героя, поддавшегося адскому искушению, в финале спасти не удастся, и бездна поглощает несчастного. Однако фильм Джеймса Хата все-таки заявлен как комедия, пусть и чернушная, а потому жизнь главного героя, его девушки и приятеля Пьера (Бенджамин Юнгерс) вне опасности. Хотя по ходу сюжета зрителю будет явлено немало жутких смертей — и «плохих» одноклассников Сиды, и гадов-учителей, — победа над злом неизбежна. Хотя герой и героиня смотрят во время любовного свидания безнадежный ужастик «Тупик» с Робертом Уайзом, сами они найдут выход. (Адский гаджет, оказывается, можно элементарно заморозить в жидком азоте). Есть у фильма аналогия и в советской литературе — повесть Юрия Томина «Шел по городу волшебник» (экранизация Михаила Юзовского называлась «Тайна железной двери»); там школьник Толик Рыжков получал коробок волшебных спичек и осуществлял свои заветные желания. Правда, романтическая тематика у Томина и Юзовского, разумеется, не присутствовала, да и желания были, в общем, вегетарианские. Ну дворовый хулиган улетал на крышу, ну учительница ставила герою «пятерку» ни за что. В страшном сне не приснились бы Толику те ужасы, которые сотворил телефон с окружающими Сиды людьми, покопавшись в подсознательных желаниях своего хозяина: кому-то поджег волосы, кого-то заставил есть килограммами мел и глотать любимых аквариумных рыбок, кого-то и вовсе истыкал ножами, уморил серной кислотой и поджарил на гриле. Герой фильма «Чертов мобильник», разумеется, догадался в конце, что бесконтрольные желания — это нехорошо, и покаяться, и молодец... А вот трупы куда девать?

Дом, где разбиваются сердца

Еще одна мрачно-мистическая история произошла с тинейджерами из анимационного фильма *Жила Кенана «Дом-монстр»* (Monster House, США, 87 минут, «Видеосервис», 2008). Но прежде, чем расска-

зять о ней, — небольшое отступление. Современные технологии позволяют если не стереть границы между игровым и анимационным кино, то, по крайней мере, сделать эти границы зыбкими и проницаемыми. Скажем, технология ротоскопии позволяет превратить игровое кино в рисованное (кадры компьютерно обрабатываются, и живые персонажи становятся мультипликационными — так было сделано «Помутнение» Ричарда Линклэйтера), а технология «motion capture» (то есть «захват движения») дает возможность, обклеив актера датчиками, затем перенести все эти метки на анимированных героев. Последняя из упомянутых технологий позволила Роберту Земекису снять «Полярный экспресс» — фильм, не ставший культовым лишь по причине вялости сценария (картинка была безупречна).

В фильме «Monster House» Земекис и Спилберг выступили продюсерами и учли предыдущие ошибки, отчего фильм, снятый практически дебютантом Жилем Кенаном, точно вписывается в жанр «детской страшилки» — без скидок на возраст аудитории. Итак, представьте себе: в маленьком уютном городке среди зеленых лужаек с уютными хаусами затесалось серое дощатое страшилище. Хозяин дома, мерзкий старикашка мистер Небберкрякер (его в оригинале озвучивал Стив Бушеми), свято блюдет право частной собственности и отнимает любимые игрушки у всех детей, кто хоть раз ступил на его газон. В один несчастливый день мальчик из соседнего дома, Ди Джей Уотерс (персонаж смахивает на юного актера Антона Ельчина, хотя в оригинале Ди Джея озвучивал Митчел Муссо) случайно ступает на газон, пытаясь выручить мячик своего приятеля по прозвищу Заглотыш. Хозяин дома, как и положено, выскакивает, орет и падает без чувств. Старикашку увозит «скорая», а Ди Джей, Заглотыш и примкнувшая к ним рыжая деловитая девочка Дженни пытаются обезвредить оставший без хозяина дом — поскольку быстро соображают, что особняк — явно хищник, у которого газоны — щупальца, дверь — пасть, а мирный коврик — язык. Понятно, что ни пара придурков-полисменов, ни молодая бэбиситтерша Дженни (ее озвучивала Мэгги Гилленхалл) и ее дружок Мосол подросткам не верят, и они очень скоро пожалеют о своем неверии. Авторы фильма кладут в основу своего ужастика самый распространенный сюжет: существо, обиженное при жизни, после смерти приобретает массу чудовищных возможностей для мщения и начинает изничтожать не столько своих былых мучителей, сколько всех, кто подвернется под руку (лапу, щупальце, полтергейст и пр.). Ситуация усугубляется тем, что действие фильма происходит в канун Хэллоуина, когда детишки запросто могут подойти

к незнакомому дому, позвонить в дверь и попросить конфет — не подозревая, что дом-чудище (чья человеческая ипостась когда-то натерпелась от малолетних хулиганов) немедля покажет все свои жуткие возможности... Во время просмотра фильма быстро забываешь, что персонажи мультипликационные, поскольку все они в кадре присутствуют органично и у каждого героя, даже самого эпизодического, есть своеобразие и характер. В финале, конечно, выяснится, что гадкий Небберкрякер не такая уж сволочь, а начинка дома получит долгожданную свободу и исчезнет в небесах. Правда, от особняка останутся щепки, но это — меньшее из зол: надеемся, хозяин дома успел застраховать свое страшилище и внакладе не останется. Ну или в мотеле поживет.

Бездна смотритя в нас

Коллекцию проклятых домов приумножает режиссер *Александр Ажа*, поставивший фильм «Зеркала» (Mirrors, США — Румыния, 110 минут. «XX век Фокс СНГ», 2008). «Зеркала — это стекло и серебро, внутри них ничего нет», — говорит бывшему нью-йоркскому полицейскому Бену Карсону (Кифер Сазерленд) его сестра Энджи (Эми Сمارт). Дело в том, что Бен, дожидаясь, пока его восстановят на службе (он случайно убил человека), устраивается ночным охранником в погоревший — в буквальном смысле — роскошный супермаркет «Maуflower». Во время первого же дежурства Бен чувствует некую угрозу, исходящую от зеркал, развешанных по всему супермаркету (во время пожара они отчего-то совершенно не пострадали). Бен и рад бы поверить уверениям сестры, что зеркальные фокусы — плод больного воображения с трудом завязавшего алкоголика, однако меньше чем через полчаса после начала фильма Энджи умрет, и в смерти ее будет виновен зеркальный двойник девушки. А еще через некоторое время экс-супруга Бена, Эми (Паола Пэттон — «Дежа вю»), убежденная, будто у отца двух ее детей просто сносит крышу по причине злоупотребления транками, соображает: зеркала и вправду излучают опасность. Но как от нее спастись, если родной сын уже попал под влияние коварных отражений и не прочь открыть дорогу демонам из зазеркалья? Любопытно, что роль погоревшего нью-йоркского супермаркета исполнило недостроенное здание Академии наук в Бухаресте — памятник эпохи Чаушеску, и создатели спецэффектов в картине замечательно обыграли его величественные интерьеры и внушительный (и страшноватый) внешний облик. Француз Александр Ажа, прославившись фильмом

«Высокое напряжение» (в нашем прокате — «Кровавая жатва») о жутком маньяке, снял в Голливуде ремейк давней ленты Уэса Крейвена «У холмов есть глаза». Новый фильм, кстати, тоже ремейк — южнокорейской картины «Зазеркалье». Правда, здесь, в отличие от азиатского ужастика, исполнитель главной роли вольно или невольно влияет на развитие фабулы. Успех сериала «24» превратил известного актера Кифера Сазерленда в настоящую мировую знаменитость, а его персонаж, суперагент Джек Бауэр, стал знаковой фигурой. По сути, Бен Карсон из ленты Ажа — все тот же Бауэр, однако теперь ему противостоят не козни чужих разведок и не террористы всех мастей, а нечто неопознанное, неуловимое, бестелесное, не поддающееся расстрелу из табельного оружия. Большая часть навыков супергента в данной ситуации оказывается не востребованной. Однако даже того немногого от Бауэра, что удастся использовать при разборке с монстрами, в итоге хватает герою для спасения его семьи. Спасется ли он сам? Оставим вопрос открытым. Финал неоднозначен и провокативен, но все же сулит некую надежду — по крайней мере, на ремейк и возвращение Бена Карсона. Примечательно, что Сазерленд уже однажды играл в мистическом фильме, сюжет которого был связан с зазеркальем — имею в виду «Вслед за Алисой» (After Alice) режиссера Пола Маркуса. Актер исполнял там роль копа-экстрасенса, а маньяк, которого он преследовал, носил прозвище Бармаглот (он же Джаббервоки) — то есть зазеркальное чудовище из сказки Льюиса Кэрролла. Правда, тогда персонажу Сазерленда повезло чуть больше — по крайней мере, адские демоны ему на пути не попались. Хотя люди могут быть пострашнее чудищ...

Адский поводырь

Закончим обзор очередных происков темных сил фильмом *Майкла Бифаро «Братство тьмы»* (The Covenant: Brotherhood of Evil, Канада, 90 минут, «Союз-видео», 2008). Молодой удачливый пиарщик Дэвид Гудман (Эдвард Ферлонг), муж очаровательной блондинки Лизы (Чандра Уэст), должен получить повышение по службе, но его обходит коллега Тони (Тобиас Мейлер). И это — еще не главная напасть для Дэвида: тем же вечером какой-то неизвестный тип в капюшоне брызжет ему в лицо из баллончика, в результате наш герой непоправимо слепнет. Жизнь кончена, работы нет, жена не мила. И тут ему звонят от некоего доктора Гильермо Листа (Майкл Мэдсен с косо приклеенны-

ми бородкой и усами) и обещают исцеление. Герой не знает, кто таков доктор Лист, зато зритель видел пролог фильма (где герой Мэдсена, еще без бороды, ходит со свастикой в петлице и творит всякие магические гадости) и подозревает неладное. Псевдодоктор – а на самом деле подручный темных сил – вручает Дэвиду трость с дьявольской головой вместо набалдашника. По ходу сюжета выяснится, что это одна из тростей работы средневекового мастера Данте Беллессарио, одержимого – цитата – «древесными демонами». Зрение возвращается к Дэвиду, но зато он должен теперь за это платить. И прежде-то не слишком щепетильный, герой превращается в полного сукина сына. Изменяет жене с куда менее сексапильной секретаршей, подставляет коллегу, а затем и вовсе скатывается до убийств. А когда спохватывается, то во всем винит трость. «Трость не может заставить тебя совершить зло, если оно не таится внутри», – находчиво возражает гадкий Лист. Но авторы фильма внушают зрителю, что Дэвид, несмотря на два убийства, еще не безнадежен в смысле раскаяния... Малобюджетная канадская лента была задумана как дешевый ремейк знаменитого «Адвоката дьявола», но здесь оказалось неудачно все: и сценарий, полный логических лакун, и грошовые спецэффекты, и кастинг. Мэдсен вяло отыгрывает inferнальность, а Ферлонг, чей герой однажды был примерно так же ищем в фильме 1994 года «Сканирование мозга», тем более не напрягается и играет по инерции. На бывшего Джона Коннора из второго «Терминатора» вообще больно смотреть: из-за наркотической склонности Ферлонга давно уже не берут в крупные проекты, а в мелких, где нужно только его имя, он немилосердно халтурит). История здесь похожа на игру в поддавки. Трость то наделяет его владельца силой, то абсолютно беспомощна; то она сама возвращается к хозяину, на манер неразменного пятака, то ее можно легко выкинуть или сломать. Как и в «Адвокате дьявола», финал возвращает героя в прошлое – до рокового телефонного звонка. И зрителю ясно, что жизнь Дэвида налаживается. Правда, он по-прежнему слеп, но по сравнению с адскими муками это, конечно же, мелочь. И трость у него теперь будет, надо полагать, нормальная – современная белая палочка, а не древняя мерзость, от которой одни только неприятности.

OPUS MIXTUM

Грустные в Великобритании

Скончался Баррингтон Бэйли

14 октября в возрасте 71 года скончался известный британский писатель-фантаст Баррингтон Бэйли. Он родился 9 апреля 1937 года в Бирмингеме, закончил школу в Шропшире, после чего работал в Министерстве обороны Великобритании. Два года служил в Королевских ВВС. С 1954 года активно публиковался, а с 1957 года стал профессиональным писателем. В 1960-х активно печатался в журнале «New Worlds». Первым романом, изданным под собственным именем, стал «Звездный вирус» (1964, публикация в США 1970). Писателю принесли известность романы «Курс на столкновение» (1972), «Падение Хронополиса» (1974), «Душа робота» (1974), «Одежды Кайана» (1976), «Пистолет дзен» (1982). Баррингтон Бэйли трижды становился лауреатом японской премии «Seiun» (в 1984, 1985 и 1990 годах) как автор лучших переводных романов. От также обладатель премии Британской научно-фантастической ассоциации 1997 года за рассказ «Краб должен попытаться».

Известнейший критик Джон Клют так охарактеризовал творчество писателя в «Энциклопедии научной фантастики»: «Возможно из-за того, что стиль Бэйли несколько тяжеловесен и отсутствие оптимистичных концовок противоречит ожиданиям читателей стандартной космической оперы, он еще должен получить заслуженное признание за бескомпромиссный контроль над своими сюжетами, чьи запутанные временные парадоксы и настойчивый метафизический драйв делает их одними из самых внушительных произведений подобного типа».

Вечная память.

В Интернете

31 октября были объявлены лауреаты ежегодной (и, увы, последней) премии **Horror Guild Awards**, присуждаемых Международной Гильдией авторов хоррора. Сайт Гильдии объявил, что в 2008 году лучше всех человечество пугали:

- ✓ Дэн Симмонс — романом «Террор»;
- ✓ Люциус Шепард — повестью «Ласково сказанное»;
- ✓ Лиза Татл — маленькой повестью «Закрытые мечты»;
- ✓ Нэнси Этчемэнди — рассказом «Мёд на рану»;
- ✓ Томас Лиготти — иллюстрированным романом «Фабрика кошмаров»;

- ✓ Люциус Шепард ещё раз — сборником «Ключ-кинжал и другие рассказы»;
- ✓ Эллиен Дэтлоу — как редактор антологии «Инферно»;
- ✓ Тим Лукас — публицистической книгой «Марио Бава: Все цвета тьмы»;
- ✓ Postscript стал самым лучшим издательством страшилок. Титула «Живая легенда» удостоился Питер Страуб. Поздравляем и трепещем.

В Крыму

В Крыму, в Партените 16-19 октября состоялся **Второй крымский открытый фестиваль фантастики «Созвездие Аю-Даг»**. Лауреатами премий фестиваля стали:

- ✓ Премия им. А. Грина «Золотая Цепь» — Антон Первушин за роман «Звезда»;
- ✓ Премия им. Л. Козинец «Фиолетовый Кристалл» — Владимир Васильев за роман «Сокровище «Капудании»»;
- ✓ Премия Общества исследователей русской фантастики (номинация «Критика») — Дмитрий Володихин за монографию «Интеллектуальная фантастика»;
- ✓ Премия Общества исследователей русской фантастики (номинация «Публицистика») — Геннадий Прашкевич за книгу-исследование «Красный сфинкс»;
- ✓ Премия Общества исследователей русской фантастики (номинация «Рецензия») — Глеб Елисеев за рецензию «Заледеневшая сага» на последние романы цикла Дж. Мартина «Песнь льда и огня»;
- ✓ дипломами мастер-класса А. Валентинова награждены Алекс Бор за повесть «Остров свободы» и Ник Средин за рассказ «М.Ю. Лермонтов. 1814-1899»;

✓ дипломами мастер-класса Д. Казакова награждены Марина Дробкова и Юлия Гавриленко за рассказ «Эссенциалист» и Евгений Константинов за рассказ «Плавающий букет кремовых роз»;

✓ дипломы мастер-класса Д. Володихина получили Анна Игнатенко за рецензию на роман Чарльза де Линта «Волчья тень» и Алекс Бор за рецензию на книгу В. Головачёва «Спящий джинн; Кладбище джиннов»;

Бархатный сезон в Крыму — фантастика сам по себе. Редакция желает новому конвенту долгой и плодотворной жизни.

В США

19 октября в Лос-Анджелесе прошла третья церемония награждения **Spike Scream Awards**, которая вручается лучшим фэнтези, хоррор, комикс и научно-фантастическим творениям кино и телевидения за про-

шедший год. Победителя определяют онлайн-голосованием. Луареатами этого года стали:

- ✓ The Ultimate Scream (Высшая награда церемонии) — «Тёмный рыцарь»;
- ✓ фильм в жанре фэнтези — «Хэллбой II: Золотая армия»;
- ✓ фильм ужасов — «Суини Тодд: Демон-цирюльник с Флит-стрит»;
- ✓ научно-фантастический фильм — «Железный человек»;
- ✓ ТВ-сериал — «Декстер»;
- ✓ супергерой — «Бэтмен» («Тёмный рыцарь», Кристиан Бэйл);
- ✓ актёр фильма или ТВ-сериала в жанре фэнтези — Хит Леджер («Тёмный рыцарь»);
- ✓ актриса фильма или ТВ-сериала в жанре фэнтези — Анджелина Джоли («Особо опасен»);
- ✓ актёр фильма или ТВ-сериала ужасов — Джонни Депп («Суини Тодд: Демон-цирюльник с Флит-стрит»);
- ✓ актриса фильма или ТВ-сериала ужасов — Лив Тайлер («Незнакомцы»);
- ✓ актёр научно-фантастического фильма или ТВ-сериала — Роберт Дауни-мл. («Железный человек»);
- ✓ актриса научно-фантастического фильма или ТВ-сериала — Мила Йовович («Обитель зла 3»);
- ✓ злодей — Джокер («Тёмный рыцарь», Хит Леджер);
- ✓ персонаж (Breakout Performance) — Wall•E;
- ✓ второстепенный персонаж (Best Supporting Performance) — Гари Олдман («Тёмный рыцарь»);
- ✓ сцена года (The Holy S@#\$! Scene of the Year) — The Big Rig Flips Over («Тёмный рыцарь»);
- ✓ самое запоминающееся увечье — Укус влагалища с зубами («Зубы»);
- ✓ сценарий — «Тёмный рыцарь» (Кристофер Нолан, Джонатан Нолан, Дэвид С. Гойер);
- ✓ сценарная адаптация комикса — «Баффи, истребительница вампиров» (восьмой сезон);
- ✓ сиквел — «Тёмный рыцарь»;
- ✓ режиссёр — Кристофер Нолан («Тёмный рыцарь»);
- ✓ римейк — «Хэллоуин»;
- ✓ цитата — I believe whatever doesn't kill you makes you stranger («То, что не убивает нас, делает нас страннее»), Джокер («Тёмный рыцарь»);
- ✓ фильм по комиксу — «Тёмный рыцарь»;
- ✓ комикс — «Y: Последний человек»
- ✓ иллюстратор комикса — Габриэл Ба (The Umbrella Academy: Apocalypse Suite);
- ✓ сценарист комикса — Грант Моррисон (Batman, Final Crisis)
- ✓ самая шокирующая сцена комикса — The X-Men Disband After Professor X Is Shot In The Head By Bishop (X-Men).

Особыми призами были отмечены:

- ✓ Сэр Энтони Хопкинс — приз «Легенда» (Legend Award) за его огромный вклад в фильмы в жанрах SCREAM;
- ✓ Уэс Крейвен — приз «Вдохновитель» (Mastermind Award) за его вклад в мир ужаса;
- ✓ Тим Бертон — приз «Бессмертие» (Immortal Award) за уникальную интерпретацию ужаса и фантазии.

Ещё раз в США

На проходившем в Орегоне конвенте OryCon был объявлен лауреат **Endeavour Award** этого года. Премия вручается за особые достижения в жанре научной фантастики или фэнтези автору, живущему на тихоокеанском северо-западе США. В этом году таковые продемонстрировала Бренда Купер книгой «Серебряный корабль и море».

Ещё в Интернете

Суд предварительно одобрил мировое соглашение по иску The Authors Guild, Inc., и другие против Google Inc. Напомним, что сутью дела является разрешение Google.com «сканировать защищенные авторскими правами книги и вставки, развивать электронную базу данных книг, продавать подписки на базу данных книг школам, корпорациям и другим учреждениям, продавать отдельные книги потребителям и размещать рекламу рядом со страницами книг». Мы надеемся, что стороны придут к соглашению, как устраивающему авторов, так и позволяющему миллионам читателей получить онлайн-доступ к их произведениям на взаимовыгодных условиях.

Судебное заседание для принятия окончательного решения по мировому соглашению состоится 11 июня 2009 года.

Матримониальные дела в Японии

Один из жителей Японии, Таити Такасита, хочет жениться. В этом не было бы ничего необычного, если бы не избранница — героиня манги «Меланхолия Харуки Судзумии» Микуру Асахина. Влюблённый японец вознамерился собрать под своей петицией правительству миллион подписей и заставить таким образом законодателей разрешить браки с нарисованными персонажами. «Меня больше не интересует трёхмерный мир. Если бы я мог, то сам бы перебрался в плоский мир. Но, поскольку это невозможно на нынешнем этапе развития технологий, возможно, хотя бы разрешат легальные браки с двумерными персонажами?»

Дело, конечно, молодое, горячее. Но не возникнет ли у влюблённого новая проблема: как узнать, согласна ли его избранница выйти за него

замуж? К тому же, возраст прелестной школьницы в манге ни разу не упоминается, что тоже может послужить источником неприятностей. Согласятся ли на брак родители? А что будет, если ещё кто-то захочет жениться на Микуру?

Вопросы, вопросы...

Снова в США

Компания Objet представила принтер Alaris30, печатающий трёхмерные объекты. Принтер слой за слоем создаёт трёхмерный объект, используя для этого специальный фотополимер. Разрешение «печати» — 600x600x900 dpi, толщина слоя — 0.0004 мм при допустимых размерах объекта до 300x250x150 мм. Alaris30 в состоянии напечатать даже предметы с движущимися частями, лишь бы макет был полностью проработан.

Сам принтер имеет размеры 87x86x104 см, весит 83 кг. Особенно интересуются принтером Objet Alaris крупные компании, занимающиеся инженерными разработками, дизайном и прочими вещами, требующими визуализации.

И опять в США

Учёные Медицинского колледжа Джорджии научились стирать отдельные воспоминания у мышей при помощи белка альфа-Сам киназа II (CaMKII). Нейробиолог из Джорджии Джо Чен создал генетически модифицированных мышей, в организме которых он может активировать или подавлять чувствительность к CaMKII. В результате дальнейших исследований он выяснил, что грызуны способны избавляться от долгосрочных воспоминаний при избытке CaMKII в мозгу. Эксперимент проходил следующим образом: мышей помещали в помещение, где раздавались некие звуки. С каждым новым звуком животные получали слабые болевые воздействия. Вскоре мыши запомнили, что это место для них неприятно, а за звуками следует боль. Через месяц ученые помещали грызунов в другое помещение, давали им белок и включали те же звуки. Но животные никак на них не реагировали, хотя, будучи помещёнными в первое помещение, демонстрировали все признаки страха. Чен пришел к выводу, что с помощью CaMKII он удалил отдельные воспоминания о звуках, оставив другие долгосрочные воспоминания в неприкосновенности.

Возможно, дальнейшие исследования помогут создать методики, удаляющие отдельные воспоминания. Если это так, то многим людям, пережившим травматические ситуации, удастся помочь, избавив их от кошмаров прошлого.

В издательствах

В «АСТ» опубликованы «Время тьмы. Источник скверны» Евгения Клёца, «Яд для живых» Николая Андреева, «Уникумы Вселенной» Юрия Ивановича, «Вторжение Химеры» Дмитрия Казакова, «Начало всех Начал» Юрия Никитина, «Принцесса и чудовище» Романа Афанасьева, а ещё «Война без правил» и «Космическая станция «Василиск»» Дэвида Вебера. Проект S.T.A.L.K.E.R. продолжили «Тринадцатый сектор» Вячеслава Шалыгина и «Свинцовый закат» Романа Глушкова.

«**Армада**» выпустила книги «Формула выживания» Антона Медведева, «Плацдарм» Игоря Недозора, «Прекрасный новый мир» Романа Злотникова, «Знамя химеры» Алексея Александрова, «Русалки — оборотни» Антонины Клименковой, «Изменённое пророчество» и «Возвращение в Аланар» Татьяны Форш, «Быть ведьмой» Натальи Щербы, «Эльф ведьме не товарищ» Татьяны Андриановой, «Верой и Правдой» Аркадия Степного, «Чародеи на практике» Елизаветы Шумской, «Завещание Змееносца» Вадима Филоненко, «Стезя Чародея» Алексея Глушановского, «Мир Вечного Полдня. Закон военного счастья» и «Мир Вечного Полдня. Экспансия» Николая Басова, «Леннар» Романа Злотникова и Антона Краснова, «История бастарда. Имперский ястреб» Дианы Удовиченко, «Синто. Героев нет» Любови Пушкарёвой, «Спецхранилище. Второе пришествие» Олега Синецина, «Проводник» Николая Степанова, «Четырнадцатое, суббота» Владимира Жарикова, «Паладин. Изгнанник» Олега Шелонина и Виктора Баженова, «Стать Демигоргом» Елены Петровой, «Танцуют все!» Елены Петровой, «Практическая демонология» Елены Малиновской, «Знак Единения» Юлии Морозовой, «Земля Забытых Имён» Игоря Мерцалова и «Пандемониум» Дмитрия Лазарева.

Книжная ярмарка в ДК имени Крупской при поддержке Общества исследователей Российской фантастики объявляет ежегодный конкурс рецензий на книги, написанные в жанре фантастики

«ФАНТКРИТИК — 2009»

Главный приз 10 000 руб.

ДК им. Крупской — это единственная в Санкт-Петербурге постоянно действующая книжная ярмарка, где представлен самый широкий ассортимент художественной литературы, в том числе — книг, написанных в жанре фантастики. В ДК Крупской можно найти как самые последние новинки практически всех издательств, так и букинистические издания, давно уже ставшие библиографической редкостью. На Книжной ярмарке представлены и все СМИ, в чью область интересов входит фантастика:

журналы «Мир фантастики» (Москва), «Если» (Москва), «Полдень, XXI век» и «FANтастика» (СПб).

Являясь крупным книготорговым центром, Ярмарка считает своим долгом создавать условия для формирования и поддержания единого книжного пространства, в том числе и в области фантастической литературы. Именно поэтому уже пятый год Ярмарка проводит конкурс рецензий на книги, написанные в жанре фантастики.

Улучшение качества критики и рецензирования в сфере фантастической литературы является также одной из важнейших задач созданного два года назад Общества исследователей Российской фантастики (ОИРФ). Вот почему в нынешнем году ОИРФ решило поддержать «Фанткритик», приняв участие в организации конкурса и учредив Специальный приз.

Информационную поддержку конкурсу оказывают также:

- ✓ газета «Книжное обозрение»;
- ✓ сетевой журнал «Питерbook» и сайт ДК им. Крупской www.krupaspb.ru;
- ✓ авторский сайт Сергея Бережного «Взгляд из дюзы» <http://barros.rusf.ru/>;
- ✓ «Excalibur» (<http://excalibur1.narod.ru>)
- ✓ «Русская фантастика» (<http://www.rusf.ru/>)
- ✓ журнал «FANтастика» (<http://www.ffan.ru/>)

Сроки проведения конкурса:

Конкурс стартует 16 февраля, итоги подводятся в последний день работы «Интерпресскона», 3 мая 2009 года

Срок окончания подачи материалов на конкурс 16 апреля 24:00.

Условия проведения конкурса:

- ✓ к участию в конкурсе допускаются только **рецензии, не публиковавшиеся ранее** (на печатных и электронных носителях);
- ✓ рецензии принимаются на книги, вышедшие в течение 2008-2009 гг.;
- ✓ объем рецензий от 3 до 8 тысяч знаков с пробелами;
- ✓ рецензии высылаются в электронном виде по адресу: piterbookplus@yandex.ru, в теме письма нужно указать «Конкурс рецензий Фанткритик»;
- ✓ рецензии необходимо в виде вложенных файлов формата *.doc *.rtf, с указанием выходных данных рецензируемой книги;
- ✓ в сопроводительном письме необходимо указать контактные данные автора (ФИО, телефон, реальный e-mail);
- ✓ **если работа подается под псевдонимом, обязательным условием (при получении рецензией призового места) является раскрытие псевдонима;**
- ✓ от одного участника принимается не более 3 рецензий;
- ✓ все рецензии, прошедшие первый отборочный тур конкурса, будут размещены на страницах сетевого журнала «Питер book»: <http://www.krupaspb.ru/piterbook/fanclub.html>;
- ✓ из рецензий, прошедших первый тур, оргкомитет отбирает работы для короткого списка;

- ✓ рецензии на сайте вывешиваются анонимно, под номерами; жюри получает рецензии, вошедшие в короткий список, также под номерами;
- ✓ жюри оценивает рецензии по 12-балльной системе, для определения победителя баллы суммируются; если какие-то рецензии получают одинаковое количество баллов, решение принимает Председатель жюри
- ✓ в конкурсе не могут принимать участие члены жюри и их родственники;
- ✓ денежное выражение премии: 1 место — 10 000 руб., 2 место — 6 000 руб., 3 место — 3 000 руб.;

✓ в рамках конкурса также присуждается **специальный приз ОИРФ**

Состав жюри:

- ✓ Председатель — Андрей Балабуха, писатель-фантаст, критик;
- ✓ Роман Арбитман — писатель, критик
- ✓ Василий Владимирский — критик, редактор, журналист, креативный директор журнала «FANтастика»;
- ✓ Вадим Зартайский — главный редактор журнала «Питер book»;
- ✓ Николай Калиниченко — критик, писатель, ведущий рубрики журнала «FANтастика».

Состав жюри может уточняться.

Организационный комитет:

- ✓ Председатель — Василий Владимирский
- ✓ Секретарь — Юлия Зартайская, руководитель информационно-справочной службы ДК им. Крупской, заместитель главного редактора сетевого журнала «Питерbook»;
- ✓ Вадим Зартайский;
- ✓ Александр Ройфе — журналист, критик, председатель ОИРФ в 2009 году

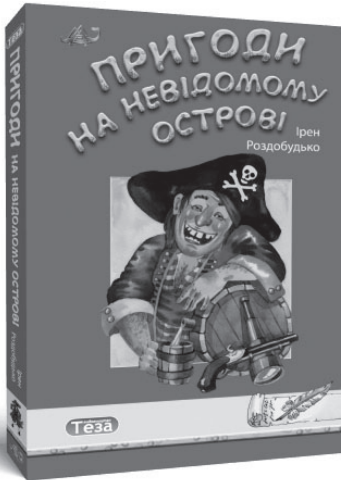
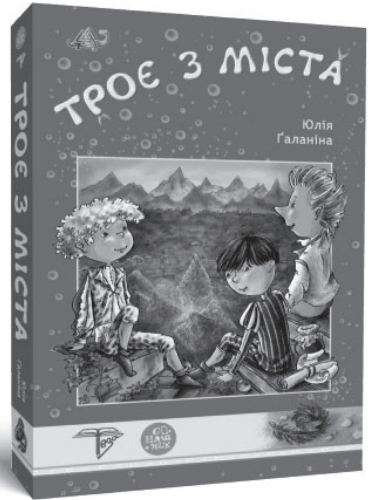
Справки можно получить по тел. (812) 567-45-18,
ДК им. Крупской, или по e-mail

ФАНТАСТИЧНО ЦІКАВІ КНИЖКИ!

лауреати конкурсу “Дитячий портал”

знижка для членів «hi-Tech клубу» на сайті видавництва

Юлія Галаніна
Троє з міста

Ірен Роздобудько
Пригоди
на невідомому
острові

Збережи час — купи на www.teza.in.ua та отримай поштою.

Купуйте в київських книгарнях «Знання», «Сяйво», «Книгарня “Е”».

Купуйте на ринку «Петрівка»: 40-й ряд 1-ше місце, 54-й ряд 9-10-те місця.

Купуйте в мережах «КС — Книжковий Супермаркет», «Літера».

Главный редактор: Ираклий Вахтангшвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Эллен Дэтлоу (г. Нью-Йорк, США)
Атанас Славов (г. София, Болгария)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)

Консультанты редакционного совета: Марина и Сергей Дяченко

**Журнал «Реальность фантастики»
№10–11 (62–63), 2008.**

Тираж: 5 400. Цена договорная
Рег. свидетельство: КВ №7600 от 22.07.2003.

Подписной индекс

в каталоге «Укрпочта»: 08219
<http://www.rf.com.ua>, e-mail: info@rf.com.ua

Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель.

Перепечатка материалов
только с разрешения редакции.

© «Реальность фантастики», 2008.

Издатели: Элина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Издатель: ООО СофтПресс
Киев, ул. Героев Севастополя, 10

Редакционный директор: Владимир Табаков

Шеф-редактор: Татьяна Кохановская

Редакция: Киев, ул. Героев Севастополя, 10
тел. (044) 585-8282

Для писем: 03126, Киев-126, а/я 570/8

Редактор отдела иностранной литературы:
Борис Сидюк

Редактор отдела новостей:
Мария Комиссаренко

Редактор отдела рукописей:

Сергей Пальцун

Логотип, дизайн: ©Николай Литвиненко,
2003, J.K.® Design Studio, <http://www.jk.ua>.

Художественный редактор:

Федор Сергеев

Корректор: Аллан Кармин

Верстка: Дмитрий Василенко

Руководитель отдела маркетинга:

Ирина Савиченко

Руководитель отдела рекламы:

Нина Вертебная

Сбыт: Елена Семенова

Представители Издательского дома:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 345-06-25, 345-06-26,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич, тел.: (0322) 95-41-82,
e-mail: mandych@hi-tech.ua

Харьков: Вячеслав Белов (viacheslavb@ua.fm)

Печать: ООО «Имидж Принт» г. Киев

